

Родная ДАДОГА № 1(43)' 2018

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолякин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва); *Ясенева В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Владимир Крупин. Русский стиль.....	5
Николай Иванов. Небожители.....	121
Николай Дорошенко. О моих райских кушах. Главы из романа «Душа»	162
Михаил Зарубин. «Жизнь не всегда права». Встречи с поэтом Борисом Орловым	241
Сергей Шаргунов. Замолк скворечник	267
Сергей Котьяло. Манна небесная. Этюд	305
Ирэна Сергеева. «Пусть они послужат твоей жизни...». Рассказы.....	313

Рождественский РАССКАЗ

Татьяна Грибанова. В снегах	11

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). «Апокалипсисы революций». Санкт-Петербургские религиозно-философские собрания 1901–1903 гг.: причины, ход и неудача диалога Русской Православной Церкви и русской интеллигенции с современной точки зрения....	14
Протоиерей Константин Савандер. «Мертвые сраму не имут». Рассказ	67
Павел Кренев. Операция «Главный».....	89
Анатолий Зайцев. Фортпост России на востоке. Посольский Спасо-Преображенский монастырь на Байкале	296

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ефимовская. Русская революция как доказательство бытия Божия. О новой книге митрополита Константина (Горянова) «Апокалипсисы революций».....	47
Валерий Ганичев. «...Всё разом тянуть»	263

ЛЕГЕНДА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инок Владимира, Важеезерского чудотворца	61

Русские СУДЬБЫ

Наталья Голубева-Монаткина. О русском языке русских эмигрантов первой половины XX века	76
Валентин Власов. Ленинград	226

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Дмитрий Муза. Русский путь в XX веке: через революции — к Голгофе и Воскресению. <i>К 100-летию Октябрьской революции</i>	106
Сергей Корытин. К сто первой годовщине Февральской революции	118
Александр Проханов. Вихри русской мечты	139
Александр Дугин. Стоять под атакой. Готовить наступление	149
Леонид Ивашов. Особость архетипа русского человека	155

ПОЭЗИЯ

Юрий Перминов	130
Вера Бурдина	134
Геннадий Иванов	173
Валентина Ерофеева-Тверская	211
Протоиерей Геннадий Рязанцев-Седогин	216
Любовь Берзина	281
Роман Круглов	286
Лариса Кудряшова	307

Точка зрения

Николай Стариков. «Демон революции» и реальная история России	145

На рубеже цивилизаций

Геннадий Горячкин. Российская медицинская традиция в Египте (XIX—XX вв.)	176

Славянское братство

Ирина Пенюкова. Балканский дневник (12.10.98–25.12.1999)	187

Вехи

Памятник мужеству на «Площади Мужества». <i>Освящено место установки памятника «Мужеству ленинградцев». Дина Никифорова</i>	220

ПАМЯТОСЛОВ

Николай Рачков. Ленинградцы	233

Вышла книга

У истока эпохи. <i>Диана Кан</i>	260
Посол пишет симфонию... <i>Андрей Ребров</i>	302

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. Тихие зори Унежмы	289

Владимир КРУПИН

РУССКИЙ СТИЛЬ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Веник похож на маленькую худенькую женщину в платье с широким подолом. Говорят же: подолом подметает. Вон какой сверкающий паркет в залах дворцов, в которых проводились балы. Танцевали и подолом глянец наводили.

Думаю так, вернувшись в Никольское и отыскивая веник. А до того был в Северной Африке. Иду по ней — здасьте! Наш, никольский скворец прыгает по ней, пасется на солнышке.

— Ах ты, — говорю, — вот ты где ты. Ты тут не загостился? Ты почему к нам весну не несешь? Ты давай, лети в Россию, тащи туда солнышко, а то там без тебя ничего не зацветет.

— А сам-то ты чего здесь? — спрашивает скворчик. — За мной, что ли, прилетел? Ладно, возвращайся, скажи воробью, чтоб скворечник к моему прилету освободил.

И вот я прилетел. Не сам крыльями махал, а на самолете. И сразу в Никольское. А там, даже стыдно, до чего все запущено. Баня в ледяной сырости, сарай протекает, колодец перемерз. Займусь для начала баней. Еле-еле нашел немного сухих дров. А топор где, их поколоть? Под лавку от меня залез, работать не хочешь? Нет, работает. Такой ловкий, такой ухватистый. А где пила? Куда сбежала? Нашел за поленницей. Ну вот, украсилась золотинками ржавчины. Специально, что ли, в сырости лежала? Ничего, вот это бревнышко перетрем, прочистишься.

А печь-то как простужена, только что не кашляет. Затопил. Дым в трубу не хочет идти, меня хочет удушить. Глаза от него дерет. Ничего, поплакать полезно. Печка про меня думает: «Поплачь, поплачь, сколько я тут без тебя плакала».

Ну, вроде горит. Аж потрескивает. Дым вытянуло. Пар поднимается от плиты.

Теперь колодец. Конечно, шланг перемерз. Да не на конце, а в середине, где соединение шлангов разного диаметра. Кипячу воду в чайнике, лью кипятком в шланг. И внутрь, и сверху поливаю. Еще вскипятит, еще размораживаю. Вот побежала водичка. Накачиваю воды в бак на лавке и в бак на плите. Воздух в бане чувствительно греется.

Теперь пора домом заняться. Где ты веник, лучше сказать: метелка, где ты, вертихвостка? Именно женский у тебя характер. Забился куда-то и смеешься надо мной. Думаешь: «Пусть твоя хозяйка сама надевает русский сарафан, да и метет своим подолом». Нашел! Еще же и совок нужен. А этот совок, прошу прощения, такое нечто. Да, в «совковое» время такой дряни не делали. Были и дешевле, и лучше. А этот штамповка пластмассовая, да уже и с трещинами.

Пришел соседский кот Бусик. Старый, как и я. Налил ему молочка. То ли кот сытый, то ли молоко теперешнее совсем не молоко, не ест. Ну ладно, пойдем Ральфа навестим. Тоже старичок. Выполз из будки, мотает тяжелым хвостом. Я им рассказываю, что видел скворца. «Ты, Бусик, только посмей к скворечнику полезть! Только посмей! — Жмурится, мигает, изображает невинного, будто и не лазил к скворечнику. — Я тебе помогаю!»

На кормушке сидит воробей. Всем им рассказываю:

— Вы знаете, как скворцу долго и трудно лететь. Он же мог и в Африке жить остаться, гнездо свить. Нет, нас любит, к нам летит. А мы как встретим? Один лает, другой за скворчатами охотится. А ему как далеко добираться. Два моря, Украина, Белоруссия, посередине Днепра полетит, нигде не остановится, именно к нам стремится. Скворчиху тут найдет. И ты, воробей, перезимовал в скворечнике, и честь знай, хозяину место освобождай. Ты же у меня из бани паклю таскаешь. Пожалуйста, не жалко. Но со скворцом больше не дерись, правда на его стороне.

Топится баня. В доме чисто. Лампадка горит в красном углу, иконы освещает. Слава Богу, нечисть в дом не заползет. Зеленеет на окне герань. Смирно стоит у порога веник, рядом совок. Топор молодецки воткнулся в пень, готов к новым трудам. Блестит пила, отчищенная работой.

Будем дальше жить. Все вы у меня хорошие, вещи и птицы, и собака, и кот. Просто вы тоскуете без меня, вот, для начала, после разлуки, немного капризничаете. Это я виноват — уезжал. Но пока не получается не уезжать. А как бы хорошо: сидел бы в валенках на крыльце, да кормил бы всех вас.

Как-то наш скворчик? Над какими землями-морями летит? Мир под ним на земле и море или война? И долетит ли?

СУШЕНАЯ МАЛИНА

Ну никак, никак не могу уверить внуков в том, что у меня было очень, очень счастливое детство.

— Милые мои, — говорю я, — не было у нас телевидения, электричества не было, уж какие там айпеды, айфоны, мобильники, кино привозили раз в неделю, сидели в сумерках при керосиновой лампе, и все время были непрерывно заняты: дров напилить-наколоть, воды натаскать, хлев почистить, а дома уборка, готовка пищи. А с весны до осени огород, поле,

сенокос, грибы, ягоды. О, наша милая, чистая река, наши леса и перелески. Все же было: и купание, и рыбалка, и костры, и всякие-всякие игры. И всегда успевали делать уроки, хорошо учиться, каждый вечер были какие-то кружки, изучали трактора, машины, учились разбирать и собирать винтовки и автоматы, стреляли, бегали по полосе препятствий. Всегда были соревнования в спорте, самодеятельности. В ней особенно. Репетировали и ставили пьесы, как правило, классику. Пусть отрывки, но Пушкина, Чехова, Гоголя. Обязательно все пели в хоре, разучивали танцы народов СССР и мира. Незабвенный молдавский танец жок, украинский гопак, белорусская бульба. Стенгазеты выпускали, и классные, и общешкольную. Ездили с концертами по деревням.

Очень дружные были мы, мальчишки и девчонки, ведь совместные труды и радости сближают. А особенно труд на пользу общества. Были всегда воскресники и субботники. Осенью всегда ездили на картошку. Это такая радость — месяц в деревне. Нас любили в колхозах. Никто через силу работать не заставлял. Питание было отличное: все свежее: молоко, мясо, овощи. Костры жгли, картошку пекли, пели у костра.

Боже мой, как все теперь обогато и изгажено теми, для кого Россия — территория проживания, а не родина.

Но самое главное, что мне лично дала родина, семья и школа — это честность и совесть. Еще в том была ко мне милость Божия, что и отец, и мама были из очень православных семей. И пусть у нас не было совместных молитв, в церковь не ходили (ее и не было, до ближайшей шестьдесят километров, да еще и переправа через реку Вятку), но дух милосердия, сострадания, прощения, бескорыстия был главным в семье.

А подвигнул меня на эти строчки подарочек от отца игумена Иоасафа — сушеная малина. Как и у нас в детстве это были такие тоненькие темнокрасные лепешечки. Взял их в руки, вдохнул родной запах целебной ягоды, ощутил аромат лесных полян, на которых собирали ягоду малину. Собирали, приносили домой. Сколько-то съедали, а остальное мама сушила. В русской топленой печи. Рассыпала малину на капустных листьях или на лопухах. Сушила и складывала в сундук на зиму. Это же такая радость и редкость для зимы — малина к чаю. А особенно при простуде. И вообще это было редчайшее лакомство. Интересно, что сушили именно малину. Бруснику мочили, землянику превращали в варенье, чернику засыпали (если был) сахаром, черемуху, калину, иргу, рябину просто развешивали в чулане или на чердаке кистями, клюква сохранялась сама на любом морозе в холщовых мешочках, в кадушках, в берестяных бурачках.

И вот теперь главное: классе в шестом я вернулся с улицы, набегался, намерзся, изголодался. Дома никого не было. И тут меня подловил враг нашего спасения: открой сундук, возьми малину, съешь, никто не узнает. Сундук у нас не закрывался. И я, будто заколдованный, открыл его, взял один лист капусты, на котором сушили малину, торопливо ее съел и закрыл сундук. Запил водой.

Ужас и стыд за содеянное настиг меня утром. Я не мог глаза поднять на маму, на братьев и сестер. Убежал пораньше в школу. Идти домой из школы было очень тяжело, еле шел. Мама подумала, что я заболел. А меня мучила совесть, и так сильно, что чуть ли не стон вырывался из груди. Еще на следующий день я решил признаться маме в воровстве. Мне помогло то,

что опять никого не было. Я сам встал в угол и стоял. Мама вошла с улицы, посмотрела, вышла. Опять вернулась.

— Ты что в углу стоишь? Отец, что ли, поставил?

И тут из меня вместе со слезами вырвалось:

— Ма-а, я м-мали-ину взя-а-л.

А мама вдруг радостно засмеялась:

— Какой молодец! А ведь я знала, что ты взял. И малины убьло, и ты сам не свой. Но думаю, буду молчать, очень надеялась, что сам признаешься.

— Я буду в углу стоять, ладно? — попросил я.

— Так ты сам себя в угол поставил?

— Ну да.

— Какой молодец. Возьми вот ведро, отнеси курицам, я картошки намяла, с отрубями перемешала, они любят.

Даже не накинув пальтишка, я помчался в хлев. Выскочил на крыльцо, и так мне легко вздохнулось, так отрадно было взглянуть на Божий мир. Тяжесть с души свалилась. Если бы я знал тогда, с чем сравнить это состояние, сказал бы: как после исповеди.

Всю жизнь живу и всю жизнь благодарю Бога за такую мою жизнь. Все, что было в ней хорошего, это от отца и мамы, от родины, а что было плохого, то в этом виноват только я сам.

РУССКИЙ СТИЛЬ

Слово писателя...

Как и всякий другой, русский стиль имеет историю вопроса. Сама русская история создавала основу его, христианство его одухотворило. Историков древности, вначале с любопытством, потом со страхом бросающих взор на славянские земли, изумляло отношение славян к смерти. Пушкин не случайно взял одним из эпиграфов слова Средневековья о нас: «Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать».

Это отношение к смерти, которое есть вообще главное в жизни человека и нации, и выделяет русский стиль из других. Наша, русская, жизнь не здесь, она в Руси небесной. Но это не значит, что русский стиль предполагает пренебрежение к жизни земной, нет. Земная жизнь есть пропуск в жизнь небесную. Чем выше качества души, тем выше она вознесется. Такие рассуждения, подкрепленные примерами, становятся убеждением русского художника и питают в его нелегкой дороге.

Он вообще вряд ли связан с каким-либо именем. Русский стиль — дело соборное. Другое дело — инославные. Ходжа Насреддин, Шехерезада, Хайям — вот Восток. Акутагава, Куросава — Япония, Конфуций, Лао Шэ — Китай, Фолкнер — одна Америка, Хемингуэй — другая, а третьей и не доищешься, Сервантес, Лопе де Вега, Лорка — Испания, Фейхтвангер — иудейство, Шолом-Алейхем — еврейство, Диккенс — католичество, Агата Кристи — Англия для всех и так далее. Где совпадает нация и ее основная религия, где — нет, но стиль присутствует всюду. Деление религий, растаскивание их на секты, течения фундаменталистов, новаторов, традиционалистов и лжепророков вредят стилю, понижают его авторитет. Стиль

готовит мировоззрение политиков, но политики у нас без мировоззрения, только с жаждой власти, отсюда все беды.

Образ жизни опять же глубоко национален, отсюда борьба русского стиля за его закрепление и продление. Индейка с яблоками на Рождество — вот и Англия, спагетти, да пицца, да капучино — Италия, но Россия — не пельмени с медвежатиной, ее блюда многочисленны, русское обилие в еде предпочитало всегда гостей. Помещик Петр Петрович Петух у Гоголя искренне сетует, что гости, перед тем как заехать к нему, по дороге перекусили. Помню по себе послевоенную нищету и голод, помню нищих, которые стеснялись войти в избу, если в ней обедали. Но обедавшие помнили о нищих. А обилие свадеб, крестин, поминок — все желанны за столом. Мы держимся за быт от того, что в нем любовь к ближним и дальним.

Убивание, высмеивание космополитами вышивки гладью и крестиком, репродукции «Трех богатырей» в колхозной столовой — все это было убиванием русского быта и стиля. Вышивка — символ. Нет у девушки в руках иголки с ниткой — давай сигарету в пальцы. Соцреализм вроде бы и не отрицал национального, но оно было во многом картонной декорацией, ряженостью, привязкой к месту действия, а действие было одинаково везде: строительство неведомого светлого будущего. Стиль же предполагает следование за идеей, за периодами жизни, их ритмом и гармонией. Стиль в семидесятилетних испытаниях сохранялся в мечте о нем. Вырастая в сороковые, пятидесятые и так далее годы, мы ведь не только «Битву в пути», да Полевого, да Паустовского читали. Одна русская сказка, одна застольная русская песня перевешивала всю тяжесть соцреализма. Нерусская культура для России как кукуруза, сеявшаяся по приказу за Полярным кругом, — все равно вымерзнет, сама вымерзнет, даже времени на возмущение ею не надо тратить.

А еще повезло в тяге по русскому стилю, что в шестидесятые хлынуло на нас засилие иностранной литературы, неплохой, кстати. Но как ни хорош Фитцджеральд, а до Гончарова, например, ему как до звезд. То есть всё мы перемолотили. Гамсуна оценили, Ремарком побаловались, а мало их для русского, который уже прочел «Как ныне собирается вещей Олег», или «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром», «По небу полуночи ангел летел»... Для русского, даже неверующего, но просто любящего Россию, нет сомнений, что Господь был в России. И как иначе после Тютчева: «Удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде царь небесный исходил, благословляя».

Ведь если русский стиль был, а он был, существовал, то он и есть, он действует, он живет хотя бы в тоске по нему. Отсюда желание возврата к нему, отсюда обязанность русского художника его продолжать.

Проживать историю или жить в цивилизации? Но я никуда не денусь, я живу в цивилизации, но как писатель я живу историей. Я вхожу в общество потребителей, я просто обязан жить сегодняшней русской жизнью. Но надо видеть в бегущем времени проблески, пусть даже и гаснущие, вечности. Прогресс демократии вижу в одном — в прогрессе разврата, насилия, пошлости, в их агрессивности, в их лихорадочном румянце, в желании зарезать всех.

Господа иностранцы никогда не поймут России, и не надо им ничего объяснять. Кое-что понимают те, кто понимают чувством, а всякие изыска-

ния о России, об иконе и топоре — болтовня для сытых, справка для ЦРУ. Другое дело люди, полностью, по силе своей любви к России начинающие ей служить: Востоков и Даль, Бодуэн де Куртенэ... Здесь пунктик, когда ненавидящие Россию всегда вопят о частичках нерусской крови в Пушкине, Лермонтове и т. д. Дело разве в крови, дело же в любви к России, а значит, к Православию. Но вообще для иностранцев мы непостижимы. Прости, Господи, я не видел никого глупее и самоувереннее американцев. Вспомним к случаю и князя Волконского. В лекциях, читанных в Америке по русской истории и культуре, он замечает, что, заставь иностранца говорить о России, и он непременно сморозит глупость. В массовой культуре нет русского стиля, есть его знаки: «посидим, поokaем», рубаха навыпуск, присядка, калинка-малинка, казачок, но стиль — не этнография в костюме и рисунке танца — это образ мыслей.

Но снисходительно взглянет на наши доводы в защиту русской культуры демократ-неозападник: «Как ни кричите вы, русские, о своем самобытном пути развития, а вышло-то все по-нашему. Всякие ваши веча, да земства, да совестные суды — побоку! Приучили же вас к парламентам и спикерам, и никуда вы не делись. И префекты и плюсквамперфекты, и мэры и мэрии, и федеральность всякая уже хозяйничает в России. Ну, ки-нем вам кость, дадим Думу, так это все тоже наше, западное, иначе только названное. И выборы сделаем, какие хотим, так что можете не голосовать, командовать будем мы. И в экономике будете хлебать нашу кашу, будете всю западную заваль потреблять за большие деньги. И в образовании будем вас окорачивать, своих выучим, вашим — шиш. Деньги в красный угол поместим, молитесь. Все будем мерить на деньги. Культура только наша, то есть низкопробная, массовая, все сюжеты кино и театра о деньгах, насилии, роскоши, погоне за удовольствиями. Вся трагедия индейцев Северной Америки стала основой боевиков, вся история Европы — сюжетом для развлекательных фильмов, так же поступим и с русской историей. Ивана Грозного сделаем чудовищем, Петра героем-реформатором, Екатерину самкой, Павла недоумком, Ломоносова драчуном и пьяницей, Пушкина волокитой, остальных соответственно. Посмотрят дети и взрослые десятка два лет, так и будут представлять русскую историю — в наших картинках.

Это нам решать, что русским пить и есть, что любить, кого выбирать, что носить, за кого воевать, русские сами не способны ни к чему. Правда, мы ни разу со времен царя Гороха не дали русским быть в своей стране хозяевами, но нам лучше знать, кому верховодить в России...»

Так примерно говорят русским демократы нового толка. Западный путь развития во всем, куда ни глянь. «Мы победили, — кричат они, — значит, мы сильнее, значит, наша идея жизнеспособней».

Но так ли?

Рождественский РАССКАЗ

Татьяна ГРИБАНОВА

В СНЕГАХ

Татьяна Ивановна Грибанова — родилась в д. Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырех поэтических книг, нескольких книг прозы, печаталась во многих известных журналах, альманахах. Член Союза писателей России. Награждена специальным дипломом «Прохоровское поле» за поэтическую поэму «Судбищенская битва» (2013). Лауреат премии им. Е. И. Носова (2014) и других. **Живет в Орле.**

До самого Рождества зима ничем себя не проявила: ни пургой-вьюгой, ни ветрами-морозами. Слякотно, склизко, туманно. Скучно и неприветливо без хрусткого снежка, без искрящегося инея. Набухшее, прогнувшееся небо, словно марля с откинутым творогом, сочилось непроглядной белесой мутью. Разбало-ванные парным нескладным декаб-рем, грачи неумолчным табором на-кидывались на сад, скандалили из-за оставшейся подгнившей антоновки.

Накануне праздника зима вдруг спохватилась и давай навестывать упущенное! В одну ночь сковало воды, неожиданно-негаданно завьюжило, запуржило, закуролесило! Перемело, перебило пути...

Каждый год встречаю Рожде-ство у родителей на хуторе. Вот и на этот раз, несмотря на ненастье, засобиравлась.

...Автобус, кряхтя и чихая, на брюхе ползет по заносам. С утра прошел грейдер, но надуло такие снега, будто в Сибири. Того и гляди медведь помашет лапой с обочины. Водитель пробирается на ощупь, на-ходя по каким-то приметам дорогу.

Погода бесится. Вместо двух ча-сов мучаемся пять. Но зато к вечеру успокаивается, тишь да благодать.

Дохнув на расписанное дико-винными перьями окно, отогрев ды-рочку, обнаруживаю далеко-далеко на западе, на краю заснеженной пу-стыни, истлевавшие угольки заката. Иногда сиверко раздувает их, и бор-довые отблески подсвечивают навис-шие снеговые тучи. Нескончаемой стаей белогрудых гусей парят они над потонувшим в молчании миром.

ПАЗик ныряет в перелесок, а когда выползает на равнину, ко-стерок за суровыми окрестностями окончательно гаснет. В деревню до-бираемся затемно.

Истонченный серпик над остановкой норовит выскочить у макушек ра-
кит. Но снеговые тучи-птицы, соскучившись по зиме, фланируют в небес-
ных просторах взад-вперед, застилают, не дают робкому месяцу взглянуть
на заваленную сугробами деревню, на опушенный сосновый лес, на незама-
ранную скатерть праздничных полей.

Выйдя из автобуса, ухаю в сугроб. Приглядываюсь. Вдоль улицы хво-
стится слабо улавливаемая тропинка. Кто-то еще засветло размашисто про-
шел по первопутку. Стараюсь ступать след в след. Не ладится: видать,
стежку торил рослый мужик.

Мороз раскошегаривает не на шутку. Чуть приметная тропка, виляющая
мимо подслеповатых хат, обрывается на краю деревни. Надо перемахнуть
поле, добраться до хутора. На самой его кромке теплится слабый огонек —
родительский дом. Отец, поджидая меня по выходным, не гасит на кухне
свет. И огонек, словно маяк, мигает сквозь ветви сада, манит, указывая
дорогу.

И пройди-то с километр по бездорожью! Заблудиться невозможно, иди
себе да иди на свет родного дома. Мешают полы шубы, рыхлый, до пояса
снег. Разгребаю, словно трактор, прокладываю путь. На середине поля,
обессилев, останавливаюсь. Смекаю: не добраться с двумя тяжеленными
баулами. В одном — настиранное для не встающей матери постельное, в
другом — подарок, продукты.

Всхлипывая, усаживаюсь в сугроб. Чувствую: коченеют ноги, не слуша-
ются руки. Тру варежками лицо. Ресницы оторачивает иней. Пряди выбив-
шихся из-под платка волос побелели, лучше не заправлять: оттают, станет
еще холоднее.

Оставив сумки в поле, сквозь сугробы, не обращая внимания на то, что
сапоги полны снега, медленно двигаюсь к темнеющему на взгорке саду.

Щиплю за щеки, хлопаю рукавицами, сбиваясь, шепчу: «Отче наш!
Остави мне долги мои! Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй и
спаси меня!»

Добираюсь до усадьбы. От горожи виднеются лишь макушки. Сугробы
громоздятся до самых ставен. Поднимаюсь на занесенное крыльцо. «Слава
Господи! Не дал сгинуть!»

Распахиваю дверь и ложусь в горнице прямо в шубе на пол. Мама охает
из спальни, причитает.

— Как же тебя угораздило в такую непогоду-то?

— Самая рождественская, — пытаюсь отшутиться.

— Отец с обеда ушел за хлебом на деревню и канул, — беспокоится
мама.

Уже несколько лет она не выходит из спальни. Общение с миром —
только через отца.

— Беда-а... Башню разморозило. Воды нет. Скоту снег топим, а са-
мим-то?

Продолжаю слушать мамины вздохи, лежа в шубе прямо на дорожке.
Отогреваюсь.

— Пойдет на ключ, молюсь, чтоб на гору вылез. Случись что, годы не
малые, замерзнет под кручей, а я тут помру. Ни души на хуторе. Месяцами
никто не заглядывает.

Слышится топот обиваемых валенок. В собачьем тулупе, в меховых рукавицах в промерзшую кряхтящую дверь вваливается отец, водружает на стол авоську с хлебом. Буханок десять, не меньше.

Обрадовавшись госте, суетится, хлопочет. Перво-наперво командует растереться первачом, надеть вязаные шерстяные носки и душегрейку.

Поддевшись, выхожу на кухню. Закипает картошка. Отец успел спуститься в подпол. Огурцы-помидоры, грибочки, моченые яблоки.

— Полечиться тебе надо, а то сляжешь, — наполняет рюмочку, — свояская, на здоровье.

Пытается нарезать промерзлую буханку.

— Вот ведь как получается: деревня хлебушек выращивает, а неделями без него сидим. Куда ни шло летом, а зимой? Ну-ка, походи в селпо! Не ближний край!

То ли оттого, что все же добралась и согрелась, то ли из-за отцовских слов, сами по себе текут слезы.

Завариваю чай. Наш, фирменный: щепоть липового цвета, веточка зверобоя, несколько листочков Melissa. Нарезаю засахаренный мед. Сидим, чай гоняем, разговариваем допоздна.

— Колхоз окончательно околел. Самые мужики, те в город подались. Работы, мол, в деревне нет. Как же это на земле нет работы, куда ж она, милая, подевалась? Хозяина нет, скажу я тебе. Развалили все, дохозяйствовались, дограбили, мать их... Брат твой тоже вот, рванул отсюда, не оглянулся.

— А что ему оставалось делать-то? — вступает за сына мама. Семью кормить надо, вот и уехал в район. Илюшке в школу. Да и старшему что в деревне ошиваться?

— А кто тут, на корню, останется? — не унимается отец. — Кто всех кормить будет? Скоро хлеб, как сыры голландские, за границей покупать станем. Срамота!

Старик встает, махнув в сердцах рукой. Расставляет у печки обувь.

— Говоришь, супротив Меркулихина города сумари-то побросала? Ложись, как развиднит, пробьюсь, сберу.

За окном трещат с морозу яблоньки. Разлетелись белоснежные гуси-облака. Месяц голубит снега. Над Колдучихиной хатой, прямо в трубу, падают звезды. Рождественская ночь. Сквозь сон решаю: «Поутру серьезно поговорю со стариками, пора съезжать с хутора».

Упредив меня, за завтраком отец твердо говорит:

— Даже не заводи речей. Куда ж я от них? — и манит к окошку.

На яблоньке красуется слаженная из сосновых дощечек кормушка. А на ней пощелкивают конопельками алые-преалые снегири.

— Подарочек к Рождеству, — улыбается довольный отец.

История и современность

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

«АПОКАЛИПСИСЫ РЕВОЛЮЦИЙ»

*Санкт-Петербургские
религиозно-философские
собрания 1901–1903 гг.:
причины, ход и неудача
диалога Русской
Православной Церкви
и русской интеллигенции
с современной
точки зрения*

Одной из задач Церкви является духовно-просветительская. Это даже не задача — это миссия, не только внешнее, но важнее, внутри-российское содержание которой стало осознаться особенно в начале революционного XX века. Хотя уже в 50-е годы XIX в. Церковью была осознана необходимость гласного обсуждения наболевших вопросов. Настоящей, народной проповеднической деятельностью можно назвать проповедничество св. Иоанна Кронштадтского, которое он начал в противодействие сектантским чтениям и молитвенным собраниям. Появилась насущная необходимость в проведении бесед пастырей вне богослужений. «Общество просвещения народа в духе Православной Церкви» проводило свои чтения не только в храмах, но и в других помещениях — в Думе, в Соляном городке, в народных училищах, работали воскресные школы. Отдаленным слоем оказалась интеллигенция, не охва-

---

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

ченная храмовыми стенами. Она удовлетворяла свои духовные искания в западной литературе и философии, являвшимися в большинстве не только не православными, а зачастую — даже не христианскими. Постепенно у интеллигенции накопилось столько вопросов и «замечаний» к Православной Церкви, что в начале XX в., когда Россия оказалась втянутой в водоворот военных и политических событий, когда будущее виделось в эсхатологических красках, интеллигенция сама обратилась к Церкви за помощью.

Уникальным общественным явлением в начале XX в. стали Религиозно-философские собрания (Р-ф. с.), 1901–1903 годы. Со времени их организации минуло более ста лет, но они оставили заметный след в истории русской культуры, гуманитарной и политической мысли, дали опыт в общении Церкви и интеллигенции и тем интересны спустя век. За это время мир неузнаваемо изменился. Цивилизация, несомненно, многого достигла, многим обогатилось человеческое общество с научно-технической точки зрения, но не в гуманитарной сфере: можно заметить, что смыслы культуры обеднели, уровни ответственности и творческие способности понизились. По крайней мере, трудно назвать среди современных русских философов и писателей имена, сравнимые с именами Соловьева, Булгакова, Бердяева или таких участников Р-ф. с., как Мережковский, Розанов, Тернавцев. С другой стороны, сегодня нет богословов, равных, например, епископу Сергию Ямбургскому, будущему Патриарху — постоянному председателю этих собраний, историку Бриллиантову, которые участвовали в этих встречах...

Тем не менее, несмотря на высокую художественную ценность культуры Серебряного века, мы имеем перед ее носителями одно значительное преимущество: осознание апокалиптического опыта этого века. Как сказал Максимилиан Волошин:

*Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций¹.*

Солженицын писал: «Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать-сорок лет, ответили, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать голову человека железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами... а самое легкое — избивать в кровавое мясо, ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом»². Однако, за некоторыми исключениями, русский народ в сумасшедший дом не пошел, а выжил, и, кажется, вынес некие уроки из происшедшего. Особенно интеллигенция. Ей, запальчиво тиражировавшей в начале века фразу из Ф. М. Достоевского — «кровь освежает», стали понятнее слова Анны Ахматовой: «мы узнали навсегда, что кровью пахнет только кровь».

Исходя из кровавого и страшного опыта XX в., вместившего в себя и Русскую трагедию, и торжество Русской святости, мы можем по-особому взглянуть на Серебряный век и его религиозно-философскую проблематику, в том числе и на Религиозно-философские собрания 1901–1903 годов.

¹ Потомкам. См.: Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб.: Петербургский писатель, 1995. С. 281.

² Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг. Гл. 3. Следствие // Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 5. С. 75.

Валентин Александрович Тернавцев

Сейчас мы имеем возможность дать этому времени объективную оценку *sine ira et cura*¹, отобрать то, действительно ценное, что может быть пригодным в XXI веке. Причем, видя полезный опыт Религиозно-философских собраний, нельзя пройти и мимо возникавших проблем, которые следует не только выявить, но и проанализировать. То, что в Собораниях было подлинно ценным, уникальным — это опыт встречи, попытка искреннего и честного диалога между Церковью и интеллигенцией, которому, конечно, многое мешало.

Интеллигенция, как наиболее чуткая часть общества,

чувствовала, что на переломе веков изменялось «самое чувство жизни» (Г. Флоровский), переживала вместе со страной неоднозначные духовные процессы, результатом которых становилось отчуждение народа от Церкви, в среде городской бедноты умножалось количество сект, агрессивных антирелигиозных настроений. Часть интеллигенции, разделявшей с народом политическую активность, поддерживала эти настроения. Другая часть, которая открыла для себя прежде не известный ей мир русской святости, нуждалась в объяснении своих личных духовных поисков. Духовная инфантильность, легкомысленность ее «богоискательства» были следствием более серьезных, вековых процессов и ошибок предшествующих поколений, приведших к религиозно-психологическому разделению русского общества.

В начале XX в. происходил «перевал сознания» (протоиерей Г. Флоровский), понимание необходимости восстановления единого «духовного дома». В предреволюционную эпоху это было связано с апокалиптическими предчувствиями, с предвидением скорого конца мира и истории. Кроме того, к этому времени между Церковью и интеллигенцией накопилось достаточно взаимных обид, недоразумений и подозрений. Начиная с XVIII в., народ и дворянство стали говорить на разных языках. Петр I разрушил *симфонию* отношений церковной и гражданской властей, проводя церковную реформу по протестантскому образцу. За два столетия, прошедших после Петровских реформ, интеллигенция в значительной степени оторвалась от народа, от его духовных корней и расцерковилась. Показательно высказывание Чехова: «Я давно растерял свою веру и с недоумением смотрю на верующего интеллигента»². Те сравнительно немногие интеллигенты, которые приходили к церковности, обрекались на непонимание и изоляцию, своего рода

¹ Без гнева и пристрастия (лат.).

² Ельчанинов А., протоиерей. Дневник. Париж, 1934. С. 53.

духовный остракизм, и даже великие деятели русской культуры, вроде Лескова и Достоевского, не были исключением¹.

Не удивительно, что многие выдающиеся представители Церкви рассматривали интеллигенцию как сословие атеистическое по преимуществу и уже не принадлежащее России². Вот слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Отчего гордые интеллигенты стремятся в опекуны и правители народа, не понимая этого народа и его действительных нужд и не любя его? Оттого, что у всех них оскудела вера в Бога, в Его праведные вечные глаголы; оттого, что она отпала от Церкви Божией, единой руководительницы к святой христианской жизни»³. Святой Иоанн пророчески предупреждал: «Россия, если ты отпадешь от своей веры, как уже отошли от нее многие интеллигенты, не будет тебе счастья. Накажет тебя Господь, отнимет Православного Царя и пошлет самозванных правителей, которые зальют страну кровью». Опыт нигилизма и отречения шестидесятих годов XIX в. был весьма тяжел и не располагал к открытости со стороны Церкви.

Со своей стороны, интеллигенция обвиняла Церковь (далеко не всегда справедливо) в конформизме, в равнодушии к земным проблемам и страданиям народа, излишнем аскетизме, в борьбе не только со свободомыслием, но и с самой мыслью. И все же встреча состоялась. И это было знамением времени, свидетельством обращения интеллигенции от грубого позитивистского материализма к религиозным интересам. Более того, инициатива собраний исходила именно от интеллигенции, от группы писателей и философов во главе с Дмитрием Сергеевичем Мережковским (1865–1940), и духовная власть в лице митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) лишь откликнулась на нее. Вернее, после консультаций инициаторов Собраний с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и аудиенции у митрополита Антония, было дано разрешение на диалог Церкви и интеллигенции столицы в виде регулярных собраний под председательством ректора Петербургской Духовной академии епископа Сергия (Страгородского), будущего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

Конечно, мотивации участников диалога значительно различались. Вот как обосновывает поэтесса Зинаида Гиппиус (1869–1945) со своей стороны этот шаг: «Мысль Религиозно-философских собраний зародилась в наших литературно-эстетических кружках. Они тогда стали раскалываться. Чистая эстетика уже не удовлетворяла. Давно велись новые споры и беседы. И захотелось эти домашние споры расширить — стены раздвинуть.

---

¹ Показательны слова Александра Блока о Достоевском семидесятих годов (время его дружбы с Победоносцевым: «Бекетов (дед поэта, ректор Санкт-Петербургского университета), встречаясь с Достоевским, по мягкости характера не может его ненавидеть» (примечания к поэме «Возмездие»). Еще более показательны слова А. П. Чехова о С. А. Рачинском — замечательном математике, философе, педагоге, деятеле российского просвещения: «Да, он замечательный педагог, но я своих детей бы ему не отдал: слишком религиозен».

² К сожалению, эта участь не миновала и носителей «нового религиозного сознания». Весьма характерны по-своему жуткие и, безусловно, несправедливые слова Мережковского о Гоголе: «Как в исполинском зеркале отразилась в нем вся Россия, но вместо человеческих лиц уставились на нас какие-то дряхлые страшилища, и ужаснула мертвая душа России — душа народа-младенца в разлагающемся трупe Византии». Мережковский Д. С. Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 53.

³ Иоанн Кронштадтский. Творения. М., 1992. С. 304.

Епископ Сергей (Страгородский)

ки Скворцова, чиновника при Победоносцеве. Миссионер, известный своей жестокостью, он, в сущности, был добродушен, и в тщеславии своем, желании попасть “в хорошее общество”, — прекоmicен. Понравилась ему мысль “сближения Церкви с интеллигенцией” чрезвычайно². В общем, это начиналось как провокация пресытившейся, уверенной в своей интеллектуальной исключительности интеллигенции, однако чувствовавшей наличие иного, духовного мира.

Первую встречу «этих миров» так описывает один из основателей Религиозно-философских собраний, художник, историк искусства А. Н. Бенуа (1870—1960), в своих «Воспоминаниях»: «Именно с целью войти в контакт с духовными пастырями и в надежде, что это сближение поможет нам во многом (и в самом главном) разобраться, были предприняты шаги, среди которых одним из самых важных, казалось нам, было личное знакомство с Петербургским митрополитом Антонием. Участвовали в этой поездке супруги Мережковские, Тернавцев, Минский, Розанов, Философов, Бакст и я. Д. С. Мережковский и Минский изложили Его Высокопреосвященству наши вожеления и надежды, и главную среди них надежду на то, что духовные пастыри не откажутся принять участие в наших беседах. Запомнилось, как, между прочим, до поездки обсуждался вопрос, подходить или не подходить под благословение — и как это производить, лобзать или не лобзать руку иерея... Отмечу еще, что в нашей группе двое были евреи (Минский и Бакст), один “определенно жидовствующий” — В. В. Розанов, один католик — я. В общем, все шло как нельзя лучше³.

¹ Гиппиус З. Н. Задумчивый странник // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 150.

² Там же.

³ Бенуа А. Н. Религиозно-философское общество. Кружок Мережковских. В. В. Розанов // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 132—133.

Обе стороны были искренни в своем желании выслушать, понять и, если возможно, объединиться. Особенно ярко это стремление выражалось со стороны церковной, прежде всего — постоянного председателя этих собраний Сергея (Страгородского), епископа Ямбургского, ректора Санкт-Петербургской Духовной академии (1867—1944). Его личность и духовный авторитет во многом повлияли на характер собраний. По словам Мережковского, «дух пастыря почил на пастве и определил счастливый и совершенно неожиданный успех собраний... Епископ духом своим показал,

*Дмитрий Сергеевич Мережковский
и Зинаида Николаевна Гиппиус*

как надо вести себя: своего не искать, а чужое беречь... Тщеславие и самолюбие умерли, а забила живая струя духовных интересов»¹.

Мережковский, не склонный идеализировать церковный мир, тем не менее, нашел для деятелей Церкви, участвовавших в собраниях, такие теплые слова: «Они шли навстречу миру с открытым сердцем, с глубокой простотой и смирением, со святым желанием понять и помочь, “выискать погибшее”». Они сделали все, что могли»². Столь же искренни в своих стремлениях первоначально были и представители интеллигенции. Мережковский так передает атмосферу этих собраний: «Как будто стены зала раздвигались, открывая бесконечные дали, и это маленькое собрание становилось преддверием вселенского собора. Произносились речи, подобные молитвам и пророчествам. Рождалась та огненная атмосфера, в которой казалось все возможным: вот-вот совершится чудо, разделяющие людей перегородки растают, и произойдет соединение, дети найдут свою мать»³. К сожалению, этого не произошло. Двадцать два собрания (с ноября 1901 по март 1903 гг.) были весьма многообразны и насыщены по своей программе: Мережковский прочел весьма актуальный доклад об отлучении Л. Толстого, а также — о Гоголе, Толстом и Достоевском, князь С. М. Волконский — о свободе совести, Розанов — «о святой плоти» (его доклад послужил основой для пяти заседаний, посвященных браку), целый ряд собраний занимался вопросом о «догматическом развитии»⁴. Однако, при целом ряде достижений, эти встречи все же не привели к серьезным

¹ Мережковский Д. С. Революция и религия. М., 1907. С. 25.

² Цит. по: Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 470.

³ Мережковский Д. С. Революция и религия. М., 1907. С. 26.

⁴ Собственно говоря, обсуждалась не сама проблема развития догматических формулировок, а возможность принципиально нового откровения, так называемого «Третьего Завета». См.: Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 470—471.

Василий Васильевич Розанов

практическим результатам и к действительному обращению интеллигенции к Церкви.

Религиозно ищущая интеллигенция ждала обновления в первую очередь от Церкви, а наиболее радикальные ее представители — явного революционного действия, нового откровения, даже — Третьего Завета. Следует отметить, что политическое фрондирование и революционные выступления на этих собраниях — не случайность, не дань общественному умунастроению, не «милая либеральная болтовня», по выражению Ф. М. Достоевского, а нечто гораздо более глубокое и страшное. Мережковский и представители «Нового религиозного сознания» подво-

дили под революцию религиозную почву довольно сомнительного характера. Несколько позднее в своем труде «Не мир, но меч» Мережковский ясно и откровенно выразит то, о чем, почти не стеснясь, говорили участники собраний: «Русская революция, низвергающая русское самовластие, имеет смысл религиозный»¹. «Если Христос реально и воплощенно есть Царь на земле, не может быть иного Царя, иного Первосвященника, кроме Христа, сущего до скончания века»². Государство огулом и чохом объявляется началом безбожным и антихристианским: «Подмена лика Христова человеческим ликом или личиной есть абсолютная ложь, абсолютное антихристианство. Кто может стать на место Христа? Только антихрист...»³.

Итак, перед нами, казалось бы, типично сектантское требование сугубо духовной Церкви и немедленного Небесного Царствия на земле, без долгих размышлений о том, насколько к этому готово человечество. У одних это проявлялось в понятиях Реформации и Возрождения с его гуманизмом. В гуманизме — самоутвержденном, самодостаточном — место Богу «на окраине». Стволом этой идеологии является Реформация, бесцерковное христианство, нижней частью ствола — иудаизм, корнем — атеизм. Подземный корень такого атеистического гуманизма раскрылся пышной кроной в так называемых принципах революции: «Свобода, равенство, братство» с последующими многомиллионными жертвами и несправедливостью. Но это только один аспект проблемы. На самом деле, положение вещей еще хуже: не только протестантство служит источником подобного духовного анархизма, но и темное полуязыческое, оккультистское русское сектантство-хлыстовство,

¹ Мережковский Д. С. Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 34.

² Там же. С. 45.

³ Там же.

духоборство и скопчество; не случайны следующие кощунственные строки Мережковского: «В хлыстовстве и скопчестве проявляется такая сила религиозного алкания, “взыскания”, какой мир не видел с первых веков христианства... Отрицание “града настоящего”, то есть государственности, как начала антирелигиозного, утверждение “града грядущего”, *то есть безгосударственной религиозной общественности*¹ и есть движущая сила всего великого русского раскола-сектантства — религиозной революции, которая рано или поздно должна соединиться с ныне совершающейся в России революцией социально-политической»².

Те, кто в наше время пострадал от тоталитарных сект (а именно таковыми по своему характеру являлись скопцы и духоборы) или просто соприкоснулся с ними, может по достоинству оценить и так называемую духовную прозорливость, и трезвомыслие, и любовь к свободе, и социальную полезность этого почтенного философа. Естественно, что никакие здравомыслящие духовные и светские власти с такими безумными и взрывоопасными высказываниями примириться не могли и предпочли в духе той эпохи подобные собрания запретить от греха подальше.

Частичный неуспех Религиозно-философских собраний связан не только и не столько с разномыслием, но в большей степени с разочувствием их участников. Не следует забывать, что со стороны интеллигенции тон задавали так называемые «декаденты», о которых Мережковский писал следующее: «Русское декадентство было явлением глубоко жизненным... Русские декаденты первые в русском образованном обществе, вне всякого церковного предания самозародившиеся мистики»³. На чем же основывалась де-

¹ В феврале 1917 г. исполнилась мечта Мережковского — рухнула русская государственность, на время воцарилась безгосударственная религиозная общественность, но ее семимесячное господство развалило страну столь стремительно, что даже коммунистическое государство (подлинно атеистическое) казалось для многих благом по сравнению с этой революционной анархией. История сыграла злую шутку с хулителями Русского Православного Царства, предъявив им для сравнения подлинно безбожную и антихристианскую государственность, в появлении которой они вольно или невольно участвовали. Мережковский и Гиппиус, в отличие от Блока, не приняли Великий Октябрь, но это мало что изменило. Показательны слова Гиппиус о двух революциях — Февральской и Октябрьской: «Как вспыхнувшая зарница — радость революции. И сейчас же тьма, грохот, кровь и — последнее молчание. Тогда время остановилось и мы стали “мертвыми костями, на которые идет снег”. Наступил восемнадцатый год» // *Гиппиус З. Н. Задумчивый странник* // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 179.

² Там же. С. 39. Последние слова достойны внимания: они объясняют ту огромную заинтересованность, с которой некоторые большевики (в том числе — А. В. Луначарский и в особенности В. Д. Бонч-Бруевич) изучали и защищали сектантов. В них кроется также объяснение того покровительства, которое большевики оказывали сектантам после своей победы: в то время как Православная Церковь, начиная с Гражданской войны, подвергалась свирепым преследованиям, напротив, сектантов (духоборов, толстовцев, чуриковцев и т. д.) власти не только не трогали, но временами и оказывали помощь в организации «религиозных коммун». Очевидно, речь шла не только об использовании сектантов в борьбе против Церкви, но и о духовной близости их к большевизму.

³ *Зеньковский Василий, протоиерей. История Русской философии. Л., 1991. Кн. 2. Ч. 2. С. 56.* Показателен акцент на приходе из «ниоткуда», вне всякой генетической, родовой линии. Выражение «самозародившиеся», с одной стороны, напоминает гомункула из «Фауста» (что заставляет усомниться в жизненности явления), с другой — невольно ассоциируется со словом «самозваный». Впрочем, в этом изречении Мережковского есть изрядная доля лукавства и неблагодарности к своим подлинным историческим корням: он забывает упомянуть о масонстве (о котором он в других местах отзывается с большой похвалой), о гностицизме, язычестве...

Владимир Сергеевич Соловьёв

кадентская мистика? На учении Владимира Соловьева о Софии, в котором было «много мутного и темного», как гностического, так и языческого. Декаданс — эпоха, когда многих соблазняла мысль о синтезе христианства и язычества, причем дело гораздо больше идет именно о язычестве, чем о христианстве¹.

Особенно характерно учение Соловьева и Мережковского о «Третьем Завете», где Дух Святой должен заместить Пресвятой Богородицей, или «Вечной Женственностью»: «Третье место Троицы остается пустым, и его не может наполнить трепетание крыл голубиных, ибо голубь — не явление, а только символ Духа. Не отвлеченно-созерцательная, а воплощенно-

действенная Троица — Отец, Сын и Матерь Божия. В православном почитании Богородицы — уклон всего христианства от религии Сына к религии Матери... Первоначальное явление Вечной Женственности — Матерь Божия в христианстве, последнее явление в Апокалипсисе — Жена, облеченная в Солнце — откровение Духа Святого, Плоти Святой, Церкви как Царства, Богочеловечества в Богочеловеке»². Подобные высказывания с православной точки зрения являются кощунственными, ибо вместо веры в Троицу Бога предлагают троебожие и поклонение твари, пусть даже самой святой и возвышенной — Пресвятой Богородице, Которая, по словам великого католического богослова Бернарда Клервосского, не нуждается в ложной славе. Мережковский возрождает худшее язычество, вводя категории пола в Божество и делая из Троицы триаду из Отца, Сына и Матери. Подобной языческой догматике соответствовала и языческая мистика: следует напомнить, что В. С. Соловьев занимался спиритизмом, а его стихотворение «Три свидания», рассказ о встрече с Вечной Женственностью — великолепный пример любовной лирики. Это неслучайно, ибо на основе подобных «богословских построений» могла вырасти только мистика духовного блуда.

Последствия подобного синтеза и мистического опыта печальны и очевидны: достаточно вспомнить творчество Блока, в котором София становится Прекрасной Дамой, причудливо перерождаясь в блудницу Незнакомку

¹ Там же. То, что многие деятели Серебряного века в душе своей были язычниками, показывают слова В. В. Розанова, сказанные Бердяеву: «Я молюсь богу, да не вашему. Я молюсь Осирису». См.: *Zernov N. Russian Religious Renaissance*. London, 1969. P. 262.

² *Мережковский Д. С. Последний святой* // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 123.

и, наконец — в уличную девку Катку из революционной поэмы «Двенадцать». Как замечательно сказал о. Георгий Флоровский, «Блок ходил по демоническому рубежу и знал это»¹. Этот пример доведения Соловьевской мистики «до последних столбов» необходим нам для должной и объективной оценки «самозародившихся мистиков», в том числе и Д. С. Мережковского.

Мережковский и его последователи стремились синтезировать христианство и античность, античную культуру, как бы не замечая того, что за полтора тысячелетия до них это уже совершили Святые Отцы. На пути иного, неоязыческого синтеза противостояло историческое христианство или Церковь. По мнению Мережковского, «историческое христианство отжило свой век, оно было односторонним выражением христианского благовестия — ибо не вместило в себя «правды о земле», «правды о плоти»². Для человека, серьезно знакомого с христианским вероучением, подобное утверждение должно выглядеть весьма странным. Как может не вмещать в себя «правды о плоти» то христианство, которое в Пасху, «Праздников Праздник», торжественно исповедует — «Слово стало плотию и обитало с нами полное благодати и истины»; прославляет Пресвятую Богородицу, как «землю обетования и источник божественного воплощения»; христианство, почитающее освященную плоть в мощах многих святых и даровавшее русскому народу (и не только ему) чувство Святой Земли? Тогда возникает законный вопрос: какую плоть и какую землю искал Мережковский?

Отчасти мы получаем на него ответ, когда сталкиваемся с обвинениями исторического христианства в одностороннем аскетизме. Как считает Мережковский, односторонний аскетизм свойственен христианству по самому существу: как «аскетическое, то есть подлинное, христианство и современная культура взаимно непроницаемы». Опять-таки, странно это слышать от младшего современника Достоевского и Лескова, человека, жившего в эпоху Оптиных старцев, с одной стороны, Васнецова и Нестерова, с другой. Такая постановка вопроса весьма непонятна и по существу: *askesis* — аскеза, понятие, связанное с упражнениями и тренировками, не может быть противоположно культуре, которая требует и того, и другого.

Не в меньшей степени, но в иной форме мистика духовного блуда при-суща творчеству В. В. Розанова (1856—1919). Самый неистовый критик христианской Церкви, увлеченный Талмудом, каббалой и еврейским религиозным бытом, он для начала христианство растворяет в иудаизме³. Метафизи-

---

¹ Флоровский. Г., протоиерей. Пути Русского богословия. Париж, 1937. С. 469. Весьма характерен следующий факт: на полях «Лествицы» Иоанна Лествичника напротив слов о бесе печали Блок пометил: «Этот дух необходим для художника».

² Мережковский Д. С. Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 58.

³ Свидетельство Александра Сергеевича Глинки, выступавшего под псевдонимом Волжский. См. его статью: *Волжский*. Мистический пантеизм Розанова // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I / сост. вступ. ст. и прим. В. А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 512. (Русский путь). С. 452. Об иудейском «культе» Розанова свидетельствуют многие, в том числе Бенуа: «Увлечение Розановым в нашем кружке имело еще и то специальное обоснование, что Левушка (Лев Бакст), будучи убежденным евреем, особенно ценил в Розанове его культ еврейства». См.: Бенуа А. Н. Религиозно-философское общество. Кружок Мережковских. В. В. Розанов // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. / сост. вступ. ст. и прим. В. А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 512. (Русский путь). С. 138.

ческие искания в сфере пола не могли не привести Розанова к конфликту с христианством. Сближало Розанова и Мережковского на рубеже веков именно антихристианство. Врагами они стали потом... А тогда богоискательство Розанова было направлено во имя «нового теизма», возрождающего древний теизм Востока, иудаизм и темные глубины Вавилона и Египта, Сидона и Тира, фаллизма и астартизма. По мере погружения Розанова в эту иррациональную область темная стихия пола незаметно вытесняет духовное начало, а виталистический психологизм сужается до поэтизации собственно сексуальности, до культа «фаллоса». И именно тогда в его философии особенно ощутимо проявляются те демонические черты, которые многим так импонировали: «Боги сливаются с демонами, бесами, духами зла в непроницаемой мгле, в глубинах религиозных туманностей древнейших верований, сливаются и срастаются в единстве общего генеалогического древа»¹. Доклады Розанова, где противопоставлялись Новый и Ветхий Заветы, причем Новый Завет дискредитировался, а все важное и подлинное находилось в Ветхом Завете, принесли ему известность на Религиозно-философских собраниях в 1901–1903 годах. «Розанов демонстрировал поразительную остроту ума в нахождении все новых и новых аргументов в защиту своих антихристианских тезисов. Критика Розановым христианства, по оценке исследователей, была очень сильной, убедительной, как ни у кого»². Позже, в 1915 г. А. Селивачев в докладе «Иудействующие нового времени» подчеркнет: «Еврейским знакомым Розанова его антихристианство было столь же приятно, как и его юдофильство»³. Тогда Розановым восхищались и называли «душой общества».

Если Бог и пол у Розанова неразрывны, то Мережковскому необходимо было, во-первых, дематериализовать христианство (он договаривался даже до того, что «христианство» якобы «уничтожило плоть»⁴), во-вторых, целиком и полностью связать его с аскетизмом, в-третьих, дискредитировать аскетизм, чтобы заменить историческое христианство новым религиозным сознанием. «Отныне должна раскрыться во всемирной истории правда не только о духе, но и о плоти, не только о небе, но и о земле»⁵. И всемирная история со школьной наглядностью открыла эту правду в XX в., с его мировыми войнами, революциями, голодом, естественным и искусственным, террором, лагерями, эпидемиями, небывалым терзанием плоти и страшным

¹ Волжский А. Мистический пантеизм Розанова // В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 452.

² Фатеев В. А. Публицист с душой метафизика и мистика // В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 9.

³ Селивачев А. Психология юдофильства. В. В. Розанов // В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 238.

⁴ Там же. С. 238. На самом деле христианство спасло плоть и от язычества, которое плоть растлеvalo, и от манихейства, которое плоть аннигилировало. По словам Сергея Сергеевича Аверинцева: «Против энкратитов различного толка Церковь отстаивала свой выбор: быть не буддийской “сангхой” и не манихейским “обществом совершенных”, но “народом Божиим”, в котором всем есть свое место — и мирянам, и аскетам». См.: Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1988. С. 31–32. Весьма характерны слова великого аскета — св. Пимена: «Нас не тело учили умерщвлять, но страсти». Там же. С. 230. Еще более показательны 9, 10, 13 правила Гангрского собора (IV в.). «Если кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися, да будет отлучен» (10 канон). Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинского. СПб., 1912. Т. II. С. 41.

⁵ Мережковский Д. С. Грядущий хам. СПб., 1906. С. 123.

томлением духа. Такова цена, которую мир заплатил за отвержение «исторического христианства», то есть Церкви. «Новое религиозное сознание», господствовавшее в Европе в начале XX в., неоязыческое и синкретическое по сути, не могло не способствовать появлению оккультно-тоталитарных режимов вроде нацистского и, отчасти, коммунистического¹.

Линия Мережковского—Розанова во многом обусловила частичный неуспех Религиозно-философских собраний, когда его участники либо ломились в открытые ворота, не зная или не желая замечать реалии церковной жизни и вероучения, либо шли против рожна. Это характерно и для программного доклада В. А. Тернавцева «Интеллигенция и религия», открывшего чтения. На нем мы сосредоточимся особо: как в силу невозможности в одной статье осветить все заседания, так и ввиду особенной выразительности и показательности данного выступления для характеристики Религиозно-философских собраний и устроения его участников.

В нем привлекает многое: во-первых, — искренняя тревога о судьбах России, ощущение предгрозовых раскатов над ней, и трезвый социальный анализ, а также понимание того, что Россия уже вовлечена в своего рода глобализацию. «Внутреннее положение России сложно и почти безнадежно... Все общественные силы, исходя из разных мировоззрений, разно понимают природу человека, разно понимают и саму Россию, борются между собой и глухо подавляют друг друга»². «Нам придется встретиться с враждебными силами уже не домашнего поместно-русского порядка, а силами мировыми, явно и открыто борющимися с христианством на арене истории»³.

Во-вторых, Тернавцев (1866—1944) чувствует, что рано или поздно «найдет свой конец та языческая вера в человека, которая, оказавшись подъемом и творчеством в эпоху Возрождения, долго и безраздельно владела полем истории»⁴. «У интеллигенции падает доверие к спасающей силе

---

¹ Вопрос об оккультном начале в коммунистической идеологии и советском режиме, а также о личном участии коммунистических вождей в оккультизме очень сложен. С одной стороны, «сатанинские стихи» раннего Маркса, начало Манифеста Коммунистической партии, яростная «мистическая» антирелигиозность большевиков свидетельствуют в пользу активного влияния оккультизма. Многие «старые» большевики были членами мистических кружков и лож. Имеются свидетельства о принадлежности к масонству Льва Троцкого, Анатолия Луначарского (Ложа «Великий Восток») и другие. Сам Ленин до 1914 г. числился во французской ложе «Союз». См.: *Первушин А.* Оккультные тайны НКВД и СС. СПб.—М., 1999. С. 133. «Коммунистическая доктрина, как и любая революционная теория начала века, должна была нести в себе эзотерические элементы, иначе она не смогла бы привлечь на свою сторону достаточный для захвата и удержания власти процент населения». (Там же). Однако под влиянием Сталина в середине — конце тридцатых годов, параллельно с нейтрализацией «ленинской гвардии», происходит отход от ряда первоначальных идей, которые принято отождествлять с масонством и оккультизмом. К счастью, СССР не стал оккультной империей, тем более что изначально среди большинства большевиков была более сильна тяга скорее к «научному» атеизму, нежели к оккультизму.

² Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 8—9.

³ Там же. С. 11. Справедливость этих слов подтверждает ряд работ (см., например, *Назаров М.* Мировая закулиса и Русская революция // *Тайна России.* М., 1998. С. 5—163), ясно показывающих участие неких весьма влиятельных антихристианских интернациональных закулисных сил в трех русских революциях и в разрушении Российской империи. Слова Тернавцева весьма актуальны и сейчас, когда эти силы уже почти не таятся (см.: *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну: Россия на исходе XX в. СПб., 1999. С. 800).

⁴ Там же. С. 17.

тех условий политической жизни, для приобретения которых приносилось столько жертв и которые представлялись высочайшими благами сами по себе. Осчастлививать других, просвещать, приобщать их к сокровищам своего мировоззрения стало невозможно, как только эти сокровища оспариваются совестью как мнимые. Душу сжигает потребность высшего, чем собственное знание, просвещения, высшего примирения, чем то, которое мы сами можем себе дать. Все знание оказывается бесчеловечным и пустым, ибо бессильно разрешить мучительные сомнения о высшем смысле существования»¹.

Возрождение России по Тернавцеву возможно только «на религиозной почве». И, «если сила России в религиозной вере ее, то мы не можем остаться безнадежными»². Должен быть осознан трагизм власти. «Виновность в зле, безбожие жизни и общественной гибели обращает совесть власти в арену внутренних переживаний, могущих иметь глубочайший религиозно-жертвенный смысл. Здесь открывается некая священная магия во власти. Это новое в христианстве, и в этом для России путь религиозного творчества и откровения о всемирном спасении. Это дается человечеству раз в тысячелетие». Тернавцев подчеркивает: «И можно считать уже вполне совершившимся фактом, что действительно проповедовать в России, значит проповедовать на весь мир»... Апокалиптическая напряженность, это новая черта у Тернавцева, знак времени, — она является и у Соловьева в последние годы (срв. острый интерес к Апокалипсису у Льва Тихомирова и его кружка)³. Мотивы Апокалипсиса резко звучали на многих собраниях.

Следующее, что привлекает в докладе Тернавцева, — поиск серьезной религиозности, подлинной церковности. Он выступает против желания «сделать веру Церкви более легкомысленной, как в догматическом учении, так и в религиозно-нравственном подвиге», так как это «обкрадывает ее». «Христианство без Церкви, таинств и креста не утолит духовной жажды человека. Для успеха проповеди подменить христианство стоицизмом или моралью, которая эстетикой “хороших поступков” прикроет религиозную пустоту их, — преступно. Бога жаждут люди, Живого. “Я нуждаюсь в руках, простертых ко мне”»⁴.

Наконец, Тернавцев временами, может быть, против своей воли, высоко оценивает Русскую Церковь, в особенности — ее народность: «Русская Церковь народна. Она не покидала народ среди всех его унижений и в трудные времена крепостного права была с ним. Она дала его гражданскому терпению религиозный смысл особого жертвенного делания. Она спасла его с одной стороны от бунта, с другой стороны от отчаяния и тихого помешательства. Церковь была главной причиной того, что освобождение было

¹ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 19.

² Там же. С. 10.

³ *Флоровский Г., протоиерей*. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 471–472.

⁴ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 17. Отметим, для подобных слов в ту эпоху требовалось определенное духовное мужество, ибо они означали не более и не менее, как посягательство на авторитет великого «гуру» — графа Льва Толстого, который как раз и проповедовал христианство без креста и яростно отрицал таинства, фактически подменяя его морализмом с «эстетикой хороших поступков». Тем более подобные обличения Толстого должны были восприниматься почтеннейшей публикой всего через десять месяцев после его отлучения в феврале 1901 года.

принято народом честно и с достоинством. Ничто так не народно в России, как Церковь. Интеллигенция не видит, не понимает этого»¹.

Однако все эти замечательные мысли смешиваются с высказываниями, в которых чувствуются идеологические штампы, закоснелые предубеждения «интеллигентского ордена» против Церкви, а также шоры «нового религиозного сознания».

Часто несправедливость этих суждений бросается в глаза. Так, Тернавцев выдвигает следующее обвинение: «Проповедники Русской Церкви наставлены в вере в большинстве односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знают и еще меньше понимают всю значительность мистической и пророческой стороны христианства»². Штрих к характеристике эпохи: В. А. Тернавцев окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию и служил чиновником для особых поручений при обер-прокуроре Синода, был современником святого Иоанна Кронштадтского, более того, практически жил с ним в одном городе. Не заметить этого пастыря, пророка и подлинного мистика, раскрывшего для десятков тысяч православных людей «значительность мистической и пророческой стороны христианства» мог только слепой или предубежденный человек, или искатель иной мистики и иного пророчества.

Самое страшное для Тернавцева было другое: «Но самое главное, в христианстве они видят один только загробный идеал, оставляя земную сторону жизни, весь круг общественных отношений пустым, без воплощения истины»³.

Опять-таки, только сильно предубежденный человек мог не заметить огромной социальной, благотворительной деятельности Русской Православной Церкви на рубеже веков, строительства народно-церковного образования, а в области учительства и общественной мысли таких личностей как святой Иоанн Кронштадтский, митрополит (тогда — епископ) Антоний (Храповицкий), Михаил Грибановский, Леонтьев, Победоносцев, Рачинский, Тихомиров, Несмелов⁴, Соллертинский, каждый из которых по-своему пытался решать проблему истины в «земном воплощении». Вся церковная предреволюционная мысль у Тернавцева укладывается в презрительную формулировку: «Единственно, что они хранят, как истину для земли и от земли — это Самодержавие, как некий начаток нового порядка и как бы “новой земли”»⁵.

Напротив, интеллигенция удостаивается у Тернавцева особых похвал, в которых присутствует ряд парадоксов. Неверующий интеллигент для него — Савл, только и ждущий того, чтобы стать Павлом. «В интеллигенции, теперь неверующей, скрыт особый тип служения и благочестия»⁶. Интеллигенция, по Тернавцеву, имеет свое единство, нравственное лицо и свой мартиролог. Хочется спросить, из кого этот мартиролог состоит, не из казненных ли революционеров-террористов и цареубийц? Несмотря на то, что

¹ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 13.

² Там же. С. 11.

³ Там же.

⁴ Автору книги принадлежит первая публикация биографии, а также фотографии Несмелова в 5 и 6 номерах «Вестника Белорусского Экзархата» за 1990 год.

⁵ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 13.

⁶ Там же. С. 14.

Виктор Иванович Несмелов

интеллигенция в значительной степени была скомпрометирована нигилизмом, народничеством и терроризмом, в особенности — убийством Царя-освободителя Александра II 1 марта 1881 г., Тернавцев яростно отстаивает ее статус как силы преимущественно нравственной, и именно на этом основании он не видит для нее особого места в современной ему Церкви: «Все сословия России имеют в Церкви свое определенное место. Одна интеллигенция, будучи силой нравственной по преимуществу, чужда Церкви и не находит в ней места». Не знаешь, чему удивляться. Во-первых, Тернавцев отказывается в нравственности всем прочим сословиям. Посещавший в начале XX в. философский кружок Н. В. Болдырев уже после революции писал: «В старое время было как-то неловко называть интеллигентом опытного, изощренного монаха, по-военному образованного генерала, искус-

ного жандармского офицера, удачного и смелого промышленника; и очень хорошо, потому что нам *теперь ясно*, что они по природе своей не интеллигенты, а носители народного интеллекта»¹. Во-вторых, Тернавцев также и Церковь не считает за нравственную силу. В-третьих, искони русский народ считал носителями своего совестного начала по преимуществу именно священство и монашество. Подобное утверждение означает самоощущение интеллигенции себя как некоей «Церкви», которой неплохо бы заменить Церковь официальную, пусть даже «непросвещенный» народ считает ее своей совестью и сердцем. Что из этого вышло, мы знаем: вначале — Февраль 1917 г., распадение страны, а затем — жесточайшая диктатура партийной интеллигенции, от последствий которой мы не оправились до сих пор.

Что особенно возмущает Тернавцева в Церкви и вдохновляет в интеллигенции, так это — отношение к власти: «Деятели Церкви настаивают на божественном происхождении и помазании власти и призывают народ к должному повиновению ей. Но сами, оставаясь безучастными к общественному спасению, они не могут дать ни религиозных указаний власти, ни Христовой надежды и радости народу в его тяжком недуге. Интеллигенция с большими жертвами для себя отстаивает понимание власти как ответственности. Правительство же она нравственно принимает и понимает не иначе

¹ Болдырев Н. В., Болдырев Д. В. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 60.

как очаг виновности и вменяемости за темноту и злополучие народа как целого. Этим обличением и упреком в разных формах и под всяческими личинами проникнута созданная ей литература, и равнодушие людей Церкви к этому обличению ее возмущает и соблазняет больше, чем самое деление христианства на конфессии»¹.

Здесь В. А. Тернавцев, во-первых, несколько грешит против правды, забывая о таких монументальных фигурах, как митрополиты Московские Филарет и Иннокентий, его современник митрополит Санкт-Петербургский Антоний, св. Иоанн Кронштадтский, которые именно давали и власти религиозное указание, и народу надежду. А во-вторых, в его словах об интеллигенции, что воспринимает власть как ответственность и принимает правительство как очаг виновности и вменяемости, скрыто неразрешимое нравственное противоречие. Как можно призывать к ответственности и в то же время безответственно и огульно критиковать власти, считая их изначально виновными во всем, заранее делая правительство «козлом отпущения» за все беды народные и принципиально не замечая всего того положительного, что оно делает? А как мы теперь знаем, в это время делалось немало доброго². Такая позиция не только неконструктивна, с точки зрения нормального честного человека она аморальна. И поэтому, понятно, что трезвомысленные церковные люди просто не желали мараться в этой грязи безответственного критиканства, «воплощенной укоризной предстоять перед отчизной». Наконец, возмущение политической индифферентностью, более чем церковными расколами, показывает уровень религиозности и церковности интеллигенции, для которой политические скандалы были важнее мира и единства Церкви.

Если говорить о моральной стороне дела, то доклад Тернавцева, помимо его воли, с поразительной силой раскрывает некоторые нравственные черты интеллигенции. Прежде всего — ее гордыню: «Она чувствует эти запросы над своею головою то как проклятие, то как венец, ибо они дают ей сознание ее избранности и *духовного верха* над всеми окружающими»³. Тернавцев прекрасно отразил также неразумчивую агитаторскую нахрапистость интеллигенции: «Интеллигенция создала тип безрелигиозного проповедника-агитатора, подвизающегося в пространстве, бесстрашного, напролом прошедшего всю русскую жизнь со своим словом и делом»⁴. Да,

¹ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 15.

² Достаточно сказать, что две трети больниц в Санкт-Петербурге были выстроены до революции. Как показал замечательный русский писатель Борис Можаяев, три четверти мужского населения России к 1913 г. были грамотными, и в этом — несомненная заслуга системы церковно-приходских школ, получивших особое развитие во время Императора Александра III, благодаря трудам консервативного министра просвещения, столь хулимого либеральной прессой графа Д. Толстого и С. А. Рачинского. Показателем положительного развития России, в частности, являлся небывалый рост населения: за время правления Императора Николая II население страны увеличилось на 50 миллионов, т. е. почти на треть. Сравним это с нашими временами, когда с 1989 по 2006 гг. Россия потеряла 17 миллионов человек — по 1 миллиону в год в среднем.

³ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 16.

⁴ Там же. С. 13. Благодаря кроткому царствованию Александров и Николая II Тернавцев, по-видимому, забыл жутковатый смысл сочетания «слово и дело», столь страшившее современников Петра I. Советская ленинско-сталинская действительность с ее безумно жестокими приговорами за слова, а иногда — за шутки и даже обмолвки, заставила об этой фразе вспомнить. Так или иначе, знаменательно совпадение между петровскими гвардейцами, хватавшими всех подряд за «слово и дело

действительно этот агитатор прошел через русскую жизнь со своим карающим «словом и делом» так основательно, что чуть не оставил от нее одно пустое пространство, ибо в нем одном он и привык подвизаться. После такого агитаторского опыта впору вспомнить слова Лескова: «Почените же вы, господа, хоть святую скромность Православия».

Тем не менее, интеллигенция оказалась в мировоззренческом кризисе, но и в этих условиях она желает разговаривать с Церковью только на равных, если не чуть свысока. Для Тернавцева непереносима сама мысль о «проповеди среди интеллигенции», о том, что хорошие идут учить плохих. По его мнению, обращение интеллигенции возможно только целиком. Здесь явно чувствуется влияние Соловьева с его «глобализмом», нежелание рассматривать спасение в личностном плане, а лишь — в общем. По существу, в докладе Тернавцева речь идет о принципиально ином — не о воцерковлении интеллигенции, а о синтезе ее и Церкви, что должно явиться источником небывалых сил, возрождения России и «низведения Духа с небес». Причем Тернавцев отводит скромную роль Церкви в этом возрождении, прямо говоря: «Только в России, но не от России, в Православии, но не от Православия, а от Бога, Который больше и России, и Православия»¹. Тогда возникает законный вопрос: каким образом придет Бог, если не через Православную Церковь? Тернавцев отчасти отвечает на него, так отзываясь о современных ему деятелях Церкви: «Нужной здесь широты религиозного замысла, веры, разверзающей небеса и низводящей Духа Святого, говорю это не в переносном смысле, в них нет»². Итак, по его мнению, необходимо новое откровение, новое ниспослание Святого Духа, Третий Завет, совсем в духе любимых идей Соловьева и Мережковского: «Первый Завет — религия Бога в мире, Второй Завет Сына — религия Бога в человеке — Богочеловека, Третий — религия Бога в человечестве — Богочеловечество»³. Этот новый завет приведет к открытию сокровенной правды о земле — учение и проповедь о христианском государстве, а также — религиозное призвание светской власти, общественного во Христе спасения»⁴. Духовное содержание «сокровенной правды о земле», из которой была создана плоть и которая возвратится в землю, было нами раскрыто выше, здесь лишь следует добавить несколько слов о характере «религиозного призвания власти»: Тернавцев прямо говорит о «священной магии власти»⁵. Эта новая священная власть должна была прийти на место старого

государево», все строившими заново как бы в пустом пространстве, и революционным агитатором Тернавцева, подвигающимся в пространстве, бесстрашным, напролом прошедшим всю русскую жизнь со своим словом и делом. Общность проявляется в небрежении традицией, презрении к коренной народной жизни, как обычной, так и духовной, в пафосе строительства «нового мира» и в стремлении к насильственному благодетельствованию.

¹ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Мережковский Д. С. Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. СПб., 1908. С. 28.

⁴ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 25.

⁵ Там же. С. 24. Не исключена связь подобных представлений с идеями Соловьева, выраженными им в работах «Будущность теократии», «Оправдание добра» и т. д., подразумевающими некое магическое и теургическое начало у власти (примечательно, что позднее в «Трех разговорах» Соловьев отказался от своих представлений как антихристианских, носитель его ранних надежд и упований на поверку оказывается антихристом).

Самодержавия — «религиозного по своему происхождению и помазанию, и носительницы величайших вероисповедных упований»¹, но неспособного к возрождению, как «действующего через безрелигиозную и равнодушную к общественному благу бюрократию». Иными словами, революционная интеллигенция устами деятелей Религиозно-философских собраний предлагала Церкви отказаться от Самодержавия и благословить и оправдать ее деятельность по построению оккультно-тоталитарного общества².

Неудивительно, что церковная власть в лице епископа Сергея, будущего Патриарха, отвергла подобные авансы. С самого начала епископ Сергей заявил: «Не по рясе только, а на самом деле я являюсь служителем Церкви, верным выразителем Ее исповедания. Я бы счел себя поступившим против совести, если бы хоть немного уклонился бы этого, из какого-либо угодничества или ложно рассчитанного стремления к миру. Горе говорящим “мир, мир”»³. После доклада Тернавцева епископ Сергей выступил с кратким словом, в котором отверг предлагаемый Церкви неоязыческий и революционный соблазн «новой правды о плоти и о земле». «Когда представители Церкви действительно стремились к небесному, то достигали и земного: Николай Чудотворец, Сергей Радонежский. Не здесь причина разделения Церкви и интеллигенции... Интеллигенция не доверяет искренности духовенства... Церковь проповедовала истину небесного идеала и высшего достоинства человека. Этим, а ничем иным она достигла отмены рабства... Интеллигенция, если она действительно хочет христианства, а не социализма без веры, не имеет причин восставать против Церкви. Христианство не может отречься от неба, а, не отрекаясь от неба, не может поставить во главу святого служения “правду о земле”, но, изрекая свое исповедание небесного идеала, произносит суд и о земном»⁴.

Необходимо вспомнить еще об одном неизбежном противоречии между философско-интеллигентской стороной и церковной в Религиозно-философских собраниях. Тернавцев бросил упрек Церкви в том, что она не имеет своей истории. «Вся ее история — в житиях Святых». Таким образом, он закамouflированно упрекнул Церковь в «индивидуализме и антиобщественности». Подобные обвинения показывают глубинное непонимание сути христианства, которое спасает, прежде всего, личности, а лишь затем — народы и сообщества. Святость в Церкви — персонифицирована, личностна. «Если не скажет человек в сердце своем, что двое нас в мире, я и Бог, не найдет покоя

---

¹ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 24. Не исключена связь подобных представлений с идеями Соловьева, выраженными им в работах «Будущность теократии», «Оправдание добра» и т. д., подразумевающими некое магическое и теургическое начало у власти (примечательно, что позднее в «Трех разговорах» Соловьев отказался от своих представлений как антихристианских, носитель его ранних надежд и упований на поправку оказывается антихристом).

² К сожалению, оккультно-тоталитарный проект далеко не был чужд Серебряному веку. Помимо трудов Соловьева следует упомянуть работы Н. Федорова — на поправку представляющих собой оккультно-тоталитарную теорию, согласно которой люди должны преобразовывать окружающую природу, а затем живые — воскрешать мертвых, во исполнение родового долга (см.: *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М., Т. 1. 1906. М., Т. 2. 1913). Некоторые моменты этой теории были позднее использованы большевиками (пафос преобразования природы, культ революционеров, мавзолей и попытки сохранить тело Ленина).

³ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 5.

⁴ Там же. С. 37.

душе своей», — говорит авва Алоний¹. Относительно возможности всеобщего спасения соборный голос Церкви всегда отзывался отрицательно. Скептически относились Отцы Церкви и к перспективе спасения целых сословий и классов. Как говорит святитель Иоанн Златоуст в толковании на Евангелие от Матфея: «Хотя Христос и говорит, что богатые с трудом спасаются, тем не менее, показывает, что не все они погибнут, и не все бедные спасутся, но и из тех и из других и спасаются, и погибают»². Практически в этом споре Церковь выступила в защиту персонализма, прав личности, ее свободы против утопичной «почти религиозной веры во всеобщее счастье» (по выражению Тернавцева)³, против оккультного тоталитаризма. Здесь весьма уместно привести слова Виктора Несмелова (1863—1937) из его замечательной работы «Наука о человеке», которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме: «Христос даровал людям вечную жизнь. Но послужит ли вечная жизнь действительно во спасение людям, или же она явится для них жизнью в погибель, — это всецело будет зависеть от того, какими людьми войдут в нее. Кто может сделаться чистым от греха и найдет в себе способность и силу жить духовною жизнью чистого ангела, того, несомненно, обрадует вечность, как условие непрерывного развития нравственных сил, как возможность действительного воплощения нравственных идеалов жизни. Кто же поработил себя власти земли, о земле только думает и землею живет, и не допускает ничего, что выходит за пределы земли, того вечность будущей жизни скорее всего, конечно, поразит чувством ужаса, так как она представится ему непрерывным отрицанием желательных для него условий жизни»⁴.

В действительности, интеллигенцию, ищущую духовного знания, в большей степени интересовали необходимости реформ, преобразований, подстраиваний под современную политическую ситуацию. То, что они ничего не уразумели в сути Церкви, следует, например, из заявления «богоискателей» о неживости Церкви как явного признака ее духовной смерти. Элементарная богословская неграмотность этих глубоко образованных людей удивляет. Движение — есть существенная сторона, заложенная Творцом в творение. По мысли Максима Исповедника, движение творения — кинезис — есть его движение к Богу. Цель и конец движения статис — недвижность, пребывание в Боге. Церковь — дом Божий, где осуществляется этот акт, а не инструмент в руках политических манипуляторов. «Недвижность» Церкви — есть ее положительный признак.

Постепенно в Религиозно-философских собраниях элемент «говорильни», моды и политической фронды стал преобладающим. Приведем свидетельство о собраниях А. Н. Бенуа, искусствоведа, человека политически незаангажированного, но духовно чуткого: «С течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями. Мне лично становилось все более и более ясным, что тут, как и во всем на свете, дело складывается не без участия Князя Мира сего — иначе

¹ *Аверинцев С. С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1988. С. 214.

² P.G. T. 58. 704.

³ Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 18.

⁴ *Несмелов В.* Наука о человеке. Метафизика жизни и христианское Откровение. 2-е изд. Казань, 1906. Т. 2. С. 359.

говоря, не без вмешательства какой-то силы мрака, всегда нороящей ввести души людские в соблазн и отвлечь их от всего подлинно-возвышающего. Каково же было мое изумление, когда я удостоверился в “реальном” присутствии бесовского начала!

Дело в том, что из-за помянутой черной классной доски в углу зала выглядывали два острых торчка, похожих на рога. Меня это заинтересовало... Я заглянул за доску, и тут меня обуял настоящий ужас! Передо мной стояло гигантского роста чудовище, похожее на тех чертей, которые меня преследовали в моих детских кошмарах и какие были изображены на лубочных картинках, представлявших “Страшный Суд”. У этой гадины были настоящие волосы на голове и на бороде, а все тело было покрыто густой черной шерстью. Из оскаленной пасти кровавого цвета торчали длинные загнутые клыки, пальцы рук и ног были вооружены колючими когтями, а на голове торчали длинные рога. Страшнее же всего были выпученные глазищи идола, с их свирепым, безжалостным выражением. Это был идол, вероятно, когда-то привезенный из глубокой Монголии или Тибета ... Чудовищное безобразие этого дьявола было передано прямо-таки с гениальной силой, а нахождение идола в данном помещении в качестве какого-то притаившегося наблюдателя — показалось мне до жути уместным. Оно наглядно символизировало то самое, что мне начинало мерещиться, выслушивая длинные, безнадежно топчущиеся на месте прения и присутствуя при схватках, в которых было все меньше и меньше искания истины и все больше и больше самого суетного софистского тщеславия... Когда я (Мережковского) свел за доску, он на минуты выразил крайнее изумление, а затем, привычным жестом пригладив бороду, криво улыбнулся и чуть ли не радостно воскликнул: “Ну, разумеется! Это — он! Надо было ожидать, нечего и удивляться...”¹.

Церковному руководству стало ясно: главное, чего от Православия желали, чтобы Церковь повела за собой народ на баррикады против Царя, а интеллигентские разговоры о Христе — это для презираемых ими же попов и религиозных тогда масс. Вспомним, что еще террористы, готовившие покушение на Императора Александра II, искали по указанию заказчиков на роль исполнителя-убийцы священника. Против России готовилась многоплановая провокация, и в первую очередь надо было скомпрометировать Царя и Церковь, лучше всего столкнув их. 5 апреля 1903 г. по указанию обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева было принято решение о дальнейшей нецелесообразности Религиозно-философских собраний. В 1903 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию окончил священник Георгий Гапон (поп Гапон), посещавший эти собрания...

В 1904 г. началась Русско-японская война, и в Таврическом дворце вести о поражении русских войск интеллигенция встречала аплодисментами стоя². «Отметим, что из выделенных Японией средств на революцию в

¹ Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 135.

² Весьма показательны строки А. А. Блока, мыслившего в орбите «нового религиозного сознания» и близкого к Мережковскому и Гиппиус, которые были написаны по поводу Цусимского разгрома:

*Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей.
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей.*

России досталось кое-что и Ленину. Полученные им деньги пошли на организацию и проведение Третьего съезда РСДРП, а также издания газеты «Вперед»¹. В начале 1905 г. — «Кровавое воскресенье»...

Последующие события еще более ярко доказали нецелесообразность Собраний с государственной и церковной точек зрения. После 9 января 1905 г., благодаря активной поддержке ряда деятелей Религиозно-философских собраний (Мережковского, Гиппиус, Философова, Карташева, Тернавцева и др.) и на основе их идей образовалось так называемое «Христианское братство борьбы» во главе с Эрном и Свенцицким. Целью его явилось не только теоретическое обоснование так называемой «христианской общественности», но и практические действия по ниспровержению Самодержавия и решительному реформированию Церкви. Читая воззвания этого братства, перестаешь понимать, где Свенцицкий, а где — Мережковский. «Христианская общественность» заключалась в анархизме. Всякая власть человека над человеком должна быть упразднена, а языческое отношение к Царю, как Помазаннику Божию — уничтожено. В Церкви должно действовать выборное начало. Программой максимум являлся социализм. Деятельность братства заключалась в распространении листовок, революционных воззваний, попытке устроить стачку «ради правды Христовой»². Нетрудно увидеть в этой программе контуры будущего обновленчества, принесшего столько бед и страданий Русской Православной Церкви.

Антон Владимирович Карташёв

Вместо закрытого «Собрания» в 1907 г. открылось уже Религиозно-философское общество, председателем которого с 1909 г. был А. В. Карташев (1875–1960). Он в свою бытность доцентом церковной истории Санкт-Петербургской Духовной академии имел серьезный разговор с ректором академии епископом Сергием. Сущность разговора сводилась к следующему: или серьезная академическая наука, или церковно-политическая интрига. Карташев выбрал последнее. «Общество», возглавляемое им, было настроено еще более агрессивно и антицерковно, чем Религиозно-философские собрания. Карташев, этот будущий обер-прокурор Синода

Подобная иррациональная (лучше сказать — сатанинская) ненависть к своей Родине и Церкви в конечном счете и привела Блока к духовной катастрофе и сотрудничеству с ЧК.

¹ Сикорский Е. А. Деньги на революцию: 1903–1920. Факты. Версии. Размышления. 2-е изд., доп. и перераб. Смоленск: Русич, 2004. С. 77.

² Свенцицкий В. П. Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906. С. 15–16.

при Временном правительстве, в 1914 г. на заседании «Общества» (Суд над Розановым) дает язвительную оценку прошлым Собраниям и их членам: «Розанов был столпом и соловеем Религиозно-философских собраний, существовавших не по закону, а по благодати до 1903 года. Эта эпоха была совершенно другая сравнительно с теперешней; другая и для Религиозно-философского общества, и для всей русской жизни в ее целом. То было время самых широких сочетаний весьма разнородных лиц и общественных групп, чаявших освобождения России. То же полусознательное, полуинстинктивное предчувствие кризиса произвело на свет Божий и это причудливое сочетание епископов, архимандритов, миссионеров, литераторов из салонов кн. Мещерского и Суворина с “нечестивой” компанией из “мира искусства” с прибавкой нескольких народных, получившее название “Религиозно-философских собраний”. Но все это было давно. Заниматься теперь старческими воспоминаниями о тех “Собраниях”, как делали сегодня некоторые, значит старчески ослепнуть по отношению к настоящему. То было и былшем поросло»¹.

Прошло всего 11 лет, но члены «Общества», тем не менее, позволяли себе роскошь время от времени пинать отцов-основателей за их устарелость и какие-то остатки церковности и здравого смысла, а некоторых из них — привлекать к суду². Так, 26 января 1914 г. в «Обществе» состоялся суд над Розановым. Главный обвинитель Д. В. Философов, для начала громко заявив, что «религия и философия требуют свободы. Но такой свободы в России нет», инкриминирует Розанову два жутких в глазах Совета этого «Общества» преступления. Первое — Розанов в статье «Не надо амнистии» выступает против возвращения в Россию из эмиграции революционеров Плеханова, Кропоткина и народовольца Морозова: «Блудного сына надо простить, но только *раскаявшегося*, а нераскаявшегося: Христос не указал». Философова возмущает даже факт публикации этой статьи в церковном журнале: «С точки зрения свободы слова нельзя бороться с Розановым. Он проявляет свое святое право на свободу мнений. Но такая свобода нам кажется мерзостью из мерзостей, ...потому что во имя насилия здесь привлечено имя Христа... И заметьте, статья помещена в “Богословском вестнике”, органе Московской Духовной академии... Нет, мы не верим, мы не хотим думать, что Розанов действительно душа Религиозно-философского общества. Это наваждение»³.

Философов бросает второе обвинение: «Но Розанов не останавливается на своем призыве к последней жестокости. Он пошел дальше. Я говорю о его выступлении по делу Бейлиса... Розанову, этой душе Религиозно-философского общества, пришлось перекочевать в татарскую орду “Земщины”. 5 декабря 1913 г. в “Земщине” появилась статья Розанова “Андрюша Ющинский”... Но Розанову и этого мало. В той же газете... он помещает обширную статью: “Наша кошерная печать”»⁴. По этому поводу позже в

¹ Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 202.

² Невольно напрашивается параллель с «Бесами» Достоевского. Р-ф. о. относилось к Р-ф. с. примерно так же, как Верховенский-младший к Верховенскому-старшему, который «устарел».

³ Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

«Воспоминаниях об отце» Т. В. Розанова напишет: «В этот же злополучный 1914 г. в нашей семье разразились следующие события, имевшие громадное влияние на всю последующую нашу семейную жизнь. Моего отца, Василия Васильевича, по желанию Мережковского, Зинаиды Гиппиус и ее двоюродного брата В. В. Гиппиуса¹ исключили из Религиозно-философского общества за его правые статьи в “Новом времени” против евреев во время “дела Бейлиса”. Дело было очень громкое, в нем принимали участие адвокаты, врачи, и все настаивали, что в XX в. невозможны такие фантастические изуверские случаи. Отец же настаивал на своем и указывал на каббалу и Талмуд, где видел намеки на возможность этого ритуального убийства. У отца был Талмуд, который был весь испещрен его заметками»².

Следует отметить, что многие были против исключения из «Общества» Розанова. Вспомнили, что когда он глумился над святыней, над Церковью, над монашеством, воспевал Талмуд и критиковал Евангелие — он был «душой общества». Один из участников «Общества» С. А. Алексеев так и выразился: «Мы все прекрасно знаем Розанова. Разве он когда-нибудь был осторожен в своих словах, разве было время, когда он не был ядовит и зол? Мы это прекрасно знали, и когда ядовитость Розанова распространялась на Церковь, ядовитость иногда злобная, мы только благодушно говорили: “Василий Васильевич, по обыкновению, нам сегодня наврал”, — и больше ничего. Теперь мы вознегодовали, когда злое слово Розанова направилось в ту сторону, которая, по убеждению Совета нашего Общества, является противоположной Розанову»³.

Завязалась дискуссия, многие были против исключения Розанова из «Общества». И тогда поразительно ясный, потрясающе откровенный приговор, раскрывающий всю подоплеку суда, произнес председатель «Общества» Карташев. Вина Розанова в том, что он стал на путь покаяния, на путь возвращения к Православию: «Эта реакционная и вместе религиозная сила заключена не в каком-то невменяемом преступнике или выродке, не в простом пошляке, а таится в талантливой, Богом помазанной личности, которой дано чрезвычайно много писательских возможностей. Таких песен, которые поет и еще воспоет Розанов, хотя бы, например, современному чудовищу национализма, не способен петь никто из его собратьев. Все эти Столыпины, Меншиковы, Ренниковы в сравнении с ним — атеисты, прозаики, деревяшки. Розанов истинный поэт и гипнотизер, хватающий за сердце. И он входит теперь в новую силу, он, как блудный сын, из скитаний по идейным чужбинам, возвращается теперь в родное ему лоно славянофильского национализма и Православия. И Церковь с радостью принимает его, прощает ему все грехи, все кощунства, ибо умеет ценить такие силы, ей они до зарезу нужны. А Розанову, окрыленному этим мощным союзом, пред-

¹ В. В. Гиппиус не играл столь значительной роли в организации «суда» над Розановым — главными фигурами были Д. С. Мережковский, Д. В. Filosoфов и А. В. Карташев; В. В. Гиппиус признался позже Н. В. Розановой-Верещагиной, что вопрос об исключении Розанова был поставлен по требованию масонской организации (см.: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 137–139). См.: В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 466.

² Розанова Т. В. Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 71.

³ Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 193.

стоит еще вспыхнуть ярким пламенем таланта писательского, пламенем новых, истерически-любовных слов националистических и церковных, и затем вскоре зачахнуть, пропасть, умереть для жизни, ибо на этом роковом пути есть только соблазн разрешения вопросов жизни, а не само разрешение. Этот путь изжит, исчерпан до конца, соблазн его колоссальный, а конец — удушение и смерть. И это упрек не только русскому национализму и русскому Православию, а и всем их подобиям, всем вероисповеданиям во всем мире¹. Таково наше отношение к Розанову как к религиозно-общественной силе. Наш долг — размежеваться с нашим религиозно-общественным антиподом, но мы не выдвигали на первый план этого специфического мотива, зная, что он пока еще не стал общепонятным. Мы выдвинули лишь общепонятную интегральную часть нашего главного критерия — общественную непорядочность².

Карташев признается, что это тяжелый крест, расставаться с Розановым, бывшим «душой общества»³, который сделался изменником и переходит в Православие. Для особо непонятливых Карташев задает риторический вопрос: «Мы признаем, что Розанов действительно значительный деятель религиозно-философской мысли в России, но чей он слуга? Какого из двух религиозных духов? Какого из двух религиозных лагерей? И какому духу должно служить наше Религиозно-философское общество?.. Под именем Розанова мы от глубины души боремся с величайшими культурными и религиозными соблазнами того националистического и церковного лагеря, для которого Розанов так характерен. Нам совершенно неважно, в какую юридическую форму облечь наше разделение с Розановым, важно лишь провозгласить, что мы не с его лагерем, что мы не в духовном общении ни с ним, ни с его пакостями, ни с его идеалами!»⁴

Подобная логика характерна для людей с тоталитарным сознанием типа коммунистического. Следовательно, можно говорить о том, что за три года до революции в «Обществе» уже была тоталитарно-окультиная дисциплина с «духом», который прямо противопоставлялся Православию.

Напомним, что Временное правительство в 1917 г. назначило Карташева обер-прокурором Святейшего Синода. В эмиграции Карташев писал широко тиражируемые книги по Истории Русской Церкви.

Итак, деятели «Нового Религиозного Сознания», начав с призыва к свободе, кончили бесправием, напоминаям порядки тоталитарной секты. Провозгласив вначале объединение с Церковью и народом, завершили дело моральным террором против сторонников «русского национализма и русского Православия», и это в 1914 году. Борясь вначале за «права человека», перешли затем к попранию всякого права. Пренебрежение прежними

¹ Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 208. Яснее невозможно выразить сущность синкретической философии масонства, которая стремится к слиянию и уничтожению всех религий, всех вероисповеданий.

² Следует отметить этот прием — прикрытия истинных целей общепонятными «общечеловеческими» предложениями, а равно чисто интеллигентский способ расправы и диффамации — расплывчатого обвинения в «непорядочности» вместо вменения конкретных грехов и проступков.

³ Там же. С. 207.

⁴ Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 210.

идеалами свободы, единства и правосознания, столь дорогими прежде для интеллигенции, весьма характерно для предреволюционной эпохи: российская национальная элита своими руками готовила себе гибель. «Вся подготовительная работа для большевиков была сделана вековыми усилиями интеллигенции; потому-то, вероятно, Ленин и изображается в монументах в позе срывателя спелой груши: вытянутая кверху рука, слегка откинутый назад корпус на согнутых коленях и сладострастный оскал лица, ожидающего струю сладкого сока...»¹.

Отрезвление значительной части петербургской интеллигенции началось сразу же после Октябрьской революции, когда Петроградскую ЧК возглавил Моисей Соломонович Урицкий². Д. С. Мережковский с супругой З. Гиппиус, Философовым и Злобиным, воспользовавшись доверием большевиков (во что трудно верится, возможно, это масонский стговор), под видом командировки для чтения лекций в красноармейских частях выбрали из Петрограда, пересекли польско-большевистский фронт, а далее последовали Бобруйск, Минск, Вильно, Варшава и Париж. «Сделавшая свое дело интеллигенция стала больше не нужной, и революция обрушилась на нее со всей своей истребительной силой. Разгром интеллигенции завершился торжественным и символическим актом высылки (в 1922 г.) почетных представителей интеллигенции за границу»³. О том же свидетельствует Бердяев: «Большевизм воспользовался всем для своего торжества...

Священник Стефан
Щербаковский 1903 г.

Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. Он впитал в себя и русское интеллигентское сектантство, и русское народничество, преобразив их согласно требованиям новой эпохи»⁴.

Значительная часть интеллигенции как в России, так и за рубежом, в результате осознания смысла и последствий «апокалипсиса революций» вернулась в лоно Церкви. Казалось бы, совершенно расцерковленный и атеизированный класс дал Церкви множество мирян, пастырей и даже святых.

Хочу низко поклониться своим предкам, своим родителям, которые в самые страшные богоборческие времена сохраняли верность Христу, никогда не отступались от Церкви. По отцовской линии у меня многие родственники — священ-

¹ Болдырев Н. В., Болдырев Д. В. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 56.

² См. на эту тему: Коняев Н. М. Гибель красных Моисеев. М.: Вече, 2004.

³ Болдырев Н. В., Болдырев Д. В. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 56–57.

⁴ Русский Вестник. № 9, 2017. С. 13.

*Унтер-офицер
Никита Васильевич Горянов*

*Священник
Никита Васильевич Горянов*

нослужители. Прадед Стефан Щербаковский служил полковым священником, участвовал в Русско-японской войне, в 1918 г. расстрелян в подвалах одесской ЧК. Дед Никита Васильевич — стал диаконом в 1932 г., был рукоположен митрополитом Одесским Анатолием (Грисюком), священномучеником, причисленным к лику Российских новомучеников. В ту пору, когда уже всюду шли богоборческие гонения и репрессии, принятие сана было шагом мужества и самопожертвования. Дед был репрессирован, с 1937-го по 1939-й находился в заключении в Данлаге.

Мой отец, Александр Никитич, во время Отечественной войны был призван из Одесского медучилища, тогда ему было 18 лет. Он служил военфельдшером, спасал и лечил раненых, участник героической обороны Одессы, был ранен: потерял глаз, осколком перебило ногу, а после войны окончил Одесский медицинский институт. Мать, Мария Федоровна, была верной помощницей на его трудном жизненном поприще.

Обращение интеллигенции к Церкви, «смирение гордого человека» — один из важнейших результатов XX столетия, который простирается и в новый, XXI век. Причем, это обращение, происходящее на наших глазах, такое массовое, искреннее, счастливое, как стремление ребенка к матери, с которой он был надолго разлучен. Но тернист и каменист путь, по которому мы стремимся к нашей Матери-Церкви.

Справедливы и сегодня слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, сказанные им на XI Международных Рождественских образовательных чтениях 26 января 2003 г.: «Наша культура получила всемирное признание благодаря одухотворяющим ее духовно-нравственным идеалам. Сегодня мы встали на путь возрождения Святой Руси. Однако

Будущий митрополит Константин с родителями Марией Фёдоровной и Александром Никитичем в день архиерейской хиротонии. Жировицкий Свято-Успенский монастырь. Белоруссия. 16 июня 1991 г.

нам нужно преодолеть тяжкое достояние, оставленное XX веком. Отторжение человека от Бога и веры усилило нетерпимость и вражду, привело к господству безбожной тоталитарной идеологии, превознесло материальные ценности над нравственными основами бытия. Можно ли избавиться от всего этого без возрождения подлинной культуры, без обращения к духовным первоисточкам? Конечно, нет. Вот почему нашему обществу, особенно детям и молодежи, так необходимо сегодня знакомство с православной культурой. Люди — включая школьников и учителей, студентов и профессоров, — все больше осознают, что Православие имеет неоценимое значение для понимания нашего прошлого, для устройства нынешней жизни и для созидания лучшего будущего».

И сегодня, как и век назад, интеллигенция, особенно учащаяся молодежь, обуреваемы мировоззренческими исканиями, стремятся к узнаванию традиции и к духовному сближению с Русской Православной Церковью. Но сегодняшний опыт новых встреч и общений более перспективный и плодотворный. Церковь поняла, что народу нужен не только диалог, но пастырское наставничество, духовное просвещение, помощь в воцерковлении. Только тогда отпадут многие трудные для интеллигенции вопросы. Общение может иметь и лекционную составляющую, происходить в академическом зале, но урок должен закрепляться в храме, в литургической жизни Русской Церкви, получившей наибольший дар Света Божия, обладающей несметными сокровищами — светочами — русскими подвижниками разных чинов святости.

Можно привести немало положительных примеров общения представителей Церкви и современной интеллигенции Санкт-Петербурга, инициатором

и руководителем которых мне посчастливилось стать в бытность Ректором Санкт-Петербургской Духовной академии. Первой такой организацией стал Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга, объединивший ведущих ученых города — представителей естественных направлений, медиков, гуманитариев, военных. Большие тематические конференции и общие паломничества, подготовка сборников и совместные богослужения — лишь часть жизни и огромной работы этой организации. Один из многих примеров — издание сборника «Православие и нравственность» (СПб., 2006. 321 с.), содержащего материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проведенной общественной организацией «Собор православной интеллигенции во имя святого преподобного Серафима Вырицкого» 17–19 февраля 2006 года. Это уникальное издание предваряет приветственное обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Важное современное значение имеет опубликованный в сборнике первый пленарный доклад «Социальная угроза нравственности молодежи» архиепископа Тихвинского Константина, ректора СПбДА, профессора, Почетного председателя «Собора православной интеллигенции». В сборнике также содержатся выступления преподавателей многих вузов, представленных в Ассоциации 60-ю докторами и кандидатами наук, активно участвовавших в подготовке и проведении последующих конференций Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга. На пленарных заседаниях и на пяти секциях было обсуждено моральное состояние общества, а также пути его духовно-нравственного оздоровления с опорой на Православие.

Уникальным проектом стало создание в 2002 г. по инициативе Совета ректоров вузов СПб Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров», куда во время моего ректорства (1996–2008) при-

Заседание Межвузовской ассоциации «Покров» в СПбДАиС. 2005 г.

*АНИС: архиепископ Константин с президентом В. В. Аксёновым
и генеральным конструктором С. П. Непобедимым. 2009 г.*

няли и Санкт-Петербургскую Духовную академию. Впервые ректор Духовной академии был избран членом Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга. Совет ректоров возглавлял Виктор Егорович Романов, ректор Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, а благословение было получено от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Президентом Ассоциации был избран епископ Тихвинский Константин, вице-президентом — ректор Российского государственного педагогического университета Г. А. Бордовский. Ассоциация по мере постепенного расширения стала насчитывать около 40 ведущих гражданских и военных вузов Санкт-Петербурга и других городов России. Целью «Покров» ставит возрождение в молодежной студенческой среде духовных ценностей Православия, организацию духовно-нравственного просвещения. Формы работы организации разнообразны и обширны: от научных исследований до социально-благотворительной работы. Во многих вузах открываются храмы. Создано единственное в России студенческое университетское благочиние, которое включало на момент создания 15 храмов.

Были приложены заметные усилия для большей открытости СПбДА, что способствовало активизации научной работы. Заключены договора о сотрудничестве с Университетами, Эрмитажем, Русским музеем, Военно-космической академией и др. Впервые привлечен ряд университетских профессоров для преподавания в СПбДА. Архиепископ Константин неоднократно получал награды и благодарности от Совета ректоров «за многолетний плодотворный труд, обеспечивавший устойчивое взаимодействие Православной и светских высших школ Санкт-Петербурга в борьбе за духовность молодежи России».

Особое просветительское значение имеют чтения, которые проводятся на базе вузов: Покровские, Знаменские, Татьянинские, Кирилло-Мефодиевские. Сегодня борьба за умы молодежи — тот же фронт, требующий от священников полной самоотдачи и профессиональной грамотности. Ассоциация регулярно выпускает материалы Покровских чтений. Например, «Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций. Духовная культура как основа безопасности и здоровья личности, семьи, общества» (СПб., изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 291 с.). Сборник открывается статьей архиепископа Тихвинского Константина на тему: «Русская Православная Церковь и Государственная Дума».

Главным межвузовским праздником, проводимым Ассоциацией «Покров», является день св. мученицы Татианы, покровительницы российского студенчества. Этот праздник из чисто церковного стал церковно-государственным. Церемония вручения наград и почетных знаков святой Татианы проходила в Казанском и Исаакиевском соборах. Золотым Татьянинским крестом награждены представители городской власти, в том числе В. И. Матвиенко (ныне Председатель Совета Федерации), а также деятели образования и религиозных институтов — В. Е. Романов, архиепископ Константин, почетной грамотой награжден главный редактор журнала «Фома» — Владимир Легойда. Некоторые студенты получали бесплатные путевки на паломническую поездку во Святую Землю.

По инициативе православной интеллигенции Петербурга, по благословению Патриарха Алексия II и митрополита Владимира осенью 2005 г. был создан Народный православный университет (НПУ). Он стал уникальным учебным заведением — единственным в России. Университет с трехгодичной программой обучения дает возможность всем желающим получить зна-

Общественно-педагогический форум, организованный Центром Национальной Славы России. Санкт-Петербургский государственный университет, 2008 г.

*Общее собрание Северо-Западного отд. РАЕН, СПб, 2014 г.
В президиуме: президент РАЕН О. Л. Кузнецов, вице-президент РАЕН
В. С. Новиков, член президиума РАЕН архиепископ Константин*

ния в области православного богословия, культуры, церковной истории, литургики и т. д. Ректором НПУ стал ректор Санкт-Петербургского государственного института внешнеэкономических связей, экономики и права С. М. Климов. Архиепископ Константин возглавлял попечительский совет НПУ. Аналогов Ассоциации «Покров» и Православного народного университета в стране не было¹.

По инициативе православной интеллигенции Петербурга была также создана уникальная «Школа народного искусства Императрицы Александры Федоровны». Школа выпускает материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы православного образования и воспитания», например, «Новая дорога к старой школе. СПб, 2008». Названный сборник предваряет статья архиепископа Константина «Воспитание православного победителя».

Показателем высокого градиента взаимоотношений школ разных уровней, восходящих даже к Академии, является сотрудничество Церкви с Российской академией естественных наук. По инициативе епископа Тихвинского Константина и генерал-майора медицинской службы, заслуженного деятеля науки РФ, академика, профессора В. С. Новикова в 2001 г. впервые на базе СПбДАиС состоялось общее собрание Северо-Западного отделения Российской академии естественных наук (РАЕН). Являясь членом Президиума РАЕН, Владыка Константин многие годы активно участвует в деятельности Академии, выступает с пленарными докладами. Имеет публикации в «Вест-

¹ Более подробно см. книгу: Санкт-Петербургская Православная Духовная академия / под общ. ред. архиепископа Тихвинского Константина. СПб., 2008.

*Общее собрание Международной академии науки, экологии
и безопасности человека (МАНЭБ), СПб, 2008 г.
В центре — президент МАНЭБ В. А. Роголёв и архиепископ Константин
после вручения ему ордена МАНЭБ св. Иоанна Кронштадтского*

нике РАЕН». Награжден почетным знаком РАЕН «За заслуги в развитии науки», а также высшей наградой РАЕН «Звезда Академии» I степени.

Научные вопросы экологии и безопасности человека сегодня также рассматриваются учеными совместно с богословами. Митрополит Константин является членом Международной академии наук, экологии и безопасности (МАНЭБ).

Духовное окормление и членское присутствие иерархов церкви и рядовых священников является существенной особенностью такой разветвленной международной организации, как Академия Российской словесности. Она, возглавляемая сегодня известным писателем и ученым Юрием Антоновичем Беляевым, является идейной правопреемницей Российской Академии, созданной Указом Екатерины II в 1783 г. для защиты и пропаганды российской словесности. Санкт-Петербургский филиал этой значимой в деле сбережения национального духовного кода и распространения достижений современной культуры Академии, занимается просветительской деятельностью. По благословению и при участии митрополита Константина (Горянова) совершаются паломничества деятелей культуры из Санкт-Петербурга и других городов Северо-Западного региона по историческим и святым местам, например, по монастырям Псковской области, по Пушкинским местам и др., где проводятся творческие встречи и конференции. Члены петербургской делегации обычно принимают участие в церковных службах и беседах со священнослужителями посещаемых церквей и монастырей.

Приведенные примеры благотворного современного взаимодействия Церкви и интеллигенции вскрывают основную причину неуспеха диалога

Выездное заседание Академии Российской словесности.

Псково-Печерский монастырь. Сентябрь 2012 г.

*1-й ряд: архиепископ Константин (Горянов), председатель Псковской писательской организации прозаик Игорь Смолькин, историк Церкви Николай Коняев, поэт, литературный критик Валентина Ефимовская;
2-й ряд: поэт, главный редактор журнала «Родная Ладога» Андрей Ребров, главный редактор сайта Русская народная линия Анатолий Степанов, секретарь Псковской Общественной палаты Валерий Павлов*

между Церковью и интеллигенцией в начале XX века. Он завершился относительной неудачей в силу, конечно, целого ряда объективных причин, но одной из главных я бы назвал — недостаточность «апостольского отклика». Важны и сегодня слова о. Г. Флоровского, сказанные о святителе Тихоне Задонском, который «писал для этого мира, свидетельствовал о Спасителе погибающему миру, и не ищущему спасения. Это был апостольский отклик на безумие вольнодумного века. Это была первая встреча с новым русским безбожием»¹. Хочется надеяться, что в XXI в. в результате искреннего, трудоемкого «апостольского отклика», общество обратится к пути спасения, и настанет эпоха окончательного примирения между Церковью и интеллигенцией, которое послужит их творческому взаимодействию, направленному на благо России и всего мира.

---

¹ Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 124.

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОЖИЯ

*О новой книге митрополита
Константина (Горянова)
«Апокалипсисы революций»¹*

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор четырех книг поэзии и книги критики «Резонанс жизни». Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Оглянувшись на прошедший век русской истории, впору предположить, что его атрибутом стала социальная энтропия, то есть разлад, хаос, беспорядок государственного развития. Ученые считают, что энтропия является условием развития (саморазвития) любой системы, хотя современные исследователи уточняют — энтропия лишь элемент механизма развития, но не его причина. Это позволяет утверждать, что не только с помощью опытного познания, но в категориях трансцендентности можно рассмотреть и осмыслить кризисы личностного и общественного становления. Их трудно понять без христианского представления о переменах в мире, где саморазвитие невозможно, так как источником жизни и любого совершенствования является Слово Божие, Божия Благодать. Правда, каждый человек свободен в выборе — сколько принять этой Благодати, и как ею распорядиться, может использовать ее во спасение или во зло и даже против Создателя.

Русские революции начала XX века, которые можно рассматривать как единый, хотя и дискретный процесс, как поэтапную перманентную русскую революцию или пошаговый отход от веры и Церкви, в 2017 году вызывают особый интерес у ученых различных направлений и всего российского народа. Во избежание будущих социальных катастроф новые поколения пытаются понять, что произошло с Россией 100 лет назад, оказавшейся на грани потери суверенитета, не на одно десятилетие погрузившейся в хаос братоубийственной войны. Сегодня с особым вниманием мы подходим к вопросу,

¹ Митрополит Константин (Горянов). Апокалипсисы революций. СПб.: Родная Ладога, 2017. 560 с.: ил.

что явилось причиной русской трагедии, отголоски идеологических противостояний которой не затихают поныне, ведь и за век не сложилось единой оценочной исторической концепции. Новая книга богослова, историка Русской Православной Церкви митрополита Петрозаводского и Карельского Константина (Горянова) «Апокалипсисы революций» много способствует созданию такой концепции. Эта работа ученого не только дает объективную картину событий начала XX века, но содержит богословское и философское исследование революции как таковой и, в частности, русской, корни которой уходят в далекие, периодически повторяющиеся «смутные времена». Выявленные объективные закономерности и непреложные духовно-нравственные смыслы, присущие всей русской истории, позволяют ученому-богослову не только дать наиболее правдивую картину событий столетней давности, но и сформулировать выводы и рекомендации, необходимые для предотвращения новых русских трагедий. Книга митрополита Константина на примере отечественной истории представляет общечеловеческие знания, обязательные для единства нации, народа и всего мира. В ней, говоря языком аналогий, выявляются средства не гэнтропии (противоположность энтропии), противостоящие хаосу, показываются силы, борющиеся с ним путем духовной организации системы, в частности, Российского государства.

Книга «Апокалипсисы революций» состоит из ряда исторических статей, касающихся разновременных, на первый взгляд, не связанных между собой периодов русской истории. Здесь есть статья об Иосифе Волоцком, легендарном борце за каноничность Православия, материал о предательской Брестской Унии 1596 года, статья о мало известной Урмийской миссии Русской Православной Церкви в Иране, исследование деятельности Патриарха Тихона (Беллавина), история жизни попа Гапона, статьи о священном подвиге Императора Николая II, о духовных единомышленниках Венценосца и о его палачах и другие исследования. Названия и тематика статей сборника, охватывающих пятисотлетний период русской истории, представляются разнородными. Это объяснимо, так как весь исторический процесс, если не замечается его духовное содержание, кажется незакономерным, видится совокупностью случайных пространственно-временных событий, не поддающихся систематизации. Воспользуемся, однако, достижениями точных наук и вспомним, что в волновой теории существует прямое преобразование Фурье, с помощью которого можно представить отрезок любой конфигурации (в допущении — отрезок исторического времени) совокупностью гармонических функций и таким образом «воссоединить» и сопоставить, казалось бы, далекие друг от друга процессы. Используя термины теории обработки сигналов, можно сказать, что временные ряды могут быть отображены в виде частотного спектра. И наоборот, используя обратное преобразование, совокупность дискрет, то есть частотная зависимость, может быть реконструирована во временную (историческую) закономерность. Подобное преобразование с историческим спектром, представленным рядом исторических событий, исследуемых в статьях, делает в своей книге «Апокалипсисы революций» митрополит Константин (Горянов). Ученый-богослов, историк Церкви, используя личный и исторический опыт, на *дискретных* исторических примерах выявляет и доказывает единые, непреложные духовно-нравственные законы развития личности и общества. Каждая статья книги посвящена «смутному времени» или «революции» в русской истории,

которые, как доказывает автор, могут повторяться, если являются следствием нарушения человеком и обществом законов, установленных для мира Богом. Академик РАН В. С. Мясников во вступительной статье рассмотрел исследование митрополита Константина в контексте живой мировой истории, подчеркнул прорывное значение книги, проливающей свет на многие исторические тайны, что очень важно в системе современного духовного кризиса, в средах фальсифицированной идеологии.

Содержание сборника определяется его названием. Мощный метафорический образ — «апокалипсисы революций», принадлежащий Максимилиану Волошину, автор использует не только для раскрытия причин и последствий социальных катастроф, но для исследования смысловых приоритетов в обществе в трагические для России смутные времена. Это оправдано тем, что оба существенных в названии являются терминами эсхатологического порядка, учения о конечных судьбах мира. Тема апокалипсиса (откровение о конце света), являющаяся в книге стержневой, рассматривается с учетом современных научных открытий, допускающих возможность промежуточных его форм. Такому промежуточному или «малому апокалипсису» посвящена каждая статья книги, в прологе к которой автор на основе Библейской истории раскрывает свой замысел и объясняет методологический подход.

Понятие апокалипсиса или «последних времен» связано в нашем представлении с катастрофой, с концом человечества, с очистительным огнем, с кончиной этого мира. Как говорит митрополит Константин, «“Последний день” — день явления Господа Бога для спасения человека — настал с Первым Пришествием Христа Спасителя, с воплощением Бога Слова. Этот “День” таинственно продолжается в жизни Церкви сквозь ткань времени исторического, в котором существует видимый мир, и найдет свою кульминацию во Втором Пришествии Господнем. <...> Целью Второго Пришествия Христа будет Страшный Суд над людьми, как воскресшими из мертвых, так и оставшимися в это время в живых». Во многом сроки этого события зависят от любимого творения Господа — человека, обладающего амбивалентной природой — физической, находящейся в мире вещей, и духовной, выходящей за его пределы. Несоответствие идеальной природы личности человека реальным условиям бытия делает его существо двойственным, исполненным внутреннего конфликта. Будучи исследователем многотомного труда отца русской систематической антропологии, профессора метафизики Казанской Духовной академии Виктора Несмелова «Наука о человеке», митрополит Константин основывает свое исследование на его смелом предположении. Оно состоит в том, что человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самым изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формую какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом». Мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей индивида, например в уме, а в совокупности всех проявлений личности, — является основополагающей в доказательстве митрополитом Константином связи возникновения трагических событий с отступлением человека от «должного быть», являющегося установлением Высшей Воли, от идей спасения и искупления.

На примере первого грехопадения людей, совращенных виновником их падения Денницей, стремившимся к личному своему почитанию как к божественному, к верховенству в Божием мире, Владыка Константин показывает многовековые последствия этого события в человеческой истории, вплоть до русской революции начала XX века и сегодняшних цветных переворотов. «Гениально изложенная Несмеловым психология бунта в духовном мире является метафизическим архетипом *технологии революций*, в том числе и современных “цветных”, в частности, “оранжевых”. Это неоцененная современниками заслуга Несмелова, на которую при его жизни не обращали внимания, современными нам событиями подтверждена и заставляет признать правильность теории ученого», — говорит в прологе к своей книге митрополит Константин. Тем он предостерегает современников от очередного «апокалипсиса революции» и скорого наступления «последних времен», срок наступления которых не только во власти Бога, но во многом зависит и от человека.

К последним временам, казалось, подошла Россия в конце XV века, когда на Православную веру на Руси покусилась «ересь жидовствующих», ошибочное, еретическое учение, искажающее фундаментальные основы Христианской веры, представляющее смесь тайного иудаизма, астрологии и черной магии. Эта «новинка» нехристианского Запада прижилась в Новгороде, боровшемся за свою независимость, доползла до самой Москвы, заползла даже в царские палаты. Митрополит Константин в статье **«Начало дальнейшего» (святитель преподобный Иосиф Волоцкий — защитник духовных границ Руси)**» дает широкую картину духовного состояния разнородного русского общества во времена правления Ивана III, показывает идеологическое противоборство Русской Православной Церкви и светских властей, заблуждения части священства, распространившиеся даже в среде монашествующих. Мало оказалось защитников истинной веры от ереси, понимавших цели и последствия привнесенной извне религиозной революции, которая совпала со временами усиления России на международной арене, со становлением ее как мировой Державы. Очевидно, что сторонние силы, зная соборную мощь русской веры, попытались завести Россию в еретический тупик. Иосифу Волоцкому, не иначе как с Божией помощью, удалось отстоять чистоту веры, но понадобилось двадцать пять лет напряженной борьбы, чтобы страна и Церковь поняли его доводы, вышли из ложного духовного состояния, из смертоносного духовного заблуждения. А покаяние Царя перед монахом свидетельствовало о важнейшем осознании обеих сторон, что государство и Церковь не антагонисты, а единомышленники.

Митрополит Константин, снимая многие вековые наслоения, которые искажают историю борьбы преподобного Иосифа Волоцкого с ересью, приводя неоспоримые исторические данные, подводит читателя к пониманию духовных вершин Святой Руси, свидетельствует о существовании у человека дара «различенья духов», основанного на святости жизни, духовной мудрости, верности и преданности Господу Богу. «Тем самым, — делает вывод митрополит Константин, — Иосиф Волоцкий спас Русскую Церковь, деятельность которой светские власти попытались реформировать социально-политическими методами, и на какое-то время продлил жизнь Святой Руси. Великой Державой Русь к концу XV века стала во многом и потому, что и политическое, и духовное ее развитие проходило в едином творческом рус-

ле. На это единство и покусился внешний враг, искавший новые направления, как сейчас говорят, “гибридной войны”, которая на самом деле имеет глубокие исторические корни».

На русское единство, на Православную веру вновь покусился извечный враг Руси-России в конце XVI века. В статье **«“Поступайте осторожно, ...потому что дни лукавы” /Ефес. 5:15–16/. (Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия, ее наследие и наследники)»** митрополит Константин рассказывает историю важной для понимания многих современных событий Брест-Литовской унии 1596 года, приведшей к возникновению униатства (признание западнорусскими епархиями власти папы римского при сохранении формы православной обрядности) и разделению западнорусской Церкви. Эта уникальная по своей исторической насыщенности богословско-просветительская статья раскрывает истинные смыслы фактов истории, которые католическая ветвь христианства на протяжении многих веков пыталась, если не скрыть, то во имя своих интересов, имеющих политическую и экономическую составляющие, исказить, убедительно сфальсифицировать. В названной статье Владыка Константин смело, понятно, на основе обширного исследования исторических предпосылок рассказывает о формальной сути разлада между православными и католиками — о Филиокве (лат. *Filioque* — «и от Сына»). Это добавление, сделанное Римской церковью к восьмому члену Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «и от Сына», привело к искажению понимания сущности Святой Троицы, и как следствие — к конфликту с Восточной Церковью.

Страшны были проявления и последствия этого конфликта, много крови православных, пытавшихся защитить свою веру, было пролито в землях, находящихся под властью униатов и католиков. Владыка Константин приводит ужасающие исторические примеры, объясняет истинные причины разделов Польши, рассказывает о малоизвестных героях того времени, в частности, о святом Афанасии Брестском. Преподобный Афанасий пытался защитить православные храмы от посягательств униатов, выступая на польском Сейме, открыто требовал от короля Владислава IV прекращения гонения на православных и отмены унии. За это смелый монах неоднократно арестовывался как «государственный преступник», за это он был погублен.

Митрополит Константин доказывает, что в земной истории христианской Церкви многие события могут быть правильно поняты только при сопоставлении их духовного содержания с основополагающими для этого содержания богословскими началами. В многом это относится и к новейшей истории, разворачивающейся в трагических проявлениях на наших глазах, в частности, событий так называемого украинского майдана. Как говорит митрополит Константин: «Ватикан стремится утвердить власть римского первосвященника прежде всего там, где национальные и общественные конфликты вынуждают христиан искать их разрешения даже путем вероучительных компромиссов во имя сулящего им “благоденственное и мирное житие” существования “под римским престолом”. Если таких конфликтов нет, западные покровители Украины не гнушаются их спровоцировать, скольких бы человеческих жизней и каких бы территориальных потерь это ни стоило Украине, которая в данном случае не воспринимается сувереном. <...> Под политико-прагматические были замаскированы причины украинского май-

дана, результатом которого стала потеря Украиной независимости. Внешнему за океанскому руководству, как когда-то Гитлеру, не нужна мощная единая всеукраинская Церковь, поэтому будут поддерживаться филаретовцы, униаты, католики, американские секты, захватываться православные церкви, вплоть до кровавой расправы с православными священниками. Большая вероятность, что в скором будущем Украина не сможет сохранить государственную целостность и будет разделена, как когда-то Польша, которая сегодня, заинтересованная в отторжении в свою пользу западно-украинских земель, всячески поддерживает процессы и результаты майдана».

О противостоянии Православия с другими ветвями христианства говорится и в статье **«“Осолить Вселенную”: история Русской Православной миссии в Иране»**. В целом статья посвящена малоизвестной сегодня истории Русской Православной Церкви и миссионерскому подвигу русского духовенства в Иране, где удалось создать мощную православную диаспору. Урмийская миссия существовала с 1898 по 1918 год, в результате ее действий к Православной Церкви удалось присоединить ассирийцев-несториан, проживавших в пограничной с Россией персидской провинции Азербайджана, к западу от озера Урмия. Своей героической, подвижнической деятельностью в труднейших бытовых и политических условиях миссия прочно вошла в историю Русской Православной Церкви. В трагической судьбе этой, сегодня почти забытой православной миссии, нашел свое воплощение уникальный опыт миссионерства среди несториан, впервые за полторы тысячи лет в составе целой епархии вошедших в состав Православной Церкви и тем подготовивших возможность воссоединения с Православием всей Несторианской Церкви вместе с ее Патриархом. Но из-за катастрофических революционных событий в России в 1917 году эта редчайшая возможность осталась нереализованной.

Рассказ о трагических последствиях Первой мировой войны и революции 1917 года для русской миссии в Иране является логичным переходом к следующим статьям сборника, посвященным непосредственно революционной истории России начала XX века. Особенность книги митрополита Константина состоит в ее научной доказательности, логичности, целостности, свидетельствующей о непрерывности и взаимосвязанности исторического процесса. Автор не задается целью только перечислить исторические события, приведшие к революции, но выявляет незримые глубинные ее причины, показывает явные поводы, реконструирует судьбы и оценивает деятельность известных участников. Основной задачей науки является получение таких результатов, которые в большей степени отражают содержание предмета исследования. Получение истинных знаний в исторической науке — процесс не только сложный, но требующий от исследователя смелости. Современный процесс познания прошлого, которое состоит из разрозненных частей, по-разному интерпретированных свидетельств, нуждается в особых объективных доказательствах истинности. Нахождение критерия истины — дело сложное, заключающееся не только в сопоставлении разных источников, в выявлении тождественности сведений, но в подборе инструмента или метода исследования, которым применительно к книге митрополита Константина можно назвать соотнесение фактов с картиной божественного миропорядка, с духовным законом, данным человечеству Богом. Известное изречение Канта:

Что разумно, то действительно;

И что действительно, то разумно. (Философия права)

для исследования митрополита Константина можно переиначить так:

Что духовно, то действительно;

И что действительно, то духовно.

Примененный к истории русской революции, к исследованию ее причин, последствий и уроков этот метод оправдал себя полностью, так же как и расширение социально-политических границ рассматриваемой исследователем исторической области. Говоря языком теории дифференциальных уравнений, Владыка Константин корректно задает граничные условия в своем исследовании, а именно, с уверенностью доказывает, что решение в заданной временной области может *существовать*, оно *единственное* и непрерывно *зависит* от заданных граничных условий. Для решения поставленной задачи он рассматривает обширный пласт событий, систему отношений сословий, партий, деятельность организаций светских и духовных и т. п.

Пониманию особенностей формирования революционной ситуации много способствует статья о становлении русского парламентаризма **«Конец Русской симфонии: взаимодействие Государственной Думы и Русской Православной Церкви в императорской России»**. На примере неудачного опыта работы нескольких созывов Государственной Думы в начале XX века, разобщенной, инфицированной революционными идеями, митрополит Константин показывает удручающее состояние русского политического общества накануне русской революции, считая это одной из причин государственной трагедии.

Роль интеллигенции в революции автор книги исследует в статье **«“Апокалипсисы революций” (Санкт-Петербургские религиозно-философские собрания 1901–1903 гг.: причины, ход и неудача диалога Русской Православной Церкви и русской интеллигенции с современной точки зрения)»**. Много на тему «интеллигенция и революция» было высказано негодований и обвинений ее прежними исследователями. Но Владыка Константин рассматривает этот трудный вопрос русской истории с иной позиции, с точки зрения взаимоотношений образованного слоя общества с учителями Церкви, подходит к его решению с уважением к обеим сторонам. При этом богослов-историк, не навязывая собственных категоричных оценок, приводя обширные цитаты из стенограмм и докладов Религиозно-философских собраний, личных высказываний выдающихся исторических личностей, предоставляет возможность уму и совести современного читателя вынести свое суждение о мере вины интеллигенции в революции. Владыка Константин подтверждает, что большинство участников Собраний искренне стремились к духовному просвещению, к узнаванию традиции и сближению с Русской Православной Церковью. Но многие участники собраний, как оказалось, не могли расстаться со своими закоренелыми заблуждениями, многие находились в прелести собственной значимости, что не позволяло понять и принять слово Церкви, хотя это слово несли выдающиеся пастыри.

Упорно противопоставляли им свои мнения участники дискуссий, как, например, Мережковский, убежденный, что «Русская революция, низвергающая русское самовластие, имеет смысл религиозный», говорил: «если Христос реально и воплощенно есть Царь на земле, не может быть иного Царя, иного Первосвященника, кроме Христа, сущего до скончания века».

При такой постановке вопроса монархическое государство объявлялось началом безбожным и антихристианским, выдвигалось сектантское требование немедленного Небесного Царствия на земле. Как подчеркивает митрополит Константин, революциями, голодом — естественным и искусственным, террором, лагерями, эпидемиями, небывалым терзанием плоти и страшным томлением духа заплатил народ России за отвержение «исторического христианства», то есть Церкви.

Искренни, но тяжелы были духовно-нравственные искания интеллигенции последних лет существования Российской империи, но выявляя причины неудач диалога, митрополит Константин не боится обвинить в недоработке другую сторону — пастырей. Основываясь на личном положительном опыте современного общения Церкви и интеллигенции, Владыка утверждает, что народу нужен не только диалог, но, главное, пастырское наставничество, духовное просвещение, помощь в воцерковлении. Это будет способствовать разрешению всех трудных вопросов, с которыми народ обращается к Церкви.

Особенности и возможные направления трудного пути воцерковления для священника автор книги исследует в статье **«Современники: святой праведный Иоанн Кронштадтский и революционный священник Георгий Гапон. Становление их личностей и влияние каждого на мировоззрение русского народа»**. Не было, наверное, в России в начале XX века человека, кто не знал бы имен этих двух священников, стремящихся, казалось бы, к одной, благой, цели — к спасению, просвещению и облегчению участи народа России. Но различными оказались их пути, одного приведшие к святому почитанию, другого — к кровопролитной революции и виселице, сооруженной его же единомышленниками. В статье рассмотрено с духовной точки зрения влияние личности на историю, взаимоотношение личности и народа. Владыка Константин, представляя особенности становления характеров обоих священников, не дает строгих формулировок, приводит только исторические факты, но читателю становится понятным, что св. прав. Иоанн Кронштадтский свою паству, прихожан и подопечных спланировал и просвещал светом веры, из разрозненных личностей делал нацию, общность, имеющую одно общее Отечество, управляемое Богом и Царем. Священник Гапон, наоборот, даже возглавляя народный Крестный ход, объединяя людей материальной идеей — требованием лучшей жизни, шел во главе толпы, людской массы, которая была подготовлена дельцами от революции в ее топку.

Данная статья Владыки Константина, дающая идеологическую картину первой русской революции 1905 года, показывающая ее неразрывную связь с последующей русской трагедией, обладает не только значительной исторической ценностью, но является также духовно-психологическим исследованием различных типов человеческого характера, рассмотрением влияния внешних условий на становление личности. Будучи свободным в выборе пути, человек свободен и в принятии установлений Высшей Воли, идей спасения и искупления. Владыка Константин показывает, на примере судеб св. прав. Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона, к чему приводит этот выбор. Святой Иоанн Кронштадтский, проповедующий незаменимость для России монархической формы правления, ценой неимоверно тяжелого священнического служения, даже физических увечий, вел русский народ к Богу. Сегодня он у подножия Господнего Престола молится о России, отма-

ливаает ее от новых революций. Бунт духа, отказ от Бога, вера только в свои человеческие силы, отсутствие опыта «различенья духов», — талантливого от природы священника о. Георгия Гапона, заигравшегося с темными силами, обманувшего и себя, и поверивший ему народ, привели не только к духовной и физической гибели, но и к историческому клейму — «революционного провокатора». Его деятельность много способствовала тому, что в дальнейшем отказ от законов Божественного мироустройства, слом его незыблемых духовных конструкций стали движущей силой сокрушительной революции.

Не о таких священниках лиричная, проникновенная статья митрополита Константина **«“Не разлучившись с паствой” (подвиг русского православного духовенства в Первую мировую войну)»**. Это не только исследование жертвенного подвига служителей Церкви, но песнь во славу тех героев в рясах, которые вместе с солдатами шли в атаку, перевязывали раненых, благословляли на подвиг живых и провожали в Царствие Божие убитых. Имена многих фронтовых пастырей сегодня забыты. Владыка Константин, проделавший большие архивные изыскания, нашедший даже фотографии некоторых военных священников, возвращает нам нашу историю, нашу национальную гордость. Он показывает также, что во время Первой мировой войны на фронте не было объективных причин для противостояния пастырей и паствы, которое неожиданно, через некоторое время озарилось подпитанным большевистской пропагандой огнем солдатской ненависти ко всем прежним порядком Российской империи.

Отмечая положительные стороны привычного уклада русской сословной жизни, автор книги, однако, не замалчивает сословные противоречия, в частности, исследует причины и последствия трагической ошибки, совершенной русским священством, в большинстве поддержавшим Февральскую революцию. Подробно рассказывая в статье **«“Горькая ошибка” (“Церковная революция” 1917 года, ее последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края)»** о процессе революционизации Церкви, митрополит Константин осуждает священников, «для блага народа» принявших новую власть и не заступившихся за своего Царя, которому присягали. Иерарх современной Церкви, богослов митрополит Константин показывает, что Церковь поколебалась, оказавшись пред известными с Библейских времен искушениями. «Хлеб, чудо, власть — те, присущие человеческому бытию категории, посредством которых подвергался искушениям Христос в пустыне, и все человечество подвергается поныне. Христос выдержал их, *“слово уст Его осудило сатану”* (Ефрем Сирин. Толкование на Четвероевангелие). Но, по свидетельству апостола Луки, дьявол оставляет Иисуса Христа лишь “до времени” (Лк. 4:13) и продолжает свои искушения позже через народ иудейский и даже через учеников Спасителя, строя новые козни. Эти искушения проходят через всю христианскую историю и затрагивают уже укрепившуюся христианскую Церковь и христиан.

Так называемая “Церковная революция” 1917 года в России явилась звеном драматической цепи этих искушений и противоборства Бога и сатаны, когда на время темные силы беззакония поколебали христианские устои. Свт. Иоанн Златоуст говорит, что христианин сможет противостоять искушениям дьявола, если будет подражать Христу — Главе Церкви Хри-

стовой. Поэтому богоборческие силы, захлестнувшие Россию в начале XX века, обрушились в первую очередь на Русскую Православную Церковь».

Постепенное прозрение неискушенных в политической деятельности священников было страшно. На примере истории Карельского края, где богоборческой властью в 20–30-е годы прошлого века Церковь была «срублена» под корень, полностью истреблено священство, митрополит Константин показывает немислимую цену расплаты за отступление от простых Божиих правил, за недальновидность и доверчивость, а главное, за нарушение клятвы Помазаннику.

Митрополит приводит ужасающие сведения и цифры. Например, «невозможно было оценить последствия репрессий духовенства для епархии. Характеризуя ситуацию, И. Чухин приводит в своей книге выдержку из доклада наркома внутренних дел КАССР С. Т. Матузенко на XIV областной партконференции: “Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале)”¹. Такая политика государства привела к тому, что в 1940-е годы Олонецкая епархия перестала существовать как самоуправляющаяся: были разрушены или закрыты практически все храмы, уничтожено духовенство».

Многое из того, что казалось непостижимым для русского общества последних лет существования Российской империи, стало возможным и допустимым в революционные годы. То, с чего это началось и почему произошло, исследует Владыка Константин в главной статье сборника, посвященной последнему русскому Царю Николаю II **«Христианский подвиг Монарха (факты и подоплеку убийства Семьи Николая II)»**. Судьба Императора-страстотерпца отражает в полной мере процессы, происходившие в Российском государстве, которое не имело к началу революционных волнений объективных для них причин. С любовью к истории своего Отечества и к личности Николая II Владыка Константин рассказывает о достижениях последнего Царства, о значении России на мировой арене, об успехах русской науки, промышленности, образования. О прекрасной, можно сказать, идеальной Царской Семье, подвергшейся неоправданной клевете. Митрополит Константин доказывает иностранное происхождение клеветнического идеологического оружия, силу которого мы можем представить по чудовищным современным фальсификациям деятельности наших государственных личностей и политических событий.

Тонко чувствует Владыка Константин метафизику революционного бытия России, с помощью поэзии разъясняет духовные первопричины трагических событий. В книге много стихов известных и малоизвестных русских поэтов, которые образно отражают рассматриваемое историческое время. Метафору митрополит Константин, обладая поэтическим чутьем, успешно использует для раскрытия метафизики времени, в которое выпало совершить свой подвиг Николаю II.

В статье приведено много исторических фактов из жизни последнего русского Царя, показано его честное служение России и русскому народу. На фоне социально-политических реформаций сопоставляются версии

---

¹ Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 40.

подлинности отречения, рассматриваются истинные факты и разночтения последних дней Царской Семьи. Приводятся доказательства активного участия иностранных спецслужб в подготовке русских революций, реалии конкуренции банкиров Америки и Германии, вкладывающих свои капиталы в русскую трагедию во имя будущих барышей. Ужасает картина террора богоборческой власти. Восхищает подвиг Монарха, выбравшего вместе со своим народом путь спасительных страданий.

Император Николай II — доказывает Владыка Константин — был выдающейся мировой личностью. Значение его жертвенного подвига мы можем в полной мере оценить сегодня, спустя столетие, во времена возрождения России, переосмысления иноземной идеологии. Считается, что народ творит историю (так, кажется, и случилось в 1917 году), но поворотные ее моменты — невозможны без личности, без человека, создающего новую модель общества. Допустим, что Император Николай II сознательно отказался от трона. Но его жертвенный подвиг, принятие им Божией воли, его осознанное смирение, осмысленное искупление — стали поворотным моментом, залогом нового реального общества, которого прежде не было, но которое чается как идеальное. Это даже не Святая Русь, это общество, управляемое Самим Господом Богом. Это высший государственный уровень, который возможен и просматривается с высоты нашей истории. Ведь сегодня в ней случаются чудесные явления, кажется, и зависимые, и независимые от воли людей. На наших глазах происходит возрождение России в традиционной культуре, в воинской силе и славе, восстание из руин Русской Православной Церкви, воссоединение ее с Зарубежной Православной Церковью, возвращение чудотворных икон, соби́рание исконных русских земель и многое другое. Жертвенная кровь Царской Семьи является тем базисом, на котором все это стало возможным, и который останется мощным основанием грядущей Великой России.

Доказательством того, что наше Отечество находится под призрением Господа Бога и под защитным Покровом Пресвятой Богородицы, стало чудесное явление иконы Божией Матери Державной после насильственного сокрушения русской Монархии. Богоматерь взяла на себя духовное управление Русской землей. Под Ее Покровом свершилось первое за 200 лет избрание Патриарха Русской Православной Церкви — Тихона (Беллавина). О великом подвиге мудрого и непреклонного перед злостными богоборцами Первосвященника рассказывает Владыка Константин в статье **«“Свет во тьме” (о святительском подвиге Патриарха Московского и всея Руси Тихона /Василия Ивановича Беллавина/)»**.

Для понимания божественных истоков силы Патриарха Владыка Константин подробно рассказывает о Таинстве рукоположения, о том, что «Новозаветное священство не является простым продолжением ветхозаветного священства, но **вновь** возникает от Великого Архиерея Иисуса Христа, — не по чину Аарона, но по чину Мелхиседека, о чем подробно и многократно пишется в послании апостола Павла к Евреям, “Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека” (Евр. 5:5–6). “Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства. И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека

восстает Священник иной, который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано:

*Ты священник вовек
по чину Мелхиседека”.*

<...> Исход 12 колен Израилевых из Египта, Синайское законодательство и учреждение древнееврейского священства из колена Левитова во главе с Аароном датируется примерно 1250 годом до нашей эры. Таким образом, священство по чину Мелхиседека древнее священства по чину Аарона на шесть столетий».

История жизни и подвига Патриарха Тихона является подтверждением того, что в тысячелетиях сохраняется Божие благословение *не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей*. Эта сила такова, что обладающий ею смог один противостоять большевикам и их заокеанским консультантам, спланировавшим ужасающее разорение Русской Православной Церкви, излившим чудовищную на нее клевету. В статье приводится много фактов намеренно жестокой деятельности большевистских властей по отношению к России и всему русскому народу. Митрополит Константин свое исследование подтверждает документально, доподлинно цитирует ужасающие приказы Ленина, раскрывает уловки и грабительские распоряжения Троцкого, упоминает других деятелей революции. Личность Патриарха Тихона представлена в свете Божией истины, в неколебимом стоянии за русскую веру и Церковь, которая именно в эти времена подверглась, казалось, неотвратимым нападкам обновленцев. Очевидно, не без Божией помощи, малыми силами удалось святому Патриарху Тихону и священномученику Илариону (Троицкому) справиться с этим еретическим течением, поддержанным официальной властью. Статья о Патриархе Тихоне показывает степень цивилизационных разрушений в стране, где социальная энтропия, казалось, достигла максимума, несущего распад всех связей. Но неимоверными усилиями Россия была возвращена к жизни, случилось невероятное преодоление, осознание, жертвоприношение — лагерное и на полях сражений Великой Отечественной войны. Случилось все, что необходимо для искупления. Чего?..

Так пишет об ошибках современной ему интеллигенции (справедливо будет распространить эти слова на все революционизированные слои русского общества) Н. А. Бердяев: «Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей. Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича “долой самодержавие”. Оказалось, что ложно направленное человеколюбие убивает боголюбие, так как любовь к истине, как и к красоте, как и ко всякой абсолютной ценности, есть выражение любви к Божеству. Человеколюбие это было ложным, так как не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было, с одной стороны, состраданием и жалостью к человеку из “народа”, а с другой стороны, превращалось в человекопоклонство и народопоклонство»¹. Именно об искуплении этой

---

¹ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 1909. С. 14.

роковой духовной ошибки, приведшей к русской революции, митрополит Константин говорит в заключительной статье книги «**“День Победы” (о значении для современности проповеднического и пророческого подвига святого праведного Иоанна Кронштадтского)**».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский был, наверное, единственным в предреволюционные времена священником, кто, обладая провидческим даром, задолго до революции предвещал ее приход, кто слезно предостерегал русский народ от клеветы на Царя, от отступления от Церкви. Он говорил: «Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле»¹. Действительно, многое пережглось в горниле революции, но остались те, кто откликнулся на Господний призыв «Даждь Ми, сыне, твое сердце!» (Прит. 23:26). И воссиял День Победы, тот, мая 1945 года, ставший следствием синергии Бога и человека на поле сражения с видимым злом. А в мирной жизни единение Бога и человека осуществляется в невидимой жизни возрождающейся Церкви и незримой победе человека над самим собой. Именно эта жизнь обладает историзмом. Именно эта жизнь обладает прогрессивным развитием, конечная цель которого находится за пределами истории. Как говорил Н. А. Бердяев, идея развития имеет религиозные корни, а суть ее — наступление Царства Божиего и царства справедливости. Многие философы верили в то, что в будущем наступит такое время, разрешатся все противоречия, и наступит гармония. Это случится тогда, когда будет устранен разрыв между прошлым, настоящим и будущим.

Много способствует сокращению этого разрыва книга митрополита Константина, о которой так говорит в послесловии вице-президент Российской академии естественных наук, председатель секции междисциплинарных проблем науки и образования, лауреат Государственной премии России, заслуженный деятель науки РФ, академик, доктор медицинских наук, профессор В. С. Новиков: «С богословско-антропологических позиций митрополит Константин подходит к осмыслению разных периодов человеческой истории, исследует на конкретных примерах их взаимосвязи и взаимозависимости, доказывает, что только тогда человеческое бытие имеет смысл и логику, когда человеческая жизнь уподобляется предстоянию перед лицом Создателя». Эти слова ученого, с одной стороны, экстраполируют два вида познания, представленных в книге, — от сердца (духовного) и от ума (научного), с другой стороны, являются высокой оценкой исследования митрополита Константина и свидетельством решения поставленной им задачи. Владыка Константин на примере русской революции доказал неверующим и сомневающимся существование Бога на том основании, что отказ от веры в Него приводит к хаосу, к смерти, к апокалипсису. Предстояние и покаяние перед ликом Спасителя, милосердие и человеколюбие — свойства красоты и условия гармонии. А слово «с-во-бо-да» само о себе говорит — это же не что иное, как заветное: быть «с волей Бога», а не с волей террористов и воров. Справедливы подтвержденные русской революционной историей слова Владыки Константина: «Мы не должны забывать заветы. *“Ей, гряди, Господи Иисусе!”* — восклицает со дерзновением святой апостол Иоанн

---

¹ *Иоанн Сергиев, протоиерей. Новые слова, 1908.*

(Откр. 22:20), возлюбленный ученик Христов, подавая нам всем пример истинного упования и надежды, которые никогда не должны покидать христианина, как и ответственность за предотвращение возмущения среды, из которой может быть взят Удерживающий, и тогда в мир хлынет “беззаконие”. В этом — смысл нашего деятельного теперешнего существования».

Книга митрополита Константина предупреждает о том, что мы живем во времена окружающего нас, бурлящего, огнедышащего, но еще не прорвавшегося в мир «беззакония». Книга доказывает — пока не поздно, надо свидетельствовать о грехе любой революции. Тем крепче, тем устойчивее будет государство, чем больше народа вернется в Русскую Православную Церковь. Книга призывает — современное общество не может оставаться благодушным, не изучающим уроки прошлого во имя будущего. Непозволительно нам отмахиваться от прежних трагедий, которые могут повториться, если будут нарушаться Господни заповеди и отвергаться единственно правильный закон жизни — Истина Христова.

ВЫШЛА КНИГА

Дверницкий Б. Г.

Железный век России. — СПб.: Издание Русского философского общества, 2016. — 116 с.

Русское самосознание XXI века — это и Московское самосознание (Москва — III Рим), и Петербургское имперское самосознание Великой России, и православное Киевское самосознание, и вот теперь — «железное» самосознание республиканской России. Россия вступила в «железный век» своей Истории, по свидетельству пророка Даниила. Что означает эта новая реальность для нас? Об этом и пойдет речь в предлагаемой книге. Это особенно важно понять в год столетия Революций 1917 года. «Золотые», «серебряные» и «медные» люди не сохранили своей России. И Россия осталась на попечении «железных» людей, которые спасли Россию от гибели в XX веке и возродят в веке XXI.

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

*Жизнеописание блаженного
инока Владимира,
Важеозерского чудотворца*

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея
Руси Кирилла*

*Составлено по воспоминаниям
современников и их потомков.*

Составитель А. Е. Селезнев

_____
*Продолжение. Начало
в №№ 1, 2, 3, 4 за 2016 г.,
№№ 1, 2, 3, 4 за 2017 г.

Рукописные и машинописные источники М.И. Бубнова вплоть до 90-х годов оставались единственным документальным свидетельством, правда, анонимным, хранившим память о блаженном иноке. Потом они выходили уже в виде брошюры, но, как и в советское время, подписанные лишь инициалами. И только теперь появилась возможность открыть имена авторов воспоминаний и составителя текста.

Одним из первых издателей книжечки М.И. Бубнова в постсоветское время был иеромонах Александр (Фаут). Но отнюдь не только первенством в издании брошюры связан он с блаженным иноком. Под его началом был восстановлен храм свт. Иоасафа Белгородского в Парголово, того самого, на строительство которого блаженный инок пожертвовал серебряный рубль. Символичность этого «совпадения» будет раскрыта ниже, а пока вернемся к истории храма.

Почти 30 лет простоял он на месте своего рождения, и службы Богу совершались там вплоть до 1938 года, пока власти его не закрыли. Еще три с половиной года простоял он под замком, а с началом войны был открыт, но не для богослужений. По решению Леноблисполкома здесь расположился клуб. Поражает не само решение власти, разрушившей тысячи и тысячи храмов, казнившей сотни тысяч соотечественников — священников, монахов и мирян, а дата его принятия — 24 июня 1941 года, третий день начала Великой Отечественной войны. Будто не было в то время дела важнее.

После войны на церковных землях построили завод. Храм разрушили, а сохранившийся фундамент использовали для нового производственного помещения. Казалось бы, полная победа. Только одно невдо-

мек «победителям», что святость неуничтожима, в борьбе с ней не помогут ни бульдозеры, ни асфальтные катки. При освящении храма ему навечно придется Ангел — духовное свидетельство святости места. Поэтому не удивительно, что в иконном уголке, организованном рабочими завода, стоящего на месте храма, в 1999 году замироточили иконы. Вернулся из небытия и сам храм свт. Иоасафа Белгородского, но не на прежнее место, а рядом, на месте дома, в котором жил протоиерей Борис Николаевский с семьей.

Промысл Божий о каждом из нас хранит до времени грядущие наши пути, и лишь в нужный час раскрываются они неожиданными встречами. Восстанавливая храм, иеромонах Александр ничего не знал о блаженном иноке Владимире. Вскоре после завершения работ священноначалие возложило на него новое послушание, и оказался он с требами в доме Александры Дмитриевны Гитис, пронесшей память о блаженном иноке Владимире через всю свою долгую жизнь. В то время она была уже глубоко пожилым человеком, но сохраняла ясность ума. Тяжелая болезнь приковала ее к постели, и знакомая Александры Дмитриевны предложила ей пригласить домой священника. Этим священником оказался иеромонах Александр; так произошло его знакомство с иноком.

После Таинства Исповеди и Причастия Александра Дмитриевна попросила гостей пообедать с ней. За столом она стала вспоминать свое детство и заговорила об иноке. С увлечением пересказывала воспоминания своей мамы о том, как он держал ее на руках и спойл ей, младенцу, целую чашку чая, как ревностно хранилась память об иноке в их семье, и показала крест, принадлежавший тому, покрытый перламутровыми пластинами, очень похожий на те, что привозят паломники со Святой Земли. Лицо ее, до того момента хранящее следы болезни, во время рассказа преобразилось. Бледные щеки зарделись румянцем, в глазах появился живой блеск — видно было, как дороги ей эти воспоминания, каждое слово об иноке. Тогда же решила она передать отцу Александру святыню, хранящуюся у нее, — крест блаженного инока. Вряд ли Александра Дмитриевна нашла бы объяснение своему поступку, если бы ее тогда об этом спросили.

Не дожидаясь исполнения пророчества инока Владимира о своем перезахоронении в Важеозерском монастыре. Может быть, и хорошо, что не дожидаясь — не увидела прозаической работы могильщиков по извлечению останков «Алексеева А. В.», а не милых сердцу святых мощей блаженного инока. Но именно там и тогда обрел смысл ее поступок с крестом отца Владимира. Он оказался символом передачи памяти об иноке от уходящих остающимся, знаком благоволения Божия. Возможно, по молитвам самого инока Господь избрал иеромонаха Александра быть петербургским хранителем мощей блаженного.

По благословению высокопреосвященного Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, и высокопреосвященного Мануила, архиепископа Петрозаводского и Карельского, после согласования с городскими властями в конце июля 2000 года на Богословском кладбище была вскрыта могила блаженного инока. Игумен Иларион (Кильганов), наместник Важеозерского монастыря, с братией и сестрами (в то время монастырь из женского становился мужским) под пение «Со святыми упокой...» извлек мощи пра-

ведника и часть их отделил иеромонаху Александру¹. Крест с могилы вместе с мощами отправился в монастырь (на кладбище установлен новый крест), но не стала от этого могила менее посещаемой. Наоборот, с появлением еще одного места поклонения памяти блаженного инока слава о нем стала шириться. А в Санкт-Петербурге его могила по-прежнему остается почитаемой, и все также спешит блаженный инок на помощь всем, молящимся ему.

Вот что пишет жительница Санкт-Петербурга Пономарева Е. Л.:

«О блаженном иноке Владимире я впервые узнала в начале 1994 года. Его могилу показала мне Людмила Николаевна Краевская. Мы были вторым: Людмила Николаевна, Ира Карпова (детский врач) и я, принесли на могилу цветы. Я впервые была на могиле праведника и запомнила из рассказа Людмилы Николаевны, что инок Владимир помогает при обращении к нему за помощью.

Весной того же года мы с моим мужем и нашим университетским другом Сеницыным Вячеславом пошли гулять, и я сознательно повела их на Богословское кладбище, чтобы показать им эту могилу. Мне хотелось, чтобы блаженный инок Владимир помог мужу найти работу. Я не могу с уверенностью сказать, что мы нашли могилу, но мы точно были рядом с ней, и я рассказала своим спутникам о судьбе инока Владимира.

Через три дня мужа приняли на работу.

В 2003 году мы с мужем по дороге на Соловки оказались в Важеозерском монастыре в Карелии, где ныне захоронен прах инока Владимира. Мы встретились с ним как с родным».

Грацианова Вера рассказывает о том, что впервые услышала о блаженном иноке от Лидии Николаевны Орловской в 1982 году. Но еще будучи студенткой, она на себе испытала силу благодатной помощи блаженного, когда писала дипломную работу:

«Мамина приятельница, — пишет она, — то ли тетя Лиза, то ли тетя Галя, сейчас этого я не помню, дали мне шапочку инока. Я надевала шапочку на голову и с удивительной легкостью писала страницу за страницей. Защитилась я очень хорошо. Диплом мой дважды получал премии. Меня рекомендовали в аспирантуру.

Такая помощь, конечно, не забывается, и впоследствии она всегда обращалась к иноку в трудную минуту.

Перед рождением каждого ребенка (а их у нас семь) мы всегда бывали на могилке и молились. Я очень тяжело ходила с Вадимом, родился он раньше времени и дома. Но при этом врачи не находили, что ребенок нездоров. Он ползал, но на ножки не вставал. Мы поехали на могилку. Я поставила Вадима на коленочки. Пропели молитвы и увидели, что Вадим, цепляясь за крест, поднялся на ножки. Когда мы вернулись домой, Вадима оставили на полу около стенки, и я пошла разогревать обед. Прибежал муж и позвал меня в комнату: Вадим, осторожно держась за стенку, ходил».

Вера Павловна Ласкина услышала об иноке Владимире в часовне блаженной Ксении в день ее памяти 6-го февраля 1990 года. Тогда же узнала она о том, что 8-го февраля празднуется память ему, и решила поехать

---

¹ Пока они находятся под спудом, но после прославления инока в лике святых займут свое место в домовой церкви, строительство которой в настоящее время подходит к концу.

на Богословское кладбище. Нужда в молитвенной помощи блаженного была вызвана душевной мукой, терзающей ее. Незадолго перед этим она похоронила мужа и очень тяжело переживала свою горе. Приехала она к могиле блаженного инок и впервые почувствовала облегчение от скорби.

«Собралось несколько человек. Помолились, так стало на душе легко и благодатно. И я стала сама ходить чаще. Но хочется сказать, что приходишь на могилку к иноку Владимиру с плохим самочувствием, плохим настроением, скорбями, выразишь ему все, помолишься, попросишь, и не хочется уходить, а уходишь исцеленной, умиротворенной, с новыми силами и хорошим настроением. Душа всегда чувствует его присутствие и его помощь. Потому и народ всегда идет к его могилке — в любое время дорожка протоптана».

Святитель Феофан Затворник, объясняя причину, по которой народ стремился видеть Иисуса Христа в пустыне близ Вифсаиды еще до совершения Им чуда насыщения пятью хлебами 5 тысяч человек, говорит о природном свойстве души и называет его сочувствием к Божественному. Божественная природа Господа, находящаяся под покровом человеческой природы, раскрывалась перед ними в словах, в делах, во взгляде — во всем, что можно было видеть у Него, явившегося людям во плоти: *и видяй Мя видит пославшаго Мя* (Ин. 12, 45). Она пробуждала скрытое в сердцах чувство Божественности и им увлекала человека к Господу.

Нет силы, способной удержать этот порыв. Не только извне, но и сам человек, охваченный им, не может воспротивиться этому потому, что сочувствие к Божественному в душе глубже, сильнее всех других чувств.

Нечто подобное переживаем и мы при встрече с живыми праведниками, или бывая у них на могиле.

«Инок Владимир, — пишет далее Вера Павловна, — настолько для меня близок и родной, и помогает, и благословляет, что не выразить словами. Всегда беру у него благословение на путешествие по монастырям и на Украину. По молитвам инок Владимира я три раза ездила к нему в Ватопетский монастырь. Возвращаясь в Петербург — прихожу на могилку поблагодарить.

...Инок Владимира я пишу всегда во всех своих поминальных записках, и он мне помогает. По молитвам инок Владимира внуку моему в Сосновом Бору дали отдельную однокомнатную квартиру, хотя не надеялись, так как он молодой специалист, коллектив в институте большой, а он с семьей жил в прекрасном общежитии.

Мне очень запали в душу слова о. Василия, служившего в тот день на могиле инок, сказанные помощнику (очевидно, алтарнику. — *сост.*): «Хочешь жениться — бери благословение у инок Владимира»».

В день памяти инок — 8 февраля и в день Ангела — 28 июля народу у могилы инок всегда набирается много. Священники по очереди служат панихиды, кто-то приносит термос, пирожки, угощения, и после службы устраивается чаепитие, даже зимой в тридцатиградусный мороз. Обычно организатором чаепития был Владимир Владимирович Орловский, ныне покойный, но и после его смерти всегда находятся те, кому дорога эта традиция. По свидетельству участников, чувство праздника, пасхальной радости сопровождает их весь тот день.

Много интересного и поучительного можно услышать там.

Были рассказы о помощи инока с пропиской, устройством на работу, в сложных обстоятельствах с решением о замужестве. Незвестная девушка рассказывала эпизод из своей жизни, историю с женихом. Ни один священник ее не благословлял на брак с ним, а ей очень хотелось выйти замуж именно за этого молодого человека. Приехала с ним на могилу инок Владимира, стала молиться, и вдруг ее спутник ни с того ни с сего, ни слова не говоря, развернулся и ушел. Больше она его никогда не видела.

Дни праздничные сменяются буднями. Народу у инок бывает меньше, и настроение приходящих не такое приподнятое, но чувство его живого присутствия и тогда не покидает паломников.

Валентина Васильевна Карпова живет недалеко от кладбища, давно уже на пенсии. Об иноке впервые услышала в год прославления блаженной Ксении и тогда же впервые побывала у него на могилке. На Богословском кладбище похоронила свою маму. С той поры бывает у инок почти каждый день.

«В 1990 году я похоронила на этом кладбище маму. Много было препятствий. Я ходила к иночку и все просила о помощи, и все уладилось по его молитвам. Я стала ходить каждый день. Инок меня утешал. Я уходила с мечтой о его помощи, т. к. после маминых похорон осталась одна.

...После панихиды 8 февраля в 1991 году ушел Батюшка и потихоньку разошлись все, а т. к. я живу близко, я осталась убрать. Села на скамеечку, склонилась к могилке и говорю вслух: “Инок Владимир, надо и мне уходить, а то прохладно стало”. Вдруг на мои ноги с могилки пошло тепло, как будто кто открыл духовку. Я замерла, потом думаю, что же это? О, какое чудо! Подняв голову к кресту, я сказала: “Дорогой иночек, спасибо тебе. Это чтобы я не замерзла”. Ведь я так явно почувствовала, что иночек меня спасает. Ведь не все могут поверить этому случаю, но когда я рассказываю, прихожане верят.

Одна женщина мне говорила, что привела к могилке знакомую, но они не дошли метров 50, и она стала кричать: “Куда ты меня ведешь?! Мне жарко, пошли домой”. Но все же она ее привела. Они помолились и ушли, ей стало лучше. Я не спросила, как ее зовут. Ходит она на подворье монастыря на Загородный пр., д. 7.

Мужчина лет 60-ти тоже говорил, стал приходить, т. к. у него ноги болели, а сейчас стало лучше ногам.

За эти годы я у могилки встречала много почитателей, и все всегда говорили, что инок по молитвам помогает. Если бы я записывала все, о чем говорят у инок, то весь Петербург бы приехал к нему.

В воскресные дни проходят мимо по тропинке солдатики, т. к. недалеко воинская часть. Они всегда останавливаются, снимут фуражки, осенят себя крестным знамением, постоят молча, а иногда попросят об иноке сказать, а потом уходят. А я за них радуюсь и прошу иночка молитв за них.

...Инок мне помогает всегда. Когда я плохо себя чувствую или просто взгрустнется, прихожу, поговорю с ним как с живым и ухожу с легкостью на душе. Хоть мощи и увезли, но дух его здесь, и он с нами всегда.

В 2004 году по нашему дому ходили слухи о вскрытии квартир ворами. Я испугалась и спрятала все свои документы около батареи на трубу. Когда они понадобились, я не могла вспомнить, куда их положила, и думала, что их из сумки вытащили. Пошла в городской стол находок за справкой, написала заявление на восстановление ветеранской книжки, и в конце надо было

идти в милицию. Но, погоревав, я думаю: “а к иноку надо сходить”. Пришла на могилку, помолилась, поплакала от потери и пошла домой. Дома к вечеру посмотрела в кухне на окно и думаю: надо с уличной стороны протереть. Стала его открывать, подошла ближе к батарее, и тут к моим ногам упал пакет.

Ведь это же я сама спрятала документы сюда.

Так иночек Владимир вразумил меня, грешную, протереть окно, хотя оно было не очень грязное. Сразу я себе сказала, что надо сперва к иноку ходить, а не в милицию».

ВЫШЛА КНИГА

Кирюшин Виктор

Ангелы тревоги и надежды. Стихотворения. — М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2017. — 256 с.

При всей легкости и музыкальности стихотворений Виктора Кирюшина, в них отчетливо слышен голос времени, соединенный с доверительной нежностью к окружающему миру. Предельная искренность и совесть, классическая ясность формы и философская глубина лирической мысли принесли поэту признание читателей и критиков.

История и современность

**Протоиерей
Константин САВАНДЕР**

«МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ»

Рассказ

*Основан на реальных событиях.
Имена и фамилии священно-
служителей подлинные,
остальные — вымышленные*

Константин Савандер — родился в 1975 г., окончил с отличием Петрозаводский университет, строительный факультет, учился в аспирантуре. В 1999 г. рукоположение в сан диакона, в этом же году рукоположение в сан священника, участвовал в восстановлении и строительстве нескольких храмов. С 2000 г. восстанавливает храм св. прп. Серафима Саровского в д. Машезеро, будучи его настоятелем. Протоиерей. С 2001 г. руководитель Молодежного отдела епархии, член поискового отряда «Феникс» Фонда «Эстафета Поколений». **Живет в Петрозаводске.**

Пожилой инвалид медленно, кряхтя, выполз из «запорожца» с ручным управлением и заковылял в сторону кладбища. Опираясь на короткую лопату, как на клюку, он подошел к воротам и огляделся, будто боясь слежки. Немного постояв у входа, инвалид медленно побрел вдоль могил, как будто что-то припоминая. Наконец, остановившись у нужной, он еще раз огляделся и зашел в ограду. Обойдя памятник, начал копать. Он явно нервничал, движения были порывисты, когда лопата звякнула обо что-то металлическое, он с трудом наклонился и стал разгребать землю руками. Затем, достав из земли сверток, завернул его в тряпку и, быстро запихав в сумку, шагнул к ограде, но остановившись, положил сумку на скамейку и забросал землею яму, подобрав лопату, взяв сумку, быстро зашагал в сторону выхода. Лишь после того как захлопнулась дверца «запорожца», мужчина с шумом выдохнул. Немножко посидев без движения, инвалид достал сумку и развернул тряпку, на коленях у него лежала металлическая коробка с обрывками старой ветоши, которая просто рассыпалась при небольшом натяжении, местами металл был серьезно тронут ржавчиной. «Не помог даже хорошо промасленный брезент» — подумал инвалид и с нетерпением принялся открывать коробку. Пришлось повозиться, но вот крышка отскочила и перед его взором предстала выцветшая довоенная газета. Развернув ее, он взял в руки пожелтевший конверт, на котором отчетливо каллиграфическим почерком было выведено: «Совершенно секретно. Тов. Сталину лично в руки». Инвалид печально ухмыльнулся. Товарищ Сталин уже три года как умер, и письмо, написанное в том далеком 37-м, уже никогда не попадет к адресату...

Была весна, но темнело еще рано. На окраине заонежского села лаяли собаки, дул довольно сильный ветер, немного выюжило. Но всей этой непогоды не замечал некий человек, в распахнутой шинели решительным шагом он шел к сельсовету, который почему-то был устроен в добротном доме середняка Федосова. Идущий человек был без головного убора, и ветер трепал его уже седеющие волосы, хотя ему еще не было и тридцати, из-под распахнутой шинели поблескивал в лунном свете орден за Гражданскую... Рядом с сельсоветом стоял огромный сенной сарай, но сейчас он был заполнен отнюдь не сеном, так как в Заонежье шел 37-й год... Сельсовет и сарай были обнесены высоким глухим забором, у калитки с внутренней стороны стоял часовой. Практика последних лет показывала, что можно обходиться и без стражи, «враги народа» были настолько лояльны и послушны советской власти, что никто из них и не помышлял о побеге.

— Стой! Кто идет? — отозвался часовой на хруст наста под ногами чеканящего шаг человека в развевающейся военной шинели.

— Это я, я, опусти винтовку, Артамонов! — устало ответил человек.

— А, это вы, а я давно вас заметил. Кто, думаю, идет в такую пору? Простудитесь ведь, товарищ начальник!

— Неважно это, не важно, Артамонов. Скажи, старший следователь еще не ушел?

— Да, Феликс Яковлевич еще на месте, тут вечером опять группу контрреволюционных попов привезли, первый допрос уже прошел. В сарай отнесли всех троих, видать, пока не сознаются...

Человеку в шинели, уже зашедшему на крыльцо, показался вздох сочувствия в последних словах охранника (простого деревенского парня, всего неделю назад начавшего нести караульную службу), он резко повернулся на каблуках и внимательно посмотрел прямо в глаза Артамонова. Потом, немного подумав, спустился к Артамонову и быстро заговорил почти шепотом:

— Слышь, Артамонов, я ведь прощаться пришел, переводят меня в другой отдел, брат ведь у меня того, тоже арестован. Но это ошибка, точно ошибка, хотя слишком много у нас ошибок. И меня, видимо, скоро того, по ошибке... И попов этих и всех скоро того... А зачем, за что, а? — перешел на крик человек в шинели.

— Да что вы такое говорите-то? — открыл от удивления рот Артамонов.

— Эх, Артамонов, не знаешь ты ничего, ни-че-го-шеньки! Только вот что, — человек достал из внутреннего кармана шинели конверт, — здесь все написано, обо всех случаях, только передай, очень тебя прошу, Артамонов, больше никому. Передай, иначе прокляну тебя, я ведь тоже поповский сын!

— Да что с вами, вы больны? Не возьму я!

— Спрячь, спрячь конверт, Артамонов, и никому не показывай. Из нас всех только ты еще ничего не знаешь, ты честный парень, Артамонов, ты сможешь передать конверт куда следует. И уходи, беги отсюда, уходи, не пачкайся!

— Да вы что? — уже сердито крикнул Артамонов, но тут хлопнула дверь, и на крыльце появился старший следователь Скуратов и мордovorот Юшкин.

— Что здесь происходит? — строго спросил Скуратов.

— Вот он — гнида!.. — зло сказал человек в шинели и достал наган.

— Иванов, ты что? — испуганно крикнул Скуратов, но сказать больше ничего не успел, грянуло три выстрела подряд и затем один винтовочный — это сработал воинский рефлекс Артамонова.

Он почти минуту стоял с винтовкой наперевес, с трудом соображая, что произошло. Затем он бросился к крыльцу, застонал Юшкин.

— Что, сильно он вас, товарищ начальник?

— Да этот гад, видимо, бедро задел, больно. Как Феликс Яковлевич?

— Да, по-моему, убитый!

— Плохо дело, а ты молодец, хорошо стреляешь, вовремя уложил того гада, еще бы чуть-чуть, он и меня бы, и тебя бы кончил, контра! Я за ним давно наблюдаю, ну да ладно, беги за помощью, нога болит, сил нет терпеть, хотя, погоди, помоги хоть в дом залезть, а то замерзну вконец.

Артамонов помог Юшкину забраться в избу, а сам быстро побежал на встречу бегущим уже по дороге мужикам. Сбежав с крыльца, он чуть не споткнулся о тело человека в шинели, рядом на снегу лежало письмо, на котором он с трудом прочел «Секретно. Тов. Сталину лично в руки», и остановился как вкопанный. Затем, посмотрев по сторонам, быстро нагнулся, скомкав письмо, запихал в карман и устремился навстречу бегущим колхозникам.

Возвращаясь поздно вечером из церкви, подходя к дому, отец Николай заметил у своего дома крытый грузовик, и в груди у батюшки похолодело. Сколько раз он представлял себе, как это будет, но как ни готовился к аресту, все равно это наступило неожиданно — пришел его черед. Две недели назад взяли настоятеля Екатерининской церкви протоиерея Николая Надежина, а сегодня пришли за ним. У крыльца курили трое. «Гражданин Богословский? Вы арестованы! Пройдите в машину»! — отчеканил высокий чекист в черной кожаной куртке и фуражке. «Можно мне собрать вещи?» — робко попросил о. Николай. «Давай, иди в машину, контра»! — процедил сквозь зубы коренастый бугай и толкнул священника прикладом. «Только попробуй закричать, тут же и шлепнем», — добавил третий в пенсне. «Можно мне хоть попрощаться с женой?» — переходя на шепот, умоляюще произнес о. Николай. «Иди, иди, руки за спину»! — злобно сказал коренастый.

Священника привезли в Петрозаводскую тюрьму и — сразу на допрос. Следователь отрешенным поверх очков взглядом оглядел вновь прибывшего и скучным тоном произнес: «Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. Советую сознаваться сразу и не вилать». «Что»? — недоуменно спросил отец Николай. Следователь так же монотонно произнес формулировку обвинения. «Я не понимаю, о чем вы говорите»? — еще более изумился отец Николай. Следователь с шумом захлопнул папку и скучно посмотрел на отца Николая, потом нажал кнопку на краю стола. Сразу же ввалились двое амбалов. «Ну, вы и дальше будете все отрицать»? — с металлом в голосе спросил следователь.

«Я ни в чем не виноват», — тихо ответил отец Николай, и губы его зашептали слова молитвы, он понял смысл появления тех двоих. «Приступайте»! — рявкнул следователь и, хлопнув дверью, вышел...

Железная дверь со скрипом отворилась, и в камеру втащили тело отца Николая Богословского. После того как дверь гулко захлопнулась и перестали греметь засовы, к лежащему приковыляли другие заключенные. «Ишь как его с первого раза отдубасили, видать, признание еще не выбили»! «Да

это же наш отец Николай! Вот изверги, его-то за что?» — слышались голоса. В камере было много людей, но помогли отцу Николаю только другие сидевшие здесь священнослужители. Его аккуратно отнесли в угол для духовенства диакон Павел Молчанов и протоиерей Алексей Петухов. «Аккуратней, аккуратней, отцы, кладите его сюда, рядом со мной. Отец Павел, смочи тряпку и оботри кровь, мне чего-то неможется!» — произнес настоятель отец Николай Надежин. Сам он уже тоже не мог ходить, на допросах отбили почки и седалищный нерв, он лежал на холодном полу, на своей зимней рясе. «Да, крепко они его, так даже меня в первый раз не били. И чем он им насолил? Ладно, я знал, на что шел, здорово их раздражал, что мешал Кижский храм закрыть, а этот-то, молитвенник, слова резкого не скажет», — склонился над отцом Николаем отец Алексей Петухов, настоятель Кижского прихода. «Странно это как-то, — продолжил батюшка, — нас, заонежских, как в Петрозаводск привезли, почти и не били, у меня уж и синяки прошли, а вас, петрозаводских, вторую неделю дубасят». «Не накличь беды на себя, отче! — тихо простонал отец Николай Надежин. — Вы свое претерпели, теперь наш черед за Христа муку принять, конец ведь известен, да и скоро уже!» И арестованное духовенство, не договариваясь, тихо запело тропарь воскресения, утешая себя воспоминанием Пасхальной Службы. От этого пения отцу Николаю стало легче.

Они знали, на что шли. По стране катилась волна репрессий против духовенства, кое-кто из собратьев снял с себя священный сан, ушел в мир, а то и работал в советских учреждениях, активно участвуя в антирелигиозной пропаганде. Были сомнения и у отца Николая Богословского, и у отца Алексея Петухова. Отец Николай, даже будучи священником, с 18-го года работал на мирской работе, но видя, как сатанеет общество без веры, вновь ушел в храм, хотя и средств для существования совсем не стало. Когда перед уходом с мирской работы он сказал о своем решении матушке, та расплакалась и сказала: «Посадят ведь!» «Рано или поздно все равно посадят, а от веры своей я все равно не отрекусь и сан не сниму», — твердо ответил всегда мягкий отец Николай. Он понимал, что изменить жизнь без помощи Божьей невозможно, поэтому в своих проповедях активно призывал людей одуматься и не быть самонадеянными. Он служил сначала в Кафедральном Святодуховском соборе, потом, после его закрытия — в Екатерининской церкви, там он и познакомился с отцом Алексием Петуховым, который служил до своего ареста в некогда богатом Кижском приходе. Однако год перед арестом семейство отца Алексея питалось почти одной рыбой, которую батюшка ежедневно ловил сетями. Однажды вечером, починяя сетку, у него и вырвалось: «А не снять ли мне сан и пойти работать?» Матушка, услышав это, всплеснула руками: «Да как же ты людям после этого будешь в глаза-то смотреть? Они ведь твоей верой сейчас держатся». Отец Алексей угрюмо промолчал, но что-то про себя решил. И после этого, как бы в покаяние за свои слова, отец Алексей, не будучи решительным человеком, начинает открыто и смело сопротивляться властям, стремящимся закрыть Кижские церкви. Письма за подписью отца Алексея доходят даже до ВЦИК, в Москве узнают про мятежного батюшку, но храмы все равно закрывают. Однако отец Алексей сбивает замки и продолжает службу в уже закрытых по закону церквях, он идет на мученичество сознательно, и слова его последней

проповеди ставят точку. Вместе с ним арестовывают последних оставшихся десятерых заонежских священников, а заодно арестовывают почти все духовенство Петрозаводска. Обвинение стандартное: создание контрреволюционных повстанческих организаций с целью свержения советской власти. «Заонежских» бьют страшно, один следователь сменяет другого, по очереди отдыхают от «тяжелой работы», не дают передышки только подследственному, используя средневековые методы выбивания признаний побоями, голодом и бессонницей. Но почти все священники держатся стойко, ибо кто был слаб духом и боялся смерти, давно ушел из Церкви. Оставшиеся на местах своего служения были «смертники», ибо почти все знали, чем все закончится. Содержат их в сарае, буквально битком набитом колхозными мужиками. Все их сторонятся, ибо каждый думает, что только с ним произошла какая-то ошибка, а твой сосед по сараю уж точно выявленный враг народа. Все мужики избиты на допросах, но священников бьют особенно изощренно. К концу допросов никто из десяти заонежских священников не мог самостоятельно ходить, но, терпя телесные страдания от отбитых внутренних органов, духом все были бодры, по вечерам вполголоса, лежа на слежалой соломе, они тихонько пели молитвы и правили службу, готовясь к смерти. Однако их перевозят в Петрозаводскую тюрьму, где их почему-то не трогают две недели. Зато вовсю истязают петрозаводское духовенство.

Как-то раз, после очередного допроса, отца Николая Богословского втащили в камеру совершенно истерзанного. Его удалось привести в чувства только через 15 минут. Священник застонал, и первые его слова были: «Все, отцы, пропали мы! Меня сегодня подложный протокол заставляли подписать, где я во всем сознаюсь, я сумел прочесть, так как в этот раз по глазам сильно не били. Протокол отпечатан на машинке, без помарок даже. Раньше рукописные были, а этот печатный, я отказался подписывать, и меня так бить начали, что думал я, конец мне. И сейчас все внутри горит, не жилец я». «Эвон как! — всплеснул руками отец Алексей. — Мне тоже показалось странным, рукописные были листы, а потом печатные, но я-то прочесть не смог, мне зачитывали». «То-то нас бить перестали, после этих листов-то, — воскликнул другой заонежский батюшка, у которого были выбиты все передние зубы, — ведь напраслину на себя подписали, этого-то они ироды от нас и добивались. Теперь точно расстреляют, жаль только, что добрую память нашу осквернят, будто мы действительно бандитами были и во всем сознались». «Да ладно вам, — убежденно произнес отец Николай Надежин, — главное, перед Богом мы чисты, не отреклись от Него. Это самое важное, Он все устроит. Будет о нас в народе добрая память, не преуспеют клеветники, сколько бы ни старались»!

Как и предполагал арестованный батюшка, после «добровольных» признаний их оставили в покое. Продолжали терзать только отца Николая Богословского, никакие уговоры и угрозы на него не действовали, он постоянно терял сознание от побоев, после этого так долго приходил в себя, что следователь начинал терять терпение. Пришлось им печатать истинные ответы Николая, так как без личного прочтения его нельзя было заставить поставить свою подпись. Кроме того, «правдивых» показаний других священников явно хватало, чтобы приговорить отца Николая к «вышке». В одну из ночей послышался грохот открываемых запоров, и дверь в камеру со скрипом распахнулась. Включился яркий свет, прозвучала команда:

«С вещами на выход!»! Это было хоть и ожидаемо, но неожиданно, из камеры, еле-еле передвигая ноги, стали выходить истерзанные допросами люди. Те, кто еще держался на ногах, подставлял плечо тем, кто сам ходить уже не мог. «Быстрее, быстрее!»! — орала охрана, на улице бесновались овчарки, готовые вот-вот сорваться с поводка.

Людей грузили в крытые с деревянным кузовом машины, набивали как сельдей в бочку, потом куда-то повезли. Ехали около часа. Дорога сначала была сносная, но последние полчаса жутко трясло, к тому же изнурял удушливый запах бензина. Многие ослабевали, теряли сознание, но оставались в вертикальном положении, поддерживаемые соседями, подпиравшими друг друга со всех сторон. «Куда везут-то»? — слышались осторожные вопросы одних. «Говорят, на этап, в Медгору. С вещами ведь идем. Если бы расстреливать, то без вещей повезли бы», — шепотом отвечали другие. Тут машина замедлила скорость и остановилась. Хлопнула дверца водительской кабины. Открыли деревянный кунг. «На выход! Строиться! Быстро, быстро!»! — прозвучали команды. Пленников стали буквально выдергивать из машины, сопровождая каждого одним, а то и двумя ударами черенка от лопаты. Многие от этих ударов валились с ног, но конвой, состоявший из 15 человек, стакивал людей в середину большой поляны, окруженной четырьмя кострами. В промежутке между костров стояли чекисты с яростно лающими овчарками. Всех сгоняли в одну кучу, набралось около 50 человек. На своих ногах стояло около трети. Еще не успели все выбраться из машины, как выступившие из темноты чекисты выхватили из толпы двоих и куда-то потащили, через мгновение раздались два глухих выстрела, и чекисты вернулись за следующими. Из толпы стали выдергивать по одному, и выстрелы стали звучать постоянно. Люди заматались, раздались крики, но собачий лай стал от этого громче и яростней. Чекисты с собаками приблизились к толпе ближе, оскаленные пасти вот-вот готовы были впиться в человеческую плоть. Кто пытался вырваться, получал такой удар прикладом по голове, что безжизненно падал на землю. Однако сопротивляющихся было мало, люди в массе своей не могли сопротивляться, они были истерзаны побоями, голодом и бессонницей. Священнослужители же ни о каком сопротивлении и не помышляли, они с трудом собрались в одну группу, громко прощались друг с другом и просили прощения у других людей, но на них никто не обращал внимания, ужас смерти обуял всех. Затем они тихонько запели: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...», но тут черед дошел и до них. Первого выхватили отца Николая Богословского и потащили в темноту. «Прости им, ибо не ведают, что творят!»! — взмолился про себя отец Николай, преодолевая жуткую физическую и душевную муку. Затем он сжал кулаки, зажмурился, и затылок его буквально взорвался острой болью, ...но вдруг боль исчезла, душа наполнилась неизреченной радостью. Отец Николай открыл глаза и увидел, как два крылатых существа в блистающих ризах понесли его к Свету, струящемуся с небес. Отец Николай ликовал...

Пожилой инвалид медленно, кряхтя, вылез из «запорожца» и, посмотрев по сторонам, подошел к почтовому ящику. Другого способа передать письмо он не придумал. Опустив письмо в почтовый ящик, он быстро вернулся, сел в машину и стал ждать. Ждать пришлось недолго, остановился «москвич-каблучок», из него вышла женщина и вытряхнула содержимое в черный с металлической окантовкой тряпичный почтовый мешок. «Кажется,

все!»! — вздохнул с облегчением инвалид и положил таблетку валидола под язык. Он вспомнил, как потерял ногу в 41-м, как их отряд НКВД остался прикрывать отход основных сил. Вопрос о сдаче в плен не стоял, да их в плен и не брали, они считались опасными для врага солдатами. Среди них не было тех «шкур», которые измывались над арестованными на допросах в 37-м. Эти всегда оказывались в тылу, при штабе или в особом отделе... А те, кому пришлось быть невольными участниками репрессий, ожесточенно бились с врагом в арьергардах и в истребительных батальонах. Его друзья и коллеги погибли все, искупив свою вину кровью. А он?... Бог сохранил его, видно, для того, чтобы он мог рассказать правду про страшные репрессии, про то, как все было... «А! Будь, что будет! — сказал инвалид вслух, беседуя сам с собой, — воля умирающего — закон, да и сейчас не 37-й год, а 56-й. Даже если дело начнут, как свидетель пойду, ну, а если, ...все равно жена умерла, детей нет. Идите, берите меня, вот он я!»! Инвалид погрозил кому-то невидимому кулаком, презрительно сплонул и завел мотор.

Младший следователь республиканской прокуратуры рассеянно вскрыл конверт, быстро пробежался взглядом по пожелтевшим строчкам и вздрогнул. Затем он сел на стул и погрузился в чтение, потом резко встал и быстрым шагом вышел из кабинета. Почти бегом взойшел по лестнице на второй этаж и постучался к начальнику.

— Ну, чего тебе, Семенов!

— Товарищ Шевцов, тут мне по почте такое прислали, анонимно, но письмо это еще в 37-м написано, адресовано товарищу Сталину! Как раз насчет репрессий в Заонежье!

— Дай сюда! — Взяв бумагу, старший следователь Шевцов углубился в чтение. Через 15 минут он отложил письмо, снял очки, стал массировать закрытые глаза.

— Так вот, значит, почему тот Иванов своего начальника застрелил. За брата, значит, мстил. Да, это они здорово придумали: листы допросные заранее печатать на машинке, а арестованным в руки не давать, зачитывать вслух их реальные ответы, а подкладывать на подпись заранее напечатанные. Следаки те точно фокусники. И как арестант ничего не замечал? Тут тебе любое дело можно сшить в зависимости от фантазии следователя.

— Так их дубасили, наверно. Я слышал, что попы тогда упертые были, одно слово — «фанатики», — сказал Семенов.

— Так... так... Смотри, первый протокол рукописный, подписан вероятно самим арестантом... А потом подпись какая-то странная, похожа, но... не такая, — вслух размышлял Шевцов.

— Ну, это просто, товарищ Шевцов, это мы еще в школе так делали... Выдвигаешь со стола стекло, под низ ставишь лампу, кладешь на стекло бумагу с надписью, кладешь сверху чистый лист бумаги и обводишь надпись, — пояснил Семенов, разглядывая протоколы.

— Ладно, хватит фантазировать, сдадим на экспертизу, и все станет точно известно, — Шевцов перестал презрительно ухмыляться и нахмурился. — Подшей к делу копию, оригинал отдай экспертам, пусть поработают, а мы будем проверять эту версию!

Через полгода материалы следствия по заонежским репрессированным дополнились фактами, и еще через полгода все заонежские священнослужители были реабилитированы... посмертно.

Из-под ковша экскаватора опять посыпались кости и черепа. Василий поставил рычаг на ступор и, не опасаясь обвала, полез на склон карьера. Аккуратно подняв ближайший череп, внимательно оглядел его. Со стороны затылка виднелось отверстие, видимо, от пули. «Ну, че ты, в самом деле? — выплюнув окурок, высунулся из окошка кабины водитель КамАЗа. — Че, костей мертвых не видел? Уже год их грузим, да возим на подсышку объездной дороги». «Да ты глянь, Митрич! Все черепа с дырками в затылке!» «Да ну тебя! Что ты как баба? Говорят тебе, кладбище это старое. Когда кирпичный строили, там еще больше костей было. Грузи давай». «Нет, не буду, тут что-то нечисто, тут разобраться надо». Митрич выругался, завел мотор и уехал недогруженный. В тот же день Васю, недавно принятого на работу, уволили «по собственному желанию», но уже через месяц карьер закрыли, общество «Память» начало раскопки. Оказалось, что в этом районе в 37–38-х годах велись массовые расстрелы, и при разработке карьера наткнулись на один из могильников. Удалось собрать костных останков более чем 700 человек. Восемнадцать гробов, до верху наполненных людскими костями, захоронили на Зарецком кладбище, справа от братской могилы воинов, погибших в Великую Отечественную войну. Дорогу стали строить дальше, она прошла как раз по месту казней...

Последняя проповедь о. Алексия Петухова

(последнего кижского священника)

В большинстве дел содержатся лишь необходимые судебно-следственные документы, без приобщения других материалов, которые бы выступали в качестве неопровержимых доказательств (проповеди, речи, переписка, личные, финансовые и имущественные документы и т. п.). Единственным исключением является содержащаяся в материалах уголовного дела на кижского священника о. Алексея Петухова его проповедь, сказанная в последний перед арестом настоятеля и закрытием церкви престольный праздник

О. Алексий Петухов

Преображения — 19 августа 1937 г. Это были дни тяжелых испытаний для пастыря, который боролся с превращением храма в светский музей. Когда после закрытия в 1936 г. Преображенской кижской церкви никто из верующих не надеялся больше в Светлое Христово Воскресение переступить порог этого храма, о. Алексей, **вопреки** всем светским решениям, провел в нем Пасхальную службу. И все лето 1937 г. священник, как это было на протяжении двухсот лет и до него, встречал прихожан в древнем храме, бесстрашно исповедуя свою веру. В проповеди в день Преображения Господня 1937 г. отец Алексей обратился к своей пастве с такими словами:

«Сегодня мы, дорогие слушатели, вспоминаем и празднуем Славное Преображе-

ние Пречистаго Тела Господа нашего Иисуса Христа, которое произошло во время Его земной жизни на горе Фаворе в присутствии трех любимых учеников. В память этого события ваши прадеды выстроили и освятили сей великолепный храм, а ваши отцы и деды богато и художественно его украсили. Свыше двух столетий храм этот служит украшением вашей местности, а сейчас пользуется вниманием со стороны верующих и неверующих. В день храмового праздника позвольте поздравить Вас с двойным праздником и побеседовать вообще о Церкви и также о вере Православной. Церковь Христова в Слове Божием часто сравнивается с кораблем. Плывет этот корабль Христов по житейскому морю, на нем есть кормчие и матросы, на нем есть также и пассажиры — это сыны Церкви. Все ждут тихой пристани и приятного путешествия. Корабль Христов — Церковь Православная, теперь переносит страшную бурю и находится в страшной опасности. За 1000 лет существования Православной Церкви на Руси никогда она не была в столь тяжелом положении, как сейчас. С одной стороны — религиозное невежество самих христиан, религиозное равнодушие, ненависть к вере, а с другой стороны — современное безбожие, неверие и распри в самой Церкви, все это вместе подняло страшную бурю, все устремились на Церковь, чтобы обессилить ее, вконец разбить ее. Враги христианства не дремлют, враги напугают все силы, чтобы утопить священный корабль Христов и уничтожить веру Православную. Но мы знаем, что на корме корабля церковного стоит невидимо Небесный Кормчий — Господь наш Иисус Христос. Мы знаем из Священного Писания, что даже врата адовы не одолеют Церковь, мы знаем, что этот корабль не погибнет до конца мира, и что рано или поздно он придет к тихому и верному пристанищу. Но мы и то знаем и видим, что в эту безбожную бурю многие из плывущих на корабле гибнут, гибнут и по чужой, и по собственной вине. Жаль их, и к ним всегда применим голос Кормчего, Спасителя: «Бодрствуйте, будьте готовы!»

Итак, ревет буря, тьма безбожная вокруг, волны заливают корабль, а мы на корабле спим непробудным сном! Довольно спать! Нужно работать, нужно употреблять все законные меры, способы и все усилия, чтобы довести корабль до тихой пристани, и на нем самим спастись. Поэтому в первую очередь мы должны: усилить хождение в храм в праздничные дни к богослужениям, изучать Закон веры Православной, дать детям религиозное воспитание, теснее сомкнуться около Церкви, открыто показать врагам веры, что мы Церковь нашу любим, любим Ея учение, богослужение и Ея влияние на жизнь. Если Церковь Христова жила во времена гнета языческого, во времена господства всяких нечестий и лжеучений, то и теперь, что бы ни случилось, какие законы бы ни были изданы, какая-либо безбожная проповедь ни раздавалась, Церковь устоит и Православная вера не погибнет, лишь бы мы не спали, были ревностны для веры, и помогли бы общему делу спасения.

Итак, долой уныние и сон смертельный, который ведет к вечной гибели. Будем все трудиться для Христа, для Его Церкви и Его Евангелия. И через общие наши усилия, с помощью Божией доведем корабль — Церковь Христову до тихой пристани, и с нею сами спасемся. Аминь».

Безусловно, каждое слово этой проповеди в 1937 г. могло стоить жизни. Так и случилось: в конце октября того же года о. Алексей был арестован, а 20 ноября расстрелян.

Русские СУДЬБЫ

**Наталья
ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА**

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина — доктор филологических наук, профессор, автор около двухсот научных публикаций. Профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова. **Живет в Москве.**

СТАТЬЯ I: «ИСХОД» ИЗ РОССИИ

Мы испили чашу национального унижения до дна... Мы поняли, что значит сделаться людьми без отечества.

В. Даватц, Н. Львов

Россия участвовала в великих межконтинентальных миграциях с конца прошлого века, а после 1917 года эмиграция из нашей страны прокатилась несколькими волнами¹. Одним из результатов этого процесса было появление за пределами России многих миллионов людей, для которых русский язык был родным. С течением времени и под влиянием новых условий существования в языке эмигрантов первой волны появились своеобразные черты, отличающие его как от того языка, который был вывезен в момент эмиграции, так и от того, на котором говорили в России (например, уже различались русский язык в СССР в 1930-е годы и русский язык первой эмиграции тех же лет). Первая эмиграция оказала большое влияние на послевоенную, вторую, эмиграцию — в том числе и в области языковой культуры...

Нежелание многих представителей Русского зарубежья употреблять по отношению к покинувшим Россию после 1917 года слова *эмигрант* и *эмиграция* привело к образованию слова *беженство* [(беженец) (они уехали в беженство)]. Кроме того

¹ В начале 1990-х годов указывалось, например, что с 1861 по 1915 год выехало примерно 4,5 миллиона человек, в том числе примерно 2,6 миллиона в первые 15 лет XX века. Затем эмиграция имела следующие масштабы: первая (1917–1938) — 4–4,5 миллиона человек, вторая (1939–1947) — 8–10 миллионов, третья (1948–1990) — 1,1 миллиона (Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграций. Новая ситуация // Свободная мысль. № 12. 1992. С. 8–9).

(и, по-видимому, лишь в начале 1920-х годов), вместо слова *эмиграция* использовалось слово *эвакуация*. Даже тридцать лет назад размышления о том, что представляют собой беженцы первой волны и их потомки, были актуальными — об этом свидетельствуют напечатанные в 1967 году следующие слова богослова и философа Николая Арсеньева: «Только *так* — на фоне России — эмиграция и интересна; только *так* она себя понимает, как некое целое; только *так* она имеет историческое значение, имеет призвание культурного и морального характера: не как масса беженцев. Пусть огромное большинство эмигрантов — беженцы, спасшие свою жизнь и жизнь своих близких, но это их “беженство” во множестве случаев связано или было связано с мыслью о России, более того — во многих и, может быть, решающих случаях — с чувством ответственности за Россию, с желанием помочь России и родному народу, с мыслью о *служении* России. И это как раз и делает беженцев — эмиграцией, это образует *эмиграцию* в ее неразложимом двойном облике: это — беженцы, желающие послужить России...»¹. А вот высказывание писательницы Зинаиды Шаховской: «Да и эмигрантами они не были. Они были беженцами, нансеновские бесправные паспорта называли их *refugiés russes*»².

Многотысячный «исход» из России осуществлялся разными путями, или, как говорили и писали эмигранты первой волны, было несколько «эвакуаций»: черноморская, дальневосточная, через Финляндию, Польшу, Архангельск. Они нашли широкое отражение в эмигрантской мемуарной литературе.

Черноморская «эвакуация» 1919 и 1920 годов шла из районов побережья Черного моря (Новороссийска, Крыма, Одессы, Грузии) в Константинополь — туда были эвакуированы армии генералов Деникина и Врангеля с последних рубежей своей обороны.

Воспоминания В. Д. Матасова³ дают возможность подробнее рассказать о черноморской «эвакуации» и одновременно показать особенности языка эмигрантских мемуаров. По его сведениям, 1 марта 1920 года был оставлен Ростов и начат общий отход Белого фронта, вскоре обратившийся в сплошной поток обозов, беженцев, войсковых частей на Новороссийск. Кораблей было мало, и необходимо было направить эвакуацию на Тамань, где ширина Керченского пролива была невелика, а транспортные средства Керчи позволили бы быстро перебросить в Крым значительную часть людей и груза. Из Новороссийска было вывезено около 30 тысяч «Добровольцев» (Добровольческая армия) и около 10 тысяч «Донцов» (Донские дивизии), без артиллерии и лошадей. С берегов Черного моря доставили несколько тысяч «Кубанцев» (Кубанские дивизии). Главная масса Белой армии была переброшена из Новороссийска в Крым 14 марта 1920 года.

Вот что рассказывает В. Д. Матасов о севастопольской «эвакуации»: 29 октября 1920 года генерал Врангель приказал войскам оторваться от противника и следовать в заранее назначенные им порты для погрузки на суда и эвакуации за границу. К утру 31 октября в Севастополе началась погруз-

¹ Арсеньев Н. Эмиграция — на фоне России // Возрождение. № 191. 1967. С. 76.

² Шаховская З. О «либералах» // Слово. № 4. 1991. С. 23.

³ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990.

ка. Ночь на 1 ноября и утро прошли спокойно, «по городу ходили патрули юнкеров. Суда вышли на внешний рейд, оставался еще крейсер “Генерал Корнилов”. Днем караулы и заставы стали стягиваться к Графской пристани. Около 2-х часов дня туда подошел генерал Врангель, обошел караул и стянувшиеся заставы юнкеров Сергиевского училища, поблагодарил их за службу. Затем снял корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отбыл на крейсер “Генерал Корнилов”. За ним погрузились на “Херсонес” юнкера <...>. На берегу была масса народа. Благословляли, плакали. Это было около 3-х часов дня, а в 4 ч. 45 мин. английский миноносец по радио передал, что в город вошли большевики. Ночь парохода простояли на внешнем рейде, а с утра, в благоговейной тишине, отходили перегруженные суда в море, в неизвестность, отрываясь от Севастополя, от берегов отчизны. Так начался исход Русской Армии»¹.

Затем «главнокомандующий направился в Ялту. Регулярная конница грузилась в идеальном порядке, переполняя вместительные транспорты “Крым”, “Цесаревич Георгий”, “Русь”. Садились только люди, расставаясь с лошадьми, своими боевыми товарищами <...>. На крейсере “Генерал Корнилов” появился ген. Врангель, проверяя успешность погрузки <...>. Он снял фуражку и сделал низкий поклон родной земле <...>. Корабли вышли в море. <...> в Феодосии погрузка началась 31 октября, а в Керчи с 3 ноября с прибытием конных частей. Ген. Врангель посетил Феодосию после отбытия всех судов. В Керчи погрузкой распоряжался лично ген. Абрамов, командующий Второй армией. Он объехал на катере все погруженные пароходы <...> и, в ночь на 4 ноября, суда, в кильватерной колонне, пошли на Константинополь»².

В. Д. Матасов приводит в воспоминаниях такие итоги черноморского «исхода»: «Генерал Врангель с честью вывел армию и флот, как обещал. На 126 судах было вывезено около 146 тысяч человек, в том числе 50 тысяч чинов армии и 6 тысяч раненых. Остальные — личный состав военных и административных тыловых учреждений, в небольшом числе семьи военнослужащих, гражданские беженцы, искавшие у армии защиты»³. В целом «отход из Крыма не был катастрофой. Армия осталась цела»⁴.

Путь к Босфору был трудным, нелегко было и на рейде Константинополя: «Пароходы вышли в море переполненными до крайности. Все трюмы, палубы, проходы, мостики были буквально забиты людьми. Слава Богу, что море, хотя и встретило непогодой, было совершенно спокойно, и качка была мало заметна. Переезд по морю до Константинополя длился несколько дней и являл собою непрерывную нить физических лишений для голодных людей <...>. Кругом небо и вода. Еще развеваются над нами родные Андреевские флаги, еще составляем мы часть Российского государства... Но вот показались огни маяков у входа в Босфор, появились зеленеющие берега <...>. Пароходы с русскими изгнанниками стали приходить на константино-

¹ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 161–162.

² Там же. С. 163.

³ Там же.

⁴ Даватиц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. New York, 1985. С. 13.

польский рейд, начиная со 2-го и кончая 10-м ноября (ст. ст.), причем когда первые суда уже отошли оттуда в Галлиполи (“Саратов” и “Херсон” — 8 ноября), суда из Керчи только что начали прибывать. Все же одновременно более 100 русских судов, военных и торговых, крупных и мелких, стояли облепленной, голодной армадой на внешнем рейде Константинополя и выкинули флаги: “хлеба” и “воды” <...>. Первые дни подходили к пароходам какие-то случайные катера и больше наводили справки, чем подвозили продовольствие. То американцы подвезут молоко и шоколад детям, то французы сгрузят консервы, то наши русские земцы подвезут в мешках давно жданный хлеб. А на пароходах продолжалась та же давка, грязь, общий голод. Международная полиция следила за тем, чтобы русские не съезжали на берег»¹.

Затем на главных мачтах кораблей развернулись флаги Франции, а на кормовых Андреевские флаги: «Франция взяла под свое покровительство русских людей, покинувших Родину ... под залог русских кораблей <...>. С пароходов стали сгружать раненых, тяжело больных, гражданских беженцев. Вместе с частичной разгрузкой пароходов стало постепенно улучшаться и питание <...>. Правовое положение офицеров и солдат все еще не выяснилось <...>. По соглашению с французами воинским частям оставляли одну двадцатую часть оружия. У офицеров оружия не отбирали. Несмотря на это, французы сгрузили 45 тысяч винтовок, 450 пулеметов, 60 тысяч ручных гранат и приступили к разгрузке русского казенного имущества, как продовольствия, так и обмундирования и белья, всего на сумму 70 миллионов франков»².

Во что обошлась в эвакуации помощь союзников? Вот что пишет об этом М. В. Назаров, опираясь в данном случае на ближайшего сотрудника генерала Врангеля Н. Савича, который был ответственным за финансы: «В компенсацию за снабжение русской армии продовольствием французы просто реквизируют все имущество, вывезенное из Крыма. Сперва они наложили руку на три больших парохода с углем, ... потом им это понравилось и они распространили эту меру на все, что находилось на судах <...>». В числе реквизированных грузов было 45 000 винтовок, 350 пулеметов, сотни тысяч гранат и снарядов, 12 миллионов патронов, 300 000 пудов зерна, 20 000 пудов сахара, 50 000 пудов другого продовольствия, 200 000 комплектов обмундирования, 340 000 белья, 58 000 пар обуви и многое другое, необходимое для жизни. Французы взяли себе «в компенсацию» и все русские торговые и военные суда. Затем конфисковали остатки денег врангелевского правительства в парижском банке. Затем личные счета лиц из окружения Врангеля... Савич, стараясь не обижать французов, пишет, что пропитание русских тоже стоило Франции немалых средств, и считает, что в общем-то французская помощь «заслуживала благодарности». Но все же русские были союзниками, и к ним можно было ожидать другого отношения. Французы могли бы вспомнить хотя бы о том, что именно вступление в войну русской армии, неподготовленное, неудачное, оплаченное большой кровью, спасло Францию в 1914 году... (Маршал Фош позже признавал:

¹ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 163–164.

² Там же. С. 164–165.

«Если Франция не стерта с карты Европы, она этим прежде всего обязана России»¹.

Положение в Константинополе описано В. Х. Даватцем и Н. Н. Львовым так: «Постепенно началась разгрузка раненых и больных, и остальной части беженцев. Раненые были размещены в русских лазаретах — в здании Русского посольства, в Николаевском госпитале, во французском госпитале Жанны д'Арк, а беженцы распределены по лагерям <...>. Константинополь постепенно наполнялся рядом эвакуаций <...>. Массы русских прошли через Константинополь, частью осели в нем, а частью рассосались по другим странам <...>. Русские хотели оставаться русскими, вернуться в Россию <...>. Они уходили со своими учреждениями, учебными и санитарными, со своим духовенством, со своим флотом и военной организацией...». В Константинополе стали возникать приюты, школы, открылись гимназия, дешевые столовые, началась приходская жизнь. Благодаря знанию языков, многие из приехавших русских получили места в банках, конторах, магазинах, английских и французских учреждениях. «Между людьми отпали все перегородки и условности...»².

А вот что пишет В. Д. Матасов о дальнейшей судьбе черноморской «эвакуации»: «6 ноября (ст. ст.) Главнокомандующий издал приказ, по которому 1-я армия сводилась в 1-й корпус, во главе которого становился генерал-от-инфантерии Кутепов. В состав корпуса входят 1-я пехотная дивизия, 1-я кавалерийская дивизия и Технический полк. Через день после этого первые пароходы с частями корпуса (“Саратов”, “Херсон”) отошли в Галлиполи. Остальные пароходы угрюмо покачивались на рейде, выдерживая своих пассажиров в обстановке невероятной грязи и угнетенных настроений <...>. Неожиданно начался оживленный отход оставшихся пароходов. По Мраморному морю шли к Дарданеллам, в Галлиполи. Пароход зашел в “безрадостную бухту”, видны вереницы людей, идущих с грузом куда-то в поле <...>. А там вдали едва виднелись зеленые палатки тех, кто уже раньше выгрузился. Там нам предстояло поселиться, зимовать. Это было голое поле, Галлиполи»³.

Галлиполи — это «волнистая холмистая местность на фоне невысоких гор, местами голая, местами поросшая травой — это место нашего лагеря в 7 верстах от полуразрушенного маленького городка <...>. Нам были выданы зеленые палатки, длинные и широкие, вместимостью на 30–40 человек <...>. Имея по одному одеялу, призадумались над устройством постелей на сырой земле <...>. На ближних к городу холмах разместилась пехотная дивизия по полкам, имея на левом фланге Технический полк. Через долину, по другому ряду холмов растянулась кавалерийская дивизия, тоже по полкам, имея на правом фланге, ближе к проливу, конную артиллерию, сведенную в четыре батареи». Приехавший из Константинополя командир французского оккупационного корпуса генерал Шарпи 1 марта осмотрел лагерь и, уезжая, сказал: “Я должен относиться к вам, как к беженцам, но не могу скрыть того, что видел перед собою армию”. И, может быть, то, что

¹ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 22–23.

² Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. New York, 1985. С. 19–20, 41–42.

³ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 166.

генерал увидел перед собой армию, ускорило то распоряжение, по которому части предупреждались, что с 1 апреля (н. ст.) прекращается “выдача пайка”, а армии предлагается переезд в Бразилию или к большевикам»¹. Последовало требование сдать оружие. Но «разоружить силой Кутеповский корпус у союзников рука не поднялась». Было решено добиться «рассеяния армии» иным путем. Генерала Врангеля перестали допускать к его войскам: «Генерал Врангель был изолирован французами от армии (какое-то судно “случайно” протаранило и утопило его яхту; к счастью, на борту никого не было)»².

В Галлиполи было вывешено объявление, что армии генерала Врангеля больше не существует. Ни Врангель, ни им назначенные начальники не имеют права отдавать приказания. Все вывезенные из Крыма войска объявлялись свободными беженцами и подчиненными в Галлиполи только французскому коменданту. Но разоружить корпус не посмели. Прошла зима. «В лагере функционировали кружки по восстановлению и пополнению знаний в области математики и физики, а также по изучению французского и иных языков <...>. Дисциплина в лагере не ослабевала до конца нашего в нем пребывания»³. «Это “крошечное русское государство” на берегу Мраморного моря произвело впечатление даже на турок <...>. На улицах городка появились русские вывески и надписи, на домах развешивались русские знамена: Галлиполи стал русским городом...»⁴.

Казачи были отправлены на остров Лемнос в Эгейском море (по свидетельству В. Х. Даватца и Н. Н. Львова, он был водяной тюрьмой, скалистый, пустынный, без деревьев, почти без воды) и в район Чатаалджи на материке: «В январе 1921 года французское командование решило переселить Донской корпус из района Чатаалджи на остров Лемнос. Казачи уже устроились в землянках и палатках и своим трудом обставили сносно свое жилье. Им не хотелось переезжать на Лемнос <...>. Приказу генерала Врангеля Донцы подчинились, и переезд совершился в полном порядке <...>. В двадцатых числах марта французский генерал Бруссо, комендант острова Лемнос, исполняя приказание командира экспедиционного корпуса Шарпи, потребовал, чтобы немедленно был дан ответ, какой из трех выходов выбирается русскими из положения: 1) вернуться в Россию, 2) эмигрировать в Бразилию или 3) выбрать себе работу, которая могла бы содержать их. Для опроса в лагерь были посланы французские офицеры с воинскими командами, и было заявлено, что те, кто будет пытаться посягнуть на свободу решения, будут отвечать перед французской властью»⁵.

В целом «русские, эвакуированные из Крыма, оказались в положении незваных гостей. Англия подозрительно относилась к военному лагерю у самого входа в Дарданеллы. Франция всеми силами пыталась выжить рус-

¹ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 170.

² Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 25.

³ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 175.

⁴ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 25.

⁵ Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 177–178.

ских из Чаталджи и Галлиполи <...>¹. Как пишет В. Д. Матасов, тогда русские решили «немедленно обратиться <...> с протестом, а к сербскому и болгарскому народам с просьбой дать русским приют в своих землях <...>. Мы терпеливо ждали <...> и дождались августа 1921 г. <...>. Пехотная дивизия была принята в Болгарию и растворилась на различных гражданских работах. Туда же попала и часть казаков. Кавалерийская дивизия была перевезена через греческий порт Салоники и поездами в Югославию, а также и часть казачьих частей. Нашей коннице престолонаследник Александр <...> поручил и доверил охрану всех границ нового Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в течение 1921–1922 года <...>. На долю Конной артиллерии выпала охрана границы с Албанией»².

У участников черноморской «эвакуации» были очень разные судьбы. Так, экипажи русских военных кораблей были направлены на французскую военно-морскую базу в Тунисе (где семьи моряков и те из них, кто мог найти себе работу, были высажены в окрестностях Бизерты), несколько тысяч русских обосновались в Греции... Приняла русских и Болгария, очень нуждавшаяся как в рабочей силе на шахтах, так и в университетских и школьных кадрах, а также власти Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (впоследствии Югославии)...

Но, к сожалению, «на Балканах не могло найтись работы для всех. С трудом удавалось найти пристанище в других странах. Многие были вынуждены уехать в Южную Америку на плантации или строительство железных дорог (условия были следующими: 8–10-часовой рабочий день, одно свободное воскресенье в месяц, стоимость проезда через океан вычиталась из зарплаты <...>. Знаменитые русские шоферы такси в Париже — это считалось привилегированным занятием. <...> русские офицеры-работчие образовывали как бы колонии при заводах». Несколько тысяч человек воевали в 1925–1927 годах с восставшими во французском Иностранном легионе: «В раскаленных песках Марокко, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая — всюду рассеяны русские кости...»³.

До сих пор речь шла о русских военных, но были, как известно, и гражданские беженцы, которые до апреля 1922 года не могли быть объединены в одну центральную организацию, которая могла бы говорить от лица всех проживающих в Турции русских. 24 апреля 1922 года 80 русских организаций — культурных, просветительных и профессиональных объединились и создали «Русский комитет в Турции». 5 октября 1922 года в Константинополь прибыл Нансен и «заявил от лица турецкого правительства о том, что все русские беженцы должны в кратчайший срок покинуть страну. Со своей стороны он посоветовал всем вернуться в РСФСР. На собрании в русском посольстве под председательством посла А. А. Нератова представители русских организаций заявили о невозможности для них последовать его совету, и вопрос о положении русских в Турции очень заострился. Русский комитет обратился тогда к Лиге Наций и к западным правительствам с меморандумом и взял в свои руки вопрос о расселении 28 тысяч русских, которым

¹ Даватиц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. New York, 1985. С. 22.

² Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Montréal, 1990. С. 178–179.

³ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 26–27.

грозила высылка в Советскую Россию». Осенью 1924 года были образованы «Русский комитет объединенных организаций» и Эмигрантский комитет, которые «до Второй мировой войны способствовали защите интересов Зарубежья»¹. В целом же «гражданская колония русских в Константинополе проявила более чем когда-либо национально-патриотическое единство, образовав надпартийный Русский Совет и оказав положительное влияние на некоторые первые начинания в европейских эмигрантских столицах»².

Что касается «исхода» через Финляндию, то он иногда протекал как «уход через лед» из Петрограда. Обратимся к воспоминаниям Н. А. Кривошеиной, которая в декабре 1919 года в группе из пяти человек перешла в Финляндию по льду через Финский залив:

«Мы ехали на Финляндский вокзал трамваем, все врозь <...>. Сели в поезд (около 5-ти часов вечера) дачного типа, шедший до Белоострова. Сидели порознь в двух вагонах <...>. Как было условлено, мы, выйдя из поезда, пошли в разные стороны и должны были встретиться у берега <...>. Когда уже совсем стемнело, сошлись все пятеро вместе и спустились к берегу залива; было около половины восьмого; окопы оказались совсем рядом, слышно было, как солдаты говорили, смеялись... Мы надели белые купальные халаты с капюшонами — их было не так легко натянуть на шубы, потом связались все толстой веревкой в сантиметр толщиной, а мне дали в руку альпийскую палку <...>. Все почти без слов, даже без шепота. У каждого было в кармане по коробке спичек и пакет терпкого нюхательного табаку, чтобы бросать в глаза тем, кто начал бы нас хватать <...>. Никаких денег ни у кого не было, а у меня <...> небольшой мешочек-ладанка с весьма скромным количеством золотых вещей. Мне выпало первой с палкой в руках спуститься на лед с довольно крутого берега <...>. Я сразу провалилась в воду по пояс. Меня вытащили, благодаря шубе и валенкам я почти не вымокла. Долгое время я шла впереди, привязанная веревкой к остальным <...>. Но внезапно я споткнулась обо что-то и упала; оказалось — толстый кабель. Что же это? <...> мы были в нескольких шагах от Кронштадта. Стояли в ужасе <...>; береговая охрана Кронштадта, конечно, услышала, как в тишине трещал свежий наст под нашими ногами, и нас начали ощупывать двумя мощными прожекторами <...>. В период темноты мы все же шли, старались потише <...>. После четырех или пяти поисков матросы, не обнаружив нас, очевидно пошли спать. <...> мы сели на лед передохнуть <...> в какую сторону теперь идти? <...>. К счастью, у нас был отличный компас <...>. Делали короткие привалы, по две-три минуты <...>. К девяти утра совсем рассвело, и внезапно из тумана вылез берег, сосны, красная деревянная избушка <...>. Через минуту мы услышали его (проводника. — Н. Г.-М.) радостный голос: «Идите! Финляндия!»»³.

В Финляндии и Польше были русские военнопленные, «многие <...> стали беженцами-эмигрантами <...>. Вначале здесь были только мужчины призывного возраста, впоследствии к ним присоединились женщины и дети <...>. Пользуясь неразберихой на границе, многие беженцы переходили

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920—1970. Paris, 1971. С. 21—24.

² Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 33—34.

³ Кривошеина Н. А. 1984. Четыре трети нашей жизни. Paris, 1984. С. 87—89.

границу Польши, а оттуда направлялись дальше в Германию. Советские власти давали разрешение на выезд тем, кто владел собственностью или проживал на территории, отошедшей ко вновь образованным национальным государствам <...>. Таким образом, в Польше, трех прибалтийских государствах и Финляндии существовали большие группы эмигрантов, считавших себя частью России за рубежом. Наличие в этих странах русского этнического меньшинства (как правило, крестьян и староверов) не означало, однако, что эмигранты чувствовали здесь себя комфортно или получали поддержку для плодотворного развития своей культуры <...>. В некоторых случаях (например, в Эстонии и Литве) потребность в высокообразованных ученых и специалистах вынуждала местные власти приглашать русских ученых-эмигрантов на должности во вновь создаваемых высших учебных заведениях и технических службах. Но <...> рост националистических настроений и политический авторитаризм, утвердившийся в Польше, Литве и Латвии в конце 20-х годов, осложнили положение эмигрантов. Многие вынуждены были уехать в такие активные центры Русского зарубежья, как Прага, Берлин или Париж. Все сказанное выше объясняет, почему, несмотря на присутствие значительного числа русских беженцев, в приграничных государствах так и не возникло заметных центров эмигрантской культуры»¹.

«Исход» произошел и через Архангельск: «В январе 1920 года Верховный совет Антанты принял решение о снятии военно-экономической блокады Советской России, а направленная вслед за этим в Лондон на имя военного министра У. Черчилля телеграмма командующего Северным фронтом генерала Е. К. Миллера с просьбой о защите Северной области осталась без ответа <...>. Эвакуация из Архангельска началась еще 17 февраля (1920 года. — *Н.Г.-М.*) <...>. В 11 часов утра 19 февраля от архангельского причала отошли ледокол “Козьма Минин” и яхта “Ярославна”, на борту которых находилось военное и гражданское руководство области, офицеры, предприниматели и члены их семей <...>. 27 февраля архангельские беженцы прибыли в Тромсе...»². Некоторые исследователи полагают, что после падения правительства Н. Чайковского в Архангельске были эвакуированы около 15 тысяч человек.

Крупнейшим дальневосточным центром Русского зарубежья стал Харбин. Этот основанный в 1898 году на земле Китая русский город был центральным узлом Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), в нем еще до 1917 года жили примерно 70 000 русских (а также китайцы и многочисленная иностранная колония). Уже тогда Харбин фактически был крупным российским провинциальным центром со своей инфраструктурой, культурной жизнью. В нем, благодаря КВЖД, собрались высококвалифицированные инженерно-технические кадры.

Последние русские прибыли в Маньчжурию после падения Владивостока, и в 1922 году население Харбина увеличилось до более чем 200 000 человек: «Можно утверждать, что в этот период в Харбине сконцентрировалась вся элита российской эмиграции в Китае, рассеявшаяся позже по всей

¹ Раев М. 1994. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939: пер. с англ. М., 1994. С. 35–36.

² Гольдин В. И. Агония белого режима на Европейском Севере // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы экономики и культуры XX века). Петрозаводск, 1994. С. 24–26.

этой огромной стране»¹, развивались просвещение и наука, шла насыщенная культурная жизнь. Харбин оставался частью России за рубежом в течение 1920-х годов, вплоть до самого начала 1930-х. Причем исследователи Русского зарубежья подчеркивают, что из-за своей отдаленности Харбин, даже в период своего расцвета как эмигрантского центра, не приобрел такого влияния, которое он мог бы иметь при современном развитии средств коммуникации...

Необходимо отметить, что далеко не все страны легко разрешали въезд послереволюционным беженцам из России. Так, в тот период всего лишь около пятисот человек согласилась принять Канада². Трудным было и проникновение беженцев в скандинавские страны. С 1917 года в Дании, например, был введен особый визовый контроль, а в начале 1918 года датские консульства в России (в Архангельске, Риге, Батуми, Новороссийске, Москве, Петрограде) сделали въезд еще более трудным. Здесь беженцев из России было немногим более 1000 человек (в основном директора банков и их служащие, помещики, купцы, военные и их семьи, научные работники, врачи, учителя), но и они обострили безработицу в стране... Известно, что в Дании оказались вернувшаяся в 1919 году на английском крейсере «Мальборо» из Крыма вдовствующая Императрица Мария Федоровна — дочь датского короля Христиана IX, известная в Дании под именем Дагмар, а также ее приближенные, ее дочь Ольга Александровна с семьей, крупнейший специалист по гидро- и аэродинамике Дм. Рябушинский, балетмейстер М. Фокин, балерины Р. Нижинская и О. Преображенская... Некоторые из них затем уехали в другие эмигрантские центры. Всего около полумиллиона русских эмигрантов проехали с датской визой через страну³.

* * *

Количественная характеристика эмиграции первой волны по разным источникам различна. Так, «по данным, опубликованным Лигой Наций в сентябре 1926 года, выехало из России 1 160 000 человек. К ним надо еще присоединить оставшихся на Западе русских военнопленных войны 1914—1918 годов и чинов экспедиционного корпуса во Франции и в Салониках в 1916—17 годах»⁴. По другим сведениям, на 1 ноября 1920 года русских эмигрантов было 1 965 500 (данные американского Красного Креста); в 1921 году — 2 935 000 (об этом пишет немецкий историк фон Римша в 1921 году); на 1 января 1921 года — 1 020 000 и на 1 января 1922 — 635 600—755 200 (из независимых источников); в 1930 году — 500 000 (данные Лиги Наций); на Дальнем Востоке в 1934 году — 130 000 человек. Затем численность русских эмигрантов в течение 20-х и в начале 30-х годов со-

¹ Мелихов Г. В. Город Харбин // Харбинцы в Москве. Биографические очерки в двух выпусках. М., 1997. Вып. 1. С. 7.

² Balawyder A. Russian Refugees from Constantinople and Harbin, Manchuria Enter Canada (1923—1926) // Canadian Slavonic Papers. No 14. 1972.

³ Михеева Г. В. Русские эмигранты в Дании в 1917—1924 гг. (Рецензия) // Ежеквартильник русской филологии и культуры. Т. II, № 1. СПб., 1996.

⁴ Ковалевский П. Е. 1971. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920—1970. Paris, 1971. С. 13.

кращается — к этому времени многие эмигранты становятся гражданами европейских стран.

Известно, что особенностью демографического состава первой волны эмиграции считается очень большое количество одиноких (чаще разлученных с женами) мужчин от 18 до 40 лет. В Югославии, например, в 1921 году 70 % всех мужчин были одинокими, большинство же женщин были замужем, рождалось мало детей. Созданию семей не способствовали бедность эмигрантов, отсутствие финансовой стабильности, а вступавшие в брак из-за этого же сознательно ограничивали количество детей в семье. Была очень высокая смертность. Кроме того, многие эмигранты выехали из России уже немолодыми людьми, и в эмигрантских общинах была постоянная проблема помощи стареющим русским.

Русские женились/выходили замуж почти исключительно за русских и православных. Иные браки, в особенности в первое десятилетие жизни вне России, эмигрантскими общинами не приветствовались. «Одиноким мужчинам-эмигрантам жили изолированно от окружающего общества, зачастую в бараках. Надеясь вернуться домой, они сопротивлялись ассимиляции, в том числе и культурной. Да и женщины стран, принявших русских эмигрантов, не стремились выходить замуж за чужаков с ненадежным финансовым и правовым положением»¹.

Насмешливое отношение к смешанным (по национальности и вероисповеданию) бракам нашло отражение, например, в пьесе эмигрантского журналиста и писателя А. Ренникова «Пестрая семья» с такими действующими лицами: Николай Алексеевич Раевский, старый профессор; Надежда Петровна, его жена; Людмила и Светлана, их дочери; Петр, старший сын Раевских; Удаде, его жена, негритянка; Владимир, младший сын Раевских; Мэнэко, его жена, японка; Жан Романеску; Амата... Вот три небольших отрывка из этой комедии, написанной по правилам старой орфографии и тем языком, на котором говорили в 1920-е годы эмигранты²:

«*Людмила*: Папа, Светик. Познакомьтесь. Мамочка, это жена Володи — Мэнэко.

Мэнэко: (Церемонно, всем по очереди) Коничива! Коничива! (Надежде Петровне) Икага дес ка? (Николаю Алексеевичу) Ниппон го во оханаши насаи мас ка?

Надежда Петровна: (Растерянно) Здравствуйте, милая. (Мужу) Что она говорит? Ты понимаешь?

Николай Алексеевич: (Мэнэко) Очень рад познакомиться. (Жене) Ничего не понимаю. Знаю только, что у них язык агглютинирующий».

«(Входит Удаде с ребенком на руках)

Людмила: А, вот и другая belle-soeur. Удаде, поздоровайся со своими родителями. (Матери) Это жена Пети. И твой внук Мунто.

Надежда Петровна: (В сторону) Какая черная! (Ей) Будем знакомы, милая. Здравствуйте. <...> Мунто! Посмотри на свою бабушку. <...>

---

¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939: пер. с англ. М., 1994. С. 39–40.

² Ренников А. Комедии. Париж, 1931.

Удаде: (Смеется) Ги! Мунто — кхарашо?
Надежда Петровна: Да, очень хорошо. Гуд, гуд».

«Людмила: Когда же ваша свадьба? Она — француженка? Или русская?

Старов: (Зло) Туземка.

Людмила: А! Парижанка. Так. А я бы, знаете, на вашем месте искала подругу жизни не среди иностранцев, а среди русских. Вы когда-то так любили Россию и все русское, а теперь столько наших девушек брошено на произвол судьбы. По-моему, каждый эмигрант, если он хочет жениться, уже из чувства национального долга обязан связать свою жизнь именно с русской, сделаться ее опорой в жизни, облегчить тяжесть изгнания <...>. Правда, я сама, как будто, поступаю против своих убеждений. Полюбила индуса. Но русских у нас в Сирмуре нет. <...> одиночество среди чужих ужасно. Когда не знаешь, остались ли в живых твои родные, не забыли ли старые друзья...».

В православных славянских Югославии и Болгарии было иное положение и иное отношение к смешанным бракам. Иная ситуация была также в прибалтийских государствах и Маньчжурии — туда приехало больше гражданских лиц и членов семей военных...

В этнографическом отношении «миллион выходцев из России состоял из представителей всех народов, населявших русское государство, но значительное большинство принадлежало русским. Все национальности, подданные Российской империи, записывались как русские; исключение составили только армяне, которые в международных актах всегда шли по особой параллельной категории, включавшей также армян-беженцев из Турции»¹.

В социально-классовом отношении «помимо образованных классов в эмиграции были широко представлены городская буржуазия, мелкие землевладельцы, квалифицированные рабочие (например, печатники) и крестьяне (главным образом казаки). Традиционное великорусское крестьянство составляло незначительное меньшинство, что резко контрастировало с ситуацией <...> в России до 1917 года. Большая часть молодых людей, сражавшихся в рядах Белых армий, происходила из средних слоев города и мелких землевладельцев, многие прервали обучение в средних и высших учебных заведениях». В конфессиональном отношении представителей первой эмиграции большинство составляли православные. Других же групп было мало: протестанты — из Прибалтики и так называемые российские немцы, очень незначительное число католиков, а среди немногих кавказских и среднеазиатских эмигрантов — мусульмане и буддисты².

Правовое положение русских в странах эмиграции было сложным. Как известно, декрет РСФСР 1921 года, дополненный в 1924 году, лишил уехавших из России гражданства, сделал их лицами без гражданства, апатридами («именно это французское слово вошло в качестве официального термина в

¹ Ковалевский П. Е. 1971. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920–1970. Paris, 1971. С. 13.

² Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939: пер. с англ. М., 1994. С. 41–42.

документы Лиги наций»¹). Лига Наций назначила Верховным комиссаром по беженским делам Нансена, на смену которому в 1924 году пришел Нансеновский комитет. 30 июня 1928 года были учреждены представительства Нансеновского комитета в странах русской эмиграции, во Франции созданы «офисы» по делам русских беженцев, и парижский «центральный офис» возглавил В. А. Маклаков, бывший посол Временного правительства.

Русские эмигранты первой волны испытывали обусловленные их правовой ситуацией большие сложности: при передвижении из страны в страну необходимы были особые разрешения; получить документы на проживание было сложно («Самым большим затруднением в получении вида на жительство была рабочая карточка, без которой не выдавался документ рабочей категории и всякая работа становилась невозможной»); существовали так называемые процентные нормы для занятости иностранцев; за незначительные правонарушения они могли быть высланы из страны; необходимо было платить «Нансеновский сбор» (налог); существовала обязательная воинская повинность для русских, которые не были «натурализованы». В 1920 году русские «оказались во всех странах на положении иностранцев, с той разницей, что все другие категории имели свои правительства, которые могли их защищать, и они имели возможность быть высланными в свои страны, тогда как высылаемые русские не принимались ни одной страной и переходили на нелегальное положение»².

28 октября 1933 года была принята Женевская «Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев», которая приравнивала русских и армян «к местным гражданам или иностранцам, наиболее привилегированным в силу международных соглашений», и гарантировала: въезд и выезд из стран, выдававших особые паспорта; свободный доступ к судам; облегчение права на труд; равенство с местными гражданами в отношении «призрения и социального страхования», получения образования и обложения налогами, а также отменяла высылки за границу. Однако в каждой стране эта Конвенция входила в действие только после ее подписания определенным числом правительств. Поэтому во Франции, например, декрет о ее введении был принят только в начале декабря 1936 года, совсем незадолго до начала Второй мировой войны: «русские смогли воспользоваться этими льготами только два с небольшим года, так как уже в мае 1939 года к иностранцам начали применять первые стеснительные меры <...>»³.

Продолжение следует

---

¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939: пер. с англ. М., 1994. С. 29.

² Ковалевский П. Е. 1971. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920–1970. Paris, 1971. С. 25–26.

³ Там же. С. 18–19.

История и современность

Павел КРЕНЕВ

ОПЕРАЦИЯ «ГЛАВНЫЙ»

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — родился в д. Лопшеньга. Окончил Ленинградское Суворовское училище, затем факультет журналистики ЛГУ. Служил в ленинградских властных структурах. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Секретарь Союза писателей России. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и др. Является лауреатом Всероссийских литературных премий. Кандидат юридических наук. **Живет в Москве.**

О тамбовском крестьянском восстании под руководством А. С. Антонова написано уже много, и так называемая «антоновщина» как социально-политическое явление, сопровождавшееся огромными человеческими жертвами и лютым классовым противоборством, показана достаточно полно. Поэтому автор не будет еще раз подробно на этом останавливаться. Мы ставим перед собой задачу более простую и в то же время довольно уникальную — показать на основе архивных материалов то, как действовали чекисты при подавлении этого восстания. Мы намерены как бы заглянуть внутрь чекистского ведомства того периода и рассмотреть методику его работы.

При этом, дабы максимально соблюсти историческую достоверность, мы не будем становиться ни на чью точку зрения, будем опираться лишь на факты. В то же время следует подчеркнуть, что автор не склонен причислять антоновщину к проявлениям политического бандитизма, как это до сих пор в некоторых случаях имеет место в исторической литературе. Речь, безусловно, должна идти о широком политическом движении, о крестьянском восстании, вызванном огульными продразверстками, травлей и уничтожением середняков. Нельзя забывать, что именно это восстание, в котором участвовало четыре губернии, а также Кронштадтские события, вызвали к жизни НЭП — новую экономическую политику, ненавистную Ленину и его правительству, но вынужденную для них. Бандитизм не смог бы этого сделать, потому что был бы раздавлен самим народом, как и всякое мешающее нормальной жизни зло.

Так кто же он был — Александр Степанович Антонов? Что, какие коллизии подвинули его на этот изначально смертоносный поступок —

выступить против уже набравшей силу власти? Автор изучал этот вопрос в архивных фондах российских спецслужб и в многочисленных публикациях на эту тему в отечественных и зарубежных источниках.

...Был он русоволос, с уже наметившимися залысинами, невелик ростом и тощеват, не очень-то привлекателен лицом, здоровьем не отличался. Но характер имел твердый, был необычайно упорен в достижении цели. И вела его по жизни идея, «одна, но пламенная страсть». Когда встретил он свой смертный час, было ему, как Иисусу Христу, тридцать три года...

Антонов родился в городе Кирсанове Тамбовской губернии в 1889 году. Происходил он из сугубо трудовой семьи: отец, Степан Гаврилович, был садовником, мать, Наталья Ивановна, всю жизнь работала портнихой. Умерла она рано — в 1906 году (отец скончался в 1914 году, когда Александр сидел в тюрьме). В семье было четверо детей. Старшая сестра Валентина, выйдя замуж, проживала в Тамбове, работала в финансовых органах; вторая сестра Анна жила в городе Рассказово Тамбовской губернии, была домохозяйкой. Младший брат Дмитрий служил впоследствии в армии Антонова в должности командира 4-го Низовского полка. Погиб вместе с братом.

Александр окончил 5 классов реального училища. Очень рано приобщился к революционной деятельности: с 1908 года состоял в партии социалистов-революционеров-максималистов, то есть был в числе радикально настроенных эсеров. Выполняя задания своей партии, организовывал террористические акты, устраивал «эксы» с целью добычи денег в партийную кассу, совершал различного рода грабежи (надо сказать, что такой способ пополнения своего бюджета был характерен, как известно, для всех леворадикальных партий, в том числе и для большевиков).

3 ноября 1908 года Антонов, тогда работник хлеботоргового предприятия Милохина, вместе с еще четырьмя эсеровскими боевиками совершил вооруженный налет с целью ограбления на железнодорожную кассу станции Инжавино. В результате налета было украдено 4362 рубля 85 копеек. Поначалу грабителям удалось скрыться, но вскоре их взяли, и 15 марта 1910 года эсер Александр Антонов Временным военным судом города Тамбова за совокупность им содеянного был приговорен к смертной казни через повешение. Казнь, тем не менее, не состоялась — более высокие судебные инстанции заменили ее пожизненной каторгой. Как и всех других революционеров, его освободила Февральская революция 1917 года. 4 марта он был выпущен из Владимирской каторжной тюрьмы.

Сняв кандалы, Антонов вернулся в Тамбов и уже через месяц начал работать в только что созданной милиции. Поначалу его должность была — помощник (то есть заместитель) начальника милиции 1-й городской части. Осенью 1917 года его перевели на самостоятельную работу, назначили начальником милиции Кирсановского уезда.

Все эти годы Антонов не порывал связи с эсеровской партией. Более того, он был активным и убежденным ее членом. Поэтому, когда после Октябрьского переворота большевики во главе с Трушиным попытались захватить власть в Кирсановском уезде, именно он, Антонов, опираясь на местных эсеров и милицию, жестко и решительно пресек эти попытки. Тем самым активно противопоставил себя новой власти.

Но то была всего лишь первая, маленькая схватка. Эсеры, державшие в руках власть в Кирсановском уезде, понимали, что главная борьба еще впе-

реди. Подготовка к ней велась заранее. Через станцию Кирсанов следовали чехословацкие войска. Уездной милиции под руководством А. Антонова и комиссара Баженова удалось разоружить несколько их отрядов. Оружие было спрятано в надежных местах.

Некоторое время в уезде царило двоевластие: уездный Совет состоял из эсеров, а в руководство основной военной силы — созданного большевиками социалистического полка — вошли главным образом большевики. Можно не сомневаться, кто должен был в конце концов возобладать в уезде: местный эсеровский парламент или же опирающиеся на штыки большевики? Аргумент винтовки, естественно, был весомее. Командир полка Авербах направил в Совет своих представителей с задачей осуществить в нем чистку, что и было с успехом сделано. Под контролем винтовок состоялись новые выборы в уездный Совет. Его возглавил большевик Гейкин...

Как известно, печально судьбоносными стали для эсеров события, происшедшие в Москве 6 июля 1918 года. Это была роковая черта, за которой началось избиение. Более решительно и более цинично действующие большевики начали отправку в небытие самой заслуженной на революционном поприще, выросшей из железной «Народной Воли», самой многочисленной, крестьянской партии России — партии социалистов-революционеров.

Александр Антонов находился в тот период в месячном отпуске, был в отъезде. Там узнал о событиях 6 июля, о том, что два его сподвижника-эсера, начальники милицеских отделов из Кирсанова Заев и Лоцилин арестованы и расстреляны губернской ЧК. Он понял, что возвращаться ему нельзя, что это равнозначно гибели. И тогда Антонов перешел на нелегальное положение.

В густых лесах Кирсановского уезда он начал формировать первые партизанские отряды. В них вливались дезертиры из Красной армии, эсеровские активисты, раскулаченные крестьяне, обиженные Советской властью люди... Уже в сентябре 1918 года под воздействием агитации антоновских активистов имели место серьезные крестьянские волнения в деревнях Рудовка, Васильевка и Никольское, которые, впрочем, были быстро подавлены.

Но тамбовское Черноземье — край издревле зажиточных крестьян. Здесь, на тучных хлебных землях, всегда жили основательные, крепкие хозяева — оплот российского единоличного землепользования. Непродуманная, сугубо вредная и утопическая по своей сути политика «военного коммунизма» пришлось тамбовским крестьянам, мягко говоря, не по душе. Какому истинному хозяину понравится, когда в его дом войдут вооруженные люди и станут отнимать выращенный собственными руками хлеб? В таких условиях эсеровская платформа агитационных воззваний Антонова и его единомышленников, требующих прекратить грабеж и третирование крестьян, была единственной отдушиной, на нее возлагались надежды на перемены к лучшему. К Антонову шли новые и новые люди. В конце 1918 года в его подчинении находилось уже около трех тысяч человек.

Вожак крестьянского недовольства в 1919 году, когда страна раздиралась враждующими сторонами на куски, искал подмоги у какой-нибудь крупной военной силы. В августе, во время наступления деникинского генерала Мамонтова на Тамбов, Антонов посылал к нему своих делегатов Василия Якимова и Федора Санталова с предложением объединить усилия

в борьбе с большевиками. Договоренность была получена, но совместных усилий не получилось по той простой причине, что Деникин довольно быстро был отброшен из Средней России на юг. Хотя тогда, в августе, из расположения деникинских войск на Тамбовщину прилетал аэроплан и разбросал над деревней Черновка Кирсановского уезда листовки, призывающие к непримиримой борьбе с большевиками.

1919-й и 1920-й годы — период разгула немилосердной, террористической подрастерстки. Защиты от нее Советская власть крестьянам не давала, защита была лишь у Антонова. И к нему стекались все новые силы. Тамбовские деревни сплошь были на его стороне.

К середине 1920 года во всю мощь заполыхало крестьянское восстание. В его огне бурлили уезды Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, Усманский, Козловский, Маршанский, крупные территории Пензенской, Воронежской и Саратовской губерний. К октябрю 1920 года в войсках Антонова состояло около 50 тыс. человек. К этому надо прибавить население охваченных восстанием деревень, которое оказывало антоновцам всемерную помощь как живой силой, так и снаряжением, лошадьми и провиантом.

Войско, подчинявшееся Антонову, было организовано по воинскому образцу и называлось Партизанской армией. В нее в свою очередь входило две армии — Первая и Вторая. Первая армия состояла из 10 полков (Каменский, Борисоглебский, Пановский, Савальский, Тамбовский, Волго-Караганский, Павлодаровский, Токайский, Битюкский, Архангельский). Полки действовали в составе пяти бригад. Вторая армия включала четыре полка — Кирсановский, Низовой, Пехотно-Угловский и Семеновский. Все полки были кавалерийскими, они, в свою очередь, делились на четыре эскадрона каждый, те — на взводы и отделения.

В подразделениях царил строгая дисциплина. К нарушителям применялись телесные наказания вплоть до расстрелов. В каждом полку действовал полковой суд. На высокий уровень была поставлена и партийная работа: эсеровские политработники состояли в каждом эскадроне, для всех обязательным считалось посещение партийных собраний и митингов.

С февраля 1920 года основным законодательным и исполнительным эсеровским органом, действовавшим по всей охваченной восстанием территории, являлся СТК — Союз трудового крестьянства. Его возглавлял видный деятель эсеровской партии, ближайший политический помощник Антонова и идеолог всей антоновщины — Е. И. Ишин. СТК проводил среди населения агитационную работу, руководил деятельностью сельских и волостных комитетов, оказывал помощь малоимущим крестьянам, организовывал работу по наведению и поддержанию порядка и т. д. В каждом занятом антоновцами селе из местных жителей создавалась своя милиция — ВОХРА (в селе — 2–5 человек, в волости — 5–8).

И СТК, и все антоновское движение действовало под лозунгами: «В борьбе обрешь ты право свое!» (основной эсеровский лозунг), «Да здравствует Учредительное собрание!», «Долой коммунистов из Советов!», «Смерть жидам!» и т. д.

Некоторую ясность в политические и идеологические воззрения самого Антонова может, на наш взгляд, внести написанная им и распространя-

шаяся среди населения листовка под названием «Моя исповедь». В ней Антонов писал:

«Я старый революционер. В то время, когда большинство теперешних коммунистических заправил сидели в тюрьме за уголовщину, я уже находился за решеткой Шлиссельбургской крепости за свои политические убеждения. И я не изменил своим убеждениям до сего дня. Я остался верен тем идеалам, во имя которых началась революция и был повален Царский режим. Я всю свою жизнь посвятил на борьбу с узурпаторами народной власти и буду бороться с ними до конца. Не для того была вырвана власть у царских палачей, чтобы передать ее в руки кучки палачей-коммунистов. Власть должна быть передана народу. Я так мыслил и мыслю, и потому я записан в число изменников. С точки зрения Ленина и Троцкого я контрреволюционер.

Я охотно принимаю звание контрреволюционера, лишь бы отмежеваться от таких революционеров, как Ленин и Троцкий. Ведь дело не в названии. Ведь правительство Ленина и Троцкого называет себя “рабоче-крестьянским”. И нужно быть совершенно слепым, чтобы не видеть в этой вывеске самого наглого и подлого обмана.

Ленин и Троцкий под вывеской “борьбы с капитализмом” заключают сейчас экономические договоры с капиталистическими государствами, а рабочих и крестьян держат в нищете и голоде и заставляют трепетать перед любым агентом Чрезвычайки. Под вывеской “война всему капиталистическому миру” рабоче-крестьянское правительство Ленина и Троцкого заключает мир с буржуазной Польшей только потому, что не в силах справиться с восстанием рабочих и крестьян у себя дома. Рабоче-крестьянское правительство Ленина и Троцкого для подавления восстания рабочих и крестьян посылает наемных убийц — латышей и китайцев, которые истязают рабочих и крестьян хуже татар времен Тамерлана. Правительство Ленина и Троцкого, объявив коммунистический строй, снимает последнюю рубашку с крестьянина и рабочего, а наряду с этим коммунист Троцкий кладет на свое имя в заграничных банках 80 миллионов казенного золота, а коммунист Ленин покупает в Америке целый квартал домов!

Так поступают революционеры Ленин и Троцкий, но не умею так поступать я, контрреволюционер Антонов. В этом отношении, поскольку я не иду с ними, я готов принять от них кличку изменника. Да, я был в лагере коммунистического правительства и играл немалую роль, но это мне нужно было для того, чтобы изучить всю подноготную этих мошенников и кровопийц народных.

Как старый революционер, во всеуслышание заявляю, что подобных обманщиков и спекулянтов еще не знал мир. Такие проходимцы могли появиться только в такой дикой и невежественной стране, какою является матушка Россия. Да будет же известно тем, кто еще не знает, что Ленин и Троцкий совсем не русские люди и когда ехали в Россию, то прекрасно знали, какой они пожнут здесь урожай, недаром перед отъездом они хвалились, что едут в страну дураков.

Но я не мечтатель и к тому же я чистокровный русский человек. Мне слишком дороги интересы русского народа, для благополучия которого я потратил лучшие годы моей жизни. Я верю в гений русского народа, я верю

в его пробуждение, я верю, что народ, на протяжении веков выдержавший осаду более сильных и многочисленных врагов, легко справится с кучей каторжников, едва держащихся у власти.

Есть два пути борьбы. Один — скрытое подтачивание советского механизма, находясь в рядах противника, а другой — открытый с мечом в руках. Я человек военный и не признаю борьбы из-за угла, а потому я избрал меч. Думаю, что это лучшее и самое верное орудие. Местом, откуда я начну борьбу с насильниками-коммунистами, я избрал город Тамбов. Мне не страшен противник, потому что я изучил все тонкости его змеиной политики, и скоро революционеры Ленин и Троцкий узнают, кто такой контрреволюционер Антонов.

Антонов».

Не будем воспринимать слишком всерьез явно надуманные высказывания Александра Антонова относительно его «немалой роли» в Советском правительстве, чего, естественно не было на самом деле. Это всего-навсего «синдром Емельки Пугачева» и других самозванцев: чтобы стать на Руси народным лидером, надо обязательно провозгласить себя или представителем Царской фамилии, или, как минимум, бывшим большим начальником. Иначе народ за тобой не пойдет. Не будем забывать, что Антонову было всего лишь тридцать лет, почти десять из которых он провел в тюрьме, и ему, неистовому оппозиционеру, необходимо было срочно получить кредит доверия у граждан средней полосы России, где его совсем мало кто знал... Отсюда эти маленькие спекуляции.

Антоновщина как социально-политическое явление безусловно представляло самую непосредственную угрозу большевистскому правительству. Поэтому естественным представляется то, что на борьбу с этим вооруженно-политическим движением были брошены крупные силы чекистов, которые в своей работе использовали весь накопленный к тому времени опыт оперативной деятельности.

Использовавшиеся сотрудниками ВЧК приемы и методы борьбы с отрядами Антонова можно для большей глубины их рассмотрения условно подразделить на открытые и негласные. Некоторая условность подобного разделения заключается в том, что те и другие методы применялись, как правило, не в чистом их виде, а в чередовании друг с другом, что вообще характерно для оперативной практики.

К так называемым открытым методам следует, например, отнести аресты антоновцев, обыски на их квартирах, взятие в заложники их самих и членов их семей. Отсутствие достаточного нормативного регулирования деятельности чекистов в период Гражданской войны и правового контроля за ними приводило к тому, что обыски и аресты носили массовый характер или осуществлялись без санкции соответствующих юридических инстанций. Например, имела место практика проведения так называемых операций в селах, находящихся в очагах повстанческого движения. В рассматриваемый период термином «операция» обозначались все активные мероприятия по пресечению контрреволюционной деятельности.

В процессе таких операций в населенных пунктах или, точнее говоря, облав, обыску подлежали все дома и проживавшие в них граждане. При этом арестовывались для последующей проверки все подозрительные лица.

О результативности подобных действий можно судить, например, по телеграмме начальника отделения особого отдела одного из военных подразделений Миньчика начальнику особого отдела армии Чибисову, отправленной в июле 1921 года. В ней сообщается, что «при операции в селе Хитрово найдено: под алтарем церкви — полевой телефонный аппарат; в отдушнике церкви — знамя с надписью: “В борьбе обрешь ты право свое! — Центральный комитет партии левых эсеров-интернационалистов Союзу Трудового Крестьянства. Тамбов. Борцам за свободу”. Номера газеты “Знамя труда” с января по март сего года, листовки “Трудовому крестьянству”, постановления участников Кронштадтского мятежа и т. д.».

Взятие заложников производилось с целью исключения бегства или непредсказуемых действий со стороны повстанцев, захваченных в плен, а также в случаях использования их в острых оперативных мероприятиях. В заложники брались ближайшие родственники захваченных. Так, после ареста в г. Москве начальника штаба антоновских войск П. Эктова, которого намечалось использовать для подставы в операциях по физическому уничтожению руководителей повстанческого движения, в с. Коровино Кирсановского уезда Тамбовской области 7 июля 1921 года были взяты в заложники и доставлены в Тамбовскую ЧК его жена Анна Афанасьевна и дочери Мария, Анастасия и Прасковья.

Обращает на себя внимание крайняя жестокость, которой сопровождалась аресты и процесс взятия заложников. Например, из телеграммы председателя Воронежской ЧК Кандыбина полномочному представителю ВЧК Левину (г. Тамбов) от 10 июня 1921 года следует, что «из прибывших 15-ти бандитов все сознались. Многие из них проявили согласие доставить живым или мертвым Антонова, заявляя, чтобы в залог взяли их семейства...» Далее Кандыбин сообщает в телеграмме, что решил использовать в операции лишь двоих и взять в заложники их семьи. Он также просит санкции у Левина «остальных расстрелять». Левин такую санкцию Кандыбину дал.

Нельзя не констатировать, что одним из основных способов открытого подавления крестьянского восстания был широкий террор со стороны органов Советской власти по отношению к гражданскому населению. При этом метод террора насаждался не только чекистами, но и лицами, делегированными Москвой в Тамбовский регион для руководства и организации борьбы с антоновщиной, местными властными структурами, военным командованием.

Вот выдержки из приказа командующего войсками Тамбовской губернии М. Тухачевского № 130 от 12 мая 1921 года: «...Всем крестьянам, вступившим в банду, немедленно явиться в распоряжение Советской власти, сдать оружие и выдать главарей для предания их суду Военно-революционного трибунала. Добровольно сдавшимся бандитам смертная казнь не угрожает.

Семьи неявившихся бандитов неукоснительно арестовываются. Имущество их конфисковать и распределить между верными Советской власти крестьянами... Бандитов, не явившихся для сдачи, считать вне закона. Честные крестьяне о всех бандах должны доносить войскам Красной армии».

Теперь общественность хорошо уже знает о многочисленных других «подвигах» будущего маршала Тухачевского, проявленных им в войне с собственным народом в тамбовских событиях. Это и бесчисленные расстре-

лы без суда и следствия, это травля повстанцев и простых граждан ядовитыми газами, это сжигание деревень только за то, что там потенциально могли укрываться антоновцы.

Весной и летом 1921 года в г. Тамбове работала Полномочная комиссия ВЦИК, которая координировала всю работу по борьбе с восстанием. Возглавлял ее видный большевик В. А. Антонов-Овсенко, известный сторонник «красного террора». Автор данной публикации осознает необходимость оценки тех событий с позиций рассматриваемого нами периода, когда господствовал разгул классовой ненависти. Тем не менее нельзя оправдать безосновательную жестокость установок правительственной комиссии, которые, безусловно, претворялись в жизнь. Приводим выдержки из приказа № 171 от 17 июля 1921 года, изданного данной комиссией:

«Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни, полномочная комиссия приказывает:

Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

В селениях, в которых скрывается оружие, властью Уполиткомиссии или Райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

Семья, в доме которой скрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсенко
Командующий войсками Тухачевский
Председатель губисполкома Лавров
Секретарь Васильев»

Нетрудно понять, что «старшие работники в семье», которых надлежало расстреливать, это, как правило, подростки или женщины, так как мужское население практически все участвовало в гражданской войне, а раздача имущества репрессированных семей «верным Советской власти крестьянам» (то есть односельчанам тех, кто подвергался репрессиям) приводила в условиях деревни к никогда не поправимой вражде и расслоению крестьянства. На наш взгляд, речь безусловно идет о геноциде русского крестьянства, начавшегося в ленинский период Советской власти.

Автор этой статьи совсем не кровожадный человек, но, согласитесь, что после прочтения таких вот текстов создается устойчивое ощущение Божьей кары, закономерно настигающей людей, переступивших Божьи заповеди. Как в этом случае с «видными большевиками», истязавшими людей только

за то, что те выступили против несправедливости. Практически все они потом также сгинули во времена сталинских разборок. Мы ведь знаем, что и Тухачевского, и Антонова-Овсеенко, и других участников незаконных репрессий ждала печальная судьба.

Надо сказать, что руководители чекистских органов, напрямую задействованные в борьбе с восстанием, довольно рельефно представляли причины крестьянских волнений. Так, в телеграмме от 3 августа 1921 года, разосланной всем начальникам особых отделений армии и начальникам поллитбюро, полномочный представитель ВЧК Левин писал:

«Происхождение и рост бандитизма в Тамбовской губернии произошел почти исключительно на почве продразверстки. Продагенты, не считавшиеся ни с какими условиями, взымали максимум продовольствия, прибегая к крайне незаконным, подчас диким, граничащим с произволом мерам. Полная безнаказанность их действий, нахождение в их среде шкурников привело к тому, что многие из отобранных у крестьян вещей попадали к агентам и часто делились на глазах у крестьян. Недовольство на этой почве населения, увеличившееся в связи с частичным прошлогодним неурожаем и подогретое агитацией эсеров, вылилось в повстанческое движение, охватившее наиболее плодородные уезды Тамбовской губернии...»

Начальник Особого отдела Армии Чибисов в письме председателю губбисполкома Заонегину и ответственному секретарю губкома Васильеву в декабре 1921 года высказывал свою точку зрения относительно явных промахов в борьбе с антоновщиной, усматривая главную причину в бездарном руководстве этой борьбой:

«Президиум губбисполкома и президиум губкома, определенно заявляю, почивают на лаврах... Командование стало меняться с быстротой смены перчаток хорошенькой аристократки. Каждый вновь прибывающий командующий считал своим долгом произвести какой-нибудь эксперимент, совершенно не учитывая опыт происшедшего...»

В системе открытых мер борьбы чекистских органов с антоновщиной, наряду с облавами, обысками, арестами, захватами заложников, крупномасштабными действиями репрессивно-террористического характера, следует назвать открытые вооруженные действия состоящих при губернских ЧК воинских подразделений с небольшими группами повстанцев.

Другую, более многочисленную группу методов и приемов, использовавшихся чекистами, составляли методы негласного (оперативного) характера.

Несомненный приоритет в системе оперативных мероприятий чекистов в отношении крестьянского повстанческого движения имела работа по приобретению и использованию на разных направлениях агентов из числа участников восстания или их связей. Это вызывалось тайным характером самой борьбы, высокой степенью конспиративности действий повстанческих групп и их лидеров. Значительные усилия в агентурной работе направлялись на нейтрализацию руководителей всего крестьянского движения и прежде всего самого Антонова, который был наиболее опасен как умелый и авторитетный организатор военных действий в условиях партизанской войны, опытный идеолог эсеровской политики, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди крестьян.

Материалы разработки Антонова показывают, что он и его ближайшие связи были объектами пристального агентурного изучения.

В деле имеются донесения агентов из числа лиц, знакомых с Антоновым и его семьей, в которых освещается он сам и его связи, раскрывается его характер, жизненный путь, привычки, образ жизни. Особое внимание при этом уделялось приобретению источников, которые могли бы способствовать захвату Антонова и других лидеров восстания или их физическому уничтожению.

Например, подобная задача ставилась перед агентом «Игнаткевичем», который был завербован весной 1920 года. Этим агентом являлся один из близких друзей Антонова, видный эсер, впоследствии ставший во главе Союза трудового крестьянства. Основа его вербовки чекистами нам неизвестна, однако судя по архивным материалам, этот мужественный человек, захваченный в следующем 1921 году обманным путем и расстрелянный за свои политические убеждения, явно был не искренен с чекистами, выдавал им или искаженную, или ничего не значащую информацию.

Вот, например, как выглядел его «План захвата Антонова», составленный по заданию Тамбовской ЧК в начале апреля 1920 года:

«1. Надо работать не одному, а троим или четвером.

2. Надо иметь мандаты ссыпной комиссии или же какой другой и документы беспартийных.

3. Надо идти против Советов и заделаться бандитом.

4. Иметь сношение с гр. Адейкиной (с. Озерки) и пьянствовать с ней».

Совершенно очевидно, что, руководствуясь подобным «планом», взять Антонова было бы едва ли возможно.

Задания по выявлению и обнаружению оружия, спрятанного повстанцами, агент «выполнял» аналогичным образом. Приводим выдержки из его «рапорта» за 2 апреля 1920 года:

«Доношу, что вследствие данного мне поручения от 24 марта с/г по 28 мною было сделано секретное следствие. По словам граждан Лысых гор выяснилось, что в расположении села Лысых гор крупных орудий нет. Но, не доверяя словам граждан, я ночью сам делал наблюдение, но ничего не нашел и добавляю, что вокруг Лысых гор имеется много оврагов и лощин, но осмотреть их окончательно не удалось ввиду распутицы и ввиду того, что они занесены снегом».

Как показывают материалы дела, чекисты так и не получили от «Игнаткевича» каких-либо серьезных оперативных данных. Сам он вскоре сотрудничество с Тамбовской ЧК прервал и перешел на нелегальное положение. Нам представляется, что он был вынужден пойти на это сотрудничество в силу каких-то крайних обстоятельств или был подставлен Антоновым на вербовку чекистам для выявления их планов и методов работы.

Агентурные мероприятия по розыску Антонова с целью его уничтожения осуществлялись в том числе особыми отделами воинских частей, непосредственно задействованных в борьбе с повстанческими формированиями. О том, как это осуществлялось, можно судить по письменным директивам начальника Особого отдела Тамбовской армии Чибисова руководителям местных подразделений военной контрразведки. Все приводимые ниже указания основаны на данных агентурной разведки.

Вот что, например, указывается в записке Чибисова, отправленной по прямому проводу начальнику особотделения № 6 при 6-м боевом участке Осипову, от 6 июля 1921 года:

«В селе Привозе Русаксинской волости установите усиленную агентуру, дав задание установить квартиры, посещаемые Антоновым. Установите наблюдение, не производя арестов. В селе Пущине рядом с Перевозом и деревней Ширияевкой установите тщательное наблюдение за дочерью Пущинского попа, которую, по точно имеющимся сведениям, часто навещает Антонов. В деревнях Шабловке и Кареевке Кордюковской волости сделайте то же, что и в Привозе Русаксинской волости. В Шабловке живет крестьянин Дмитрий Фетисович Федин, друг Антонова. Установите наблюдение. В Кареевке Фрол, примерно лет 30, худощавый — за ним тоже. В деревне Беляевке, Трескинской (или Калужинской) волости установите каменный дом, во дворе к которому примыкает темный деревянный чулан. Дом с палисадником. Дочь хозяина — друг Антонова. В селе Калугине другом Антонова является крестьянин Таганов.

Разработку, инструктирование и отправку агентов производить лично, сохраняя полную тайну. Результаты доложите.

Чибисов».

В телеграмме Чибисова от 8 июля 1921 года начальнику особого отделения № 1 при первом боеучастке Троянову говорится:

«По имеющимся точным сведениям в Поревской волости, в лесу, на реке Вороне есть остров “Святой Елены”. Так его называют партизаны и крестьяне. К острову можно пробраться на лодке, либо по единственной тропинке в лесу. На этом острове есть притон Антонова. Срочно установите путем высылки надежных агентов — ходоков место притона и примите все меры по насаждению возможно густой сети осведомителей в данном районе.

Разработку, дачу задания, инструктирование, подбор агентов ведите сами лично, сохраняя полную конспирацию. За несохранение конспирации ответственные лично».

Практика использования негласной агентуры, применявшейся в борьбе с повстанческим движением, в силу крайней обоюдной жестокости и неприимости этой борьбы, имела некоторые особенности. Перед ней ставились две главные задачи: «1) найти противника; 2) уничтожить секретным путем найденного врага». Выполнение первой задачи возлагалось на так называемую «разведочную часть агентуры», то есть на местные службы наружного наблюдения, подготовленные для работы в сельских условиях. Для выполнения второй задачи при губернских отделах была создана специальная «оперативная часть агентуры», имевшая задачи внедрения в формирования повстанцев с целью организации террористических актов, приводя их участников в засады для физического уничтожения. Перед подобной агентурой ставились также задачи разложения формирований, компрометации лидеров, проведения различных активных мероприятий.

Нельзя не подчеркнуть, что в этой работе тамбовскими чекистами был накоплен значительный опыт. В частности, об этом может свидетельствовать приобретение и использование в качестве агента известного левого эсера «М».

В мае 1920 года он был завербован председателем Воронежской губчека Д. А. Кандыбиным. Высокий авторитет «М» в эсеровских кругах позво-

лил чекистам внедрить его в руководящее звено антоновского движения. В целях придания ему большего политического веса в глазах самого Антонова, силами чекистов Воронежа были усилены позиции возглавляемого «М» горкома партии левых эсеров: выделено для него помещение на одной из центральных улиц, предоставлена в его распоряжение типография и т. д. Перед приехавшим по просьбе Муравьева в апреле 1921 года для установления личных контактов начальником связи Антонова — Герасевым — инсценировалась активная деятельность комитета: были организованы внутригородские дискуссии по политическим вопросам, проведена серия партийных собраний. Естественно, что после такой встречи Герасев пригласил «М» к Антонову «для обмена положительным опытом». После этого «М» как агента передали на связь председателю Тамбовской ЧК А. Л. Левину, под руководством которого он действовал непосредственно в антоновских отрядах. С его помощью было выявлено около 150 конспиративных квартир антоновцев. По его же рекомендациям несколько групп крестьян-повстанцев (около 40 человек) было направлено по указанным чекистами адресам, якобы для получения оружия, и там захвачено. Выполняя задание по выводу самого Антонова в контролируемое чекистами место с целью его пленения, «М» использовал свое влияние партийного лидера, якобы имеющиеся связи в ЧК партии эсеров в Москве и организовал так называемый «Съезд Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии». Этот съезд должен был избрать делегацию от губернии, которая во главе с Антоновым должна была поехать в Москву на инсценированный чекистами «Всероссийский съезд представителей антибольшевистских повстанческих отрядов». Однако вследствие того, что Антонов в данный момент отсутствовал в Тамбовской губернии, вместо него в Москву на «съезд», состоявшийся 28 июня 1921 года, по предложению «М» выехали наиболее видные руководители восстания — председатель Тамбовского СТК И. Ишин и начальник антоновского штаба «Э». Кроме них в Москву «для получения оружия» по предложению «М» были делегированы еще 20 человек. Все они в Москве были арестованы.

Сотрудники ВЧК предприняли попытку завербовать Ишина и «Э». Ишин от сотрудничества отказался и не представил чекистам какой-либо полезной информации, вследствие чего 8 июля 1921 года был расстрелян. Постановление о расстреле подписали Дзержинский, Менжинский, Ягода и Самсонов.

Другой захваченный антоновский руководитель — начальник его штаба «Э», опасаясь за жизнь своих близких, согласие на сотрудничество дал и участвовал в крупной чекистской операции по уничтожению руководителей повстанческих сил на тамбовщине, использовался при этом как приманка, так как был хорошо известен среди антоновцев. В этой же операции принимал участие известный красный командир, бывший одесский бандит Григорий Котовский, который выступал под видом Фролова, руководителя так называемой «Кубано-Донской бригады», якобы прибывшей с Украины на подмогу Антонову.

Как указывалось выше, семья «Э», с целью исключения предательства с его стороны, была взята чекистами в заложники.

Из архивных материалов видно, что метод создания легендированных бандформирований в борьбе с антоновским движением применялся чекистами неоднократно. При этом, как и в случае с «бригадой» Фролова-Котов-

ского, перед подобными формированиями ставилась одна и та же цель — создать видимость активной деятельности альтернативной вооруженной группы, борющейся с Советской властью, добиться соприкосновения группы с реальными участниками восстания, заманить их в какую-либо ловушку и затем уничтожить. В состав подобных групп, как правило, включались завербованные чекистами агенты из числа бывших повстанцев, хорошо знакомых с местными условиями. Одна из таких групп, созданных начальником особого отделения боеучастка Соколовым, включала 11 человек агентов-боевиков и действовала в сентябре 1921 года в Пырьевской волости, где, по имеющимся данным, находился в тот период сам Антонов. Целью группы являлось привлечение к себе внимания с его стороны и вхождение с ним в контакт. С учетом того, что Антонов и руководство его войсками неукоснительно отстаивало интересы крестьян и тщательно разбиралось с каждым случаем ущемления этих интересов, группа чекистских боевиков сделала попытку привлечь к себе внимание налетами на мирные деревни. В частности, во время налета на деревню Орловку было ограблено большое количество крестьянских домов. Тем не менее Антонов на это никак не отреагировал, вследствие, вероятно, того, что к тому времени его войскам был нанесен большой урон и ему было уже не до наведения порядка в деревнях.

С помощью агентуры органы ВЧК предпринимали также активные попытки разложения воинских формирований повстанцев, создания обстановки внутренней дезорганизации. Для этого через агентуру осуществлялась компрометация руководителей партизанских подразделений и соединений, проводились кампании по созданию в подразделениях обстановки неуверенности перед более сильным противником — Красной армией, убеждению партизан в необходимости дезертировать из антоновских войск. Одна из таких агентурных операций была проведена в сентябре-октябре 1921 года. В этот период основные силы Антонова были распылены, однако несколько десятков сотен повстанцев объединились под командованием И. М. Кузнецова, бывшего командующего 1-й Антоновской армией. В эту группу была осуществлена массовая заброска агентуры, в основном из числа перевербованных бывших повстанцев. Работа агентов по подрыву группы изнутри привела к ее расколу.

Основное ядро партизан сдалось советским войскам. Кузнецов потерял управление войсками, перешел на нелегальное положение.

В борьбе с антоновским движением активно применялась такая форма работы с агентурой, как внутрикамерная разработка. Например, через агента, специально помещенного в тюрьме ВЧК в декабре 1919 года в одну камеру с участником крестьянского восстания Полянским, удалось выяснить некоторые приемы связи Антонова с сообщниками, факты внедрения им своей агентуры в Тамбовскую милицию. Кроме того, внутрикамерный агент дал информацию о том, что Антонов располагает чистыми бланками различных предприятий Тамбова и поддельными печатями, которыми пользуется для изготовления документов прикрытия.

С оперативной точки зрения представляет некоторый интерес опыт проведения мероприятий по наружному наблюдению, осуществленный тамбовскими чекистами в отношении антоновцев.

В первую очередь, основной задачей подобных мероприятий являлся поиск самого Антонова, выявление его связей. С этой целью в деревни,

где действовал или появлялся Антонов, направлялись секретные сотрудники (сексоты) наружного наблюдения, которые действовали под различным прикрытием. Так, в марте 1920 года сексот № 3 (Голубева) в деревне Полынки установила контакт и вошла в доверие к старухе, у которой останавливался Антонов, сексотка Голубева выступала при этом под видом торговки, прибывшей из города и обменивавшей вещи на продукты. Ей удалось получить от старухи некоторые сведения, представлявшие определенный оперативный интерес для ЧК.

Необходимо отметить, что разведчики, работавшие на линии наружного наблюдения, были зачастую людьми неграмотными как в общеобразовательном, так и в политическом плане. Вследствие чего поставляемые ими сведения отрицательно влияли на результаты разработки того или иного лица.

Например, в архивном деле на связь Антонова — Рысцова В. Е. имеется поручение службы наружного наблюдения от начальника отделения по борьбе с бандитизмом М. Покалюхина: «Установить Рысцова В. Е. Живет против винзавода. Чем занимается, с кем имеет знакомства, где бывает, какие ведет беседы и о чем?» В ответ на данное поручение поступило донесение разведчика наружного наблюдения Спиридонова. Приводим его полностью с сохраненной орфографией: «Донесение. Заданное поручение Вами № 2 было мною исполнено. Упомянутый граж. Рысцов В. Е. занимает должность учителя. По его разговору с неисвисным мною граж. не нуждается служению своей службе и протистует протев советской власти. Знакомство его с не посредственно с учителями и продчими не исвесно. О чем подписуюсь. Спиридонов. 4 июль 1920».

Безусловно, наибольший исторический интерес представляет сама операция по ликвидации братьев Антоновых — Александра и Дмитрия, проведенная чекистами летом 1922 года. Важнейшей предпосылкой успешного ее проведения явились несколько удачных вербовок лиц из ближайшего окружения руководителей восстания. Однако следует признать, что наиболее значительной из них являлось приобретение в качестве секретного сотрудника агента «Виктора», который в конце концов дал решающую информацию о точном местонахождении братьев Антоновых, что и привело к их гибели.

Как нам удалось установить, «Виктором» являлся друг младшего из Антоновых — Дмитрия. Фамилию его не приводим по вполне понятным соображениям: не хотелось бы ранить память его родственников, которые скорее всего живут на Тамбовской земле. Он состоял в родственных отношениях с братьями Антоновыми. Проживал «Виктор» в самом городе Тамбове. Ранее он состоял в партии эсеров, в 1920 году осуществлял связь между антоновским штабом и областным комитетом партии социалистов-революционеров. Завербован он был летом 1921 года начальником секретно-оперативной части губернской ЧК Полиным. Основой вербовки послужило то обстоятельство, что «Виктор» являлся по профессии не крестьянином, а пролетарием, и Полин убедил его в необходимости содействовать делу пролетарской партии. Кроме того, вероятно, он обладал и соответствующими личными качествами. Приобретение в качестве агента близкого родственника лидеров крестьянского восстания дало Ф. Д. Дзержинскому основание написать 1 августа 1921 года в письме В. Н. Манцеву: «Руководителю СО ВЧК (Секретного отдела ВЧК. — авт.) Т. П. Самсонову удалось проник-

нуть в самое сердце антоновщины, и, кажется, Антонову уже не удастся воспрянуть».

Сама операция проходила следующим образом.

12 июня 1922 года к «Виктору» в Тамбов прибыла из деревни Нижний Шибряй связная — Соловьева Софья Гавриловна. Она сообщила, что к нему намерен прибыть Дмитрий Антонов, чтобы обсудить некие важные вопросы. Прибытия Дмитрия «Виктору» надлежало ждать в течение двенадцати дней. Если он не прибудет, то «Виктору» предлагалось самому прибыть в Нижний Шибряй в дом к мельнику Владимиру Ивановичу Иванову, который и должен был обеспечить встречу с Дмитрием. О визите связника и о полученной информации агент сообщил начальнику секретно-оперативной части, у которого состоял на связи. Чекистами были предприняты меры по подготовке группы захвата. Однако в установленный срок Дмитрий в Тамбов не прибыл. Поэтому через 12 дней (23 июня) «Виктор» сам отправился в д. Нижний Шибряй, к мельнику Иванову.

Одновременно из Тамбова в этот же район выдвинулась группа чекистов с задачей захватить или уничтожить Дмитрия Антонова. В село Уварово (7 км от Н. Шибряя) выехал на автомашине начальник СОЧ Полин, а в село Перевоз Кирсановского уезда прибыл отряд под руководством М. Покалюхина, начальника отделения по борьбе с бандитизмом Тамбовского губотдела ГПУ. Отряд состоял из агентов-боевиков, бывших участников антоновского движения, перевербованных впоследствии чекистами. Конкретно в него входили боевики А. Куренков, Я. Санфилов, Н. Хвостов, М. Ярцев, бывший командир Особого полка партизанской армии Е. Ластовкин, бывший дезертир Е. Зайцев. Несколько позднее в отряд влились оперативник Тамбовского губотдела Иосиф Биньковский и С. Кунаков, начальник милиции 1-го района Борисоглебского уезда. Задача отряда состояла в том, чтобы немедленно выдвинуться на место встречи «Виктора» с Дмитрием после того, как это место укажет Полин, которое ему в свою очередь должен был сообщить «Виктор». Интересно, что отряд Покалюхина действовал под видом бригады шабашников. Все его участники были соответствующим образом экипированы, имели с собой топоры, пилы, другие плотницкие инструменты.

Далее события разворачивались следующим образом. «Виктор», по прибытии к мельнику, был направлен им в соседний дом, хозяйкой которого являлась вдова погибшего антоновца — Катасонова Наталия Ивановна. Та попросила агента подождать Дмитрия, за которым сама сходила в лес. В ночь с 23 на 24 июня из леса в дом Катасоновой Дмитрий пришел не один, а со старшим братом Александром, который «Виктора» хорошо знал и по-родственному тепло к нему относился.

У «Виктора» с Антоновыми состоялся длинный доверительный разговор, продолжавшийся всю ночь. Братья интересовались, нельзя ли достать заграничные паспорта, так как решили тайно эмигрировать из России. Александр, тем не менее, считал, что повстанческое движение хотя и понесло большой урон, все же не угасло; достаточно поднести спичку, и губернии поднимутся против Советской власти вновь. «Виктор» возражал, говоря, что подразверстка, которая была главной причиной народного гнева, закончилась, а НЭП успокоил многих...

Агент ГПУ «Виктор» покинул дом Катасоновой в 9 часов утра 24 июня. Он порекомендовал братьям поспать, так как все кругом было спокойно. Александр и Дмитрий с ним согласились...

Через полтора часа «Виктор» был в селе Уварове и встретился там с Полиным. Сообщил, где находятся Антоновы и что они остались у Катасоновой до ночи. Полин сразу же выехал в д. Перевоз на машине и сообщил полученную информацию группе Покалюхина, вместе выработали план действий. Было принято во внимание то, что Антоновы, по сообщению «Виктора», имели при себе неплохое оружие: «маузер» с прикладом-кобурой и «браунинг» с большим запасом патронов.

По прибытии в Нижний Шибрай Покалюхин первым делом провел свою бригаду плотников по деревне. На месте быстро оценили обстановку, вооружились винтовками, привезенными на конной повозке.

Дом Катасоновой стоял в неудобном с точки зрения чекистов месте: между деревенской улицей и огородами, за которыми текла вдоль деревни река. В этой ситуации трудно было предусмотреть, куда могли попытаться скрыться Антоновы: побежать через дорогу, где начинался лес, или в сторону реки, где был мост? Поэтому Покалюхин рассредоточил боевые посты так: четыре человека укрылись поодаль углов дома, двое перекрыли дорогу, боевик М. Ярцев был поставлен на огороде Катасоновой, недалеко от риги; боевик Н. Хвостов перекрыл мост через реку. Сам Покалюхин передвигался по всему периметру, осуществлял общее руководство засадой.

Когда посты были осторожно расставлены и приготовились к бою, Е. Ластовкин по команде Покалюхина постучал в дом и спросил у вышедшей хозяйки, нет ли кого у нее в гостях? Та поначалу отрицала, но потом призналась, что в доме находятся два неизвестных ей человека — Матвей и Степан. Братья Антоновы, вероятно слышавшие этот разговор, поняли, что попали в засаду, и попытались выскочить из дома через крыльцо. Однако Ластовкин повел себя решительно, он выстрелил в братьев, и те укрылись опять в доме. Началась перестрелка. Один из боевиков сделал попытку бросить в окно гранату. Она попала в рамный переплет, упала на землю и чуть не подорвала самого боевика. Перестрелка продолжалась в течение двух часов. На требования сдаться братья не реагировали. Смеркалось. Тогда по приказу Покалюхина дом был подожжен. Когда пожар стал сильным, Антоновы были вынуждены покинуть дом. Они выскочили в окно, выходящее на дорогу, и пытались пробиться в лес. Увидев Антоновых в непосредственной близости, струсил и бросил пост милиционер Кунаков. Потом он пытался оправдаться, сославшись на то, что у него оказалось неисправным оружие, но это не соответствовало действительности. Укрыться в лесу, однако, им не удалось — агент-боевик, спрятавшийся за дорогой, вел прицельный огонь из винтовки и перекрыл братьям путь. В этот момент из-за дома выскочил Покалюхин. Братья оказались прямо перед ним со спины. Он выстрелил в Александра из револьвера, в спину, почти в упор, но промахнулся и стал убегать. Антоновы побежали за ним, на огороды.

При этом стреляли в Покалюхина, но тоже в него не попали. Покалюхин, убегая от Антоновых, громко кричал: «Здесь они, стреляйте!» Боевики Е. Ластовкин и М. Ярцев, увидев братьев, открыли по ним огонь из карабинов и тяжело их ранили обоих. Антоновы свернули сначала к дому мельника, но затем решили, по всей видимости, перебраться через реку и на-

правились к мосту. Но на огороде, за ригой, их встретил карабинный огонь М. Ярцева, который туда подоспел... До боевика Н. Хвостова, который тоже их ждал у моста с винтовкой, они не дошли. Братья погибли вместе, в одну и ту же минуту, под вечер 24 июня 1922 года.

На огородах тела их пролежали всю ночь. Всю ночь горел большой дом вдовы Катасоновой. Утром с братьев содрали гимнастерки и сфотографировали голые трупы, дабы продемонстрировать: руководители бандформирований действительно убиты, о чем свидетельствовали пулевые отверстия на их телах.

Основные участники этой операции были награждены Орденами Боевого Красного Знамени. В их числе агент ГПУ «Виктор».

Так закончилась разработка чекистскими органами Александра Степановича Антонова, проходившего по делу «Главный».

Хочется надеяться, что данная публикация, наряду с раскрытием неизвестных ранее широкому читателю фактов, будет способствовать нужному и важному делу — реабилитации в общественном мнении как самого этого мужественного человека, так и грандиозного крестьянского восстания, которому он беззаветно служил до последнего своего смертного часа.

ВЫШЛА КНИГА

Серб Юрий

Площадь Безумия. Роман. СПб., «Росток», 2016. — 360 с.

Роман Юрия Серба посвящен событиям 1987—1990 гг. в стране и в специфическом советском заведении — Ленинградском интернациональном клубе моряков, где сотрудники, посетители и «обитатели» пытаются понять происходящие перемены. Особняк предназначен для культурного досуга иностранных моряков, однако на фоне «сухого закона в стране и в городе» в клуб зачастили разные иностранные делегации, а сверх того заведение осаждается всякого рода проходимцами и растерянной советской номенклатурой: те и другие жаждут выпить. Трагикомической фигурой выступает директор означенного заведения, оказавшийся на этой должности против собственной воли.

Дмитрий МУЗА

РУССКИЙ ПУТЬ В XX ВЕКЕ: ЧЕРЕЗ РЕВОЛЮЦИИ — К ГОЛГОФЕ И ВОСКРЕСЕНИЮ

*К 100-летию
Октябрьской революции*

Дмитрий Евгеньевич Муза — родился в 1966 г., выпускник Донецкого политехнического института (1991), выпускник Ростовского государственного университета (1997), доктор философских наук (2010), профессор Донецкого национального университета (2011), член-корреспондент Крымской Академии наук (2014), сопредседатель Изборского клуба Новороссии.

Катастрофа 1917 года и последовавшая за ней братоубийственная бойня... Религиозный смысл этих исторических событий не вызывает сомнений. Стремились уничтожить Россию как Престол Божий, русский народ — как народ-богоносца.

Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский Иоанн (Снычев)

В движении посредством социально-культурных катастроф решительного отрицания предшествующих этапов своего развития — своеобразие исторического пути России и ее культуры.

В. В. Кожин

Едва ли не самым затянувшимся спором отечественной мысли, своей нерешенностью довлеющим над нею и над самой Россией и по сей день, является спор о характере и направленности истории XX века — «красного столетия». Но пути русского, хотя и с некоторыми, часто спорными оговорками. К примеру, прошедшего через самосозидание — экстремум = Великую Победу — саморазрушение «советской цивилизации» (С. Г. Кара-Мурза). Или шествие по двум дорогам: 1) технологически-манипулятивной, либеральной, капиталистической; 2) административно-командной, марксистско-ленинской, социалистической, ведущим Россию «к одному обрыву» (И. Р. Шафаревич).

Более того, сегодня, оглядываясь назад и пытаясь понять замысловатую историческую траекторию из «прекрасного далеко» в новое «светлое будущее», формально восходящей к двум русским революциям 1917 года — феноменам Февраля и Октября, но имеющего свои имманентные «разбеги» и экстерриториально направленные «силы дальнего действия», мы часто остаемся заложниками историологических стереотипов. К примеру, говорящих о том, что революция может быть истолкована исключительно в рам-

как закономерностей формационной парадигмы, т. е. с учетом неизбежного классово-антагонистического, радикального разлома и неистовой внутрисоциальной борьбы, как итог — «коренного переворота» или смены общественно-экономической формации с восхождением на новую ступень «эскалатора прогресса».

Содержательно же все чаще увязываемым с петровскими и последующими этапами перманентных для бытия России цивилизационных преобразований, как и неоднозначной реакции на них внутри России и за ее пределами.

Отсюда, из этого пункта, проистекает необходимость в создании мета-теоретической позиции, способной учитывать не только огромную и часто противоречивую историографию и историософию этого феномена всемирно-исторического масштаба, но также либеральные, марксистские, элитарные, социально-психологические, геополитические, социологические, структурно-функционалистские, конфликтологические, религиозно-аксиологические и иные теории и концепции революции.

При том, что к столетней календарной дате ни научным сообществом, ни общественным мнением пока не выработан и не усвоен, т. е. не приурочен к актуальному бытию России единый *habitus* данного мегасобытия.

Тем не менее силовые линии спора, как мне думается, располагаются вокруг нескольких центральных сюжетов: а) сценария «встраивания» России в структуру западной цивилизации модерна, пошедшей по пути индустриального капитализма; б) сценария дивергенции России и Запада на основе некоторых оригинальных идеологий — панславизма, византизма, «русского социализма», отчасти народничества и евразийства — с одной стороны, и заимствованных идеологий — русских вариантов либерализма и марксизма — с другой; в) сценария «похищения» Западом России как «вечной угрозы с Востока», т. е. «обнуления» ее цивилизационной сущности как таковой; г) сценария «похищения» Россией Запада за счет актуализации его имманентных политических, военных и социально-экономических противоречий, но с привлечением ресурсов русской социокультурной модели развития. Сюжетов, подчеркнутых, нуждающихся в интегральной артикуляции и оценке.

Иначе говоря, предмет этого спора очерчивается как пространство коллективно-конфликтного выбора маршрута развития России под перекрестным воздействием эндогенных и экзогенных социокультурных факторов, кристаллизовавшихся в начале XX века. Причем взятых как в диахронном, так и синхронном измерениях.

Но главный фактор, поначалу экзогенный, — это «вызов Запада» (А. Дж. Тойнби), на который у «творческого меньшинства» русской (советской) цивилизации был найден ответ в виде использования марксизма как «духовного оружия» против того же западного мира¹. Правда с известными ментальными и ценностными деформациями, а именно православно/славянско/евразийскими. Они, как постоянные величины, стали, тем не менее, «внутренним Востоком», при параллельном конституировании «внутреннего Запада», образуя, быть может, перманентный и «сквозной» внутрицивилизационный антагонизм.

---

¹ Тойнби А. Дж. Мир и Запад // Цивилизация перед судом истории. Сборник. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура»; СПб.: Ювента, 1995. С. 160.

Но именно ему, образованному внутри системы «Россия — Запад», кристаллизовавшемуся по типу догоняющей модернизации (вестернизации) с ключевой ролью государства (с эпохи Петра I), не суждено быть разрешенным в силу полярных ценностных и социокультурных ориентаций — «архаизма» (романтически взыскуемого традиционализма) и «футуризма» (реалистически чаемого и осуществляемого модернизма, а затем и сверхмодернизма).

По сути, это напряжение установок и реальных дел выступает в виде своеобразной цивилизационной константы у теоретиков, предметно ориентированных на уяснение логики социальной динамики России — В. В. Аксютчица, А. С. Ахiezера, И. Берлина, А. Н. Боханова, Дж. Биллингтона, В. В. Ильина, С. Г. Кара-Мурзы, В. И. Карпеца, В. В. Кожина, С. Коэна, Л. Люкса, митрополита Иоанна (Снычева), В. А. Никонова, Р. Пайпса, А. С. Панарина, И. К. Пантина, О. А. Платонова, А. А. Проханова, А. И. Солженицына, А. Д. Степанова, И. Я. Фроянова, А. И. Фурсова, И. Р. Шафаревича и многих других).

Однако наибольшую трудность в этом вопросе вызывает аксиоматизация представлений о начале процесса, а значит, формах и векторе его протекания, вплоть до опрокидывания в хаос (гражданской войны) всей социальной конструкции с ее последующей, хотя и относительной регенерацией, но на новой основе: Российская империя — СССР — современная Россия. Более того, такая аксиоматизация несет в себе аксиологическую предпосылку, влияющую как на сам характер дескрипции (что само по себе важно), но и на итоговую, причем нормативную формулу рассматриваемой столетней событийности/процессуальности.

Ниже в свете сказанного будет предложен цивилизационный вариант прочтения партитуры Русской Революции (собрательный термин, указывающий на внутреннее единство революционного «пробного камня» 1905—1907 гг., но главное, революционных потрясений Февраля и Октября, при их разнокачественных интригах, природе, целях и средствах осуществления, что подметил еще Г. П. Федотов¹) как события эпохально-трансэпохального масштаба. При этом само это прочтение видится в двух ракурсах: с одной стороны — иррационально-стихийным самоотрицанием Россией самое себя через самодеструкцию, а с другой — генерированием нового общества на основе рационального нормативного целеполагания.

Первый ракурс так или иначе ассоциируется с уничтожением почти всех основ, институтов и ценностей имперско-самодержавной, самобытно-цивилизационной формы бытия России: православной духовной традиции и соответствующего ей миропонимания, патерналистского государства с Императором во главе, общества как большой семьи, служилого этоса, многоукладного и регионально разнородного хозяйства, скорее крестьянства, а не буржуазии, как ядра русского народа, антропоса «иоанновского» типа (В. Шубарт), при наличии нигитологической антропологии и вызываемых ею миропотрясающих сюжетов — «Петров Верховенских», «Шигалевых», «Иванов Карамазовых» и «Смердяковых» (идейных и реальных богоотрицателей, человеконенавистников и отцеубийц).

---

¹ Федотов Г. П. Февраль и Октябрь // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2-х т. СПб.: София, 1993. Т. 2. С. 132—136.

Это наблюдение можно усилить аргументом от В. В. Аксючица: «Последние двести лет российской истории определяются тем, что русская православная цивилизация противостоит экспансии тлетворных идеологий (современных духов мирового зла). С одной стороны, органичный уклад жизни и традиционное мировоззрение — все, чем строилась и жила Россия в течение тысячелетия. С другой — атеистическая материалистическая утопия, волонтеры которой стремятся радикально перекроить жизнь. Богоборческая идеология чужда русскому народу, но ею заразился русский образованный слой, она вобрала в себя накопившиеся в русской культуре духовные яды, усилила нестроения, углубила расколы в русской истории. В результате общество впадало в идейную манию, которая и была причиной катастрофы 1917 года»¹.

Второй ракурс — с конституированием принципиально новых основ, институтов и ценностей советской империи (цивилизации): материалистического и секулярно подготовленного атеистического миропонимания, марксизма как «тотальной идеологии», в том числе реализуемого в створе пролетарского интернационализма, жесткой властно-иерархической конструкции общества и государства, культом науки и техники, развитием средств производства, а затем, с заметным опозданием и потребления, плановой экономикой, социальным базисом в виде коллективистского типа антропоса — *homosoveticusa* (А. А. Зиновьев), классовой моралью, наукой и искусством.

В этой связи вспоминается обобщение И. Я. Фроянова, показавшего, что в годы сталинских пятилеток был создан социально ориентированный «государственный капитализм», обеспечивавший помимо всего прочего оборону страны в условиях постоянной угрозы извне².

Естественно, у обоих теоретических флангов есть свои аргументы и контраргументы, и сегодня пока не уравновешенные в публичном дискурсе и политической практике (напр., Рождественское послание 2017 года Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и реляции, к примеру, Г. А. Зюганова о восстановлении исторической справедливости — возвращении 7 ноября в реестр общероссийских праздников).

Однако уже более-менее отчетливо наметился определенный крен в конвергенции обоих взглядов, который, к примеру, вытекает из представления о «непрерывности русской истории». Так, не случайно Н. А. Нарочницкая предлагает панорамно посмотреть на весь XX век (и по ходу различить в Феврале — Октябре революционный проект «до основания», который пытался «переломать Россию», и советский период истории, «когда Россия сама постепенно переламаывала этот проект»), а именно с позиций тысячелетних «глубоких и неискоренимых традиций русской жизни»³ (!).

При этом существуют и макросоциологические наблюдения, подтверждающие идею преемственности в связке: Российская империя — СССР. Исследования израильско-американского ученого С. Эйзенштадта говорят не только о том, что Россия, пройдя пожар Революции, «продемонстриро-

¹ Аксючиц В. В. Миссия России. Опыт историософии России. М.: б. и., 2000. С. 379.

² Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 120—129.

³ Нарочницкая Н. А. Русский код развития. 2-е изд., доп. М.: Книжный мир, 2015. С. 340, 341.

вала очень высокую степень преемственности культурных кодов, характер отношений между центром и периферией и образцов социальной стратификации»¹.

Между порядками до- и постреволюционной России было выделено пять сходных черт: 1) в характере основных признаках статуса; 2) в функциях, осуществляемых ради потребностей центра, и в признаках и символах, которые он монополизирует; 3) в обособлении моделей образа жизни и образцов участия различных локальных, профессиональных, территориальных и родственных групп; 4) в попытках элит свести к минимуму статусные или классовые компоненты семейной идентичности, либо идентичности широких родственных групп, а также автономное положение семьи в статусной системе; 5) в попытках элиты установить единообразную систему иерархии для важнейших позиций, особенно в отношении доступа к центру².

Однако с методологической точки зрения тут малоэффективны законы диалектической логики, расчерчивающие процесс в строгих категориальных пропорциях и с гарантированным синтезом борющихся начал с заданным аксиологическим результатом («эра коммунизма»). Скорее к данному сверхсложному феномену приложим социосинергетический подход, позволяющий увидеть стохастическую композиционность и вариабельность социальных изменений, предшествовавших как самой Революции (напр. Первой мировой войне³), нелинейной логике ее, Революции, развертывания, так и вытекающих из нее замысловатых траекторий пути России и мировых держав.

Именно поэтому имеет смысл дать социосинергетическую версию произошедшего сто лет назад, заручившись рабочим определением Революции: она суть «коренной, фронтальный тип трансформации, предполагающий смену формы социальности в результате кризиса»⁴. Сам же кризис по большому историческому счету должен быть воспринят в более широком контексте, как следствие наступления европейского модерна на русскую архаику. Лапидарно: «В своем смысловом экстракте “модерн” — суть проект, связанный с выравниванием мира по западному образцу в качестве “естественного эталона человечества”. Собственно, любой революционаризм и реформаторство после 1789 года сопряжен — хотим мы того или нет — с этой логикой “выравнивания” (“подтягивания” к современности) народов, стран и цивилизаций. Причем без учета их цивилизационной природы и исторического опыта»⁵.

Отсюда задача по прояснению стратегии и тактики этого наступления. Если следовать наблюдениям А. И. Уткина, то Запад трижды «проникал» в тело и душу России: 1) в петровский период (1721–1815); 2) в пост-

---

¹ *Эйзенштадт С.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 284.

² Там же. С. 285.

³ *Муза Д. Е.* Россия в Первой мировой войне: попытка синергетической интерпретации // Россия и Великая война: Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы Международной научной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 118–124.

⁴ *Ильин В. В.* Философия истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 76.

⁵ *Муза Д. Е.* XX век в горниле мировых революций: гиперконфликт архаики, модерна и постмодерна // Культурологический журнал. 2016. 4 (26). Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/389.html&j_id=29.

наполеоновско-венский период (1815–1855); 3) в период активной модернизации (1855–1914), т. е. новой встречи с Западом после переосмысления «ошибок» прошлого. Причем в качественном отношении они разнятся: если первый был активно и интуитивно модернизаторским и подражательным, второй — периодом реализации иллюзий относительно просвещенного Запада и их краха, то третий характеризовался как период сотрудничества и союзничества¹.

Само это проникновение имело ряд существенных признаков, среди которых: догоняющий характер модернизации; подражательность вместо творческого начала; редкая и не всегда конструктивная критика трансфера западных институтов, ценностей и технологий; «экстравертированность» психологии элит, выступивших в роли поводыря инертного и «итравертивного» «безмолствующего большинства» с его архаичной ментальностью; неучтенность, а то и отрицание социокультурных и ценностных опор российской государственности, их стратегического потенциала.

Отсюда сам хаосогенный характер качественных трансформаций, ведь и управленческий «механизм», и объект управления выстраивают асимметричные связи ввиду растущего внутреннего напряжения в социуме. Вплоть до прохождения «точки бифуркации», по нашему мнению, совпадающей с 1917 годом, прошедшем в «режиме с обострением» с Февраля до Октября (кульминация кризиса, вначале искусственная, затем естественная) и содержащем несколько социетальных векторов движения в будущее.

Однако, прежде чем подойти к 1917 году России, что теперь очевидно, нужно было пройти через «вызов модерна», так и не обретя релевантного цивилизационного «ответа». Разумеется, «творческим меньшинством» русской цивилизации, а затем и ее цивилизационным большинством.

При прояснении характера «волн» идейного влияния верна следующая констатация: на Россию, прежде всего на политические элиты и образованные классы, последовательно воздействовали: идеи протестантизма (1717–1840) и Просвещения (1750–1824), политический либерализм (1770–1917), марксизм (1860–1917), технический модернизм (1890–1925)². И, естественно, феномен масонства³, который через столетия был явлен хотя бы в февральском заговоре элит — против Царя⁴.

По ходу замечу, что в свое время И. Л. Солоневич дал недвусмысленную картину «фальшивки» Февраля. «Это было, — читаем у него, — историческое явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрепчивались, что... получалось глупо, как получается со всякой революцией в мире и истории»⁵.

Речь, по сути, идет о том, что большая и влиятельная группа заговорщиков пришла к выводу, что торпедировать монархию — в случае удачного для России исхода войны — будет затруднительно. Поэтому начал раскру-

¹ Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Алгоритм, 2002. С. 87–130.

² Там же. С. 54.

³ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2001.

⁴ Боханов А. Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 358–372; Рыбас С. Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 234–256.

⁵ Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля // Революция, которой не было, или Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, 2016. С. 29.

чиваться «маховик» психоза о невыносимых для России тяготах войны, в которых прямо или косвенно обвинялся Император, Двор и правительство.

Тот же Солоневич допустил, что Россия, ее правительство и народ столкнулись с заговором, основными фигурантами которого были:

а) земельная знать, которую возглавил Родзянко при участии и согласии некоторых членов династии;

б) денежная знать в лице Гучкова и К°;

в) военная знать — генерал Алексеев и др.¹

Такая экспозиция требует, тем не менее, конкретизации. Сегодня указанное обстоятельство осмысливается едва ли не как самое решающее в деле создания «управляемого хаоса». Правда, с той существенной оговоркой, что сам «управляемый хаос», поначалу созданный руководителями «Земгора» и ВПК в виде провала обеспечения гособоронзаказов, персонально — кн. Г. Е. Львовым и А. И. Гучковым, затем генералами-заговорщиками с их «Военной ложей» — М. В. Алексеевым, Н. А. Рузским, Н. И. Ивановым, А. А. Брусиловым, А. Е. Эвертом и др., наконец, членами Временного правительства — А. Ф. Керенским, П. Н. Милюковым, Н. В. Некрасовым, А. И. Коноваловым, М. И. Терещенко, А. А. Мануйловым, А. И. Шингаревым, В. Н. Львовым, И. В. Годневым, — сам их поглотит (!).

Но если мотивация этих деятелей была сугубо властная или материально-финансовая, то у русской интеллигенции, ее художественного крыла, она заметно отличалась. По ходу замечу, что в русской культуре Серебряного века доминировали мотивы, связывающие или синтезирующие Революцию и Абсолют в подчеркнуто метафизическом выражении («темная» софиология А. А. Блока, А. В. Белого, В. В. Брюсова, М. А. Волошина); Россия как «промежуточный мир» между физическим и духовным мирами у М. И. Цветаевой; «дионисийство» русского народа, призванного обновить историю у Вяч. Иванова; «Русь Третьего Завета» у Д. С. Мережковского и т. д. Более того, эта плеяда вполне незаурядных софиологов, поэтов-символистов, богоискателей и богостроителей желала видеть в русской Революции инкарнацию самое Софии (!).

Это обстоятельство тем паче требует своей особой артикуляции, поскольку именно интеллигенция якобы взвалила на себя особую трансисторическую и сверхкультурную миссию, пытаясь вести Россию то ли в позитивном, то ли в метафизически правильном направлении.

На деле все выглядит наоборот: еще в 1867 году Ф. И. Тютчев в письме к Ю. Ф. Самарину предупреждал: «Есть у Славянства злейший враг, и еще более внутренний, чем немцы, поляки, мадьяры и турки. Это их так называемые *интеллигенции*. Вот что может погубить славянское дело, извращая его правильное отношение к России. Эти глупые, тупые, с толку сбитые интеллигенции до сих пор не могли себе уяснить, что для славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни...»². Однако это предостережение, прозвучавшее задолго до «Вех», так и не было услышано.

И здесь, при рассмотрении вопроса телеологии и аксиологии Революции, как мне думается, важен учет следующего обстоятельства. Еще в кон-

¹ Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля // Революция, которой не было, или Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, 2016. С. 16.

² Тютчев Ф. И. Письмо к Ю. Ф. Самарину от 24 ноября 1867 года // Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 342.

це 1890-х А. С. Панарин в специальном исследовании показал, что Россия в этот период проходила через социокультурный раскол и связанные с ним дилеммы по «революционной модели»: интеллигенция с народом против государства¹. Казалось бы, именно она, эта модель, стала доминантной в реализации Февраля — Октября, вопреки мнению А. А. Блока, пошопенгауэровски вещавшего в 1908 году: «Если интеллигенция все более пропитывается “волею к смерти”, то народ искони носит в себе “волю к жизни”»².

На деле же конфигурация социально-политических сил выглядела гораздо сложнее: ввиду ориентации российских государственных элит (пожалуй, начиная с С. Ю. Витте) на разные политические центры силы, промышленные группы и банки западных держав — Францию, Англию, Германию, США, и в значительно меньшей степени — на автохтонные социокультурные, политические и экономические ресурсы, указанная модель должна быть скорректирована. В том числе с учетом конфигурации партий и общественных движений, в их отношении к вопросам войны-и-мира, земли-и-собственности, власти-и-права...

В частности, события 22–27 февраля в Петрограде были инспирированы различными политическими, военными и хозяйственными группировками, в которых русский народ выступил «разменной картой». В рамках простой аттрактивности: «даешь хлеба!»; сложной аттрактивности: «долой войну!»; суператтрактивности: «долой самодержавие!» (читай: изменяй систему управления русской государственности и векторы ее внешней политики в пользу более «эффективных» западных?).

Тем не менее Император недвусмысленно обозначил «общие основания мира»:

1) уничтожение германского милитаризма, пресечение того «кошмара», в «котором Германия нас держит вот уже больше сорока лет»;

2) исправление границ Восточной Пруссии, в том числе для воссоздания Польши и достижения Россией ее западных, естественных границ — Карпат;

3) в Малой Азии решить вопрос освобождения армян от турецкого ига;

4) достичь наконец-то положительного исхода в вопросе о проливах к приданию Константинополю статуса «нейтрального города», но при гарантии для магометан сохранения их святынь и могил (!);

5) Северная Фракия, до линии Энос — Мидия, была бы присоединена к Болгарии;

6) Сербия присоединила бы Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании;

7) Греция получила бы Южную Албанию;

8) Австро-Венгрия пойдет на вынужденные уступки как в отношениях с Италией и Румынией, так и с балканскими славянами;

9) Франция возвратит Эльзас-Лотарингию³.

¹ Панарин А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века // На перепутье (Новые Вехи). М.: Изд. корп. «Логос», 1999. С. 11.

² Блок А. А. Народ и интеллигенция // Собрание сочинений: в 6-ти т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 4: Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. С. 113.

³ См.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 127–133.

Иначе говоря, перед нами имперская парадигма существования России, в которой ее геостратегия очерчивается объективными интересами, без ложных притязаний на чей-либо суверенитет. Иное — «парадигмы» пути развития России ala февралисты и ala большевики. Вплоть до трансформации «империалистической войны» — в «войну гражданскую» (согласно В. И. Ленину). И последняя в этой нелинейной логике конституирует эмерджентность нового — «светлого» будущего.

В свою очередь правые силы, как показал в свое время В. В. Кожин, также не смогли агрегировать политико-культурные интересы элит и народа, не найдя поддержки ни у Государя, ни у широких слоев русского общества по ключевым проблемам внутренней и внешней политики. Отсюда — полное отчаяние: «...я вам говорю, что монархия гибнет, а с ней и мы все, а с нами Россия» (В. М. Пуришкевич)¹. Собственно, это суждение верифицируется современным исследованием, подтвердившим, что «консервативный правый ренессанс в начале XX века так и не состоялся»². Имеется в виду весьма активная, но непродуктивная деятельность Союза Русского Народа, Русского Собрания и др., часто связанная с борьбой внутри правого движения. Итог: именно деятели правых организаций стали первой жертвой революционной вакханалии.

Словом, путь от Февраля к Октябрю оказался путем кардинальной ломки всей социетальной системы России путем прохождения через режим сильной неравновесности, обрушения в хаос и выбора новых структурообразующих факторов за счет появления и доминанции «джокера» — партии большевиков. Партии, состоящей из людей, делающих «из невозможного возможное...».

Но для уяснения упущенных шансов, т. е. недопущения восхождения на рукотворную Голгофу, важен еще один фундаментальный вопрос, поставленный незабвенным В. В. Розановым: «А что же русские? — Досыпали “сон Обломова”, сидели “на дне” Максима Горького и, кажется, еще в “Яме” Куприна... Русские всё зевали. Русские всё клевали... Мечтая о “золотой рыбке”» будущности и исторического величия»³.

Правда, это вопрошание ограничено образами русской литературы, которая не всегда сопрягалась с жизнью. Иное дело Православная Российская Церковь, которая искала пути выхода из цивилизационной катастрофы. В этой связи напомним сюжет, указывающий на поиски такого решения в рамках Священного Собора ПРЦ. Первый из них — обращение митрополита Московского и Коломенского Тихона (Белавина), будущего Патриарха, 15(28).08 1917 г. — где указано на то, что именно Церковь по настоянию общества берет на себя обязанность «содействия в устройстве государственной жизни». Точнее: «Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. Как спасти ее — этот вопрос составляет предмет крепких дум. Миллионное население Русской земли уповает, что Церков-

---

¹ Кожин В. В. Россия XX век (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 2001. С. 86.

² Правая Россия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб.: «Царское дело», «Русская народная линия», 2015. С. 34.

³ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. С. 392 — 440.

ный Собор не останется безучастным к тому тяжкому положению, которое переживает наша Родина. Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного бытия, представляющую как бы поле, усыпанное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю спросить: оживут ли кости сия? Святители Божии, пастыри и сыны человеческие! Прорцыте на кости сухие, дуновением Всесильного Духа Божия одухотворите кости сия, и созиждутся, и обновится лицо Святорусской земли!»¹.

Собственно этот сюжет говорит о том, что Церковь может и должна выступать в роли «куколки» для строительства цивилизации (А. Дж. Тойнби), причем не только на этапе ее генезиса и развития, но и в кризисные этапы ее бытия. В этом едва ли не главная ее функция. Правда, с той оговоркой, что после прихода к власти большевиков и их открытой борьбы с Церковью, эта миссия меняется на миссию крестоношения.

Так, 25.01(07.02) 1918 г. в Постановлении Священного Собора Православной Российской Церкви по поводу Декрета об отделении Церкви от государства сказано: «Мужайся же, Русь Святая. Иди на свою Голгофу...»². И взмогла, как о том сказал поэт:

*Сбылось предсказанье Мессии,
И «тьма» пересилила «свет»!
Явился Антихрист в России,
Кровавый тиран Бафомет.
Крамолой все царство объято,
Нет буйствам и распрям конца;
Брат поднял десницу на брата,
Сын поднял свой меч на отца.
И режутся русские люди,
И бьются два стана врагов;
От слез надрываются груди
У сирот-малюток и вдов.
Но дьявол не спит и не дремлет:
Он полон коварства и зол;
На Церкви он руку подымлет,
И рушится Божий престол.
Справляют свой праздник злодеи,
Сжигая культуру в огне,
И новый удар иудеи
Готовят Христовой стране.
Народ обратился в лагуны,
Он прет из далекой глуши...
Китаец спасает коммуны,
Пируют в Кремле латыши.
Трепещут от стонов застенки,
За пытку пытка спешит,*

¹ Цит. по: «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 — 1918 гг. о начале гонений на Церковь / сост., автор статьи Н. А. Кривошеева. М.: Православ. Свято-Тихонов. Гуманитар. ун-т, 2012. С. 22.

² Там же. С. 164.

*И выкрик неистовый: «к стенке!»
Из дьявольской пасти звучит.
Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христианского — нет!
Гремит сатана батогами
И, в пляске над грудой гробов,
Кровавой звездой и рогами
Своих награждает рабов.
И воинство с «красной звездой»,
Приняв роковую печать,
К кресту пригвозждает с хулою
Несчастную Родину-Мать!»¹*

Фактологически после Февраля все социально-политические процессы понеслись в стране так стремительно, что ни либеральные реформы, ни мятежи (корниловский), ни правовые нововведения уже не могли исправить положения. Из реестра ценностных ориентаций — социалистической, либеральной и национальной (имперской) возобладала первая.

По ходу замечу, что для большевистского авангарда, стоявшего на позиции осуществления «мировой революции», тема России, Родины становится излишней. Так, Л. Д. Троцкий в этом контексте вещал: «Демократические задачи отсталых буржуазных наций непосредственно ведут в нашу эпоху к диктатуре пролетариата, а диктатура пролетариата ставит в порядок дня социалистические задачи»². Как водится, интернациональные, т. е. мировые! Но эта абсолютно иная парадигма развития страны — в рамках устанавливаемого Революцией, насилием и деньгами «порядка»³.

И сегодня, оглядываясь на миропотрясающие события столетней давности, вспоминается мысль С. Л. Франка о Пушкине, как «уврачевателе» недугов России. А. С. Пушкин, по мнению философа, указал на три принципа «творения» русской истории: 1) правление русским государством должны осуществлять избранные народом и нравственно совершенные вожди, не «все» (средние люди или масса); 2) созидание обязано реализовываться на основе живого чувства исторической традиции, как основы политической жизни; 3) путь мирной общественной жизни и забота о ней не связаны с «насильственными переворотами»⁴.

Думается, что как раз позиция Церкви⁵, взявший на себя крест как оружие победы над смертью стала наиболее созидательной в плане единственно

¹ Бехтеев С. С. Русская Голгофа // Грядущее. Стихотворения. СПб.: Успенское подворье Оптиной пустыни, 2002. С. 202–204.

² Троцкий Л. Д. Перманентная революция. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. С. 32.

³ Напр., интеллектуальное расследование американского историка Э. Саттона: Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. 2-е изд. М.: Русская идея, 2005.

⁴ Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 240.

⁵ Несмотря на долгую и разделенную жизнь (РПЦ МП и РПЦЗ), но впоследствии объединившейся.

верного пути чаемого воскресения России, когда на кости сухие сойдет Дух Божий. Естественно, что для зримого итога, помимо соборного решения Русской Православной Церкви о канонизации Императора, Царской Семьи и их верных слуг в 2000—2016 годах (ранее, в 1938 году, канонизированы Сербской Церковью, в 1981 году Русской Зарубежной Церковью) в лике новомучеников, важно и поэтическое обобщение. Равно как и огромного сонма мучеников и исповедников Российских.

Однако это обстоятельство как раз предопределяется достаточно простой, но не самоочевидной истиной: революция 1917 года не смогла решить всех поставленных перед нею задач.

- Во-первых, «страну не удалось использовать в качестве плацдарма для разжигания всемирной смуты... Лозунг «пролетарского интернационализма», предназначенный для разрушения русского национального самосознания, оказался недостаточно эффективен, будучи интерпретирован обществом в русле традиционных христианских ценностей «всечеловечности».

- Во-вторых, «не удалось уничтожить Россию в качестве самостоятельного геополитического субъекта. Человеконенавистническая теория «классовой борьбы», служившая сердцевиной и пропагандистским прикрытием механизма широкомасштабного, официально санкционированного геноцида русского народа, с течением времени утратила свою первоначальную эффективность, превратившись в очередную, далекую от практики догму». И далее: «Несмотря на все репрессии, голод, разруху и богоборческий террор властей, ценой величайшего напряжения всех народных сил, ценой блестящей победы в Великой Отечественной войне, — страна обрела в мировой политике значение и вес, сведшие на “нет” все достижения Октября в этой области. Возникла реальная возможность постепенного перерождения СССР в духе российских национальных интересов с перспективой эволюционного возвращения страны на путь ее естественного исторического развития»¹.

Собственно, сегодня, пройдя через «эпоху Ельцина», рецидив «Болотной» и эксцессы фашизма на Украине, нам необходимо понять все перепутья русской истории, равно как мобилизовать все усилия для ее Воскресения. Ведь именно Воскресение единственный, — на фоне социокультурных катастроф, — путь (и суператтрактор) для России, как духовно-ориентированной и нравственно вмняемой цивилизации.

---

¹ *Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Битва за Россию. СПб.: Издательство Л. С. Яковлевой, 1993. С. 83, 84.*

Сергей КОРЫТИН

К СТО ПЕРВОЙ ГODOVЩИНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в с. Екатеринино Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Первое, и для многих сегодня очевидное: если бы не было Февральского государственного переворота, то не было бы и Октябрьского. Революцию в феврале совершило русское, так называемое образованное общество: члены Государственной Думы, генералы, чиновники, аристократы... Русская элита действительно была хорошо образована. Образована светскими науками. И успехи науки были налицо: изобрели фотографию, телефон, телеграф, радио, граммофон, автомобиль... В воздух поднялись первые самолеты. Науку стали обожествлять. Казалось, еще немного, и все тайны этого мира будут открыты!.. И Бог стал не нужен!.. Активный процесс отхода русской интеллигенции от Церкви начался с середины XIX века. Об этом писали такие великие русские святые, как Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский. В светских журналах и газетах того времени можно было встретить открытую хулу на Церковь и ее святыни. И не случайно, когда Церковь отлучила великого русского писателя, а в религиозном смысле еретика, Л. Н. Толстого — в своем подавляющем большинстве интеллигенция встала на его защиту. Одним словом, верхи — «сливки» общества — духовного стержня не имели. Не имели, поскольку потеряли веру. Да, да, русская элита в начале XX века была почти вся атеистической! Они считали Православную веру чем-то отжившим, устаревшим и пригодным лишь для низов — для темного простого народа. Бог им стал не нужен. А с потерей веры они перестали понимать слова Священного Писания, что «Царь есть Помазанник Божий» и «Не прикасайтесь к Помазанному моим». И само монархическое устройство государства они стали считать чем-то отжившим, устаревшим, не отвечающим их прогрессивным взглядам. К этому примешивались и их честолюбивые желания

самим управлять Россией и через это управление стяжать еще бóльшую славу и еще большее богатство. И они, как пауки плетут паутину, стали плести и сплели заговор, в результате которого заставили Николая II отречься от царского престола. И если в первом составе Временного правительства, которое возглавил князь Львов, не все министры были масонами, то в последнем составе — во главе с Керенским, — все министры были членами тайных масонских лож. А масоны, как известно, всегда боролись с христианством. За полгода Временное правительство привело в полное расстройство все составляющие государственной жизни: и военную, и гражданскую, и экономическую. Как говорят, такого и врагу не пожелаешь! Сколько было в этом тайного предательства, а сколько обычной человеческой глупости и неспособности управлять огромной страной, — знает только Бог. Но совершенно определенно можно утверждать, что Октябрьская революция была прямым следствием Февральского предательства. И, конечно, за февралистами и, особенно, за большевиками — стояла невидимая вражья сила. Она вдохновляла, научала, подталкивала революционеров к активным действиям. Она «духовно» руководила ими... Церковь учит, что главным смыслом земной жизни человека является подготовка к жизни вечной. Иначе это называется спасением души. Спасением от чего?.. От зла!.. От вечной гибели. Слова апостола Павла в Послании к галатам: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» — относятся, прежде всего, не к этой жизни, а к жизни будущего века. И понятно, что как без светских школ и университетов нельзя обучиться светским наукам, так и без Храмов Божьих невозможно постижение науки духовной, и само спасение бессмертной души весьма и весьма затруднительно. И глубинной, стратегической целью темных бесовских сил — подлинных вдохновителей и организаторов революций — была цель лишить русских людей возможности беспрепятственно — через Церковные Таинства, через слышание слова Божьего, через покаяние — идти прямым путем, путем их благочестивых предков — в Царствие Небесное! Именно поэтому большевики всей государственной мощью с такой, почти звериной, яростью набросились на Церковь!.. Понимали они это или не понимали, но тут возникает неизбежный вопрос: если вы за социальную справедливость и за все доброе, светлое и хорошее, то Церковь для вас является в этом деле первым помощником!.. Ведь именно Церковь и учит человека светлomu, добромu, хорошему!.. Зачем было закрывать монастыри, взрывать храмы, расстреливать священников?.. Война эта со стороны победивших революционеров при поверхностном взгляде выглядит нелогичной, странной, ошибочной. Но если помнить, кто был их настоящим покровителем и вдохновителем, все становится на свои места. И вот об этой глубинной, корневой причине на многочисленных светских телерадиоканалах не говорят. Рассуждают о причинах экономических, социальных, военных, геополитических... А без духовной составляющей в этой жизни вообще мало что можно понять. Дерево держит корень, который скрыт в земле, его не видно, но какой корень, такое и дерево. Если корень здоров, то и дерево высокое, крепкое, с мощной кроной. Если дерево плодовое, то плодов много и все они вкусны и полезны. Так и с человеком, и с семьей, и с обществом, и с целым народом, и со всем миром. Все события вначале совершаются в невидимой духовной сфере. Это — наши мысли, чувства, желания, намерения... И только потом они реализуются в мире материальном. Поэтому так важно обращать внимание на внутреннее духовное устройство человека и понимать, что именно Церковь, в первую очередь, заботится об этом. Важно знать и помнить о предназначении

человека для Вечности. И именно с этих позиций оценивать трагические события 1917 года. С моей точки зрения, главной причиной крушения и Советского Союза была духовная причина: его богоборческая политика. Последнее Постановление «Об усилении атеистического воспитания» ЦК КПСС принял 22 сентября 1981 года!.. Советское время принесло нашему народу неисчислимые беды и великие победы. Мне искренне жаль, что нет больше огромной исторической России, которую в течение многих веков созидали наши благочестивые предки. Но что делать!.. Мы выбрали и в конце XX века путь не эволюционный, а революционный. За одно столетие дважды ухитрились разрушить собственное государство!.. В связи с этим хотелось бы сказать следующее. Никогда ни в царской, ни в советской России публично широко не обсуждалась роль государства как роль крепостных стен! Переиначивая известную поговорку «Мой дом — моя крепость!», нужно говорить: «Мое государство — моя крепость!..». Ведь от состояния этих стен зависит жизнь каждого гражданина страны. Скажу больше, государство — понятие священное! И это не пустой звук. Кто-кто, как не мы, хлебнули через край последствия разрушительных революций 1917 и 1991 годов. Государство — это святыня! Эту мысль нужно доносить до ума и сердца каждого человека, кто живет в России. И использовать для этого все средства массовой информации. Да, были и в царское, и в советское время специальные службы, задачей которых являлась защита государства от внешних и внутренних врагов. Но ни коммунистический Комитет государственной безопасности, ни охранные службы императорской России с задачей не справились. Не справились в том числе и потому, что действовали в одиночку, народ стоял в стороне, народу никто доходчиво не объяснил, что будет, если допустить разрушение стен общего дома!.. Государство надо беречь как зеницу ока!.. Это понимание должно быть укоренено в сознании каждого гражданина страны. К сожалению, и в современной России под таким углом не смотрят на государство. По крайней мере, в публичном пространстве это широко не обсуждается. И последнее: если бы участники Февральского переворота могли предвидеть, что будет с ними после Октября 1917 года?!. Если бы они могли знать, что в ближайшее время потеряют не только богатство и должности, но многие из них и саму жизнь, — пошли бы они на преступление против законной власти, против Царя?.. Ответ очевиден. Самые удачливые из них «пристроились» в Европе извозчиками... автомобильными! А тем, которым не удалось иммигрировать, пришлось отправиться «на Колыму» — ремонтировать, восстанавливать порушенное ими историческое государство!.. Так лукавый всегда «одаривает» всех, кто прилежно работает на него. Вначале обещает «золотые горы», а в конце расплачивается «разбитыми черепками». Дай Бог, чтобы сей трагический исторический опыт послужил и нам и нашим потомкам на пользу. Чтобы никогда ни мы, ни наши потомки — ни под какими предложениями (чаще всего лживыми) — не дерзали разрушать стены общего дома — стены Государства Российского! Нужно понимать еще и то, что в любом государстве при любом общественно-политическом строе существует всегда много проблем, которые следует решать не путем оголтелой критики, а путем конструктивных предложений, не революционно — уничтожая друг друга, а эволюционно, через диалог — уважая друг друга. Как и в любой семье. Это лучший путь. Будем помнить и то, что оголтелую критику наши враги и в 1917 году, и в 1991 году умело использовали как оружие, как архимедов рычаг для опрокидывания и разрушения государства.

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ

НЕБОЖИТЕЛИ

Николай Федорович Иванов — родился в с. Страчево Брянской области. Автор многих романов, повестей, рассказов, сопредседатель правления Союза писателей России, лауреат литературных премий ФСБ России, «Сталинград», «Прохоровское поле» и др. Воевал в Афганистане, был в чеченском плену. Новеллы полковника Николая Иванова, «добытые» в «горячих точках», публиковались во многих литературных журналах, газетах, альманахах. Автор 20 книг прозы. Награжден боевыми орденами и медалями, в том числе орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Живет в Москве.

Ой, не пытайтесь отобрать у человека с ружьем его тапки.

— Товарищ капитан, на выезд!

— Я в отпуске, — улыбнулся Костя сержантику, даже не пуская его на порог квартиры. — Командир вчера лично путевку в санаторий...

— Машина вниз.

А хоть в лифте! Хоть самолет. В армии незаменим только начфин, и то лишь потому, что в сбербанке хранится образец его подписи.

— За меня Серега остался.

— Сереге собираем по 100 рублей на челюсть: погладил в ресторане чужую жену по задку. Командир за вами...

— Я с Глебкой! — продолжал намыывать Костя защитный бруствер перед личным, но на глазах становящимся одиночным, окопом.

Да, он с сыном. Сын в игрушках. Жена с Маришкой в поликлинике, как раз собирают справки для санатория. Есть, конечно, теща, но она придет не раньше обеда. Ничего у сержанта с командиром не получится при всем их желании.

— Без вас, сказали, не возвращаться.

Вот кто может быть хуже тещи, так это посыльный в первый день отпуска. Толку, что отключил мобильный. Эх, Серега-Серега, что ж у тебя такие блудливые руки оказались? Автомата им мало?

— Тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом. Вж-ж-ж! — примчался на коленках, управляя пожарной машинкой, Глебка. Оглядел гостя. Не увидев его превосходства над отцом, спросил о взрослом, непостижимом: — Пап, а правда, что за вторником сразу идет сентябрь?

— Он как раз сегодня и пришел, Глебка. Играй.

— Вж-ж-ж! Тили-бом, тили-бом!

— Там как раз школа, — услышав про 1 сентября, приоткрыл тайну срочного вызова сержант. — В заложниках дети. Много.

Возведенный с таким старанием защитный бруствер оказался из песка: рассыпался, похоронив отпускные тапки и санаторий.

— Ясно. Иду.

Сержант кивнул, но от развалившегося окопа не отошел, остался охранять открытую дверь.

Сумку с амуницией, по старинке именуемой «тревожным чемоданчиком», Костя вечером наивно запихнул за швейную машинку. Назад ее, за шиворот! И как же долго включается мобильник! За это время можно сшить Глебке рубашу! В коробке для пуговиц барыней лежит шоколадная конфета. «Ласточка»... Теперь жена не берет трубку. На приеме? А теще по пробкам лучше на метле летать!

— Товарищ капитан!..

Костя помнил, что он не майор. Только что делать с сыном, который тушит «Кошкин дом»? Глебка для полноты эффекта может включить и газовую конфорку, и выскочить на балкон вызывать пожарные вертолеты...

— Глебка, мы мужики?

— Мы мужики, — замер тот солдатиком рядом. Скосил глаза на подглядывающего сержанта: вот так надо слушаться моего папу!

— А давай поиграем в войну? — предложил Костя сыну, торопливо перебирая на вешалке одежды. Куртка, вильнув оборвавшимся хвостиком петельки, сама соскользнула вниз...

— Давай. Я прячусь?

— Нет, сегодня ты будешь... заложником. Я сначала поеду вон с тем товарищем сержантом, уничтожу всех плохих дядек, вернусь и освобожу тебя. И вместе съедем эту конфету, — протянул Глебке «Ласточку».

Берцы просили щетки и крема, но обойдутся: судя по всему, им будет не до жира и лоска.

— А ты мне подаришь потом скрытую камеру? — почувствовав личный интерес отца к игре, цыганом выставил условие Глебка.

— Зачем она тебе?

Ремень, кепка. Готов.

— А я повешу ее на Новый год на елку и увижу, как приходит Дед Мороз!

Пришедшая после обеда теща, сглаживая вину за опоздание, засюсюкала, загукала от дверей. Тишина насторожила, и, торопливо сбросив с ноги сапожок, допрыгала на ней, босой, до двери в детскую комнату. И спустилась по косяку, освобождая грудь от сдавившей кофты: в комнате на полу спал прикованный наручниками к батарее внук, покрытый, словно серебристой чешуей, навешенными на рубашку орденами и медалями. Рядом с ним стояла миска с едой и кружка воды, из кулачка Глебки виднелась надкушенная конфета. Посреди комнаты лежала записка с ключиком от наручников, но сил хватило только дотянуться до телефона, нажать на ноль и двойку, а потом и тройку.

— Лишить родительских прав и посадить! — явившаяся сразу за милицией чиновница из управы взмахнула руками, фокусником выпуская из-под широких рукавов кардигана стайку журналистов. Те, словно клювиками,

защелкали фотоаппаратами. Глебка, звеня медалями, молотил в воздухе ногами, отбиваясь от милиционера-ключника:

— Меня папа спасет. Уходите все.

— Вот оно, воспитание. Вот оно, — теща призывала всех в свидетели, указывая и на прибитую к стене соску. — Это он так отучает от нее дочь. Еще вымерял расстояние до рта, чтобы не на вырост! Солдафон!

Старший милицейского наряда словно услышал слишком знакомое слово из уст собственной тещи. Набычился, и стоявший рядом лейтенант замахал руками — кыш-кыш, пошли-пошли все вон. Ни теща, ни чиновница в посторонних оказаться не желали, но лейтенант грудью и распахнутыми руками, как ковшом бульдозера, выгреб всех в узкий дверной проем.

Оставшийся в комнате старший лейтенант подмигнул заложнику, лег рядом на пол, голова к голове.

— Привет, боец.

— Привет.

— Мне нравятся твои награды.

— Это дедушкины, который жил еще за одним дедушкой.

— Прадедушка.

— А это от такой же бабушки, — выставил Глеб левое плечо, на котором выше боевых прадедовых красовалась медаль «Мать-героиня».

— У тебя достойное прошлое, брат, — постарался сдержать улыбку старший лейтенант. Протянул для знакомства руку.

Глеб пожал ее своей свободной. Уловив доверительность, милиционер подтянулся к батарее, сел, прислонившись к ней спиной.

— У меня тоже будут награды! — заверил Глебка, усаживаясь рядом.

— Даже не сомневаюсь, — грустно согласился милиционер, предугадывая будущее парня: на чьих коленях сидим в детстве, те и становятся примером. Заглянувшему в комнату маленькому старичку в синей медицинской униформе махнул рукой — здесь не по вашей части. Попробовал вызвать «террориста» по телефону, чтобы прояснить ситуацию из первых уст, но бесполезно опустил руку: — Вот только где может быть твой папка, брат?

Костя лежал в какой-то вонючей канаве, упираясь затылком в рваный край трубы. Из нее сочилась, стекая за шиворот, вода. И хотя есть на войне железное правило: где укрылся от стрельбы, там и замри, пока живется, падающие за шиворот капли были столь неприятны, что Костя все же повел головой, осторожно огибая трубу. Оказавшаяся ржавой и тухлой вода стала кап-кап-капать на грудь, разбиваясь о бронежилет и брызгая на лицо, но это все равно показалось менее противным, чем стекающая струйка за шиворот.

Теперь можно отдышаться и сосредоточиться. Враг смотрит через прицел на то место, где ты упал, а ты любишься небом. Нынче оно от жары белесое, словно вылинявшая десантная тельняшка. Себе тоже пора покупать новую...

Кап-кап... Вода, словно метроном, задает ритм на движение. Под школьную ограду. Там попытаться сделать подкоп или быть готовым перемануть через верх. Все это для худшего развития событий — штурма школы, когда каждая секунда будет стоять чьих-то жизней.

Кап-кап-кап...

Поджав, для их же спасения, пальцы в ботинке, Костя приподнял над канавкой его носок. Пошевелил ногой, привлекая внимание стрелка. Или со стороны боевиков это был просто беспокоящий огонь и никто тебя на мушке не держит? Террористов в школе человек тридцать, им, конечно, не закрыть периметр всего здания. Но вдруг здесь посажен снайпер? Когда продырявит голову, результат гадания объявлять, к сожалению, будет некому. Лучше потренироваться на ноге, их, в отличие от головы, хотя бы две...

Тишина. Если не слышать стоны людей, собравшихся вокруг школы. А на дереве, почти над головой, висит вырвавшийся из плена, но зацепившийся за ветку праздничный воздушный шарик. Ему, как и трагедии, три дня. На солнце никнет, воздух, словно жизнь, уходит и из него.

Что же дети в такой жаре и тесноте спортзала? Представить страшно, что там могли бы оказаться Глебка и Маришка. Уже за один этот страх перегрызет глотку всем, кто окажется на его пути. Крошить, крошить в капусту зверье. Волки боятся только волкодавов. И он им станет.

Костя вывел голову из-под трубы, перевернулся на живот, невольно пеленуя себя болотной жижей. Хотел получить целебные грязи в санатории? Пожалуйста, бесплатно.

До забора метров двадцать открытого пространства, всего несколько прыжков. Но путь этот потребует именно проползти, и не кап-кап-кап-кап-быстро, а как можно медленнее и незаметнее. Это в мирное время бегущий по улице офицер вызывает улыбку, но во время войны — уже панику. А ее нельзя допустить ни при каких обстоятельствах, при ней террористы начнут расправляться с теми, кто у них в руках. Поэтому — никто не собирается никого штурмовать. Всем сохранять спокойствие. Только переговоры и ничего кроме них. А если кто и увидит ползущего бойца, пусть улыбнется, насаживая цель на крючок: медленный враг угрозы не представляет. Так что Косте, даже обреченному, остается только ползти, выбирая расстояние до ограды. Правда, командир обещал отвлекать в это время террористов переговорной активностью...

Ну что ж, первый пошел!

Выполз.

Выстрела не прозвучало, зато какая-то тварь тут же села Косте на шею. Защекотала, но рукой не шевельнуть выше мизинца, не отогнать. Спина загорелась от жгучего солнца и ожидания выстрела. Самое паскудное, что он раздастся, ему некуда деться: пуля для того и льется, чтобы останавливать все, что движется. Хотя Костя не движется, он миллиметрами подтягивает себя к забору. Тот еще не виден, взгляд перекрывают сухие травинки и капли пота на ресницах. Но и головой не трясти, дозволено лишь отморгаться. Как там шар на дереве, держится? Держись, дорогой, не сдувайся. И не улетай. В небе и так сейчас тесно от собравшихся ангелов.

Интересно, они хоть раз соберутся в небесное воинство, чтобы всей белой ратью налететь на врага? Почему сверху налетает только воронье?

— Кар!

Накаркал. Никуда стервятники не делись. А от земли идет, не переставая ни на мгновение, стон. Не случалось в истории большей подлости взрослых по отношению к детям. Ворваться во двор во время школьной линейки, расстрелять на глазах у ребятишек их отцов, запереть всех в спортзал при тридцатиградусной жаре без воды и света. Резать гадов на куски...

Так, замереть. Отморгаться. Успокоиться. Отвлечься. Иначе эмоции сорвут нервы. Какая же сволочь залезла под воротник? Прижать шеей, раздавить о «броник».

— Кар-кар.

Вместо «кап-кап» ритм задает воронье. Прекрасная смена декораций. Но вода, хоть и ржавая — это жизнь. Что означает карканье, известно из детских сказок. Тем более, и там, куда ползет Костя, его ждет не свадьба. Отряд рассредоточился напротив всех возможных участков прорыва; Косте, как небожителю, командир «нарезал» самый дальний угол здания. Задача известная: пока остальные нагнетают обстановку на главных направлениях, ему проскочить школьные коридоры и ворваться в спортзал. И уже там, вызывая огонь на себя, не дать боевикам подорвать бомбу, подвешенную к баскетбольному кольцу.

Все, вперед.

Кар-кар-кар...

Нет-нет, не в таком темпе, желательно хотя бы через раз.

К тому же за тополиным листком с надкушенным гусеницей краем начинает возноситься Брестской крепостью кирпичная кладка забора. Неужели дадут доползти? Или нажмут на курок на последнем сантиметре? Давным-давно, определяя Костю в группу захвата, командир подчеркнул:

— Эта должность, товарищ лейтенант, имеет дополнительное звание — небожитель. При любом раскладе ты уже в раю, потому что при освобождении людей тебе идти на пули первому.

Только бы она не в позвоночник...

Костя замер. Умер. Он не спецназовец, не небожитель.

Он — истлевшая куча листьев. Бугор земли. Коряга. Боевикам ничего не угрожает. Как нелепо пошутили они с Глебкой по поводу заложников...

Додавив «броником» жука, вытянул освободившуюся шею к Брестской крепости. Гусеницей подтянул туда же тело. Колено обожгло резкой длинной болью. Стекло?

Заживает долго... Еще... Еще... Легко, спокойно, размеренно.

А запах пошел такой, будто попал в стадо баранов. И расстояния осталось на один рывок. Всего лишь подтянуть коленку, создать упор. Нет, лучше левую. В правой боль: стекло, скорее всего, бутылочное. У них со стрелком будет не более двух секунд на двоих. Кто кого? Нырнуть рыбкой или вильнуть ласточкой...

Лежать!!!

— Лежать, я сказал, — прошептал Костя, стараясь отвести нос от бараньего гороха, покрывшего землю до самого забора.

Надо, надо полежать. Задача не менялась — не вызвать паники и раздражения бандитов. Как ты там, красный шар? Держишься? Вот и мы держимся. И начинаем скольжение. Если упираться в землю носками, то можно продвинуться на целую горсть гороха. Как же ты далека, Брестская крепость. И путь к тебе устлан не розами.

Но что же ты, гад, не стреляешь? Не может быть, чтобы не прикрыли самый дальний угол. И что вороны смолкли? Ждут развязки? Конечно, им сверху ситуация виднее. А жук оказался живучим, продолжает ползать под «броником». Тут бы себя вытащить, а некоторые хотят на чужом горбу, в прямом и переносном. Но потом умирать ему, проткнутому шомполом, на

самом медленном огне. Или смилостивиться? Как бы то ни было, под одним прицелом ползут. А на месте стрелка он бы уже вскидывал автомат, если хочет успеть...

Успел!

Очередь прозвучала короткая, уверенная. Расстрельная, потому что в упор.

Единственное — не из здания, а внутри его. Плохо. Значит, боевики расстреляли еще кого-то. Могли это сделать назло командиру, который тянет с уступками, давая Косте время доползти до стены. Лишь бы не зря, лишь бы успеть к бомбе.

Но голова уже в тени забора. Неужели проскочит? Теперь аккуратненько занести себя к оgrade. Боком, чтобы поглубже уложить тело вдоль кладки. Кирпич красный, в щербинах, в сколах. Всё! Стрелка не было. Но кто знал! Можно махнуть рукой: наверняка кто-то из своих наблюдал за ним в бинокль и докладывал командиру о перемещении.

А теперь жука из-за шиворота на божий свет — и со всей пролетарской злостью и ненавистью размазать об этот самый спасительный кирпич! Или на волю, раз обещал?

Костя с удовольствием хлопнул себя по перегревшемуся загривку, растер его и обмяк в бессильной усмешке — под пальцами оказался хвостик оборванной петельки от вешалки. О-о! Лучше бы жук! Сколько крови попил.

И самому бы литра два-три-четыре холодной воды. Как дети без нее трети сутки? Ангелы-ангелы, если не можете собраться в войско и облачиться в доспехи, пошлите хотя бы дождик со своих владений. Завтра будет поздно...

А на подкоп надеяться нечего. И стальные прутья огады не разогнуть. Остается прыжок через верх. В ближайшем окне стекла выбиты — это плюс. Рамы узкие — минус, придется выносить плечом. В глубине класса на одном гвозде нервно болтается плакат. Какой класс?

Схему, нарисованную местными жителями, Костя держал в памяти, и пришлось вывернуть шею, чтобы прочитать схему: «Нормы оценки знаний, умений и навыков по русскому языку». Все правильно, класс русского языка и литературы. Выше контуженного плаката висели иконами портреты писателей, и здесь тоже не обошлось без потерь: Пушкин был убит выстрелом в голову, Толстого прошила автоматная очередь наискосок по груди, Гоголю оторвало плечо.

А он, наивный, выставял носок ботинка.

Но теперь ждать. Должны же договориться, должны же хоть куриные мозги остаться у этих нелюдей, чтобы не трогать детей.

Не остались.

Взрыв взметнул крышу спортзала, в ту же секунду Костя взлетел над оградой. Проломил плечом раму с торчавшими осколками стекла. Что-то пошло не так, как хотелось бы, его бросок не стал главным, и теперь ему приходилось нестись по коридорам, полным дыма и битого стекла, в стрельбу и крики.

Первой под ногами оказалась скрюченная фигурка девочки. Подхватив ее на руки и закрыв собой, Костя бросился к выходу, в котором среди детей мелькали инопланетянами-гулливерами бойцы их отряда. С крыши падали горящие доски, от одной Костя едва увернулся, став в пролет двери

на кухню. То ли показалось, то ли это было на самом деле, но из-под приподнявшейся крышки поварского котла на него глянули детские глаза. Это могло почудиться, скорее всего, так и было, но на котел упали головешки, придавив крышку.

Девочка на руках застонала, и, больше не раздумывая, Костя побежал сквозь огонь дальше.

— Мам, больно! — вскрикнул Глебка, когда она надавила пальцами, закрывая ему глаза. Вырвался, сел смотреть телевизор на полу.

В кино тоже показывали горящую школу, из которой солдаты выносили раздетых, окровавленных детей. К ним бежали кричащие люди, вокруг шла стрельба, и Глебке стало страшновато: там все казалось взаправду. На всякий случай вытащил из игрушек все танки и бронетранспортеры, выставил полукругом перед телевизором — поддержать своих. Оглянулся на маму: я правильно сделал?

— Он там, наш папка там, — показывала та на экран, и Глеб с надеждой посмотрел на свою армию, готовую спасти любого, а уж папку — в первую очередь. Может, рубашку с дедушкиными наградами для боя надеть успеет?

Из кухни прибежала со свечками бабушка. За ней, взвизгивая от каких-то своих детских восторгов, прискакала с ложкой Маришка. Увидела соску на стене, припала к ней. Но стоять, уткнувшись в стену, показалось неинтересным, и она, заложив для разворота вираж, побежала обратно к оставленной еде.

— Он там, там. Он обязательно будет там, — обессилено шептала мама, не отрываясь от экрана.

Бабушка виновато закивала, поставила около телевизора стакан с пшеном, воткнула в него свечу, подожгла. Огонек заслонил половину экрана, смешался с пламенем внутри школы. Глебка хотел бежать за своей пожарной машинкой, которой он запросто тушит Кошкин дом, но в этот момент увидел в кино папу, который нес на руках худую девочку.

— Папа! — закричал радостно Глебка. Его папа в телевизоре! — Маришка, быстрее — тут папа!

Мама тоже увидела его, бросилась к экрану. Пламя на свече от порыва воздуха пригнулось, сил обратно распрямиться ему не хватило, и оно свернулось в яркую точку на фитильке. Изображение размыла бело-синяя струйка дыма.

И хотя они вдвоем принялись разгонять завесу, лицо папы оказалось закопчено. Он поминутно оглядывался, словно оставил кого-то в пожаре, и едва у него перехватили девочку, посмотрел из телевизора на Глебку и ринулся обратно в клубящееся месиво из черно-белого дыма и красного огня. Он не гас, как у свечи, а едва отец скрылся в школе, сверху рухнула балка, подняв от восторга миллион огненных брызг.

Мама, только что державшая Глеба, вдруг обмякла и рухнула на пол, разметав боевой танковый порядок.

— Бабушка! — закричал Глебка, теперь уже сам закрывая глаза от страха.

Рухнувшая балка зацепила, сбила Костю с ног, заставив упасть грудью на битое стекло. В спортзале продолжались крики, но он, подхватившись,

нырнул в столовую, к котлам. Обжигаясь, принялся сбрасывать с крышки горящие доски, и в этот момент раздалась, наконец, так долго ожидаемая очередь. В спину.

Бронежилет уподобился наковальне, по которой ударило сразу несколько молотов, левая рука словно оторвалась, хотя Костя видел ее при себе. Стены закачались, и чтобы не потерять сознание до того, как удастся приподнять крышку, Костя застонал в голос. Для одной руки стальной поварской кругляш оказался слишком тяжелым, но он поддел его плечом. Поднял, как Геракл, на ней отражением зеркально горящую крышу, само небо с его ангелами. Как он просил у них дождя! А из темноты пышущей жаром преисподней, вместившейся в котле, на него смотрели угасающие, еле открывшиеся глаза пацаненка. Едва различая его в пелене несознания, Костя прошептал:

— Вылезай.

Мальчик не пошевелился. У него не осталось сил даже шевелиться, он уже сдался жару, огню и стрельбе. Он устал бороться за жизнь, потому что если маленькому выпадают такие страдания, что может ждать впереди? Глаза закрываются легче, чем открываются. Хорошо, что не в темноте...

Косте пришлось стать еще одним Гераклом, чтобы отбросить крышку. Она уперлась в горящую балку, но держалась самостоятельно, и Костя потянулся за мальчиком.

Пальцам оказалось не за что ухватиться на голых плечах, и тогда он сам перевалился внутрь котла. Раненая рука не захотела остаться за бортом, потянулась за хозяином следом, при этом заполняя болью все малое пространство в жарком котле. Места в нем и для одного пацана было мало, и Костя вытолкал оставшимся в живых плечом Геракла мальчика наружу.

На себя сил осталось еле-еле. Тянула вниз стотонная оторванная рука, но даже ее удалось подтянуть к груди. Оставалось набрать воздуха для последнего рывка, но в этот момент сверху рухнула еще одна балка. Она легко, словно при игре в городки, сбила крышку, та всей своей мощью опустилась на приподнявшуюся спину спецназовца, замуровав на земле и Костю, и его душу, так и не ставших небожителями.

...К вечеру над школой пошел дождь. Не ситничком, не в крапинку — обрушился сплошным потоком, заливая не то что огонь, а даже искры, тараканами попрятавшиеся в расщелинах головешек. А заодно смывая и последние земные следы погибших ребяташек.

Милиционеры, кутаясь в плащ-накидки, старались до темноты опоясать бело-красной строительной лентой место трагедии — утром искать саперам и следователям неразорвавшиеся боеприпасы и улики. Любопытных не было, вокруг школы бродили лишь черные седые тени, оставшиеся от обезумевших людей. Но даже среди этих раскачивающихся в такт своему горю теней выделялась фигурка мальчика, осторожно приближающегося к школе. Идущий следом отец раз за разом останавливал сына за плечи, но мальчика это только убеждало в наличии надежной защиты, и он делал новые шаги к зловещему распластавшемуся чудовищу с пустыми глазницами.

— Не надо, Азаматик. Пойдем домой, родной, — просил отец.

Врачи говорили, психологи предупреждали, сам понимал, что нельзя мальчику даже косвенными признаками напоминать о потрясении, после

которого он перестал говорить. Завтра его отправят в клинику в Москву, но сегодня весь вечер Азамат вырывался на улицу, тянул в сторону школы.

— Стойте, стойте. Туда нельзя, — остановил их промокший постовой, вышедший из-под дерева. На дереве, продолжая напоминать о бывшем празднике-трагедии, болтался сдувшийся красный шарик.

— Сын там был. Тянет весь вечер что-то показать, — развел руками перед охранником отец: понимаю, что нельзя.

Но ради сына он теперь готов сделать все.

Охранник, оглядев мальчика и представив, сколько на его судьбу выпало жизней, вздохнул, погладил его по голове. Посмотрел по сторонам, убеждаясь в отсутствии начальства, первым шагнул в пахнущую мокрой золой и тротилом школу:

— Только со мной. И осторожнее. Куда он хочет?

Мальчик, со страхом оглядывая плачущие черными подтеками стены, показал сначала на столовую, а там — на огромный котел с некогда красной, а теперь почерневшей от огня и дыма надписью на круглом лбу: «1-е блюдо».

— Ты там прятался? Внутри? — понял отец.

Мальчик закивал головой, но пальчиком продолжал тыкать на крышку, заваленную бревнами. Отец с милиционером отбросили их, с усилием приподняли крышку и тут же торопливо отбросили ее в сторону: внутри котла лежал окровавленный спецназовец, и с первого взгляда было не понять, живой он или мертвый...

...Маленький старый врач, почему-то работающий на «Скорой помощи», а не воспитателем в детском саду, сидел у постели больной до тех пор, пока та не забылась пусть и в тревожном, но сне. Кивнул замершей рядом женщине, сутки назад вызывавшей их бригаду для себя и прикованного наручниками к батарее внуку: пусть поспит. Осторожно собрал свой «тревожный чемоданчик».

Огляделся вокруг, словно не досчитав присутствующих, поинтересовался шепотом:

— А где ваш аника-воин?

Ему кивнули на детскую комнату.

Глебка, чтобы быть выше, стоял на порожке балкона, в одной руке сжимая санитарную машинку, а второй протягивая в сторону далекой звезды шоколадную конфету:

— Это тебе, папа. Возьми. Я ее только немного надкусил. Только хвостик. Но она ведь все равно долетит до тебя, да? Возьми. И хотя меня спас чужой дядя, ты все равно вернись обратно.

ПОЭЗИЯ

Юрий ПЕРМИНОВ

«СВЕТ ВСЕ РАВНО ИЗ ТЬМЫ ПРОИЗРАСТЕТ»...

Юрий Петрович Перминов — родился в 1961 г. в Омске. Окончил филфак ОмГПИ им. А. М. Горького. Член СП России. Автор многих книг и журнальных публикаций («Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Подъем», «Родная Ладога» и др.), лауреат нескольких Всероссийских литературных премий (им. Р. Гамзатова, В. Шшкова и др.). Главный редактор историко-культурологического литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Редактор и составитель двухтомной Антологии сибирской поэзии «Слово о Матери». **Живет в Омске.**

* * *

Очевидно — вполне вероятно! —
на поселок

окраинный

наш —

с утра — как школяр, аккуратно —
наточу свой простой карандаш.

Основательно снежные сети
на деревья наброшены,

крут

колотун преждевременный; дети
могут дома сидеть, но идут
в нашу старую школу...

Будильник

сердца — вызвонил грустный вопрос
(неожиданный, как подзатыльник
от жены): навсегда ли мороз?

Выйду жителям нашим навстречу,
через дерево — снега скирда...

Про мороз ничего не отвечу,
про поселок скажу: навсегда.

* * *

...И здесь никто не помнит зла
и верят в то, что власть — от Бога.
Но что в село, что из села —
вконец «убитая» дорога.

К селу бюджет районный крут:
необходим — иначе крышка! —
ремонт дороги, а дадут

ли денег? — Нет в кубышке лишка...
Но каждый — свой ответ припас...

Сказал отец Алексей: «Днями —
дадут. Но можно и сейчас
ходить Господними путями».

* * *

Про то, что нет пути другого,
наш долгожитель — дед Матвей —
поет настойчиво и строго,
сверкает взгляд из-под бровей!
Играет с чувством он (сноровка
осталась), радуя народ.

В том, что в коммуне остановка,
что паровоз летит вперед,
нам, поселковым, нет изъяна,
хотя и дбжил слух доднесь,
что, кроме старого баяна,
у старика винтовка есть.

* * *

Замолчали — свар дворовых пушки,
управдом с людьми уже не груб...
Стало быть, вернулся из психушки —
навсегда ли? —

местный правдоруб:
как никто, в своих ответах точен,
хоть кому задаст любой вопрос!
...Псих не псих, но аленький цветочек —
врать не станем — дочери привез.
Не шумел, но жил не втихомолку,
утверждал, что вовсе не debil
сын Петровых, двоечник,

и елку
ребятне на радость посадил.
Мы его всем домом за отвагу
ценим, за сердечное тепло.
Малость переклинило беднягу,
а такое — с каждым быть могло.
...Льдинки злости в наших душах тают,
перестук по батареям стих...
Псих не псих, но люди утверждают,
что побольше надо им таких.
Снег пошел — поселку быть в обновке...
Возвращаясь в наши «терема»,
сходим на конечной остановке
каждый день,
но только — не с ума.

* * *

Автомобильным шумом с улиц
несло? — Но это было днем...
Шумел камыш, деревья гнулись,
и где-то шло кино, а в нем
во всех ковбой палил из кольта? —
В таком-то доме (например,
вон в том), на улице такой-то
не мог заснуть пенсионер.

Звучала мысль —
одна лишь —
остро:
с годами — все короче дни,
и каждый новый — точно остров,
не обитаемый людьми.

* * *

По зимним улицам бродил,
считал — с устатку — звезды,
замерз, как нильский крокодил
в реке Иртыш замерз бы.
Бродил, как блогер по Сети!
А есть ли нынче средства,

чтоб и зимой до десяти
утра суметь согреться?
Вошел в безградусный, как морс,
подъезд,
надеясь: мало
тех мест, где, если ты замерз,
теплей кому-то стало.

* * *

В беспрестанном труде, не считая ворон,
день провел, а душа, как щенок, ликовала:
может быть, потому, что — семье не в урон —
бесприютного пса накормил до отвала.
Верю в то, что бессмертны — земля, небеса,
но и мнится (чем встретим-то Божию кару?):
впишет в Красную книгу бродячего пса —
в судный день — человек. И себя с ним — на пару.
Накормить — накормил, приютить — не сумел...
Кто там воет — в ближайшем к поселку овраге?
Может быть, и спасемся: вчера на похмель
отстегнул участковый чужому бродяге.

* * *

В нашем клубе аншлаг не всегда,
но бывает — особенно, аще
хор поет — ветеранов труда —
из старушек одних состоящий.
Как народ аплодирует! — Он
от попсовых устал «погремушек».
Говорят, сам Иосиф Кобзон
прослезился, услышав старушек.
Нет в газетах о них ни строки.
Слава Богу, бабуси — не «теле-
звезды»...

Помнится, и старики
в этом хоре заслуженно пели.
Добрый словом помянем родных
песнопевцев и души согреем! —
Вот уж год, как последний из их
поселковым отпет иереем...
Хор поет: «Нам года — не беда...»
...И подходит, как сдобное тесто,
с Божьей помощью время, когда
в этом хоре найдется мне место.

* * *

Идут минуты новых суток,
соседи, как младенцы, спят.
А ночь темна, как миска супа
из замороженных опят.
Шуршит в конфорке пламень синий,
сердечный теплится уют...
Идут минуты... Вместе с ними
и все, кто даже спит,
идут.

Спит, оплатив квитанций тонну,
мой дом...

В седьмой — подушку мнет
и плачет старшая по дому —
к ней муж законный не идет.
Она сурова, словно стужа,
она в подъезде гасит свет,
а мы сочувствуем — ни мужа,
ни мужика у старшей нет.

СТАРИК

Никому на нервах не пиликая,
то бишь, — громких слов не говоря,
выпил за столетие Великого —
как считали раньше — Октября.
Тяжесть лет на сердце давит — ноская,
как дерюга. Все — наперечет
помнит: кровь — по матушке —
поповская,
по отцу — кулацкая — течет.

Потускнели очи, как медали на
пиджаке...

Заплакал бы, да сил
нет таких...

Повторно выпил.

«Сталина
нет на вас!» — кому-то погрозил.

* * *

Голый тополь мерзнет в гордой позе
Аполлона, свет парит дневной —
тусклый, точно шапка на морозе —
из ондатры, крысы водяной.

Что ж в мороз мне дома не сидится?
Сдобный снег всамделишной красоты
по кустам сугробится,

девица

проплывает — в шубе из лисы.
Будет и морозней, а покуда
местным жизнь в поселке — не отлуп:
греет всех,

как дворника Махмуда
офицерский дедушкин тулуп.
Мир вам, одиноким и семейным!
Ни к чему нам громких улиц прыть...
А тепло... Так мы его сумеем
надышать всегда — наговорить.

* * *

Немалым слыл, незыблемым запас
тепла... Увы, дожди залютовали.
На Тридевятой улице — у нас —
темно, как в неустроенном подвале.
Страхнув с души сомнений праздных тлю,
впрягусь в гармонию — сыграю все, что помню.
Поселок свой — настойчиво люблю,
от темноты — никто еще не помер.
Спою, увидев блеклую зарю,
про белый свет (слова от мамы знаю)...
...За громкий храп соседа не журю,
соседку песней громкой не терзаю.
Былых тревог в ночи остался гнет.
Тепло дадут — молва сквозит по дому...
Свет все равно из тьмы произрастет —
у нас и не бывает по-другому.

ПОЭЗИЯ

Вера БУРДИНА

«МЫ ВСЕ — БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК!»

Вера Ивановна Бурдина — родилась в станице Арчединской Волгоградской области. В 1993 г. окончила Академию Государственной службы. Лауреат Всероссийской премии «Ладога» им. А. А. Прокофьева. Автор пяти сборников стихотворений. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Детская песочница,
Формочки, совочки.
Первый опыт зодчества
Зáмков на песочке.

Зависти немножко
Тоже есть в наличии —
Топнуть пухлой ножкой,
Развалить куличики,

Отобрать ведерко,
Разломать игрушку,
За косичку дернуть,
Можно и за úшко.

Детство скоро кончится,
Ну, а мы — такие!
Вышли из песочницы
И вошли в другие.

Те же нравы-норовы
На песочке торга —
Разбиваем головы
В тяжбах за «ведерко».

Всякие негодники,
Если ты не ловок,
Топчут твои «домики»
Для своих «Рублевок».

На песке парламента
Тоже ведь не сладко:
«Формочки» регламента
И одна «лопатка».

Где-нибудь в Аравии
Или в украинах
По «песочным» правилам
Пляшут на руинах.

Ах, Земля, (не хочется
думать так о ней) —
Детская песочница
Брошенных детей.

* * *

Шарообразна Земля без излишков,
Шероховата слегка в Гималаях...

Как говорится, ни дна, ни покрышки —
Каждый живущий находится с краю.

Рвались романтики за горизонты,
Не признавали научных резонов,
Вот и стареют теперь беспризорно —
Нет горизонтов.

Прежних влечений разорваны цепи —
Горе мечтателям неумным!
Бродит по Свету глобальный оценщик,
Нет ему дела до окоемов.

Плачет в мобильнике одиночество,
Пахнут могильники креозолом.
Сети на Землю накинута ловчие
Вместо разорванных горизонтов.

С краю небес, на краю общей участи
Сбились плотнее в местах обитания
Для достижения, видимо, «кучности»
Артподготовки и бомбометания.

Пестро наш мир теперь разрисован,
Густо присыпан валютным укропом.
Время разорванных горизонтов
Бредит «страшилками» о катастрофах.

Ужасы мы потребляем покорно,
Не разделяя на «веришь — не веришь».
Только на всех не хватает попкорна,
Пепси и зрелищ.

Не доживем, говорят, и до полночи
Нового века — такие цветочки:
Если с планеты сорваны обручи —
Пороховые рассыпятся бочки.

Чем же займутся тогда гарнизоны
На рубежах, им для подвига вверенных?
Будут вязать из плутония веники?
Обозревать пепелищ горизонты
За горизонтом прошедшего времени?

* * *

Бывали вы, не так ли?
И побывала я
На кукольном спектакле —
Эрзаце бытия.

В эпоху, когда Google
Ну в каждый угол влез,
Все больше стало кукол
Над ширмою ЕС.

Репертуар обширный:
Смотри, разинув рот,
Что разыграл над ширмой
За ширмой кукуловод.

Забавно пляшет фрау,
А вместе с ней мусью.
Они заставят, право,
Плясать и всю семью.

Вот рядышком резвится
«Гопак» и «краковяк»,
Готовые сразиться
С любим, но не за так.

Как прежде, неизменны,
Лицом не вдарят в грязь

Танцуют джентльмены,
Немного отстранясь.

Никто себя не прячет,
И много здесь, ей-ей,
До кипятка «горячих»
(Вы поняли?) парней.

И все они, немедля, —
Который уже год
Готовы на медведя
Маршировать в поход.

Потом их спрячет в ящик
Заезжий кукуловод —
Медведь ведь настоящий,
Не кукольных пород.

* * *

Всё переменчиво на свете,
И лишь война не устарела.
Какую сторону отметить
Предупреждением артобстрела?

Куда на Невском надо деться,
Чтоб безопаснее пугаться
Разрывов «Града» у Донецка
И «Ураганов» под Луганском?

Европам память отморозило?
Забыли, как неодолимо
Из Петербурга Малороссия
Врастала в море клином Крыма?

История всегда богата
На повторенья... Неужели
Кому-то легче, что Блокада
Сомкнулась несколько южнее?

Еще не все свершились тризны —
Могил так много неизвестных...
Где проложить «Дорогу жизни»,
Когда опять разверзлись бездны?

Когда не за морем, а рядом,
Пылая, ширятся руины.
Вот-вот и станет «Бабьим Яром»
Земля и вера Украины.

Где ложь превыше Божьих истин,
Где пересчитаны на центы
И каждый стон, и каждый выстрел,
И всё, что видится в прицеле.

Но скоро в чад майданных оргий
Возмездием, без жажды мести,
Он явится — святой Георгий,
Заступник истины и чести!

* * *

Куда слепых ведет дорога?
О чем в ночи кричит безумец?
Как можно сокола-рарога
Принять всего лишь за трезубец?

Подменной хвастаться спесиво
И поднимать на братьев рьяно
Поруганный славянский символ
Святого острова Руяна.

Разъяты ветви, взрыты корни
И Память тащат к наковальне —
Перековать набаты скорби
На погремущки ликованья.

Не чуя ног, не чуя бездны,
Скакать над прахом древней Правды
И посягать, совсем как бесы,
На святости Печерской Лавры?!

* * *

О своем поколении
Размышляю не строго...
Родилось не ко времени
И уходит до срока.

Так бросаются с пирса
И стреляются камерно...
Кто-то намертво спился,
Кто-то жив еще... замертво.

Это, в общем-то, просто,
Без кассаций и прений:
Тридцать лет в «девяностых» —
Возраст явно расстрельный.

Выраставшие в косности,
Но без спайсов и спама,
«Покорители космоса»,
И «ударники БАМа»

«Через тернии — к звездам!»,
А мечтали о джинсах.

Повзрослевшие поздно,
Мы спешили нажиться.

И клеймили Иосифа,
И свободами грезили —
Нагайдарились досыта.
Начубайсились весело.

Как-то так, не рожая,
Наплодили политиков.
Разобрали Державу,
Растащили по винтикам.

Презирая патетику,
Размышляли, разини,
Как построить Америку
На просторах России.

И не надо полемики,
Покаянного пепла —
Не одно поколение,
Как и наше, ослепло.

* * *

Россию губившие, грабившие,
Растратив бандитский пыл,
Места раскупают на кладбище
Вблизи известных могил.

До фени им, «новым», религии,
Тем более, совесть до фени.
Они обеспечат с великими
Соседство посредством денег.

Посредством гранита, мрамора,
Мозаики и литья
Желают с великими равного
Посмертного бытия.

Они вне страны, вне нации —
Убийцы, рвачи и хамы.

Кровавые ассигнации
Легко отдают на храмы.

В расчете вечной прописки,
В расчете престижных мест
Бандитские обелиски
Теснят православный крест.

О, бедная Родина наша!
Замри, мое сердце, замри!
Свершается распродажа
Святой российской земли.

Похороните во поле,
В глуши неизвестных мест,
Чтоб не дошли, не дотопали,
Не повалили крест.

* * *

В архивы еще не сдали,
Задвинули в темный угол
«Тревожную книгу» Даля
Гибнущих слов и звуков.

По ним не скорбит «эколог»,
А прочим куда привычней
Штамповано-пестрый ворох
Подложных иноязычных.

На теплой планете Речи
Озоновый слой все тоньше.
Пустоты зияют резче,
Где прежде звенели рощи.

Куда улетають стаи?
И где он, «медвежий угол»?

«Тревожную книгу» Даля
Заменит, наверно, Google.

По ветру летит полова...
Беспамятство — тренд эпохи.

.....
В начале Творенья — Слово,
Чем станет оно в Итоге?

* * *

Услышать можно там и тут,
Когда идет «большая ломка», —
Лишь предки нас не предадут,
Чего не скажешь о потомках.

Потомки скажут: — Ну и ну!
На нас валить легко и просто,
А кто разваливал страну,
Вдруг обезумев в девяностых?

«Отцы и дети» и в бреду
Представить не могли когда-то,
Куда их внуки забредут,
А пра-пра-правнуки подавно.

Нам только кажется — бредем.
Нет — от корней густеют кроны,
Не прерывая связь времен,
По вере нашей и по крови!

* * *

В день радости и скорби
Исполнить высший долг
Ведет Святой Георгий
Бессмертной славы полк.

Над ним летит победно,
Волнуясь и светясь,
Георгиевская лента —
Времен и судеб связь.

Струится родниково
Свет вечного огня
От поля Куликова
До нынешнего дня.

Нам сотни лет грозили,
Вели кровавый торг
К гибели России,
Но вечен русский полк!

Сметая бренды, тренды
Вражды, неправды, зла,
Георгиевская лента
Над миром расцвела.

Под ней, безмерный в силе,
В единстве всех эпох,
Бессмертный полк России!
Мы все — бессмертный полк!

*...мы опять одолеем Змея Горыныча,
найдем Кощееву смерть на конце иглы
и отломим ее ядовитый кончик.*

Александр ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмоскovie, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

Русские — народ-змееборец. В русскую историю на протяжении всех ее бесконечных веков вползает змей. Он шелестит своей черной чешуей, втекает в русское пространство и время. Охватывает кольцами города и стискивает их в своих смертельных тисках. Города сгорают от ядовитого огня. Он испепеляет людей, сжигает книги, ломает храмы и памятники. Этот змей выползает из глубин преисподней: там его родина, там его гнездо, из которого он черпает силы и куда откладывает черные яйца. И Русь погибает. У нее больше нет силы жить, нет войска, нет самого государства.

Но вот поднимается из пожаров и пепелищ, из народных стенаний бесстрашный витязь. Колет змея копьем, топчет конским копытом. Рассекает на куски его железное тулово и истекающие черной кровью ломти сбрасывает назад в преисподнюю, толкая их туда острием серебряного копья.

Змееборец прекрасен ликом, важен душой, бесстрашен сердцем. В разные времена он появляется в разном облики, под разными именами. То зовут его Дмитрий Донской, и он давит змея на Куликовом поле. То имя его Александр Невский, и он, проломив лед, топчет змея в Чудском озере. А вот витязей двое: Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский ведут рать на Москву, изгоняют змея из Кремля, освобождают плененную восхитительную царевну, имя которой — Россия.

Змееборец — это неведающий смерти великий адмирал Макаров, стоящий на палубе своего броненосца. Змееборец Георгий Жуков, и

вместе с ним — тридцать витязей прекрасных, которые чредой выходят из ясных вод русской истории — победоносные сталинские маршалы Великой войны. Два змееборца — победоносные генералы Шаманов и Трошев — отгоняют змея от русского порога. Змей, разрубленный на куски, истекает своей чернильной кровью, извивается и, как огромный червь, утекает под землю.

Русский народ — змееборец. В этом его доля, для этого он создан Богом, поставлен на страже у Царских врат. Он весь изжален, его доспех разбит. Он идет, качаясь, среди надгробных крестов. Но там, где он проходит, начинают цвести города, множится народ, в храмах звучит пасхальное пение.

И сегодня мы вновь слышим шипение змея. Его кольчатый хвост кипятит океан у корейского берега. Его стальная с рубиновыми глазками башка выползает из Европы, стран Прибалтики и стелется вдоль русских границ. Его тулово теснит бойцов Донбасса, рушит многострадальные кварталы Донецка и Луганска. Он приполз «из города Киева, из логова змиева», этот чешуйчатый гад. И наш удел — снова с ним биться, теряя героев, закрывая глаза любимым и близким. Но мы опять одолеем Змея Горыныча, найдем Кощееву смерть на конце иглы и отломим ее ядовитый кончик. Мы — народ-змееборец. И 9 Мая, когда «гремя огнем, сверкая блеском стали» пройдут по священной площади колонны ракет и танков, проплывет среди сияющих сабель алое знамя Победы, мы, познавшие горькую тяжесть нашествий, слезную непомерность потерь, ясную красоту священной Победы, мы воскликнем: «Какое счастье — быть русским!».

ВЕНЦЕНОСНЫЙ ПУТИН

О монархическом заявлении митрополита Илариона

Владыка Иларион сделал очень важное заявление, сказав, что монархия — это строй, который имеет преимущество перед всеми другими формами государственного правления. И заявление это было сделано не вскользь, не между прочим. Оно было сделано именно теперь, во всеуслышание.

Что стоит за этим заявлением, и почему оно сделано именно теперь? Церковь на протяжении второй половины двадцатого и в течение нынешнего двадцать первого века жила монархическим проектом. Церковь — это люлька, в которой младенец новой русской монархии выращивается. И нет ничего удивительного, что человек церкви, иерарх церкви грезит монархией, мечтает о возобновлении монархии. О монархическом проекте говорили в первые годы воцарения Бориса Ельцина, и мы помним, как Немцов взял на себя миссию прокламировать этот монархический проект. Перенесение останков последнего Романова из Екатеринбурга в Петропавловскую крепость было частью этого монархического начинания.

Однако сегодняшнее заявление Илариона имеет под собой по меньшей мере две подоплеки. Первая связана с тем, что Православная Церковь после 1991 года достигла такой силы, зрелости, оснащена таким количеством престолов, замечательных монастырей, храмов, в церкви появились свои сегодняшние подвижники, проповедники, она стала такой значительной,

заметной, все увеличивающейся силой, влияющей на все процессы сегодняшнего государства, даже на внешнюю политику, не говоря о внутренней, — что она в состоянии свою внутреннюю мечту, свой внутренний, находящийся в пределах монастырских и церковных оград монархический проект вынести за эти ограды и рассказать о нем сегодняшнему русскому народу, русскому обществу. Тем более, в Москве происходило поклонение мощам Николая Угодника, приехавшим из Италии и помещенным в Храм Христа Спасителя. И поклониться этим мощам в течение многих дней, под проливным дождем, в холоде тянулись сотни тысяч людей, которые съезжались в Москву отовсюду. Это огромное, небывалое даже для прежних поклонений паломничество говорит о том, что у Православной Церкви есть огромные возможности. Что все стоящие под зонтами в дождь вдоль набережной Москвы-реки люди — в каком-то смысле монархисты, они исповедуют церковную мечту о монархии.

Есть и вторая, как мне кажется, подоплека, связанная с актуальным периодом русской истории. А именно — с избранием Путина на его очередной президентский срок. Наш друг, Царствие ему Небесное, Владимир Карпец, большой специалист по династическим таинствам, утверждал, что воцарение на русском престоле нового монарха возможно в том случае, если в крови этого гипотетического монарха одновременно будет течь и кровь Рюриковичей, и кровь Романовых. Эта преемственность по крови обеспечит новому монарху не просто гражданскую легитимность, но и божественное оправдание. Совершенно очевидно, что такого человека сегодня в России нет, и в этом смысле династическая традиция прервана. Но еще Вячеслав Михайлович Клыков, замечательный скульптор, страстный, глубинный монархист, говорил, что в этом вопросе надо опираться на библейское речение «Изберите царя из народа своего». Поэтому избрание царя вне догматических и династических норм, в сущности, возможно. И монархический проект Православной Церкви, по-видимому, будет ориентирован на такое избрание нового царя.

Но каков этот избранник, кто мог бы стать провозвестником новой русской династии? Он не может быть случайным человеком. Он не может быть просто представителем какого-нибудь знатного рода, или именитой фамилии, или сегодняшней элиты, или кем-нибудь, на кого укажет перст патриарха. Это должен быть особый человек, на нем должен лежать некий знак, некое таинство. И таким человеком является Владимир Путин. В одном из своих посланий Федеральному собранию он сказал, что с возвращением в Россию Крыма в Россию вернулся сакральный центр российской государственности, российской власти. Он имел в виду Херсонес, где произошло крещение Руси. И этот волшебный чудодейственный мистический акт, когда через князя Владимира свет Православия хлынул на все огромные пространства: сначала от Карпат до Урала, а потом и дальше за Урал к Тихому океану, — этот мистический акт перенес в российскую государственность Христову святость. А Крым, возвращенный в Россию Путиным, перенес эту святость в самый центр путинской власти, путинской государственности. Потому что этим своим деянием — в каком-то неопределенном и недогматическом смысле — Путин перенес в своих руках лампаду таинственного мистического света в Россию, в Кремль, в свой кабинет, в свои чертоги. Он был для этого избран. Он подтвердил это избрание. И он в очень условном

виде стал помазанником. Его помазал не патриарх, его помазание совершилось не в Успенском соборе, его венчание на царство свершилось не при стечении иерархов. Оно свершилось тайным мистическим образом, когда крымская херсонесская лампада в его руках вернулась в Россию. И он встал с этой лампадой, озарившей его таинственным светом. Поэтому в кругах, близких к патриархии, в кругах, мечтающих о монархии, сознающих всю сложность восстановления монархии в России, все чаще называется имя нынешнего президента Владимира Владимировича Путина как возможного первого русского монарха из династии Путиных.

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

...там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное.

Русский народ — мечтатель. Вся история русского народа — это история его мечты. История русских тяжела, непосильна, порой ужасна, но и прекрасна, потому что это — история мечты. В ней среди непочатых трудов и тяжелых нашествий, непосильного гнета, среди бездорожья, сиротливых деревень, закопченных заводов, среди полосатых шламбаумов и запретных зон сияет мечта — мечта о грядущем царстве, где нет насилия, нет болезней и печалей. Где люди живут, как цветы цветут. Где человек человеку брат, но не только человеку, но и зверю лесному, и птице небесной, и цветку, и звезде. Где все соткано из любви и блаженства, где нет смерти.

Русская мечта — вселенская. Чтобы ее обрести, русский человек шел за горизонт, создал невиданное государство из двенадцати часовых поясов. За этой мечтой он шел туда, где, казалось, нет жизни, — в сверкание полярных льдов, в горячий огонь пустынь. Соединил хлад и жар, восток и запад, великие реки с великими океанами. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Эта граница отмечена не пограничными столбами, а иконами. И среди них самая великая и цветущая — икона чудотворной Победы. Среди всех неурядиц сегодняшнего дня, среди распрей, бурлящей злобы, бессмысленных пререканий сияет впереди бриллиантовая звезда русской мечты, звезда пленительного русского счастья.

Я только что побывал в Орле. Город драгоценный для русского сердца. Из каждого проселка, из каждой дубравы, с каждого монастырского креста, от каждого восхитительного лица веет красотой, добротой, волшебным взором в будущее.

Губернатор Орла Вадим Потомский открыл в поселке Вятский Посад грандиозный православный комплекс. Дивный храм Сретения Господня, православная гимназия, школа ремесел, спортивная площадка, детский городок. Благодать для детей. Храм освящал старец Илий, духовник патриарха.

На освящение собора съехались все сословия: местное воинство, офицеры орловского гарнизона, духовенство ближних и дальних приходов, купечество, эти успешные предприниматели, многие из тех, кто в девяностые носил толстенные золотые цепи, а потом перековал их на золотые церковные купола. Властные городские мужи, профессора, краеведы и множество орловского люда, мужчин и женщин, которые в своих разноцветных платочках напоминали цветы, возросшие вокруг храма.

На освящение храма прилетели на вертолетах сильные мира сего. Здесь были глава могущественной госкорпорации Ростех Сергей Чемезов, газовый император, председатель правления Газпрома Алексей Миллер, министр здравоохранения Вероника Скворцова, заместитель полпреда в ЦФО Николай Овсиенко, депутат Государственной думы Николай Ковалев и сам губернатор Потомский — один из самых ярких и неординарных губернаторов современной России, окруженный наветами либералов за то, что поставил в центре Орла памятник великому русскому царю Ивану Васильевичу Грозному.

Здесь, в храме, забылись все распри, все сословные неравенства, все мучительные перекосы сегодняшнего российского общества. Но это здесь, в храме. А за его пределами — в Москве, Петербурге, других городах — воют автозаки, толпы молодежи выкатываются волна за волной на Тверскую, на Дворцовую площадь. Протесты, ненависть, взмахи дубинок. Люди протестуют, ненавидят коррупцию, хотят свободы, достоинства и расшатывают кремлевские стены. Башни шатаются, государству грозит падение. Но это там, за стенами храма. А здесь — мерцание свечей, тихое пение, и пусть иллюзорный, пусть на время служения, гражданский мир. Здесь молились и верили.

Среди именитых, облеченных властью персон, среди длиннобородых священников, среди летчиков и офицеров, иные из которых уже полетали в сирийском небе, я увидел дорогое лицо моего друга Александра Залдостанова, Хирурга, предводителя неистовых байкеров, вожака «Ночных волков». Он был в своем обычном доспехе, увешанном металлическими бляхами и цепями, и казалось, будто он только что слез с мотоцикла. Едва завершится служба, он снова прыгнет в седло и умчится. Быть может, в Польшу, в Германию, неся благую весть о великой Победе. Или в Севастополь, где в грохоте мегафонов, в сверкании лазеров учинит свое очередное великолепное байк-шоу, напоминающее магическое действие. Этим действием он выкликает желанное русское будущее. Хирург — человек моторов, человек скоростей, человек яростного горения. Горит и сверкает сам и зажигает все вокруг себя — то, что уснуло, дремало, впало в печаль и уныние. Хирург — человек русской мечты. Очередное байк-шоу, которое он затекает провести в августе в Севастополе, называется «Русский реактор». Это не спорт, не цирк, не парад каскадеров, хотя все это есть в магическом действии. В нем присутствуют живые паровозы, летающие самолеты, грохочущие танки, бесчисленное количество мотоциклистов, которые улетают в небо, как космонавты, не приземляясь, носятся по орбите, маня за собою в небеса сотни тысяч зрителей, явившихся на шоу мечтателей.

Да, в России худые дороги. Но они превратятся в автострасы. Да, в России мало мостов. Но мост, который тянется в Крым через Керченский пролив, ведет не просто в Крым — он ведет в русское будущее, ведет в Царствие Небесное, в пространство русской мечты. Да, у нас дурные чиновники, вороватые управленцы. Русская мечта пройдет по ним с метлой. В 1991-м у нас хотели отнять мечту. Мы жили с отсеченными крыльями, с выколотыми глазами, с топором в спине. Сегодня у нас открылись очи, выросли крылья; со стоном, поводя могучими плечами, мы выдавливаем топор из спины.

Россия — на сносях. Рождается русское будущее — дивный младенец, о котором пелось и рассказывалось в русских волшебных сказках, о ко-

тором мечтал старец Филофей, создавая свою теорию «Москва — Третий Рим». Об этом чудесном рождении грезил Толстой, Достоевский, Шолохов, его предрекали русские космисты и пронесли сквозь кровавую бойню русские большевики, протащили на своих окровавленных спинах солдаты и генералы Великой войны. Это мечта, которая полыхнула на куполе Рейхстага алым знаменем, а потом унеслась в космос, облаченная в плоть великого русского праведника Юрия Гагарина. Пусть партия власти станет партией русской мечты. Пусть президент России станет Президентом русской мечты.

Американская мечта — это град на холме. Это крепость, вознесенная на вершину горы, откуда под обстрелом держит все другие города и селения, лежащие в долинах. Это град превосходства и гордыни, град непомерного владычества.

Русская мечта — это храм на холме. Мы ставим свой храм на вершину горы, чтобы быть ближе к небесам, ближе к Богу. Наша мечта — о счастье и праведности всех русских, всех татар и якутов, всего драгоценного Кавказа, о счастье всего измученного человечества. Русская мечта близко, рядом, она среди нас. Так думал я, глядя в синие глаза стоящей рядом со мной прекрасной женщины. Так думал я, глядя на летчика, чье лицо еще сохранило загар сирийского солнца. Так думал я, глядя на старца Илию, маленького, хрупкого, но в котором пылало огромное негасимое солнце русской мечты и веры. Так думал я, глядя на Хирурга, осенявшего себя крестным знамением, и лицо его было мечтательным и одухотворенным, летящим в безоблачную русскую высь. Русская мечта — это скорость света.

Точка ЗРЕНИЯ

Николай СТАРИКОВ

«ДЕМОН РЕВОЛЮЦИИ» И РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Один из лидеров движения «Антимайдан». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 14 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В последнее время удивительно, но, рассказывая о политике, приходится писать рецензии... на сериалы. Искусство плотно вошло в политическую жизнь, чему, впрочем, удивляться не приходится.

Столетие революции в кинематографической среде было отмечено весьма скудно. На экраны кинотеатров вышел лишь один фильм, да и то назвать его историческим не поворачивается язык. К истории он имеет такое же отношение, как порнофильм к реальной жизни. Это та самая «Матильда», смотреть которую не рекомендую никому, хотя бы из чувства уважения к руководителям нашего государства. Ведь следом за ударом по чувствам монархистов готовится удар и по тем, кто уважает память и дело И. В. Сталина. В Великой Британии на экраны вышла комедия (!) «Смерть Сталина». Мы можем только надеяться на здравый смысл тех, кто выдает разрешения на прокат: зачем нашему обществу еще один «киношный скандал» в период выборов президента?

Но сейчас речь не об этих, с позволения сказать, фильмах. Речь о сериалах. Столетие революции и на телеэкранах представлено было весьма скромно. Всего два фильма, две премьеры: «Демон революции» и «Троцкий». Что касается фильма про товарища Бронштейна, то его я еще не посмотрел, а вот «Демона революции» уже осилил, в связи с чем не могу не поделиться впечатлениями.

Впечатлений действительно много. И они разные. Во-первых, хочу отметить прекрасные актерские работы. Прежде всего — Евгения Миронова и Федора Бондарчука. Последнему удалось сделать образ конченного подлеца и мерзавца Парвуса харизматичным и даже отчасти симпатичным. Что касается Ленина в исполнении Миронова, то он про-

сто великолепен. Актеру удалось показать совершенно нового Ильича, не плакатного, а вполне себе живого. При этом Миронову удалось избежать и негативного изображения Ленина. Он умный, циничный, прагматичный, при этом обладает принципами и знает, что он хочет в итоге. Ленин хочет изменить Россию и начать новый социальный строй, изменить все вокруг. Если для этого возможен краткосрочный союз с кем-то и это сотрудничество принесет пользу — то почему бы и нет!

Собственно говоря, игру актеров в сериале я бы в целом оценил очень высоко — либо очень хорошо, либо просто хорошо. Откровенно слабых ролей не увидел, хотя еще раз подчеркну, что в данном вопросе я дилетант.

А вот в вопросе исторических событий такой высокой оценки поставить не могу. Это уже вопрос к сценаристу. Временами казалось, что он не совсем понимает, о чем пишет.

Если передать сценарий фильма в двух словах, то это будет выглядеть так: в начале 1915 года Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд по кличке Парвус, революционер, имеющий связи с немцами, предлагает Берлину выход из Первой мировой войны. Он обращается к германским властям с предложением выделить ему 5 млн золотых марок, на которые он готов организовать в России революцию. Немцы соглашаются, и тогда Парвус обращается к Ленину с предложением взять эти деньги и с помощью большевиков организовать в России беспорядки, переставшие в переворот. Далее идет долгая борьба Ильича с искушением, попытки немцев и других темных личностей из революционной среды, минуя Парвуса, оперировать этими деньгами. Но в итоге получается нечто странное: Парвус отказывается от сотрудничества с большевиками и пытается сам сделать революцию, опираясь в основном на деньги и... на некоторых большевиков. Которые «вдруг» начинают помогать Парвусу куда больше, чем они помогают Ленину (Ганецкий, Красин).

В итоге революции в январе 1916 года не получается, немцы обижены на Парвуса. Проходит год, случается Февральский переворот, и тут Парвус вновь приходит к немцам, помогая Ленину и его товарищам проехать в пресловутом «пломбированном вагоне» через территорию Германии в Россию. Ленин соглашается, но потом Парвуса в новую Россию не зовет и вообще запрещает ему туда въезд.

Умирают оба «демона» революции в одном, 1924 году. Только Ленин в январе, а Парвус в декабре. Собственно, фильм и начинается радостью Парвуса от известия о смерти Ленина, хотя, посмотрев сериал, у вас сложится впечатление, что это Ленину было впору обижаться на Парвуса.

Получился фильм, в котором авторы попытались обвинить Ленина в том, что он взял «немецкие деньги». Хотя даже в сериале не было представлено ни одной сцены, которая бы напрямую это подтвердила. Но, как говорится, ложки найдут, а осадок останется. Четко и ясно автор сценария так и не разобрался, брал ли Ленин эти деньги или нет. И потому постарался «скользить по верхам». Создавая впечатление, что Ленин деньги брал. А это ложь и чушь.

Итак, что же забыл или не знал сценарист фильма:

1. Контакты Парвуса с немцами действительно были, и немцы действительно выделили ему 1 млн «на беспорядки» (революцию). Однако нет НИ ОДНОГО документа, что из этих денег хоть что-то получили большевики.

2. Говоря о попытках создать революцию в 1916 году на немецкие деньги, авторы фильма забывают о... двух других попытках разрушить Россию.

Это 1905 год и Февраль 1917. Никто и никогда не говорил, что в этом замешана Германия, и правильно, — к этим двум явлениям немцы совершенно непричастны. Однако, если в 1905 году стрёлки переводятся на Японию, которая ВДРУГ, не имея опыта, организовала смуту в России (и как бы никто ей не помогал?!), то с Февралем 17-го ситуация сложнее. Авторы фильма не могут сказать, что переворот сделали немцы (потому, как не делали они его!), других игроков, желавших обрушить Россию, сценаристы не знают. Поэтому поступают удивительно: рассказывают нам, что без денег революция невозможна, а потом Февраль происходит «сам собой».

3. Окружение Ленина в Швейцарии, показанное в фильме, состоит из нескольких персонажей. Это его жена Крупская, Инесса Арманд, Зиновьев, Радек и Ганецкий. При этом последний, показанный как видный большевик, по ходу сериала начинает полностью работать на Парвуса. А на самом деле, такие мутные личности как Ганецкий были представителями банкирского закулисья, кровно заинтересованного в развязывании Первой мировой войны и последующего уничтожения России и Германии. Показанный большевиком Ганецкий стал большевиком лишь для того, чтобы окружающие Ленина товарищи не задавали ненужных вопросов о том, кто такой этот человек. Сценарист сериала перевернул все с ног на голову. Это банкирское закулисье и Парвус предоставили для связи Ленину своего человека по фамилии Ганецкий, а не Ленин командировал своего человека к Парвусу.

4. Рассказывая о проезде Ленина через Германию в «пломбированном вагоне», сценаристы отбрасывают все факты, которые на 100 % гарантируют нам, что Ильич никогда не был немецким шпионом и денег от Германии не брал. Дело в том, что после февральского переворота в России Ленин, сидя в Швейцарии, стал искать возможность проехать на Родину. Путь было два: через страны Антанты или через Германию. Будь Ленин уже с 1915 года «в теме» с немцами, он бы немедленно поехал через территорию Германии. А правда такова: Берлин отказал революционерам! Отказал в разрешении проехать в Россию. Этот момент авторы фильма не показали и не упомянули. Потому что это нарушает всю их концепцию.

5. Историческая правда такова: получив отказ от немцев, Ленин получил отказ и от англичан. Он стал искать любые пути, и в этот момент к нему пришел вовсе не Парвус, а Фридрих Платтен. Именно он подсказал Ленину, как надо поступить. И Владимир Ильич (уже получивший отказ!) пришел в немецкое посольство в Швейцарии и отдал послу УСЛОВИЯ, а не просьбу, на которых он и его товарищи готовы приехать в Россию через Германию. Посол от такой наглости обалдел, отправил в Берлин вопрос и получил к своему огромному удивлению... согласие.

6. Авторы фильма решили «забыть» и о том, что в «пломбированном вагоне» ехали через Германию в Россию отнюдь не только Ленин и большевики. Таких поездов «пломбированных» было целых три — ленинский был лишь первым. Ехали в них представители ВСЕХ революционных течений: большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, анархисты. Но потом в «немецкие шпионы» постараются записать только Ленина и большевиков! Почему? Потому что они стали властью и победили, начали строить новую могучую страну.

7. Исторический факт: деньги на поездку в «пломбированном вагоне» Ленину из Скандинавии прислал Ганецкий. Именно он встречал группу Ленина в Швеции и обеспечивал их дальнейшее перемещение. Второй исто-

рический факт: в Стокгольме Ленин и все ехавшие с ним эмигранты пришли в российское посольство, где получили... деньги на покупку билетов до Петрограда. То есть Временное правительство само оплатило проезд тех, кто ехал его свергать! Почти одновременно с этим министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков решительно потребовал от Великобритании отпустить интернированного в Канаде Троцкого. Который точно так же, как и Ленин, ехал в Россию свергать Временное правительство.

8. Ирония судьбы заключается в том, что практически все окружение Ленина, показанное в сериале, плохо кончит. Инесса Арманд умрет от тифа в 1920 году в Советской России. Товарищи Ганецкий, Зиновьев и Радек будут в конце 30-х годов арестованы и расстреляны органами НКВД. Лишь одна Надежда Константиновна благополучно переживет это сложное время.

9. Даже в сериале Ленин ОТКАЗЫВАЕТСЯ сотрудничать с немцами и брать от них деньги. Причем это происходит якобы в 1915 году. Получается странная история. Немцы и Парвус пытаются устроить революцию в 1916 году, большевики в этом практически не участвуют, ничего не получается. Через год революция происходит якобы сама собой, при этом неучастие большевиков в Феврале 1917 года это исторический факт. Равно как и других революционных партий. Кто же оплатил Февраль, если это точно была не Германия? Немцы не ожидают переворота в России, у них ничего не готово. С Парвусом они уже «не дружат» (он, с их точки зрения, болтун). Никаких отношений с большевиками тоже нет — поэтому Берлин и дает отказ на просьбу Ленина о проезде. Первоначально. А потом, под влиянием «некой» силы, Берлин соглашается, и Ленин едет.

10. Что это была за сила? Которая осуществила Февральский переворот, а потом убедила Берлин через всяких мутных персонажей вроде Платтена и Парвуса, что немцы должны согласиться на проезд революционеров через Германию в Россию? Эту силу мы можем вычислить. Проезд Ленина в Россию не давал ровным счетом ничего без одной важной детали: гарантий бездействия со стороны Временного правительства. Оно не должно никак мешать своим могильщикам. Представьте себе: немцы согласились, дали Ленину деньги, и он приехал с товарищами в Россию. А на Финляндском вокзале поезд оцепили казаки и всех отправили в Кресты! В реальности же Ленина встретили с оркестром, и никто не собирался его ни тогда, ни позже арестовывать, несмотря на прямые призывы к свержению власти, которые Ильич сделал прямо на вокзале, взобравшись на исторический броневик.

11. Кто же мог оплатить переворот Февраля и после этого влиять на Временное правительство, заставляя его играть с Лениным в поддавки? Англия. Вот, кто автор Русской смуты XX века. Но сценаристы этого не знают, а потому любые факты, которые разрушают их концепцию, начисто забывают.

Англия разрушила своего векового соперника Россию, чтобы потом революцией заразить Германию. Но англичане недооценили Ленина и большевиков. Гений вождя мирового пролетариата спас нашу страну от уготованной участи колонии Запада. И когда стало ясно, что своих целей англичане не достигли и СССР не будет подконтролен Лондону, идея вновь столкнуться русских с немцами обрела новый смысл.

И огромные деньги вскоре появятся у антитезиса большевиков — у германских нацистов, а Адольф Гитлер начнет свою головокружительную карьеру в реальной политике.

Но это уже совсем другая история.

Александр ДУГИН

СТОЯТЬ ПОД АТАКОЙ. ГОТОВИТЬ НАСТУПЛЕНИЕ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог, доктор политических наук, социолог, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2008–2014), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); главный редактор телеканала «Царьград»; владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

В своем Послании Путин заявил: «Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. И именно так мы будем к этому относиться отныне и навсегда», то есть провозгласил жесткий курс на возрождение суверенитета и континентальной мощи России, а также ее сакральной православной идентичности. В ответ на это США открыто признались, что «начинают информационную войну», которую, на самом деле, они уже давно против нас ведут. Но сейчас эта война выходит на следующий виток.

Параллельно этому в последнее время я зафиксировал возрастание фронтальной атаки на евразийцев и меня лично, а также на широкую сеть людей, взаимодействующих со мной в России и по всему миру в последние месяцы. Финальным моментом стало вскрытие электронной почты сотрудника «Евразийского Движения» и последующий за этим шквал публикаций в центральных европейских СМИ о якобы разоблаченной сети русских агентов влияния по всему миру, окрещенных для вящей дискредитации «черным интернационалом». Я полагаю, что пришло время сделать кое-какие пояснения и одновременно наметить дальнейшие линии нашей евразийской стратегии.

Евразийство как антизападная идеология

Напомню предысторию.

Евразийство с первых дней своего существования в начале 20-х годов XX века всегда выступало против глобальной доминации Запада, европейского универсализма и за самобытную русскую цивилизацию. Поэтому евразийство является, действительно, антизападной идеологией, отвергающей право западного общества на установление своих

критериев добра и зла в качестве универсальной нормы. Россия — самостоятельная православно-евразийская цивилизация, а не периферия Европы, — настаивали евразийцы вслед за их идейными предшественниками славянофилами и вместе с другими русскими консерваторами.

Постепенно евразийство обогатилось геополитической методикой, основанной на дуализме цивилизации Моря и цивилизации Суши, чьи концепции были разработаны в первой половине XX века англичанином Х. Макиндером и развиты американскими стратегами — от Н. Спикмена до З. Бжезинского. Россия — ядро цивилизации Суши, сердечная земля Евразии, и поэтому она обречена на то, чтобы вести многовековое сражение с англосаксонским миром — ранее его ядром была Британская империя, со второй половины XX века — США.

Евразийцы, таким образом, противники западной гегемонии, противники американской экспансии, оппоненты либеральных ценностей и сторонники самобытной русской цивилизации, религии и традиции. Евразийцы — оппоненты не только Западу, но и российским западникам и модернизмам: в первую очередь либералам.

Если Запад — враг для евразийцев, то евразийцы — враги для Запада и его агентуры влияния. Это логично. Евразийцы знают, кто их враг и с кем они борются, и враг знает, кто такие евразийцы. В такой ситуации было бы странно, если бы атлантисты, американские империалисты и либералы любили евразийцев и их сторонников во всем мире. И наоборот. Отсюда ясный тезис: либо мы на стороне цивилизации Суши, либо мы на стороне цивилизации Моря. Суша — это Традиция, Вера (для русских — Православие), Империя, народ, сакральное, история, семья, этика. Море — это модернизация, торговля, техника, либеральная демократия, капитализм, парламентаризм, индивидуализм, материализм, гендерная политика. Два взаимоисключающих друг друга ценностных множества.

Неоевразийство в постсоветский период

Все эти идеи были восстановлены и развиты в качестве мировоззрения с конца 1980-х годов группой неоевразийцев, собравшихся вокруг меня. Мы восстановили значительную часть идейного наследия первых евразийцев, добавили геополитику и традиционализм и применили к политическим реалиям стремительно разваливающегося СССР. Как и первые евразийцы 1920-х, писавшие в иммиграции, мы стояли за превращение СССР в Евразийскую империю — с сохранением всего пространства под единым стратегическим контролем, но с изменением идеологии на православную и евразийскую. Так же, как и первые евразийцы, мы были убеждены, что либералы и западники — самые страшные враги русской идеи (хуже коммунистов), и что они развалят Большую Россию (СССР), если дорвутся до власти. Тем более что они — часть атлантистской сети. Время полностью подтвердило это: дорвались и развалили. И попытались развалить вслед за этим РФ. Поэтому в 1990-е годы евразийцы были в радикальной оппозиции Ельцину и всему либерально-демократическому прозападному марионеточному режиму, в котором доминировала компрадорская буржуазия и русофобская агентура влияния США. С этого периода начинается демонизация евразийцев — как патриотических оппозиционеров внутри России, как «русских шовинистов» — в США

и на Западе. В эту антиевразийскую истерию западные идеологи вовлекли и ряд тех деятелей, которые придерживались патриотической позиции — пользуясь их невежеством или тщеславием, а кого-то и банально покупая.

Все изменилось в 2000 году с приходом к власти Путина. Он начал трансформировать ельцинскую систему в патриотическом ключе, воплощая в жизнь значительную часть идей, прямо входящих в ценностные принципы и установки евразийцев. Поэтому и только поэтому евразийцы поддерживали Путина и поддерживают его до сих пор. Здесь ничего личного: против атлантиста-западника Ельцина мы боролись, патриота Путина стали поддерживать. Чисто идеологический, совершенно прозрачный выбор.

От этого градус ненависти к евразийцам среди российских либералов-западников и в США, и на Западе в целом резко возрос.

И поскольку в политике Путин все чаще движется в русле евразийских идей, против евразийцев на Западе и в либеральных российских СМИ, а также среди прагматически примкнувших к Путину системных либералов началась фронтальная кампания. Опасность поддержки евразийцами Путина виделась ими, конечно, не в численности и не во влиятельности евразийцев, но в силе евразийских идей, основанных на геополитике и цивилизационном методе, точности исторического анализа и радикально антизападной и антилиберальной направленности, не оставлявшей для западников поля для манипуляций, подтасовок и обманных маневров. По этой же причине основательные усилия были направлены на то, чтобы и со стороны Путина евразийцам не было бы ни малейшей поддержки, что, по мысли архитекторов атлантизма, должно было бы рано или поздно маргинализировать евразийство и убрать его идеологов на далекую периферию. На это были брошены колоссальные силы на Западе и среди российских либералов. Нельзя сказать, что все их усилия удалось перебороть, но и обратное налицо: Путин уверенно идет к созданию Евразийского Союза, не боится бросить Западу и его либеральным ценностям открытый вызов, в полный голос обращается к Вере, Традиции, консервативным устоям общества.

Евразийские сети за рубежом

Уже в 1990-е годы, и особенно в 2000-е, евразийцы стали создавать обширные и разветвленные сети с опорой на те силы, которые, как и евразийцы, отвергали атлантизм и американскую гегемонию, выступали против либерализма и гендерной политики — за Традицию, сакральное, христианство, иные традиционные конфессии. Чаще всего в евразийскую сеть включались консерваторы, которых принято называть «правыми», но сплошь и рядом были и противники американской гегемонии и «слева». Часть из них была русофилами, но часть принимала евразийство по прагматическим соображениям — традиционное общество в России было сильнее, чем на Западе, а стратегический потенциал России мог стать противовесом американской доминации. Многие в Европе и за ее пределами изучали геополитику, и легко опознали в евразийстве сторонников цивилизации Суши, к которым они относили и самих себя (выступая за Традицию против либерализма). Однако евразийская сеть была несопоставимо слабее и уже, чем огромные атлантистские сети, опирающиеся на крупный мировой капитал (частности, Дж. Сорос), проамериканскую либеральную элиту (почти везде являющую-

ся правящим классом), военную и разведывательную мощь США и НАТО, постоянно расширяющийся сегмент молодежи, подключенной к западным сетям, формирующим космополитический взгляд на вещи, индивидуализм, преодоление морали и полный разрыв с религией, традицией, народом, семьей и даже полом. И тем не менее евразийская сеть была и развивалась на основе тех сил, кто не соглашался с новой формой глобальной доминации — «третьего тоталитаризма», отвергающего право всех других идеологий, если они не признают базовых принципов либерализма. Любая антилиберальная альтернатива «слева» квалифицировалась как «сталинизм» и «ГУЛАГ», а «справа» — как «нацизм» и «Освенцим». Евразийство не было ни коммунистическим, ни фашистским, то есть ни «правым» и ни «левым», поэтому либералы окрестили его «красно-коричневым интернационалом». В угоду ситуации он мог объявляться «сетью агентуры КГБ» («сталинизмом») или «черным интернационалом» («евразийским фашизмом»). То, что он не был ни тем, ни другим, никого не интересовало, так как для либералов вне либерализма истины не существует. Отсюда планомерная и целенаправленная кампания западных СМИ, начавшаяся еще в 90-е годы XX века по системному очернению евразийства и евразийцев.

Постепенно же влияние евразийства и евразийских сетей росло и за пределом России (в Европе, в Турции, на постсоветском пространстве — особенно в Крыму и на восточных территориях бывшей Украины), и в самой России. Последним моментом, показывающим мерный и подчас незаметный поверхностному наблюдателю рост влияния евразийства, стал ответ Путина на государственный переворот в Киеве — воссоединение с Крымом и начало освобождения Новороссии. Эти сценарии были описаны мной как неизбежные еще в 1990-е годы¹ и обосновывались исторической неизбежностью и геополитической необходимостью: по логике евразийской геополитики либо Украина будет вместе с атлантистами (тогда от нее отколетя восточная часть и юг), либо вместе с Россией (тогда восстание поднимают западенцы). Именно это и произошло, а Путин в сложной ситуации повел себя как русский патриот и евразиец, а не как либерал и атлантист. В результате на Западе и среди российских либералов и их завуалированных пособников началась новая волна травли евразийцев, которым выдвигали бесконечные и подчас откровенно абсурдные претензии, обвиняя во всех смертных грехах. Чем сильнее становились эти идеи и чем отчетливее они воплощались в реальных политических шагах, тем больше они вызывали ненависти у представителей цивилизации Моря и их сетей.

Сеть против сети

Еще в самом начале украинской драмы я условно разделил российский сегмент атлантистов на «пятую» и «шестую» колонны. «Пятая» колонна представляет собой открытых атлантистов, противников Путина, русского патриотизма, либералов и проводников политики США. «Шестая» — маскируется под прагматиков и чиновников, внешне поддерживает Путина, но так же, как и «пятая» колонна, категорически не приемлет евразийские идеи, и старается либо сдерживать, либо саботировать любые патриотиче-

---

¹ Дугин А. Основы Геополитики. М., 1997.

ские начинания Путина, нанося удар по евразийской сети — как в России, так и за ее пределами. На Украине Майдан был ходом атлантистов. Крым стал первым евразийским ответом на Майдан. Новороссия была бы вторым евразийским ответом, но наше наступление здесь атлантистам вовне и внутри России (пока) удалось сдержать. Многое менялось в ходе драматических событий на Украине в 2014 году. Но евразийская геополитика оставалась неизменной: будущее России — это суверенитет, многополярность и полная независимость от американской доминации. Об этом говорит Путин, и это он делает. Поэтому несмотря ни на что незыблемой остается поддержка Путина и его курса евразийцами. Снова ничего личного. В каждый конкретный момент отдельные аспекты политики могут вызывать больший или меньший энтузиазм, а некоторые вообще не вызывать никакого энтузиазма, но в целом на большом отрезке времени, измеряемом десятилетиями, мы видим: Путин проводит именно евразийскую политику. И явно будет проводить ее и дальше. Его Послание Федеральному собранию не оставляет никаких сомнений. Его слова в этой речи звучали так, что не понять этого было не возможно. Открыто декларируя евразийскую платформу, Путин сказал:

«Если для ряда европейских стран национальная гордость — давно забытое понятие, а суверенитет — слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие для существования. Это должно быть очевидным для нас самих. Хочу подчеркнуть: или мы будем суверенными, или растворимся, потеряемся в мире. И это должны понять другие державы».

В ситуации с Украиной евразийские сети в Европе продемонстрировали свою полную состоятельность. Практически все пророссийские акции, группы наблюдателей и даже французские добровольцы в Новороссии были так или иначе связаны с евразийскими сетями, а также близкими или параллельными им движениями. Это вполне закономерно. Евразийцы в Европе и других странах прекрасно понимают из геополитики, что на Украине столкнулись не два славянских народа — украинцы и русские, но Суша и Море, американская однополярность и гегемония и многополярность, представленная Россией. Поэтому евразийская сеть действует не в интересах России, но в интересах Европы, в интересах идеи многополярности. Снова ничего личного: есть те, кто согласен с либерализмом и американской повесткой дня, а есть те, кто не согласен. Консервативные круги Европы не согласны. Следовательно, они обращают свой взгляд туда, откуда может прийти альтернатива. И что они видят? Путинскую Россию и евразийскую идеологию. И они понимают одно через другое, с какого бы конца ни заходить.

Эта логика видна друзьям, но она же очевидна и для врагов. Путин — враг номер один для современного либерального Запада, для цивилизации Моря потому, что он последовательно защищает интересы цивилизации Суши. Любой успешный правитель, делающий Россию великой и независимой, был бы в глазах Запада «злодеем», кем бы он ни был на самом деле. Поэтому Путин просто не может стать героем для США и мирового атлантизма, так как для этого ему надо разрушить Россию, как поступил Горбачев с СССР, за что ему и рукоплескали.

И то же самое касается евразийства: какой бы эта идеология ни была, если она бросает вызов американской гегемонии, а при этом опирается еще и на мощную ядерную и энергетическую державу, она не может быть безразличной или рассматриваться в отвлеченно нейтральном ключе; враги

все прекрасно понимают и бросают все силы для демонизации евразийства любыми методами: в ход идут очернение, клевета, наветы, оскорбления, навешивание ярлыков, отождествление со «сталинизмом» или «фашизмом» (в зависимости от контекста), проплаченные судебные процессы и т. д.

Стоять под атакой. Готовить наступление

В какой-то момент Путин как лидер великой страны и евразийская идеология как концептуальный аппарат, максимально точно описывающий вызовы и цели актуальной геополитической ситуации, где старые идеологии (левые и правые) уже более не работают, слились в общий объект тотальной ненависти в глазах всей атлантической сети. Всякий, кто поддерживает Россию или даже просто критикует Запад, становится одновременно «агентом Путина», «русским шпионом» и «евразийцем». При этом, когда мы в России говорим о «пятой» колонне и о сети атлантических агентов влияния, нам мгновенно приклеивают обвинения в паранойе и теории заговора. Но посмотрите на заголовки центральных западных СМИ: всюду идет поиск «путинской пятой колонны», публикуются списки русских шпионов, и на основании вскрытой ЦРУ-шными хакерами, загроможденными под «украинцев», электронной почты участника «Евразийского Движения» ведется фронтальная кампания по выявлению всех тех, кто с симпатией относится к России. Что такое наша маленькая героическая сеть противников современного либерального миропорядка в сравнении с триллионами Федеральной Резервной Системы, либеральными вузами, новейшими технологиями, глобальными СМИ, с десятками тысяч НКО и агентурой влияния на самых верхах любой страны Европы и Азии... Но и она вызывает бешенство и ярость у противника. Так как за нами Россия. Во главе России — Путин. С ним — народ и наша история. И не такой уж жалкой становится горстка энтузиастов, выходящих с флагами Новороссии и портретами Путина на улицы европейских городов. Это просыпается ото сна альтернативная цивилизация — Суша, сердечная земля. Просыпается и будет просыпаться дальше, пока не проснется.

Сейчас затишье перед бурей. Ситуация в Новороссии зашла в тупик. Давление на Россию нарастает с каждой минутой. Мы под бешеной атакой. Каждый, кто активно поддерживает Путина, включается в евразийские сети, бросает вызов американскому Зверю, сегодня под ударом. Под шквальным огнем. Огонь нарастает. Давление становится все более сильным. Неприятнее всего в такой ситуации предательство. Плохо, когда враг прекрасно понимает, насколько ты ему опасен, а друг о том, насколько ты полезен, и не догадывается. Но и это испытание. Выдержать его можно только благодаря идее. Вопреки психологии и сложным сетевым играм, которыми наши противники пытаются нас удавить.

Мы делали и будем делать мировые евразийские сети. Мы работали и будем работать против американской гегемонии, вести дело к ее подрыву. Мы поддерживали и будем поддерживать все альтернативные силы в Европе и Азии, которые стоят за Традицию (а для нас это в первую очередь Православие), справедливость, свободу и многополярный мир. Вопреки Западу: есть не одна, а много цивилизаций; есть не одна (либеральная), а много идеологий; есть не одно человечество, а богатейшее разнообразие культур, которые не принимают глобализации и будут с ней бороться до победного конца.

С нами Бог, разумеете языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Леонид ИВАШОВ

ОСОБОСТЬ АРХЕТИПА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА*

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

*печатается в сокращении.

Русский человек есть не чисто европейский, и не чисто азиатский... Восток и Запад борются в сердце русского человека. Россия не принадлежит этим частям света, а есть самостоятельная часть света, вмещающая в себя два мира.

Н. А. Бердяев

После Второй мировой войны, когда США стали безусловным лидером западного мира, а власть в самой Америке устойчиво перехватил крупный капитал, начались серьезные исследования по изменению сущностной заданности человека, переформатированию его миросозерцательной основы и типа сознания. Стояла задача подменить разум и сознание инстинктами и рефлексам. Особая программа отводилась «перевоспитанию» советского (русского) человека. На Западе осознали, что во всех войнах, развязанных против России, победителем выходил именно тип человека, превосходство его разума и чувства патриотизма, все остальное являлось результатом русского характера. Поэтому на первый план в геополитическом противоборстве вышла проблема изменения архетипа русского (советского) человека, вариант решения которой в апреле 1945 г. на закрытом совещании огласил А. Даллес, руководитель стратегических служб США. Все исследования нацистов по выведению человека низшей расы (фильм «Мертвый сезон») американцы тщательно изучали и использовали. З. Бжезинский еще в 60-е годы прошлого столетия, будучи лишь профессором Колумбийского университета, посвятил этому целую монографию. Вот только некоторые цитаты из его книги «Между двух веков. Роль Америки в технотронной эре» (книга никогда на русский язык не переводилась и предназна-

чена для «избранных»): «...наше общество переживает информационную революцию, основанную на развлечениях и массовых зрелищах, которые представляют еще один вид наркотиков для масс, становящихся бесполезными. В то же время возрастут возможности социального и политического контроля над личностью. Скоро станет возможным осуществлять контроль над каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, содержащие помимо обычной информации самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека». Что мы и наблюдаем сегодня в мировом пространстве и в России. Семейство Ротшильдов в 60-е годы прошлого столетия щедро профинансировало разработку «теории социального программирования», отмеченную впоследствии Нобелевской премией. Согласно этим «научным» изысканиям человеческое сообщество должно быть структурировано следующим образом. Наверху пирамиды — «избранные», ниже полезные для избранных, далее — бесполезные. Люди разумные, полезные для общества, наций и человечества в целом должны превратиться в изгоев, поскольку они опасны для «избранных».

И подобный тип общества успешно формируется на Западе. Западные страны практически остановились в своем развитии, их жизнь вращается в рамках прибылей, инфляции, курсов валют, и только благодаря Востоку человечество еще движется вперед. Потому что развитие это не только материальная сторона жизни, но прежде всего движение разума по восходящей траектории. А в основании разума стоит нравственный творческий человек. То, что хорошо для технического прогресса, финансовых операций, не годится для культуры, противоречит духовно-нравственному состоянию человека, его функциональному предназначению на Земле. Именно разум движет человечество по пути прогресса. Разум это категория системная, комплексная, национальная, точнее культурно-цивилизационная. Это и глубокие, разносторонние знания, интеллект человека, это и высокая нравственность, культура, чистота помыслов, вечное устремление к божественным вершинам как смыслу жизни. Это то, что тянется к вершинам Абсолюта. И в плане «разумности» Запад уступает Востоку и недосягаем до России. Просто мы априори привыкли считать Запад образцом для подражания. Причем во всем и всегда. Но вот как писал в 1835 году П. Я. Чаадаев в письме «западнику» И. С. Тургеневу: «Мы призваны напротив обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу». О превосходстве нашего разума, интеллекта и духовных сил писали Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев и многие другие. В том числе и европейцы О. Шпенглер, А. Тойнби, а В. Шубарт, немецкий философ, в 1938 году посвятил этому целую книжную работу «Европа и душа Востока», где душой Востока он считает Россию, и в духовном окормлении Европы со стороны православно-славянской культуры видел спасение европейских народов. Но США, как «главарь» западного мира, еще менее духовны и культурны, чем Европа. Вот мнение нашего современника философа А. А. Королькова: «Степень технического развития — вовсе не критерий

культурного развития... США — молодая в культурном отношении страна, и возникла она не в поисках духовного совершенства».

Предлагаю вернуться к истокам архетипа русского, российского человека, формировавшегося еще в период принятия Русью православного христианства.

Почему так далеко заглядываем в древнюю историю? Всего лишь потому, что этот архетип человека сохранился и востребован сегодня в России (и не только). Да, были попытки трансформировать его, изменить его духовно-нравственные основы, но все эти попытки досоветского и советского периодов закончились безуспешно: русский человек сберег главные свои качества, заложенные в него в дохристианский и в христианский периоды истории, то ли господом Богом, то ли природой, то ли далекими предками. В русском архетипе присутствует нечто более высокое, внешне невидимое, неразличимое, но ощущаемое во всем. Н. А. Бердяев отмечал, что «русский человек в святости видит высшее состояние жизни, главный источник нравственного питания». Да, великую роль в формировании русского архетипа сыграло принятие Православия.

Оно было необходимо для объединения русских княжеств (враждовавших между собою князей). Это так. Но ведь простой человек, язычник, живущий на природе, являл собою некий архетип святости. Славянофил А. С. Хомяков писал: «Большая часть сельских миров приняла христианство без ясного понимания его высокой святости, но их кроткий нрав и семейно-общинный быт, согласуясь с его требованиями, освятились его благодатным влиянием». Да и в богоборческий советский период, когда многие советские люди позабыли молитвы и учили моральный кодекс строителя коммунизма, черты русского архетипа устойчиво сохранялись. Упомянутый немец Вальтер Шубарт писал, что человечество (Европа) выработало в себе четыре архетипа человека — гуманистический, мессианский, аскетический и героический. Но только русский человек вобрал в себя все эти качества. А это значит: русский архетип универсален, он в большей степени, чем другие, соответствует тому образу, который предназначался для жизни на земле. Прочитую некоторых древнерусских знаменитостей XI—XII веков. Владимир Мономах в своем «Поучении» призывает молодое поколение «не соревноваться с лукавыми и творящими беззаконие, побуждать себя на добрые дела, избавлять обижаемого, защищать сироту, поддерживать вдовцу, не давать сильным мира сего губить человека... Куда же пойдете и где остановитесь — напоите и накормите нищего, больше всего чтите гостя». В письме Владимира Мономаха своему брату Олегу есть такие строки: «Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды. Только и есть у них, что сделали душе своей». Киевский митрополит Климент Смолятич (середина XII века), ссылаясь на Аристотеля, Платона, Гомера, на Священное Писание, воссоздает образ, я бы сказал, настоящего человека и христианина: высоконравственный, чуждый властолюбию, сребролюбию, тщеславию. Даниил Заточник (XII век) рисует тип гармоничного человека, сочетающего в себе силу Самсона, храбрость Александра Македонского, разум Иосифа, мудрость Соломона. И далее: человек должен укреплять сердце красотой и мудростью, помогать ближнему в печали, оказывать милость нуждающимся, противостоять злу, и особенно опасному — женскому злу. «Злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтет, ни Бога не

боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и осуждает». И архетип такого человека проходит как главный герой через всю русскую литературу, начиная от «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве» и до конца СССР, через музыку, киноискусство, телевидение. Последний из таких образов ярко показан в фильме С. Говорухина «Ворошиловский стрелок». Такой же примерно тип человека описывали в X–XI веке и древние мудрецы Востока Ибн Фадлан и Ибн Даста и другие.

Особый, близкий к идеалу человека архетип прочитывается в образе русского казачества. Глубоко впитанное Православие, высокое чувство патриотизма, верность казачьей традиции, большая трудолюбивая семья, строгая дисциплина в сочетании с казацкой вольницей — таковы основные черты образа русского казака. Казачество тесно привязано к земле, которая, и только она, формирует систему высоких нравственных принципов, любовь к Отечеству, готовность ее защищать, «не жалея живота своего». И решает проблему демографии. Современный русский человек формировался в рамках первой геополитической доктрины Руси, вошедшей в историю под названием «Москва — Третий Рим». В посланиях псковского старца Филофея рисуется образ православного человека и государя, мессианская модель поведения русского государства, симфония взаимодействия власти, церкви и общества. Большую роль в воспитании человека Российской империи на огромном евразийском пространстве сыграл Указ Императрицы Екатерины II о признании ислама второй государственной религией России. Такое, когда государство добровольно отдает часть своего духовно-религиозного пространства другой конфессии, случилось впервые в истории человечества. Это было осознанное решение о расширении рамок русского архетипа и формировании евразийца. Взаимодействие двух религий, возможность исповедания буддизма, языческих верований, при лидирующей роли Православия, сформировали евразийский архетип русского человека.

Советский Союз рванул в своем развитии именно благодаря всеобщему образованию и просвещению населения, воспитанию лучших человеческих качеств, возвращению некой первозданности человека. То есть благодаря развитию разума, духовности и нравственности.

И фраза о том, что Великую Отечественную войну выиграл советский учитель, имеет под собой реальное основание. Потому что учитель не только нес знания, но и воспитывал в каждом молодом человеке тот образ, который прошел через исторические эпохи, оставаясь практически неизменным.

Это человек патриот, человек чести, образованный, мужественный, человек широкой души, устремленный к высокой цели, будь то космос, наука, спорт, искусство.

И прежде всего это мужчина, воин, защитник семейного очага и Отечества. Опять же, через всю русскую литературу, музыку, кино воин, защитник Отечества проходит как главный персонаж, да и авторы, как правило, люди в погонах. «Песнь во стане русского воинства» майора Г. Державина, «Полтава» А. С. Пушкина, «Бородино» поручика М. Ю. Лермонтова, «Война и мир» поручика Л. Н. Толстого, знаменитая ария варяжского гостя из оперы капитан-лейтенанта Римского-Корсакова «Садко», «Тихий Дон» М. Шолохова, «Живые и мертвые» К. Симонова и многие другие знаменитые произведения выводят образ мужественного, сильного духом человека в качестве главного героя.

Работая со студенческой молодежью, к сожалению, наблюдаю результаты западного «социального программирования»: среди ребят очень мало пассионариев, активных в учебе и в жизни, способных брать на себя ответственность, проявлять смелость, демонстрировать силу. Причину я вижу в том, что смелость, ум, честь, достоинство, чем в наше время восхищались девушки, сегодня востребованы менее, чем большие деньги. Ребята со скромным достатком зажаты материально-финансовой ситуацией, а таковых подавляющее большинство, и ощущают себя ущербными перед бездарями, швыряющими деньгами. Может поэтому многие девчонки ищут женихов за рубежом или просто уезжают из России на заработки, потому что разочаровались в своих сверстниках, не видят в союзе с ними своего будущего. Да и по количеству разводов среди молодых семей мы безусловные мировые лидеры. Давайте задумаемся, почему так происходит? Мне представляется, что тот тип мужчины, который формируется сегодня в российском сообществе, является отрицательным в восприятии нашей женской половины. По двум причинам: потому что одни не гарантируют материального благополучия семье, а другие — потому что не гарантируют добрых семейных отношений, воспитания детей, заменяя все это деньгами. Естественно, это не столько вина самих ребят, сколько навязанной России системы образования и воспитания, отрицающей творческое, самобытное, самостоятельное начало, не ориентирующей молодого человека на высокое положение в обществе, на самоотверженный труд во имя своего будущего и будущего Отечества. Это и результат массовых зрелищ, где индивидуальность поглощается массой, это и отсутствие образа для подражания на телеэкране, размытость и неопределенность модели российского будущего. Много и других причин. Но ребятам нужно четко осознать ряд принципиальных вещей. Первое, что власть денег — это временное явление, никакое мировое правительство состояться не может. Это древние мечтания определенной касты низменных людей, для которой все люди, кроме них, недочеловеки. В истории уже такие попытки были, и они закончились печально для подобных «мечтателей». Во-вторых, для того чтобы подчинить огромные массы людей, нужны единые идейно-духовные основания, то есть чтобы люди верили во что-то единое. Но попытки создать универсальную религию типа «Нью Эйдж», в которой сольются в единый образ Христос, Будда, Кришна, Магомет и покорятся новому мессии-антихристу, терпят провал. Этому типу экуменизма особенно жестко сопротивляются ислам и Православие. В-третьих, наблюдается как мировая тенденция построение культурно-цивилизационных сообществ, основанных на близости духовно-религиозных систем и смыслов жизни, которые жестко сопротивляются построению однополярного бездуховного, безнравственного миропорядка. Прежде всего это касается цивилизаций Востока, возрождающейся Латиноамериканской цивилизации, и именно они задают перспективу мировых исторических процессов XXI столетия. По этому же пути развития обязательно пойдет Россия. Возможно, она и возглавит процесс формирования более справедливого и безопасного мира для всего человечества. Но это случится в том случае, если в самой России сформируется соответствующий архетип человека, мужчины, прежде всего, образ яркой, сильной творческой личности. Конечно, это должен быть человек разносторонне образованный и непременно воспитанный на системе наших традиционных ценностей. В основе таковых лежат культур-

но-цивилизационный код, по Н. Я. Данилевскому это высший нравственный смысл, задающий начало духовно-нравственной системы ценностей, и цивилизационная матрица. Для русской цивилизации кодом является совесть, матрица — это совесть — святость — справедливость. На Западе матрица выглядит так: выгода — экспансия — насильственность. Для русского характера свойственны такие качества, как приоритет общинного перед личным, служение Отечеству как внутренняя потребность, а не только обязанность, нестяжательство, обостренное чувство справедливости во всем и везде (Ш. де Голль: «русский человек не может быть счастлив, если где-то творится несправедливость»), любовь и вечная тяга к родной земле.

Но эти черты характера проявляются только тогда, когда русский человек видит смысл жизни своего народа, когда он находит ответ на вопрос — что есть Россия в судьбе человечества, зачем, для каких высоких целей она объединила многочисленные народы, несла огромные жертвы? И чем благороднее идея существования и развития Государства Российского, чем выше заявленные цели, тем ярче проявляются качества русского человека. И еще один момент в становлении и жизни русского характера влияет на уникальность его характера: русский народ формировался на полиэтнической основе. Большие пространства расселения, суровый климат, враждебное окружение требовали не завоевания других народов и племен и превращения их в рабов, а вовлечения на равных в общий процесс выживания и развития. Только русские стремились поднять все коренные народы до своего уровня культуры и бытия, в то же время обогащались не материальными благами «малых» народов, а цветами их культур, традиций и характеров. Так что русский — это не чисто национальное осознание, тем более по крови, а державно-геополитическое. Если заглянем глубже в отечественную историю, обнаружим следующий факт: среди великих и выдающихся русских имен много, если не большинство тех, кто иных кровей, но по-настоящему принял русскую сущность, сохранив свои национальные качества. Это явление не интернациональное, а глубоко национально-цивилизационное, цельное и по характеру, и по сущности. Внутреннее содержание русского человека и высокая смысловая устремленность сделали наш народ одним из самых результативных народов мира в развитии человечества. В нас заложена идея служения не только Богу, но и человечеству. И в этом служении есть миссия русского человека и России, траектория исторического движения.

Российская шкала ценностей, русский разум, русский смысл жизни и развития приемлемы для всех народов и конфессий мира. Православно-славянская чистота христианства в сочетании с чистотой и умеренностью ислама, сформировавшегося на российском (советском) пространстве, традиция спокойного восприятия буддизма и других религий народами России, коллективистский принцип жития и приоритет духовно-интеллектуального над материально-потребительским смыслом жизни и развития позволяют надеяться, что именно наши ценности станут стандартами будущего мира. Но сегодня этот архетип русского человека, веками формировавшийся на огромных просторах Евразии, вбиравший в себя лучшие черты всех коренных народов и опыт иноземных, находится под угрозой разрушения. Потому что сильно воздействие извне, что мы находимся в рамках чуждых геополитических проектов и операций, не имеем общенациональной идеи, высокой цели, стратегии устремленности в будущее. А значит, нет у нас вы-

сокой объединительной мотивации, и мы скатились на мелочное поле навязанного нам эгоистического бытового потребительства. А значит, утратили (дай Бог не окончательно) свой смысл исторического пути, общепланетарного или космического предназначения. Сегодня, чтобы сохраниться нам как народу и цивилизации, вернуть великий образ русского человека, необходимо сформировать собственный геополитический проект переустройства мира и евразийского пространства, возродить культурно-цивилизационные (сущностные) элементы нашей истории в лице православно-славянской и российско-исламской матриц и наглухо закрыть от чуждого проникновения самое главное пространство — духовное.

Но это случится в том случае, если в самой России сформируется соответствующий архетип человека, мужчины, личности просвещенной. А для этого нужно возвратиться к традиции русско-советской системы просвещения. Вот как просвещение трактует Толковый словарь русского языка В. Даля: «Свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни». А какое значение придавал просвещению А. С. Пушкин? В статье «О народном просвещении» великий поэт утверждает: «Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия». И безумств, и бедствий сегодня в мире и в России предостаточно. И происходят они по причине непросвещенности большей части населения страны. Потому что государственное и общественное развитие задают люди в большинстве непросвещенные, необразованные, не обладающие разумом, проявлением которого выступает мудрость.

Рождаясь, человек получает в наследство генетику своих предков, как основу архетипа. Но далее он формируется под воздействием природы места обитания, культурной среды и характера профессиональной деятельности. В детском возрасте сильное воздействие оказывают мелодия родного языка и сказка. Потому-то крайне важно сохранение среды обитания, красоты природы, сбережение и развитие языка и отечественной культуры во всех ее проявлениях, системы просвещения, включающей в себя высокий уровень образования и воспитания при опоре на национальную традицию.

Николай ДОРОШЕНКО

О МОИХ РАЙСКИХ КУЩАХ

Главы из романа «Душа»

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления СП России, главный редактор газеты «Российский писатель» и одноименного сайта. Родился в 1951 г. в с. Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (отделение прозы, семинар Ф. Ф. Кузнецова). Был ответственным секретарем Комиссии по работе с молодыми литераторами в Московской писательской организации, главным редактором газеты «Московский литератор» (1988—2000), главным редактором ТВ «Парламентский час», преподавателем в Международном независимом эколого-политологическом университете (читал спецкурс «Культура как среда обитания»). Лауреат Большой Литературной премии России. **Живет в Москве.**

В свои десять лет я почему-то никак не решался заглянуть в еще красненькое, в еще словно бы недосотворенное личико только что привезенного из роддома племянника, а моя тетя Фрося очень уж восторженно меня подбадривала:

— Да *она* же тебя не видит! *Ему* пока еще ангелы небесные поют!

И после этих ее восклицаний я совсем уж забоялся порушить свою смелостью ту тайну, которая, разрешившись, оказалась тайною еще большею, поскольку моя самая старшая, еще «довоенная», сестра Нина уже была не похожа на саму себя, а ее муж Алексей, так и ни за что не зацепившийся своими словно бы ослепшими, как у всполошенной лошади, глазами и при этом еще и пытающийся спичкой поджечь папиросу, Ниной вообще был изгнан во двор.

На сколько-то шагов я, однако же, продвинулся к племяннику, а потом со звоном в ушах из дома высвободился, а Алексей, уже сидящий на пороге с дымящейся папиросой в оскаленных зубах, меня подхватил за пояс, рядом с собой уместил и совсем не по-взрослому спросил:

— Ты-то хоть *его* разглядел?

А я, уставившись на мысок его до блеска начищенного хромового сапога, вдруг понял, что и он, самый-самый лихой гармонист, одним только своим восторженным чубом, одною только своею то летящей, а то и в раскачку походкою, одною только своею совсем уж занебесной улыбкой всегда повергающий меня в щенячий восторг, оказывается, такой же, как и я, обыкновенный человек.

И с этого мига я полюбил его уже как своего товарища, а не только как того вихря, который к нам из

своего села Высокое либо на мотоцикле, либо неизвестно как вдруг налетал и столь весело да напористо гомонил у нас в доме, что каждый раз, когда они с Ниной, им все-таки завоеванной, уходили прогуляться, то даже и мои родители какое-то время находились в обморочном оцепенении.

— А правда, что ангелы *ему* поют? — спросил я у Алексея.

— Да так поют, что уже сутки не могу я в себя прийти! — ответил он и поджег спичкой новую папиросу.

Впрочем, в следующие их приходы к нам Алексей был уже более спокойным, но и при этом похожим не на прежнего парубка, а всего лишь на веселенького мужичка с теплыми и воглыми, как согретый воск, глазами в темных и острых ресницах. Но едва мой племянник успевал хныкнуть с нашей кровати, поперек которой его укладывали, Алексей тут же устремлял к Нине свой вдруг весь заострившийся, как и его реснички, взгляд. И у меня сердце начинало щемить от этого его беспокойства, а Нина Алексею в ответ улыбалась как-то очень уж снисходительно; и мне казалось, что от этой одной лишь ее улыбки, для меня пока непривычной, племянник мой опять затихал. Алексей же, нашарив в просторном кармане пиджака папиросы, устремлялся на волю двора.

Я по своей щенячьей привычке вслед за ним выходил. Он то ли приобнимал меня за плечи, то ли даже меня общупывал и с восхищением мне сообщал:

— Вот станет он таким же, как и ты, мужичком с косточками, буду я его от мамки на покосы брать! И тогда не я им, а она нам будет с боку-припеку!

Я не понимал сути его переживаний. Но сам уже вполне смело подходил к племяннику, чтобы взглянуть, как он, словно бы от всех нас далеко-далеко, безмятежно посапывает во сне. И казалось мне более чем чудесным то, что он, уже живой человек, в своих горних далях пока еще не догадывается, что я на него — уже смотрю.

Много теперь я отдал бы за то, чтобы вспомнить пение также и своих ангелов.

Может быть, оно еще не истаяло; может быть, где-то в самых отдаленных потемках моей памяти оно еще хранится. Может быть, я всего лишь не могу различить его сквозь тесную толщу своих прожитых лет, а оно, даже уже и неслышное, само во мне потихоньку длится и длится.

Однако же, хоть и смутно, но помню тоненькое посверкивание голоса моей матери над, должно быть, моею люлькой. Или — это даже не столько голос матери, сколько впервые запечатленный в моем сознании ее образ, от которого все ж таки сбереглось во мне вот это, как вечный небесный жаворонок, невесомо и неумолчно звучащее мерцание.

Трудно мне теперь угадать, что обнаружил я рядом с собой, впервые открывши глаза. Да и уже стал я путать то, что видел наяву, с тем, что увидел в своих первых и причудливых сновидениях. Потому что, едва я просыпался, мать всегда очень радостно спрашивала: «И что моей пчелочке золотенькой присни-и-лося?» И я невольно оглядывался в свой сон прежде, чем успевал его забыть.

К тому же, рождение моего первого племянника, которого назвали, как и меня, Николаем, окончательно спутало все, что я о своем младенчестве в тогдашние десять лет не успел забыть, а что из забытого, на нового Колю глядя, вдруг припоминал.

Например, по своей сельской простоте мать советовала Нине пеленать Колины ножки потуже, «чтобы они у него не кривые выросли», но после слов матери я вроде бы как вспоминал собственные колени, стиснутые пеленками или — уж не знаю, во что меня запеленывали в послевоенной нищете моего 1951-го года рождения. И когда племянник приучился ползать, я, сопереживая его ненасытному упрямству, обнаруживал, что и мои колени все еще хранят память о бугорочках узелков на наших самотканых половичках, о гладких, утром холодных, а днем горячих камнях у порога нашего дома, о шершавом, в гусином помете и пухе пространстве нашего двора и о ласковой, как тонкий шелк, земляной пыли у амбара, в которой, видимо, издревле купались все поколения наших кур.

Моя младенческая память оказалась живучей еще и по причине того, что слишком долго на мне, как на самом младшем, было сосредоточено в нашей семье всеобщее внимание. Не давали моей памяти обесцветиться постоянные, из года в год, рассказы и пересказы о том, как и по каким поводам я рыдал, чем меня от рыданий можно было отвлечь, чему я, «делая губы колечком», охотнее всего внимал.

Брат Саша был старше меня на пять лет, а сестра Катя — всего лишь на три года. Но именно они оказывались моими пастухами и сторожами после того, как мать укладывала меня спать и спешила на огород. И когда я просыпался, то они должны были со мною изо всех сил играть. Но я уползал от них в поисках матери, я начинал плакать, когда они моему устремлению препятствовали. И пока я полз, брат и сестра, видимо, играли в то, что вот я все ж таки ползу, а они мне, как плененной божьей коровке, не позволяют выбрать неверный путь.

Хотя, не могу я теперь понять, как эти малыши меня опекали. Да и через много лет однажды нашел я на чердаке сплетенную из тонкой лозы, наподобие корзины, «стоячую люльку», в которой, как оказалось, мать всех нас в нашем младенческом возрасте, спящих или бодрствующих, вслед за своими заботами по хозяйству переставляла куда угодно, в том числе и на огород. Может быть, всего лишь несколько раз она меня оставила на попечение сестры и брата, а я это на всю жизнь хоть и смутненько, но запомнил.

Да и предположим, что до полутора или даже до двух лет — но ведь не дольше же? — ползать мне было сподручнее, чем ходить. Но — ладони мои и колени все еще отчетливо помнят гладенькую тропочку огородной межи, мягенькие кудряшечки травы по обочинкам этой тропочки (та трава называлась «гусиными лапками»), а также вездесущий молочай и суховатые, почему-то всегда припыленные листики подорожника. И невольно вздрагиваю я до сих пор, когда вспоминаю, как вдруг обжигал мое голенькое плечо свирепейший наждак стеблей или листьев подсолнухов, высаженных по обе стороны моей первой и, как мне тогда казалось, бесконечно длинной дороги. Еще помню, как вдруг под листом подорожника обнаруживал я внимательно глядящие в меня круглые и влажные глаза огромной лягухи, как переживали мы вместе с нею свой осторожный друг к дружке интерес, и как она упрыгивала с межи в свою тайную лягушечью жизнь. И еще помню, как не без удивления поглядывали на меня цяточками глаз ногастые кузнечики, как я пытался хотя бы одного схватить, как они в сей же миг неизвестно куда пропадали. И помню, как брат опережал меня, когда я пытался сунуть себе что-нибудь или кого-нибудь в рот. Пом-

ню, с каким трудом проглатывался мною воздух, настоянный на теплой земляной влаге, на душных запахах картофельной ботвы, на медянном гуле пчел, на прозрачном и призрачном стрекоте всяких иных насекомых; как сонный, но хладенький ветерок помогал мне эти запахи все-таки вдыхать и выдыхать. И, помню, как уже в полном изнеможении я начинал различать голос матери: «А кто это мамочку свою нашел, кто это к мамочке припо-о-олз, а кому я огурчик, а кому я красненькую морко-о-овочку тута нашла-а!»

В теперешней своей взрослой жизни, когда день пролетает, как единственный миг, мне, наверно, за многие годы не выпадает столько умственных и переживательных усилий, сколько испытывал я, проползая от порога дома до той огородной грядки, где мать вместе с Ниной ловко орудовали своими тяпками. Каждая былиночка, каждые встречные муравей или жучок были для меня удивительными и своими стебельками да листиками, и ниточками своих лапок, и маковинками своих глазок, и своими, похожими на посверкивающие бусинки, тельцами.

И, конечно, отчетливо помню себя уже не на четвереньках, уже самостоятельно поедающим неподалеку от матери то ли первую завязь огурца, то ли с первой краснотой помидор, то ли огромный, похожий на бараний рог, стручок сочного «сахарного» гороха; то ли уже на полуголом огороде терпеливо ждущим, когда брат наконец-то выкатит палочкой из костра нестерпимо горячую и вкуснейшую картофелину или обскоблит такой же обугленный корень сахарной свеклы, который я затем поедал, как самую огромную и самую сладкую конфетину.

А вербы в конце огорода — таинственные, темные и чужеватые — обозначали границу, за которую уходить мне не позволялось. И что было там, за вербами, а так же — что таилось за всеми нашими плетнями вокруг двора, за воротами, за всеми доступными мне пределами, я не знал. Да, вроде бы, и не стремился узнать. Иной раз мать меня выносила или выводила на улицу, но на все, что там мне встречалось, я глядел так, как теперь гляжу лишь на бесконечно далекие звезды, для жизни моей посторонние. Какая-нибудь старуха подходила ко мне, чтобы беззубо прошепелявить: «А вот заберу я тебя у мамочки! А вот заберу-заберу!», но мне достаточно было отвернуться, чтобы разглядывать уже не ее усохшее лицо, а цветастую мамину кофту. Если же старуха не отставала, то я прижимался к маминому плечу и пропадал в нем — таком бесконечно теплом и мягком, что лишь в его укромнейшую тишину я невольно вслушивался.

Заметную часть времени проводил я, конечно же, во дворе, где в иной день с утра до вечера отец тюкал и тюкал своим острым топором по бревнам, а я подбирал длинные, в кольца свитые щепы и тоже что-то свое из них то ли городил, то ли мастерил. А когда начинался дождь, отец меня ставил рядом с собой под скат соломенной крыши сарая, и мы молча глядели, как густые водяные струи стекают перед нами, слушали, как чуть в сторонке от нас потихонечку ропчет под колкими дождевыми каплями наш сад.

Отец чаще молчал со мной, чем разговаривал. Потому что всегда так выпадало, что вместе с ним мы либо каждый в своем деле копошились, либо «делали передышку» и смотрели на шныряющих у собачьей миски воробьев, на безруко слоняющихся у плетней кур или — даже на восходы огромной и красноватой луны, на безвучнейшие пожарища заходящего

солнца. При этом я вцеплялся в отцовский палец или в его штанину, а он накрывал мою голову рукою, как большою и теплою шапкою.

Да вечно мне было на что-то глядеть. Например, на огромную мосластую лошадь, которую отец приводил с колхозной фермы, чтобы вспахать огород или мало ли для чего другого. На собаку, вылезавшую из будки и во весь свой красный рот зевавшую. Или на петуха, зорко и грозно с плетня на всех посматривающего. Или на нашего гусака, который всегда на меня шипел, всегда пытался меня ущипнуть.

Впрочем, вряд ли тогда я гусака боялся так, как, например, уже в школьном возрасте страшился свирепейшего колхозного быка. Утром я стремился выползти на порог до того, как гусей выпускали к пруду, и не успевал как следует угреться на солнышке, гусак вдруг вскидывал голову, а завидев меня, начинал своим гусыням что-то гортанно кричать, а они ему что-то на своем гусином языке отвечали, а гусята тоже начинали пищать, мол, мы видим, мы тоже видим этого Колю! А наготовившись, гусак расправлял паруса своих могучих крыльев, и либо не спеша и косолапо, либо, уцелив в меня свой тяжеленный клюв, бегом ко мне устремлялся. И сердцу моему становилось так жарко, что я уже устоять на месте не мог и заворуженно полз или шел гусаку навстречу. Но тут чьи-то руки меня подхватывали, я взлетал над гусаком и с выси своей глядел, как он, победно крича, возвращался к стаду. И гуси все разом встречали его такими истошными криками, что уши у меня закладывало.

Но, помня вот этот жестяной и надсадный гусиный звон в ушах, я не помню тогдашнего себя самого.

И свои оцарапанные коленки, и свои, вечно в занозах, пятки, и свои ладони, и свои обожженные подсолнуховыми наждаками плечи я помню. И как сердце мое, когда гусак на меня наступал, будто кипятком ошпаривалось, я помню, а себя, того человечка, который на гусака при этом глядел, я не помню. Как и некий фотограф, глядевший в видоискатель фотоаппарата на все, что ему было интересным, сам остается на фотографиях вечно невидимым, так и в картинках моей памяти нет воспоминаний о том, кем я в своем младенчестве был. Например, вроде бы я частенько плакал. Но было ли моей душе горько при этом? И еще чаще я чему-нибудь удивлялся или радовался. Но — почему радовался? Что ли все эти мои плачи и радости, как вихри в поле, во мне непричастно зарождались и сами неизвестно куда пропадали?

Или — кого-то я, например, нетерпеливо звал, кому-то о чем-то кричал. Но почему кричал? Какая у криков моих была причина? Ведь не может же вдруг закричать стоящее среди двора пустое ведро?

«Гы! Гы!» — гыгыкал я громко брату. «Гы-гы», — охотно и на моем языке отвечал он, видимо, передразнивая меня. И потом, нагыгыкавшись, мы, по рассказам матери, сияли друг другу глазами.

Но не из пустоты же сияли мои глаза брату Саше в ответ на его сияние?

Вот же, отчетливо помню себя в чуть более старшем возрасте, уже от всех отдельного, уже во что-то свое, от всех тайное, погруженного, уже от кого-то уворачивающегося, а кому-то стремящегося попасться на глаза. Как, например, дядьке Максимычу, нашему соседу. Мол, гляди ж, дядку Максимыч, это я тут по улице иду, я! Чтобы он вдруг с восхищенным изумлением объявил чуть ли не на все село:

— Люди добры! А поглядите, какой Мыколище тута вышагивает! Еще б усы ему под нос прицепить, да шашку сбоку подвесить — и от истинного казачка было б не отличить! Ай да хлопец у Григорыча уродился, ай да парубок у нас на селе появился!

И я при этом тайно пузырился и лопался от ощущения великой своей значимости. И понимал, что это я шлепаю по дорожной пыли босыми пятками, а не кто-то другой.

Но ведь и раньше, завидев меня, все обязательно обращали на меня внимание, а вот что за существо ответно из меня выглядывало на всех этих людей, а также и на всех всматривающихся в меня лягушек, кузнечиков, ласточек, кто глядел из меня на огненно рдеющие помидоры, на огурцы, на орущего с плетня петуха — вспомнить я не могу.

Но — не могло же быть во мне так пусто и тихо, как бывает пусто и тихо лишь там, где пока еще никого нет?

Или и на самом деле во мне в ту пору сохранялась еще нетронутой та первозданная тишина, в которой только и можно было различить чистое и прозрачное, как сам невесомый воздух, пение небесных ангелов?

О моих райских кущах

Я застал Москву не такую неразговорчивую, в какую она превратилась ныне.

Здесьние обитатели, а особенно старушки, как я помню, считали даже и не вежливым на меня не глянуть, если я возле магазинного прилавка рядом с ними оказывался. Да, бывало, даже и не заговорят, а просто покажут свое ко мне, незнакомому им человеку, неременное расположение. А уж если кто в магазин заходил, ни на кого не глядя, то у старушек лица становились скорбными, как на виду у безжизненной и холодной бездны.

А вот теперь в Москве не принято обращать друг на друга внимание. Даже в переполненном вагоне метро, где все молчим мы, как шпроты в банке, если нечаянно за чей-то взгляд зацепишься, надо тут же куда-то в сторону отвести глаза, дабы не выглядело так, что я покушаюсь на суверенность такого же, как и сам, пассажира. И если он сам спросит о чем-то, ответишь вроде охотно, но именно не пространным своим ответом вроде как проявишь уважение к человеку. И на улице если кто заговорит о чем-то неопределенном, вроде того, что, мол, как же надоела эта жара, то точно так же, как если бы человек споткнулся, а ты его за локоть остороженько поддержал, ты отвечаешь ему вполне участливо: «Да, дождик не помешал бы...» «Уже ж и трава на газонах вся выгорела!» — не унимается, допустим, этот неизвестный, с добрыми и теплыми глазами, человек. И ты вроде бы не молчишь, разговор продолжаешь вполне душевно. Но так и голубь вдруг садится на подоконник моей кухни, и мы друг на друга смотрим, пока он не улетит или пока я сам не шагну к плите, чтобы снять вскипевший чайник. Но если б двойных стекол в окне не было, то и голубь, наверно, на мой подоконник не сел, а если бы и сел, я бы машинально его прогнал. Вот и незнакомые люди в тесноте наших тротуаров и где угодно теперь друг на друга если и поглядывают, друг с другом если и вступают в разговор, то словно бы сквозь двойное стекло.

А иной раз идешь по улице, а навстречу женщина малыша за руку ведет. И малыш этот на тебя своими глазками глядит, и, допустим, пусть он

при этом даже не улыбается, пусть он даже вроде бы куксится, но — все равно, весь он ясныйкий, так что и вся его кукса сквозь него просвечивает, как нити жилочек в кленовом листике, попавшем под ослепительный солнечный луч. Так что вдруг захочешь ты ему хотя бы подмигнуть, чтобы этим подмигиванием словно бы обрадоваться его пока еще легкой, как пух, жизни. Но, из приличия, эту свою радость утаишь, мимо, как и подобает уличному прохожему, пройдешь.

Хотя — все-таки нечаянную теплотцу от этого ребеночка в себе ощутишь и далее уже с этой теплотой сколько-то минут проживешь.

А в самую начальную пору моей жизни все сторонние люди стремились мне в лицо заглянуть, все пытались меня либо погладить, либо даже потискать, либо, по крайней мере, сунуть мне конфету или пряник. И в памяти у меня остались ласковейше притишенные голоса этих со всех сторон устремляющихся ко мне моих односельчан.

Пройти мимо птичьих мельканий их рук было невозможно. Даже глухой дед Яшка — мне особо запомнившийся своей приземистостью, своими необыкновенно широкими и кверху, как у орла, вздернутыми плечами, а также тонкой и длинной шеей, а также носом увесистым, вытянутым далеко вперед, и губами впалыми, будто проглоченными, — даже вот этот дед Яшка если заходил к нам во двор и, громко прокричавши моему отцу: «Иван Григорьич! Не одолжишь ли бурав на часок? А то, будь оно неладно, дырку кой-где пробуравить надо!», затем непременно спрашивал: «А твоего меньшенького почему не видно?», а обнаружив во дворе и меня, руки длиннющие растопыривал и, как гусак, шел мне навстречу. А затем, с растопыренными руками, обмирал, и непонятные губы его растопыривались в улыбке, а глаза умильнейше зажмуривались. Отец подавал ему свой плотницкий, свой тяжеленный, не магазинный, в кузне кованный бурав, что-то и сам кричал ему в ухо, но дед Яшка не сводил с меня своих восхищенных глаз и уже как не глухой, уже голосом обыкновенным, тихим, пытался со мной заговорить. А я, может быть, даже рот раскрывши и не дыша, зачарованно глядел на его удивительный нос, на его пожатканное, в глубоких и темных рвах морщин, лицо, на его огромный кадык, на его орластые плечи...

Полагаю, что в деде Яшке и во всех моих односельчанах лишь с наибольшей непосредственностью проявлялось общее для всех много проживших людей стремление узнать в каждом детском лице то первородное сияние, из которого когда-то вылепились и их собственные души, — затем, может быть, жизнью обугленные, покореженные, болящие, но и хранящие, все-таки хранящие в себе хотя бы самую малую искру изначального покоя и ничем не замутненного первородного счастья.

Потому как, где бы ни родился человек — в избушке ли, по пояс в землю вросшей и со слепыми окошками, или в вызолоченном дворце — в первую пору жизни для него это были такие же райские кущи, как и те, в которых царствовали первые люди Адам и Ева до своего изгнания.

Когда твоя душа еще не знает ни добра, ни зла, когда твоя душа, как утренний солнечный луч, абсолютно безмятежна, то вкус картошки так же приятен, как и вкус любого экзотического овоща, а обыкновенный сахар лизнуть охоты даже больше, чем пробовать некие самые изысканнейшие сладости. Да и вручную сколоченная и не покрашенная, воистину деревян-

ная табуретка с ее за многие годы отполированными до янтарного блеска жилами, с ее буграми твердейших сучьев, с ее, между толстых ножек, перекладинками, о которые можно упереть свои не достающие до пола пятки — это то же самое, что и какое-нибудь дорожущее кресло; да и ни что — ни золото, ни серебро — так завораживающе не блестит под солнцем, как живая капля на промытом дождем оконном стекле, ничто так не драгоценно, как тонюсенькие розовые лепесточки обычного для сельских изб цветка, называемого «семейная радость», как неутомимый маятник жестяных часов, прижавевших к стене меж рамами с фотографиями, как огонь, жарко мерцающий сквозь щели меж чугунными блинами грубки, как посапывание ветерка в печной вьюшке, как карман вернувшегося с работы отца, в глубинах которого нетерпеливо добывал я переданный мне летом от «ласточки», а зимой от «зайчика» гостинец, и ни что так не насыщает уютным покоем, как несмолкающий голос матери, и ни что так не волшебю, как некие ласточки и зайчики, никогда обо мне не забывающие, вечно обо мне помнящие и вечно меня одаривающие если не яблоком или конфетой, то необыкновенно вкусным кусочком хлебушка, который я не разжевывал, а дотаивал во рту до его сладчайшей, воистину чудесной сути.

Мне довелось родиться хоть и в избе обычной для нашего Курского края, но на высоком кирпичном фундаменте, со светлицею, с кухней, которая почему-то называлась черной комнатою, с просторнейшей печкой, с темным и широким жерлом подпечья, с множеством печурок, а также с печкой-голландкой, которая, опять-таки, у нас именовалась грубкой, с широкими запечными полатыми, а также с сенцами, с чуланом — притягательно сумрачным, освещенным лишь сквозь, величиной с кулак, отдушину, с кирпичным подвалом. Конечно же, теперь не понятно мне, как мы все — отец, мать, брат, две сестры и я — в теснотушечке такой не наступали друг на друга, как помещались в черной комнате еще и другие, более широкие, чем запечные, полати, а также клеенчатый столик, посудница, лавки, табуреты, а во время ежедневного «поранья» — еще и корыто для мойки картофеля, стада чугунов, ведер, кувшинов, как в светлице помещалась старинная, с резными спинками, кровать, всегда украшенная кружевными подзорниками и кисейными покрывалами, самодельный, отцом выструганный диван, широкий и толстоногий стол, стулья, сундук такой, что на нем и спать было можно, и сундук в виде большого фанерного чемодана, швейная машинка, платяной шкаф, а также все те мелочи, которые уже не перечислить.

Но можно же было мне вместе с котом надолго затаиться под столом, можно же было мне подползти к подпечью и украдкою заглянуть в его тьму, как бездоннейшую пещеру, или подкрасться к самой нижней печурке и вытащить оттуда гребешок со сломанными зубьями, пустой спичечный коробок, катушку без ниток, или совсем уж крошечный пузыречек, или почти не ржавый гвоздочек, или отливающую перламутром пуговицу, или совсем уж драгоценные бусины, или даже расписной, может быть, братом забытый глиняный свисток, или даже шпульки от того ткацкого станка, который отец зимой ненадолго устанавливал в светлой комнате, так, что пока мать ткала половики или рядна, взрослому человеку пройти мимо нее можно было только боком, переступая через массивные и древние балки станочных стоп.

Даже при всем том, что на всю глубину печурок длины моей руки не хватало, богатства мои преумножались бы с каждым днем, если бы я их тут же не терял или если бы я благополучнейше не забывал о них, где-то вроде надежно припрятанных. Но, с ненасытной надеждой на будущие свои поживы, всякий раз я поглядывал и на печурки верхние, мне пока недоступные.

А в одной из печурок я нашел, видимо, ту конопляную кудель, из которой мать пряла нити для своего тканья. И когда я эту кудель попробовал вытащить, отец мне сообщил, что это какой-то бородатый дед давным-давно к нам заходил, но бороду свою забыл, и вот теперь она его тут, в печурке, дожидается. И я уже к этой печурке не приближался. Хотя частенько глазами упирался в жутковато выглядывающие из нее волосы бороды, и, не будучи в состоянии понять ее тайну, щупал собственный подбородок, с которого, как пообещал мне отец, однажды у меня вырастет борода собственная.

Помню, однажды, обнаружив фанерный сундучок открытым, я вытащил оттуда отцовские медальки, а мать, удачам моим обычно радуясь, эту находку у меня отобрала, и я было разрыдался, но брат вдруг извлек из своего кармана свое самое главное сокровище — складной ножичек. «Хочешь увидеть, как он режет?» — спросил он торжественно и подобрал у печки оставшуюся от растопки щепочку, и начал ее строгать. Я, конечно, рыдать перестал, потянулся к ножичку, а брат с великою важностью меня предостерег: «Этот нож такой сильный, что у тебя он из рук, как царапучий кот, вырвется, и сделает тебе бо-бо...» И слегка уколол меня кончиком лезвия в ладонь. «Бо-бо! Бо-бо!» — с не меньшей важностью стал показывать я всем свою уже тронутую удивительным ножичком ладонь. Но напрочь забыл и о медальках, и о ножичке, когда увидел, что отец, вооружившись самодельным, из оцинкованного железа, совком, отправляется в чулан за зерном для гусей. О, у меня мурашки по спине ползли то ли от холода, то ли от жути в этом нашем сумеречном чулане, где вдоль одной стены простирались массивные и, чтобы мыши их не прогрызли, окованные железом закрома, а над ними свисали мешочница и мешочки, тоже с зерном, а также с сахаром, маком, сушеными для взвара фруктами и мало ли с чем еще. А вдоль другой стены были полки, и кроме отцовских столярных и плотницких инструментов, которые я уже мог отличить, все прочее на этих таинственных полках мне было непонятным и то ли виделось, то ли жутковато мерещилось.

Лишь в подвал мне долго не удавалось заглянуть, потому что, если его открывали, чтобы извлечь из него, допустим, банку с вареньем или с моченой в капусте антоновкой, то меня тут же кто-то подхватывал на руки, на что-то другое отвлекал, и я, по простоте своей, даже об этом таинственнейшем подвале в единый миг забывал.

Родительские или Нинины руки, а также Сашины и даже самые незамысловатые Катины хитрости, подобно явлениям природы, сверху и сбоку, и отовсюду чинили препятствия всем моим устремлениям, но и тут же устремляли меня на что-то другое. Все меня переставляли и передвигали с места на место, как табурет, меня выманивали и заманивали, и я, насытившись в кочевьях своих по дому, иногда садился поближе к матери на полочник и начинал хныкать, возможно, по тем же причинам, по которым, например, люди взрослые и степенные даже во время самых веселых засто-

лий с особым наслаждением вдруг начинают петь какую-нибудь свою самую что ни на есть печальную, самую заунывную песню. Не на много старшая от меня Катя пыталась меня опять-таки на что-то отвлечь, а мать ей говорила: «Пусть же Коля похнычет, если ему так сподобилось».

Еще не зная, в чем смысл добра, я никого из не позволяющих мне заглянуть в подвал, покрутить колесо прялки или достать из кошелочки первого и особо приманчивого цыпленочка, не мог заподозрить во зле, а не зная горя, я не понимал, что счастливей, чем я, быть уже невозможно. Как сытая рыба-кит блуждает по океану, так и я блуждал под столом и вокруг стола, а также от чулана к печке, а от печки в светлицу, например, к совсем уж волшебной швейной машинке, чтобы, не успевши вздрогнуть от прикосновения к ней хотя бы кончиком пальца, вдруг обнаружить, что Нина под табуретку, у которой в сиденье была дырочка от выпавшего сучка, ставит устланную тряпицей кошелочку с первыми цыплятками, чтобы я, желтеньким и писклявеньким комочкам цыпляток не причиняя вреда, тем не менее, сквозь дырочку, как Нина меня уже научила, кидал им пшенную кашку, а потом глядел, как цыплятки, нежнейше желтенькие, пушистенькие, эту кашку склевывают своими крошечными клювиками. Ах, вряд ли кто-нибудь и для кого-нибудь, как для меня моя удивительная сестра Нина, создаст такую же — из табуретки с дырочкой, из застеленной тряпицей кошелочки с цыплятками и пшенной каши — фабричку по производству той нежности, которою я насыщался, то кашку сквозь дырочку кидая, то под табуретку на удивительные живые комочки цыпляток заглядывая.

Да и уже мало кто, видимо, помнит, что крестьянский дом был истинным Ноевым ковчегом, странствующим в вечных потопах природного выживания. В пещере подпечья иногда вдруг появлялся в качестве жильца купленный отцом на базаре опасливый и глупенький поросенок, которого, как кота, невозможно было обнять, но, если удавалось почесать его за ухом, то он вдруг этой ласке покорялся, становился покорным и смиренным.

А еще иногда все пространство возле печки мои родители выстлали золотою, пахнувшей морозом соломою, а потом вносили на рядне только что родившегося теленочка и укладывали на эту солому. И он тут же пытался встать на свои дрожащие ножки. И я замороженно на него глядел. Я пытался погладить его мордочку, а он пытался поймать мои пальцы, полагая, что это не пальцы, а вымя. И мать давала мне бутылку с соской: «На, покорми своего дружка...» И вместе мы, она с восхитительным спокойствием, а я только пугливейше прикасаясь к бутылке, кормили жадного к молоку теленочка.

Все те несколько первых дней своей жизни, пока теленок жил в доме, я не отходил от него, то трогая его шелковую шерстку, то просто глядя в его сказочные, в длинных ресницах, глаза.

А весной под кроватью светлой комнаты и под полатями черной комнаты совсем для меня незаметно поселялись гусыни. Они сидели в своих плетеных из ивовых прутьев гнездах, и перед каждой стояли мисочки с водой и едой. И так было для меня в охотку дотянуться до теплых и с каждым днем все более бледных их клювов. «Чав-чав-чав-чав», — шершавым шепотом они отвечали на мою ласку к ним. И ночью, засыпая, я слышал, как они мне вышептывали: «Чав-чав-чав». И так таинственна была их спрятанная под кроватью и под полатями жизнь. А потом появлялись их писклявень-

кие гусьтки. Из гнезда мать пересаживала этих гусятков в просторнейшую кошелку. И мне позволялось лишь трогать их, поскольку я, одного выхвативши, чуть его от восторга не задушил...

А едва начиналось настоящее лето, из дома я выбирался, блуждал по необъятным просторам нашего двора, нашего сада, нашего огорода. И, как пчела добывает мед во мреющих огнях цветущих подсолнухов, так и я упрямо напивался либо долгими созерцаниями вот этой пчелы, либо первыми сроненными с веток яблоками белого налива, либо накаленной солнцем, во рту жарко тающей сладостью малины, либо — мало ли еще чем.

А недавно мне довелось найти в Интернете весьма добротное киноповествование о жизни того народца, который пока еще из лабиринта амазонских джунглей в наш взрослый мир не выкарабкался и свой детский образ пока еще не утратил. Когда глядел я, как трое первобытных и бесштаных охотников заостренными палочками ради пропитания неторопливо выкапывали из чьей-то обширной норы анаконду, то по выражению их воистину безмятежных лиц я считывал то, что в незапамятные времена испытывал и сам, когда с отцом мы кормили кур, когда возле матери я пасся на огороде, когда вместе с братом мы пекли в нашем осеннем костерке картошку и сахарную свеклу, когда с сестрой Катей щепочками проковыривали мы из дождевой лужи тонюсенькую ниточку собственного укромого ручейка...

Всю нашу пытливую человеческую породу Господь обрек на изгнание из того рая, где проковыривали и мы с Катей наш ручеек.

И орлиный дед Яшка с его длиннющим носом и огромнейшим кадыком, когда устремлялся ко мне, младенцу, со своими растопыристыми руками, то — только потому устремлялся, что понимал, что я пока еще тот Адам, который из рая не изгнан.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ИВАНОВ

ГОРИТ КОСТЕР

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор более десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Поля зеленые, коричневые пашни,
В душе любовь и к небу,
и к земле —
И оттого немного даже страшно,
Что ничего не надо больше мне.

Иду пешком из Ханино в Слепнево,
Иду тележной узкой колеей,
Я знаю жизнь и горькой, и суровой,
Но нынче это в недрах, под землей.

Все где-то там до времени таится
И жутко машет острою косой.
А здесь — ромашки,
ветер на пшенице,
И я иду в рубашке и босой!..

ПРИВЫКАЕМ ЖИТЬ БЕЗ УКРАИНЫ

Привыкаем жить без Украины.
И теперь, быть может, навсегда
нам чужие — степи и долины
и Днепра широкого вода.

Так бывало в мире, так бывает.
Братья тоже ссорятся навек.
Киев золотой наш уплывает,
на враждебный уплывает брег.

Как хочу я в этом ошибиться:
наваждение, бес попутал — вот
перебесятся, и устремится
снова к нам украинский народ...

Но покуда вижу: все сильнее
там вражда к России, и все злей
молодежь — безжалостней, наглее,
и Россия ненавистна ей.

Там у нас у многих пуповины.
Там святых истоков благодать.
Привыкаем жить без Украины...
Не хочу, не буду привыкать.

* * *

Какая мягкая трава
На родине моей.

Какие жаркие дрова
На родине моей.
Какие древние холмы
На родине моей.
Какие светлые умы

На родине моей.
Талантов столько, как цветов,
На родине моей...
Всегда, всегда мне будет кров
На родине моей.

* * *

Опять о мире и войне... И кто-то плачет.
А для кого-то все кругом так мало значит.
И то и это, и проблем в России масса.
Но все идет на задний план в виду Донбасса.

По крайней мере, так должно быть в эти годы.
Иначе жизни там конец, а не свободы.

Там наша русская душа.
Там наши братья...
И мы должны их заключить
в свои объятия!

ТИМОНИХА

На свете на белом, на небе ли —
Отрада в душе и покой!
Тимониха. Белые лебеди
Летят над беловской избой!

Чудесные лебеди белые!
Откуда в конце октября?
Догадки являются смелые,
Мол, лебеди — это не зря.

Мол, это Василий Иванович
Приветствует добрых гостей...
Родной наш Василий Иванович,
Стою у калитки твоей!

Окрестные дали завьюжены.
Снежок налетает, снежок!
А лебеди быстро и дружно так
Уходят на юго-восток.

Прекрасные лебеди белые!
Двенадцать в клину лебедей.

Окрестности осиротелые...
Большие дома — без людей...

А что впереди — нам неведомо.
Воскреснет ли наша земля,
Наполнятся ль новыми бедами
Родные леса и поля?

Привычны, конечно, нам горести,
Но может быть, лебеди — знак,
Что жизнь повернется по совести,
Что будет все как-то не так,

Как нынче... Тимонихе, родине,
И кладбищу низкий поклон,
И жерди любой в огородине...
А клин удалившийся, он

Навеял надежды. Красиво тут.
Озера, леса — благодать!
И птицы летели как символы:
Здесь жизнь не должна умирать!

СТИХИ, НАВЕЯННЫЕ ВЕРХНИМ ЧЕГЕМОМ

Горит звезда над саклею Кайсына, Балкария не забывает сына.
Мерцает снег, в камнях течет река... И не забудет, хоть пройдут века.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Геннадий ГОРЯЧКИН

РОССИЙСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЕГИПТЕ (XIX–XX вв.)

Геннадий Васильевич Горячкин — родился в 1945 г. в Иркутской области, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ им. Ломоносова, автор девяти книг и многих статей. Награжден медалью «Ветеран боевых действий» (2005), орденом Воинского долга (Арабская Республика Египет, I ст. — 1971). **Живет в Москве.**

Командировка российских врачей и фельдшеров в первой половине XIX в. в Египет способствовала углублению знаний и профилактики в противостоянии с чумой, пришедшей с Востока, в том числе с паломниками. Эта командировка показала высокий уровень отечественной медицины, представителей которой охотно стали позднее приглашать на работу в эту страну. Российские врачи помогли создать здесь медицинский профсоюз и «Медицинскую газету», которые еще более закрепили славу и профессионализм отечественных медиков в Египте. Наконец, большая заслуга принадлежит Русской поликлинике, основанной в Каире нашими белоэмигрантами в 1920 году. Руководил ею прибывший сюда еще до 1917 г. директор медицинской клиники Московского университета К. Э. Вагнер. Помимо обслуживания своей колонии, врачи участвовали в обучении местных медицинских кадров как в поликлинике, так и позднее в египетских университетах. Они же создали научное общество, издавали медицинские бюллетени, рефераты, проводили семинары и конференции. Врачи-эмигранты продолжили достойную традицию российской медицины в Египте и подготовили общественное мнение страны к соответствующему восприятию советского медицинского образования, особенно в области спортивной медицины.

Практический интерес российской медицины к долине Нила восходит еще к XIX в., если не считать того обстоятельства, что в свое время российские врачи были знакомы с медициной Древнего Египта, изучая ее в отечественных учебных заведениях и читая выходившие в то время медицинские учебники, а то и вообще пользуясь другими сведениями о ней. Успехи египетской медицины в

той или иной мере были известны и на Руси, так как пройти мимо ее блестящих результатов, хотя бы при бальзамировании, практически было невозможно. В XIX в. этот интерес стал усиливаться в связи с беспокойством правительственных и медицинских кругов вспышками опасных заболеваний на Востоке. С возрастанием паломнического потока в центры исламских и христианских святынь Ближнего и Среднего Востока для российских властей возникла настоятельная необходимость как можно ближе ознакомиться с санитарным положением этого края. С этой целью туда посылались отечественные врачи для изучения эндемических очагов опаснейших заболеваний, которые могли попасть и попадали, к сожалению, на территорию Империи через мусульманских и христианских паломников¹.

Первый серьезный тревожный сигнал пришел из Одессы во время Отечественной войны 1812 года. Причиной появления чумы здесь явилось заключение мира с Портой в конце XVIII в., когда сношения Востока с Заднепровским краем сделались свободными и многочисленные корабли стали посещать Одесский порт и другие гавани Причерноморья и Приазовья, и уже в начале августа 1812 г. была здесь отмечена высокая смертность. Было известно, что эта напасть уже свирепствовала в Константинополе, за Дунаем и за Кубанью, в Грузии, Имеретии и во многих других местах. «Одесса, — писал современник этих событий, видный историк и общественный деятель этого города А. Скальковский, — в течение 18-летнего своего существования и, соответственно, 18-летнего сообщения с Востоком, единственным источником чумы — до сих пор избегала этого зла, почти непобедимого, но теперь пришла и ее очередь»².

На 30 августа 1812 г. от эпидемии умерло 30 человек. Всего же до исчезновения чумы в середине 1813 г. заболело 4038 человек из общей численности населения города и предместий 20 тыс. человек, погибло 2652, или 1/9 часть жителей³. Во время и после этого были приняты чрезвычайные меры — устройство карантинных пунктов, максимальная мобилизация материальных и людских ресурсов местного населения; неимоверное физическое напряжение жителей, а также высокий патриотизм одесситов от градоначальника герцога Эммануила де Ришелье⁴ до простых горожан, помощь, хотя и недостаточная, центральных властей в связи с продолжавшейся Отечественной

---

¹ Давлетшин А. А. «Отчет штабс-капитана Давлетшина по командировке в Хиджаз». СПб., 1899; Отчет о командировке в Джедду врача Д. К. Заболотного. СПб., 1897; Его же: Очерк санитарного быта пилигримов-мусульман в Аравии // Журнал Русского общества охранения народного здравия. СПб., 1898, № 8. С. 279–289; Заболотный Д. К. Эндемические очаги чумы на земном шаре и причины ее распространения // Русский архив патологии. СПб., 1899. Т. 78. Вып. 1–6. С. 242–250; Миклухо-Маклай Н. Н. Рассказ о пребывании на берегах Красного моря // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1869. С. 279–287; Пашино П. И. Мусульманские пилигримы в Джидде (путешествие по Аравии) // Новости. СПб., 1877. № 282.

² Первое тридцатилетие истории Одессы. 1793–1823. Сочинение Одесского жителя А. Скальковского. Одесса, 1837. Репринтное изд. Одесса, 1996. С. 198.

³ Там же. С. 206.

⁴ Герцог Эммануил Дюплесси (Осипович) Ришелье (1766–1822), видный французский и российский политический деятель. По его просьбе Екатерина II взяла Э. Ришелье на русскую службу. С ноября 1790 г. он в армии Потемкина, за храбрость при штурме Измаила награжден золотой шпагой. Губернатор Одессы с 1803 по 1814 гг. Получил звание полковника. В 1820 г. выехал во Францию.

войной — все это в совокупности позволило полностью покончить с чумой менее чем за 5 месяцев¹.

Однако «восточная чума», по выражению Э. де Ришелье, уже проложила дорогу в Новороссию. По данным российских архивов, несмотря на исчезновение чумы в 1813 г., открытость российского побережья перед судами, прибывавшими с Востока, приводила к тому, что время от времени вспышки чумы и холеры наблюдались в 20-х и 30-х гг. XIX века². На масштабы угрозы чумы на Востоке указывало издание в Константинополе специального журнала “Peste” («Чума»)³.

Ощущение же подлинной угрозы опасных заболеваний, которые пришли вполне реально также с долины Нила, сформировалось в 30-е гг. XIX столетия. На основании докладов западных (французских) исследователей, сделанных ими в 1834–1838 гг. во время командировок в Аравию, Абиссинию, Малую Азию, Египет и другие страны региона, в Петербурге забили тревогу⁴.

С целью изучения и профилактики чумы в Восточное Средиземноморье были направлены отечественные медики. Эта проблема стала обостряться как в Верхнем, так и в Нижнем Египте, особенно в 1835–1837 годы⁵. Российские власти вынуждены были обратить внимание на эту ситуацию, так как через Египет следовали паломники в Хиджаз — Мекку и Медину, равно как к христианским святыням Синайского полуострова и даже в Палестину.

Так, еще 18 августа 1842 г. была образована специальная комиссия при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел, в компетенцию которой входила подготовка и отправка на Восток российских врачей и фельдшеров для изучения очагов возникновения чумы и других опасных заболеваний и предотвращения их распространения в пределы Российской империи. Выбор пал на преподавателя медицины Ришельевского лицея А. А. Рафаловича из Одессы, первой в России отразившей наступление этой напасти. С этой целью в самом начале 1846 г. командировались на Восток Артемий Алексеевич и «причисленный к Одесскому карантину штаб-лекарь Коробочка с четырьмя фельдшерами». Последние двое были приданы из Одесского карантина — Иванов и Молочков, а еще двое — из медчасти передового отряда русских войск в Бессарабии⁶.

¹ Кстати, по Высочайшему Указу от 6 июля 1812 г. о вторжении неприятеля в пределы России, призывавшему все сословия к защите отечества, одесситы выделили 280,5 тыс. руб. в общероссийский фонд обороны (из них герцог Ришелье — 40 тыс.) // Первое десятилетие истории Одессы... С. 189, 193.

² Cattai Rene. Le Regne de Mohamed Aly d'après les archives russes en Egypte. Roma T. 1. Rapports consulaires de 1819 a 1833. P. 32, 34, 45–46, 51, 371, 440, 503, 515, 518.

³ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Главный архив, II-1. Оп. 50, 1800–1871, 1837. № 3, С. 38. «Об издаваемой в Константинополе медиками Бюларом и Лаго газете “La Peste”, о производимых ими опытах для отыскания верного способа лечить чуму, — о брошюре, изданной медиком в Египте Лефебром, о незаразительности чумы и о желании медика Лаго ехать в Одессу для пользования зараженных чумою».

⁴ Яроцкий И. Замечания об Александрии, Смирне и Константинополе, в физическом и медицинском отношениях, извлеченных из сочинения доктора Л. Обера «О чуме» // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XXXIX. СПб., 1841.

⁵ См.: Cattai Rene Bey. Op. cit. Т. II. Partie 1. P. 265, 281, 288, 338, 356, 437, 446, 437; Partie II. P. 2–3, 21–22, 116, 122, 254–255, 286–287, 292, 478, 496; Т. III. P. 82.

⁶ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив, II-10, Оп. 48. Ед. хр. 1. «Об отправлении за границу для исследования чумы врачами Коробки и Рафаловича». Л. 145 об. — 146.

Кроме этого, преподавателю Ришельевского лицея А. Рафаловичу вменялось в обязанность «обозреть во всей подробности важнейшие карантинные учреждения Средиземного моря»¹. Министерство просило МИД взять под защиту деятельность посылаемых медиков².

По приезде в Египет командированные были размещены в каирском госпитале Каср аль-Айни, где прожили более полутора лет и где в связи с жарким египетским климатом испытывали серьезные неудобства, так и не дождавшись появления чумы. По сообщению генконсула России в Каире Фока³, ввиду отсутствия чумы фельдшеры «имеют весьма мало занятий, скучают, жалуются, и если бы люди, на коих пал выбор, не были столь отлично кроткого и хорошего поведения, то давно бы успели испортиться и причинить неприятности консульству. Дозволить им оставить госпиталь и жить на вольной квартире, как они того просят, нельзя без необходимости присмотра в многочисленном восточном городе при их незнании языка и местных обычаев». Кроме того, по мнению генконсула, египетские власти могли видеть в этом выражение недоверчивости или неудовольствие к ним со стороны. И еще генконсул считал, что фельдшеров «неприлично более оставлять в госпитале на совершенном иждивении здешнего правительства, тем более в нынешнее время, когда бразды правления принимает Ибрагим-паша, известный своею склонностью к экономии»⁴.

28 июня 1848 г. директор Медицинского управления МВД штаб-генерал доктор А. Рихтер ответил генконсулу Фоку, что проживать в Египте за местный счет было бы действительно неприлично, но он полагает, что, «получая от казны достаточное содержание, они не имеют и не имели никакой надобности пользоваться щедростью посторонней державы»⁵.

Между тем, не все российские врачи и фельдшеры смогли адаптироваться к тяжелым климатическим условиям Египта. 30 ноября 1847 г.

---

¹ Ришельевский лицей назван в честь градоначальника Одессы герцога Эммануила де Ришелье. Лицей был образован согласно высочайше утвержденному Уставу на базе Одесского Благородного института в мае 1817 г. Торжественное открытие состоялось 7(19) января 1818 г. уже после того, как Ришелье стал премьер-министром Франции (1815). Он тут же написал благодарственное письмо жителям Одессы и передал в дар лицее свою библиотеку и 13 тыс. франков. Позднее он подарил лицее свое генерал-губернаторское денежное содержание в России, оставленное Александром I на время его пребывания во Франции.

Ришельевский лицей стал вторым по тем временам лицеем после Царскосельского. Сюда на воспитание российская аристократия стала посылать детей даже из обеих столиц. В 1820 г. Император Александр I придал учебному заведению статус Университета. В мае 1865 г. Ришельевский лицей был преобразован в Императорский Новороссийский университет, а затем в советское время в Одесский государственный университет, названный в 1945 г. именем И. И. Мечникова. В разное время лицей посещали Александр I, поэт В. Жуковский, писатель О. И. Сенковский, Царь Николай I, хирург Пирогов, поэт Яков Полонский, великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин и многие другие известные лица. Поэт Константин Батюшков, в первый год существования лицея побывавший в Одессе, писал А. И. Тургеневу: «Лицей есть лучшее украшение Одессы». Цит. по: *Скальковский С.* Первое тридцатилетие города Одессы. 1793–1893. Одесса, 1837. С. 234–236;

[https:// wikipedia.org / wiki / Одесский_национальный_университет_имени_И.И._Мечникова](https://wikipedia.org/wiki/Одесский_национальный_университет_имени_И.И._Мечникова).

² АВПРИ. Ф. 161 СПб.: Главный архив, II-10. Оп. 48. Д. 1. Лл. 1–1 об.

³ Статский советник Фок Александр Максимович был генконсулом России в Египте с 22 апреля 1844 г. по 18 декабря 1854 г.

⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив, II-0. Оп. 10. Р. 1. Л. 111–111 об.

⁵ Там же. Л. 123 об. – 124.

А. Фок сообщил о смерти от дизентерии штаб-лекаря Коробочки на греческом острове Родос, куда он, видимо, был доставлен из Каира уже больным¹. На этом беды россиян в Египте не закончились.

22 июня 1848 г. в Каире скончался один из фельдшеров Александр Молочков. По утверждению врачей, он страдал воспалением печени, в которой образовался нарыв, при вскрытии которого он умер и погребен во дворе церкви св. Николая в Александрии. Хотя, по заверению Фока, «во время болезни Молочков получал всевозможные пособия», условия пребывания в Египте не способствовали его выздоровлению. Остальные фельдшеры на время оставили каирский госпиталь и прибыли в Александрию, где с разрешения Патриарха помещены в «просторных комнатах монастыря св. Саввы и пользуются морским здоровым воздухом»².

Сам Артемий Рафалович с первого дня своего пребывания в Египте с головой ушел в работу и уже к середине 1846 г. подготовил двухмесячный отчет «о своих служебных занятиях в Турции» и направил его российскому послу в Константинополе с просьбой передать в Медицинское управление Министерства внутренних дел³. Российский врач был в постоянных контактах с египетской стороной, проводил консультации с местными специалистами, читал им лекции о санитарном состоянии в стране, доставил в медицинское управление Записку о состоянии Нижнего Египта, которую публично зачитал в этом департаменте. Эта Записка, а также ответ египетского медицинского управления, в котором содержались «официальные возражения» на сочинения А. Рафаловича, были переданы канцлером К. В. Нессельроде министру внутренних дел⁴.

Активнейшая деятельность и успехи, достигнутые Рафаловичем по прибытии в страну, были настолько удачными, что приехавший еще в начале 1848 г. в Александрию для наблюдения по карантинной части и выработки профилактических мер против распространения чумы доктор Прус из Парижа попросил разрешения перевести его труды на французский язык⁵. Посланник России в Константинополе В. Титов запросил об этом Санкт-Петербург. Спустя некоторое время выяснилось, что речь идет о прежних трудах Рафаловича, изданных уже журналом Медицинского управления МВД, а не о его новом отчете, и разрешение на перевод было получено. При этом подчеркивалось, что одесский врач мог и сам обеспечить перевод⁶.

В сообщении генконсула Фока посланнику Титову от 27 апреля 1848 г. говорится, что доктор медицины коллежский советник Рафалович 18 апреля покинул Александрию, чтобы ознакомиться с карантинными учреждениями в бассейне Средиземного моря. Перед отъездом он попросил консульство взять под покровительство находящихся четырех фельдшеров в каирском госпитале до прибытия врача из России на место покойного штаб-лекаря Коробочки. Согласившись на эту просьбу Медицинского факультета, Фок, тем не менее, высказал соображения об отправлении на родину в непро-

¹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив, II-0. Оп. 10. Р. 1. Л. 90.

² Там же. Лл. 90–91.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 130.

⁵ Там же. Л. 63

⁶ Там же. Л. 63–63 об., 96.

должительное время этих четырех фельдшеров и о принятии только одного врача на место штаб-лекаря Коробочки. Эти доводы сводились к тому, что если врачи и фельдшеры (кроме Рафаловича) не достигли никаких результатов по своей специальности, то и очередную партию ожидает тот же самый итог. По утверждению генконсула, он до сих пор не мог понять, для чего прибыли сюда фельдшеры. Он считает, что новая группа тоже не принесет никакой пользы науке, это, в свою очередь, даст повод к «разным вредным и неприятным для нас толкам». «Если же дело идет только о наблюдениях относительно местности и быта жителей края в отношении к чуме и состоянию здоровья вообще, — продолжал он, — то г. Рафалович удовлетворил вообще всем требованиям по этому предмету».

Далее г. Фок отмечает, что в этой связи здесь существуют несколько мнений: 1) в течение нескольких ближайших лет чума здесь не появится, а может быть, и вовсе прекратится; 2) приверженцы другого мнения, «контажионисты», полагают, что эта болезнь тут совсем не прекращалась, а затаилась; 3) третьи считают, что она вовсе померла¹.

После сравнительно длительной переписки фельдшеры были возвращены в Россию, очередная группа им на смену не была послана. Сам А. Рафалович продолжил свою поездку по странам Средиземноморья и, успешно завершив ее через 34 месяца, вернулся на родину с объемистым отчетом, который был одобрен компетентными организациями и лицами, а о поездке в египетскую Дельту издал книгу за казенный счет².

А. Рафалович выехал из Санкт-Петербурга 2 февраля 1846 г., а 22 марта был уже в Константинополе, где провел 4,5 месяца. Затем направился в Смирну, Сиру, Александрию, Каир. Потом путь врача лежал в Нижний Египет, где объехал деревни по берегам обоих рукавов Нила, Рашидского и Думьятского.

14 апреля 1847 г. уже из Каира через Синайскую пустыню и аль-Ариша он направился в Палестину и Сирию. Врач посетил Газу, Яффу, Иерусалим, Вифлеем, долину Иордана, Мертвое море, Назарет, Тивериаду, Хайфу, Акку, Сур, Сайду, Бейрут, Триполи, Дамаск, аль-Камар, Латакию, Александретту, Антиохию, Алеппо, Хаму, Хомс и Захлю. Закончив путешествие по Великой Сирии 8 сентября, он вернулся в Александрию³.

Затем настала очередь для выполнения после ознакомления второго пункта инструкции МВД: обратить внимание «на местные условия, при которых чума возникает и распространяется»⁴.

2 октября 1847 г. Рафалович выехал на юг страны, побывал в оазисе Файюм, а затем, поднявшись вверх по Нилу, в городах Среднего и Верхнего Египта — Бени-Суэйфе, Минье, Гирге, Асьюте, Манфалуте, Кене, Исне, Асуане и Даре и посетил большинство деревень на обоих берегах Нила вплоть до второго порога Вади Хальфа в Нубии.

После этого наступил черед детального исследования Дельты, которое врач Артемий Рафалович осуществил верхом на ослике. Остановливаясь здесь почти в каждом селении, он вникает в его хозяйственную структуру,

¹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив, II-0. Оп. 10. Р. 1. Л. 110 об., 145 об.

² Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.

³ Там же. С. 42–43.

⁴ Там же. С. 43.

влияние на нее реформ Мухаммеда Али, давая им объективную оценку, часто расходившуюся со многими другими. Подробное и заинтересованное описание им египетских городов и селений Дельты, занятости их жителей, традиций, обычаев быта и т. д., ставит, на наш взгляд, его книгу в ряд известных трудов Лэйна Э. У., Клот-бея А. Б. и других западных авторов, уже переведенных на русский и арабский языки¹.

В завершение маршрута командировки 30 апреля 1848 г. он приступил к обозрению северо-западного побережья Африки и карантинных учреждений Средиземного моря. За 6 месяцев этой поездки он посетил Алжир, равнину Митиджи, города Блид, Деллис, Буджи, Жижелли, Филипвиль, карантин на Мальте, в Марселе, Барселоне, Пальме, Генуе и Ливорно. 21 ноября 1848 г. он вернулся в Санкт-Петербург².

Подытоживая свой краткий отчет о командировке министру внутренних дел, А. Рафалович пишет, что «карантины до сих пор составляли и составляют вернейший способ как прекращения самой заразы, так и охранения общественного здоровья и главнейшую меру предосторожности, к которой следует прибегать при обнаружении где-либо чумных случаев. До тех пор, пока не будут уничтожены в Египте условия для эндемической чумы, существование карантинных необходимо, и кратчайший срок для судов и людей, прибывающих из места действительно зачумленного должен быть не менее 10 дней. При благополучном состоянии Египта и Леванта сроки можно сократить. Всякое появление здесь чумного случая должно весьма скоро доходить до Европейских карантинных управлений»³.

В самом конце А. Рафалович докладывает, что он приступает приводить в порядок собранные им многочисленные материалы, на которых основываются его выводы. В дальнейшем врач продолжал работать по этой избранной, чрезвычайно важной медицинской проблематике⁴. Это требовалось в связи с увеличением очагов опасных инфекционных заболеваний на Востоке и ростом численности российских паломников. Численность хаджи, подданных России, в начале 90-х гг. XIX в. составляла чуть более 2 тыс. человек, а через примерно 10 лет превзошла 11 тыс. человек.

Затем медицинскую традицию поддерживали российские эмигранты. Учитывая высокий уровень отечественной медицины, в чем немало способствовала миссия в конце XIX — начале XX в., ее представителей все чаще и чаще приглашали на работу в Египет в качестве личных врачей хедивов и представителей египетской аристократии. Более того, со временем они стали играть выдающуюся роль в организации медицинского дела в стране. В их числе оказались братья Сергей и Георгий Вороновы. Они были уроженцами российского города Воронеж.

Более подробными сведениями мы располагаем о Сергее Воронове, который родился 10 июля 1866 года. В 1884 г. переезжает в Париж, оканчивает

---

¹ Лэйн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в.: пер. с англ. А. С. Рапопорт, предисл. В. В. Наумкина. М., 1982; Клот А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Ч. 1–2. СПб., 1842. Каирское издательство «Россия сегодня» намеревается ликвидировать пробел и перевести книгу А. Рафаловича на арабский язык.

² Краткий отчет... С. 43.

³ Там же. С. 50–51.

⁴ Три статьи о чуме доктора А. А. Рафаловича. Одесса, 1879.

здесь лицей, в декабре 1893 г. в 27 лет становится уже доктором медицины. Натурализовавшись во Франции 30 ноября 1895 г., в 1896 г. он переезжает в Каир и устраивается хирургом при Хедивском дворе в качестве медицинского советника правителя Египта¹. Между 1896 и 1910 гг., женившись в 1897 г., Серж Воронов, используя дворцовые связи, занимает видные политические и социальные позиции в высшем каирском интеллектуальном обществе и создает в 1898 г. Хедивское медицинское общество. Его знают не только в столицах Египта, но и на периферии. Так, александрийская газета «Ля Реформ» в одном из своих майских номеров 1900 г. сообщала: «Доктор Воронов покинул Каир. Он направляется в Порт-Саид, куда был срочно вызван, чтобы провести одну операцию, в наш город он вернется через два дня». Лечебные кабинеты братьев Вороновых находились в центре Каира. Об этом, в частности, говорилось в одном из объявлений на странице центральной каирской газеты: «Доктор г. Воронов, специалист по внутренним болезням, принимает все дни с 3 до 5 часов после полудня в доме Мататыйя, напротив сада Эзбекия»².

Пользуясь огромным авторитетом и влиянием как Генеральный секретарь, а затем и Почетный председатель Хедивского медицинского общества, 20–23 сентября 1902 г. Серж Воронов проводит в Каире Первый египетский медицинский конгресс, участниками которого стали свыше 600 делегатов. За исключительный успех конгресса, посвященного проблемам тропической медицины, из рук Хедива Аббаса II Хельми получает орден Меджидие, а позднее и французский орден Почетного легион за вышедший в 1905 г. в каирском издательстве четырехтомник трудов этой конференции³.

Совершенно логично, что братья со временем оказались основателями первого печатного органа врачей, практиковавших в Египте. «Медицинская пресса» Египта была создана в 1909 году. Выходила два раза в месяц. Директором газеты был Сергей Воронов, главным редактором его брат Георгий.

Так, Сергей и Георгий Вороновы были основателями Профсоюза медицинских работников и «Медицинской газеты» в Египте. Интернациональный профсоюз медиков был создан в 1910 году⁴. Сначала о самой газете. Она была создана в 1909 г. Выходила два раза в месяц. Директором газеты был медицинский консультант хедива (правителя) Египта хирург Сергей Воронов, главным редактором — его младший брат Георгий, специалист по внутренним болезням⁵.

В редакционный комитет «Медицинской газеты» входили Самболю — главный врач госпиталя компании Суэцкого канала в Исмаилии, Команос-паша — медицинский консультант Хедива, Готье — санитарный врач Франции в Суэце, Жорглед — фармацевт, Обис — профессор из госпиталя,

¹ Le Docteur Samuel Serge Voronoff (1866–1951) ou «la quête de éternelle jeunesse» par F. Augier, E. Salf et J. B. Nottet // Histoire des sciences medicales. 1996. T. XXX, N 2. P. 163.

² «Le Journal du Caire». Le Caire. 30.VI. 1904.

³ Le Docteur Samuel... P. 164.

⁴ Voronoff (G.). Le syndicat international des medecins du Caire / La Presse medicale d'Egypte. 1910. 1-er novembre. T. II. N 20. P. 353–54 // Rene Maunier. Bibliographie economique, juridique et sociale de l'Egypte modern. (1798–1916). Le Caire, Imprimerie de l'Institut francais d'archeologie orientale. 1918. P. 120.

⁵ «Le Journal du Caire». Le Caire. 30.VI. 1904.

Легран — главный хирург Европейского госпиталя в Александрии, Мараспа — член Французского общества отоларингологии, Мурисон — главный врач британского консульства, Пресса — врач компании Суэцкого канала в Порт-Саиде, Сами-бей — главный врач клиники офтальмологии «Султан Калаун», Шенбер — дерматолог, Валясопуло — главный врач греческого госпиталя в Александрии, Валенсен — главный врач израильского госпиталя в Александрии¹. Помимо представительного коллектива медицинской газеты, на ее популярность указывает география главных корреспондентов, сотрудничавших с ней. В этом же номере каирской «Медицинской газеты» приводится список лиц, являвшихся ее постоянными корреспондентами. Подавляющее большинство из них проживали во Франции — г-н Ашар, профессор медицинского факультета из Бордо, профессор Бергонль с медицинского факультета Марселя, Леон Бернар, Безансон², Карно, Дебов, Дельрю — доктора медицинских наук из Парижа, д'Арей Повер — хирург из госпиталя св. Бартоломея в Лондоне, Долангер — профессор медицинского факультета университета в Будапеште, Ламбат — хирург из Антверпена, Субботье — главный хирург государственной больницы Белграда и многие другие.

Газета сплотила многих медиков в Египте, которые со временем составили ядро профсоюза медицинских работников в Стране пирамид. В передовой статье «Интернациональный синдикат медиков Каира» в «Медицинской прессе Египта» ее главный редактор Георгий Воронов (Жорж) писал: «Мы только что получили приглашение на собрание, на котором будут заложены основы медицинского профсоюза. Идея создания профсоюза уже давно дискутировалась между европейскими медиками, в частности, между членами Хедивского общества медицины, и вот, наконец, путем устранения некоторых разногласий в среде иностранных врачей, она окончательно созрела»³.

Укрепив авторитет российских врачей, братья невольно способствовали приезду отечественных медицинских работников в Страну пирамид. Еще до Октябрьской революции 1917 г. в Египет прибыл К. Э. Вагнер, директор медицинской клиники Московского университета, пробывший на «университетской службе» в 1897—1916 гг. после окончания Санкт-Петербургской медико-хирургической академии в 1886 году. Поляк по происхождению, Конрад Эдуардович появился в Египте раньше, чем другие белоэмигранты. Мотивы его переезда в эту страну до сих пор нам не ясны. Вероятно, они — политические и объяснялись перипетиями военного времени, а также неустойчивой и беспокойной ситуацией в преддверии революций. Кроме этого, К. Вагнер наверняка располагал о благоприятной медицинской обстановке в долине Нила.

Научные исследования К. Э. Вагнера были посвящены нарушениям обмена веществ, болезням сердца, органов пищеварения, туберкулезу. Конрад Эдуардович обзавелся своей клиентурой в Каире и Александрии. Медицинская практика в северной столице всегда предварялась объявлениями в местной и центральной прессе. Читаем объявление в газете «Ля Реформ» от 8 июля 1921 г.: «Директор медицинской клиники Московского университета

---

¹ «La Presse medicale d'Egypte». Le Caire. 1.XI. 1910.

² Там же.

³ Там же.

профессор Вагнер проведет летний сезон в Александрии и будет принимать больных ежедневно с 10.00 до 11.00 и с 16.00 до 18.00 на улице Махмуд-паша аль-Фаляки. Тел. 7-57». Эта частная практика профессора Московского университета продолжалась до его отъезда в Польшу в начале 1930-х годов. Далее его следы затерялись.

Главная заслуга К. Э. Вагнера во время пребывания в Египте заключалась в создании и руководстве Русской поликлиникой, персонал которой состоял из врачей, сопровождавших несколько тысяч больных и раненых русских солдат и офицеров из Новороссийска в Египет после разгрома денкинских войск в 1920 году¹. Деятельность поликлиники имела большое значение как для русской колонии в Египте, так и для египтян. По прибытии основной массы эмигрантов (свыше 4 тыс. человек на пяти пароходах в январе-марте 1920 г. из Новороссийска) каирские власти предложили русским военным властям работу по обслуживанию египтян в городских и сельских «центрах гигиены». Однако медики-россияне сами открыли «Поликлинику русских властей-специалистов» в Каире на улице Бидак, 25, и начали самостоятельно зарабатывать себе средства на жизнь.

Наряду с профессором Вагнером персонал поликлиники включал специалиста по внутренним болезням Бухаревича, Новосильцева (внутренние и кожно-венерологические заболевания), хирурга и гинеколога Платонова, окулиста Сандера, хирурга и отоларинголога Волькенштейна, педиатра Ципенюка. Лабораторией заведовал Наркирьер. Из отчета К. Э. Вагнера: за первый год деятельности поликлиники ее посетили 2110 человек. Всего был сделан 8771 визит, бесплатно было принято 578 человек, в основном своих соотечественников, большинство которых здесь влачило жалкое существование. Помимо лечения, образованное при ней Русское медицинское общество выпускало регулярный бюллетень, проводило научные конференции; здесь появлялись медицинские достижения мирового значения. С врачами-практиками оно помогало готовить египетские медицинские кадры. Впоследствии современники отметят в воспоминаниях, что русские медики «создали новое поколение египетских врачей»².

После закрытия поликлиники многие ее сотрудники выехали из Египта, другие остались на своей «второй» родине, устроившись на медицинские факультеты Каирского и Александрийского университетов и в другие учреждения. До сих пор египетские профессора медицины и практикующие врачи сохраняют самые теплые воспоминания о своих учителях. Памятные доски на стенах часовен каирского православного кладбища при храме св. Георгия и александрийского в Шатби сохранили имена этих медиков-россиян: В. Э. Беллин, Б. В. Булгаков, А. А. Волькенштейн, Н. Ильичев, В. М. Новосильцев, Н. Соловцова, К. Я. Теплов, М. Д. Троицкий, А. М. Троицкая, А. А. Адливанкин и др.

В условиях отсутствия официальных отношений в 1917–1943 гг. медики-белоэмигранты продолжили славные традиции русско-египетских медицинских связей, в том числе и лечение правителей страны. Так, например, лечил египетских королей Фуада и Фарука отоларинголог А. А. Волькен-

¹ Горячкин Г. Русская поликлиника в Каире // Азия и Африка сегодня. 1998. № 11.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 329.

штейн (1891–1963). По словам современников, он «считался специалистом высокого класса, и к нему очень трудно было записаться»¹. В этом же письме бывший эмигрант писал, что «русский профессор Н. Соловцов (тоже ухо, горло, нос) творил чудеса».

Оценивая в целом деятельность врачей-эмигрантов, у многих из которых он лечился в Каире и Александрии до отъезда в США в 1961 г., Н. А. Старковский уже в настоящее время хотел бы «выразить благодарность замечательным русским врачам в Египте, людям чести и верности своим соотечественникам. Они не только ничего не брали с русских за визиты, лечение и операции, но и снабжали лекарствами и посещали больных по мере надобности на дому. Более того, они всегда были готовы помочь из своего кармана. Только по приезду в США я узнал, что за медицинскую помощь надо платить и что будет тебе капут, если не купишь дорогую страховку. Кроме того, русские врачи и сестры милосердия принимали деятельное участие в работе образцовых Благотворительных Обществ. В Александрии общество возглавляли генерал Гельмгольц и Анастасия Ильинишна Ауэрбах, урожденная Зеленая, в Каире неутомимые супруги, доктора Казаковы. Слава русским врачам зарубежья! Слава истинным интеллигентам-патриотам великой Руси!»².

Российские врачи заполнили вакуум официальных контактов и в значительной степени своей удачной практикой способствовали росту авторитета российской медицины в Египте, создав условия для более широкого и плодотворного «сквозного» взаимодействия на этом поприще уже в советский период, особенно в спортивной медицине после удачных выступлений отечественных спортсменов в олимпиаде в Мельбурне в 1956 году.

---

¹ Из письма автору этой статьи от эмигранта Н. А. Старковского от 20.XI. 2011. Н. А. Старковский скончался 27 июля 2014 года. Благодаря ему, в основном, появилось второе издание книги «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте». М.: Русский путь, 2012. Его мать Е. В. Старковская прошла длинный путь медсестры Добровольческой армии до прибытия в 1920 г. в Египет, затем до 1961 г. трудилась в Русской поликлинике Каира.

² Из письма Н. А. Старковского автору статьи от 21 ноября 2011 года.

Славянское БРАТСТВО

Ирина ПЕНЮКОВА БАЛКАНСКИЙ ДНЕВНИК (12.10.98–25.12.1999)*

Ирина Валентиновна Пенюкова — родилась в 1974 г. в городе Новозыбкове Брянской обл. Окончила Смоленскую государственную медицинскую академию, Литературный институт имени А. М. Горького, Академию государственной службы при президенте РФ (Москва). Заведующая первым урологическим отделением ГАУЗ «Брянская объединенная городская больница № 2» г. Брянска. Диссертантка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского. Имеет свыше тридцати опубликованных научных работ, автор монографии по русскому языку, исследовательских статей по медицине. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. **Живет в Брянске.**

* Публикуется с сокращениями.

«БОМБЫ, УПАВШИЕ НА ЗЕМЛЮ СЕРБИИ, РАЗОРВА- ЛИСЬ В МОЕМ СЕРДЦЕ»

Недавно мне в руки попался дневник молодой русской женщины. Он появился на свет в те дни, когда натовцы бомбили Югославию в 1999 году. Она не имела к этой стране никакого отношения, жила в Брянске, только что закончила медицинский институт и начала работать. Ей было 24 года. Но как пронзительны ее слова, как искренни переживания за сербов! Ее сердце переполнено болью, гневом и возмущением. «Бомбы, сброшенные на Югославию, разорвались в моем сердце», — пишет она и добавляет: «Кровью своей клянусь, что всю оставшуюся жизнь я буду помнить, что Америка сделала с Сербией!».

Когда я писала книгу об агрессии НАТО против Югославии¹, то искала тех, кто в Сербии записывал день за днем увиденное и пережитое. С трудом нашла небольшой дневник сербского журналиста, который скорее показывал обыденность случившегося, чем что-то непреодолимо ужасное. А ведь мемуары и дневники — бесценный источник для историков, изучающих любой исторический период или событие.

Политика России в этот период вызывает особое внимание ученых. Она была пассивной, вялой и антисербской в первой половине 90-х годов, сосредоточенной, но не активной на балканском направлении вплоть до 1999 года. Натовцы ожидали, что подготовленные западной пропагандой воздушные

¹ Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО 1999 г. против Югославии и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. 310 с.

удары по «главным виновникам этнических чисток», «диктатору-коммунисту» и «партии войны» не вызовут в России негативной реакции. Но совершенно неожиданно все российское общество, от президента до школьника, было охвачено чувствами возмущения действиями агрессора и солидарности с сербским народом. Все структуры российской власти и все слои общества были впервые едины в осуждении агрессии. Народ вышел на улицы, антиамериканские настроения росли, накал страстей совпадал с патриотизмом кабинета министров. Сотрудничества, на которое так надеялся Альянс, не получилось. По всем городам России прошли митинги протеста. Кемерово, Петрозаводск, Уфа, Казань, Новгород, Волгоград, Новосибирск — вот только некоторые города, где законодательная и исполнительная власти принимали заявления и обращения, где проводились акции протеста, сжигались американские флаги. В Москве и днем, и ночью демонстранты протестовали около всех посольств стран — членов НАТО. Больше всего от яиц, чернил, камней пострадало американское посольство. Среди московских студентов распространялись листовки следующего содержания: «Студенты! Лекция по политологии переносится к американскому посольству! Скажи НЕТ американским фашистам!». Серьезные заявления сделали Дума и Совет Федерации. Российские ученые, целые научные коллективы слали в Югославию письма и телеграммы поддержки. С Заявлением выступили духовные лидеры традиционных религиозных объединений России — православия, ислама, иудаизма и буддизма. Во многих городах составлялись списки добровольцев, готовых отправиться на Балканы защищать братьев-сербов. Командующий войсками Дальневосточного военного округа Виктор Чечеватов заявил, что готов возглавить любое формирование российских добровольцев или регулярных войск для помощи Югославии.

Митинги и демонстрации я наблюдала в Москве, но как реагировала глубинка? Отдельные люди? Дневник молодой девушки из Брянска — красноречивое доказательство русского патриотизма, умения сопереживать славянским братьям, попавшим в беду. Весь дневник — это боль и отчаяние. Боль от того, что бьют родных и невиновных, а отчаяние от невозможности помочь. Уже работая, она каждую минуту думала о том, что на Балканах падают бомбы, молилась, верила и собирала по крохам любую информацию оттуда, «от наших». И ни одного равнодушного в окружении — врачи, медсестры, больные, все ловили каждое сказанное слово о Балканах по радио, телевидению. Пересказывали услышанное. Жить в таком напряжении трудно. Знаю по себе.

Тогда, в марте 1999 г., казалось, произошло что-то невообразимое, жуткое, бесчеловечное. Среди бела дня, в цивилизованной Европе, беспричинно бомбят. Очень трудно передать те чувства, которые меня охватили. Страх? — Нет. Ужас? — Нет. Беспомощность? — Нет. Скорее боль за тех, кто там, под бомбами, желание быть рядом, помочь, бороться за правду против зла и ненависти. Все боролись: кто перед американским посольством, кто на митингах протеста, кто в газетах и журналах, перед микрофоном и камерой. Мы не сидели сложа руки. Легче стало только тогда, когда в апреле удалось вырваться в Югославию, все увидеть своими глазами, понять и выработать план действий. Ока-

зывается, я тоже в те дни писала дневник, но про свои записи успешно забыла. А недавно нашла их случайно.

Ирина Пенюкова начала вести свой дневник 12 октября. Почему так рано? Ведь бомбить начали только 24 марта следующего года. В октябре 1998 г. обстановка на территории Югославии предельно накалилась. Югославская Армия в Косове оттеснила албанцев к границам, разгромила террористические группы, ликвидировала их опорные пункты и установила эффективный контроль над коммуникациями и большей частью территории. Поражение боевиков могло нарушить подготовленный в Белом Доме сценарий. В материалах защиты Слободана Милошевича есть интересный документ. Согласно ему, премьер-министр Великобритании Тони Блэр приказал лорду Педи-Эйдауну: «Поезжайте к этническим албанцам в КиМ. Проверьте, каким оружием они располагают, сколько его имеют, в каком оно состоянии, чего им не хватает. Убедите их выдержать. Расскажите им о приезде контрольной миссии. Дальнейшие инструкции им передаст американский генерал Уильям Вокер...»¹. В октябре 1998 г. в Белграде появился Ричард Холбрук, который 12 дней вел переговоры с С. Милошевичем, предъявив ему ультиматум, требуя военного присутствия натовцев на территории Сербии и Черногории. Тогда вся Югославия была уверена, что агрессия начнется именно в октябре. И именно тогда в российских газетах появляются первые тревожные сообщения с Балкан.

Главные особенности дневника молодого врача из Брянска — искренность, непредвзятость и даже наивность. Но переполнявшие ее чувства показывают как стремление к истине, так и твердый характер. Такие дневники — свидетельство времени и должны стать частью документальной истории нашей эпохи.

Е. Ю. Гуськова

* * *

12.10.98

Сейчас весь мир совершает одну из величайших подлостей, за которую будет стыдно многим поколениям, придущим после нас.

Если это произойдет... Немыслимо, невозможно поверить, вся душа переполнена гневом и возмущением, обидой на свою беспомощность.

Сущность слова «Америка» у меня давно уже ассоциируется со словами «великолепный хам», но сегодня к ним прибавилось слово «мерзавец», в данном случае, по сути, очень близкое к слову «фашист».

Сербия. Маленькая гордая страна, отказывающаяся встать на колени. Я бесконечно люблю Россию, но я почти ненавижу Ее сейчас, когда Она так беспомощна! Я почти ненавижу Ее именно потому, что очень сильно люблю. Я не желаю позора своей Родине.

Есть Бог на небе, а на земле должна быть Святая Русь. Да, согрешившая, но раскаявшаяся. Иной России быть не должно. Если Она станет

---

¹ Цит. по: Ђошан М. Од НАТО агресије до Хашког трибунала. Београд., 2008. С. 153.

иной — Она погибнет. Негоже погибать бесславно, встав на путь Иуды. Поддержав сербов, мы можем погибнуть вместе с ними, сражаясь против несправедливости всего мира, но это будет достойная смерть!

Есть Бог на небе, но невозможно найти Царство Божие на земле. Верность десяти заповедям во всем мире сегодня воспринимается почти как безумие. Тем более, верность им не одного человека, а целой страны. Огромной страны. И маленькой страны. Для мира не существует Бога. Этот мир обречен на исчезновение. Глядя на подобное, удивляешься Божьему терпению. Грех — единственный предмет поклонения этого мира.

Душа переполняется болью, когда видишь всеобщее предательство! Услышав последние сообщения из Косова, мама рыдала. Когда-то царь Николай II не побоялся защитить Сербию. Сегодня Ее предали точно также, как предали в свое время царя Николая II, только теперь в предательстве повинен не один народ, а весь мир.

Предательство Болгарии было самым неожиданным и ударило сильнее всего. Я никогда не считала Болгарию способной на такое, и никогда бы не поверила раньше, что она на это способна. Как люди, так и страны выбирают между добром и злом, черным и белым. Господь всем даровал свободу. Свободу выбора. Но выбирая, люди очень часто забывают, что за эту свободу придется отвечать. Перед Богом.

Есть Господь милующий, но Господь может быть и карающим. Безумный, слепой мир! Ты стоишь на пороге Третьей мировой войны! Бомбы, сброшенные на Косово, упадут на твои дома, США, Англия, Франция, Германия, Италия... И дай Бог, чтобы от Болгарии в конце концов осталось хоть что-либо! А Сербия... Сербия сейчас всходит на свою Голгофу.

В нашей семье нет ни одного равнодушного к судьбе Сербии. Я чувствую, переживаю за Нее так же, как если бы это случилось с Россией. Ночь. Последняя мирная ночь ТАМ. Уже завтра многих не досчитаются. Но пока... пока еще целы дома, мосты, улицы, дороги. Пока все еще живы. Все-все.

А в Европе не могут поделить билеты на какой-то футбольный матч. Пир во время чумы. Разве такой мир заслуживает Прощения? Души, утратившие сострадание и милосердие — мертвые души.

А между тем, наши, собираясь тягаться с НАТО, пытаются сместить с поста собственного президента! Вторая новость дня — президент нездоров. Как не вовремя!

Америка (США), более всего отступившая от Господа, берет на себя функции Бога на земле. В своей гордости и неверии как же они будут Богом наказаны! Они — рассадник зла в мире, они — Содом и Гоморра! Подлецы! Подлецы! Подлецы!

Мы отозвали всех своих представителей из НАТО, сказав, что предоставим сербам, если все-таки будет бомбовый удар, новейшее из вооружения, несмотря ни на какое эмбарго, а отношения с НАТО и США порвем полностью, то есть они (дословно) «будут хуже, чем во время холодной войны». Каждая из европейских стран готова предоставить НАТО от 6—9 до 40 самолетов, плюс базы. И это при том, что в Сербии действует эмбарго на поставки оружия!

Это же хладнокровный расстрел целого народа! Попросту, подлое убийство! Убийца — США и кампания. Европейскую страну будут расстрели-

вать руками самих европейцев. Неужели в этих странах не понимают, что то же самое может произойти и с ними! Что американская мировая политика — политика страха...

Эти два дня решают судьбу всего мира. Мы все стоим на краю пропасти. Боюсь, что НАТО нанесет бомбовый удар даже в том случае, если б Сербия пошла на все уступки. Им очень выгодно завладеть Сербией. Со всем как в басне: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...». Ситуация очень напоминает времена начала ВОВ¹. В роли Германии — США с точностью до мельчайших деталей.

Россия сделала прекрасный ход: вместо ввода американских наблюдателей в Косово мы предложили ввести туда своих, русских. Конечно, Штаты это не остановит, но зато с них будет сорвана личина добродетели.

У американцев за всю их историю никогда не было и нет ничего святого. Их народ — сброд со всего мира, авантюристы, отщепенцы, каторжники, бандиты... Суть их натуры — подлость. Чем меньше ума — тем сильнее в человеке безнравственность...

Милошевич выиграл у Билла еще один день мира. По крайней мере, Билл обещал ему это.

Мир стоит на пороге страшной катастрофы. Какие службы идут сейчас во всех церквях Сербии и России! Господи, суди и защити правого!

27.11.98

Все, что случилось в последующие дни, можно охарактеризовать двумя словами: «Наших бьют!». Настроение народа и действия правительства России были соответствующими. Дрались отчаянно и все-таки отстояли. Американцы прозвали нас «сумасшедшими русскими». Слава Богу, что Он, Господь, не допустил позора!

Да, Сербия хочет в СНГ². Сербия, Россия и Беларусь хотят создать что-то вроде единого государства. Многие русские радуются этому.

А сербам все беспредельно сочувствовали, были возмущены Америкой и тем, что наши медлили вначале. В ординаторской отделения, где я работаю врачом, тогда все разговоры были только об этом, и что они, сербы — братья, причем, никто никого за язык не тянул. То же самое — в общественном транспорте и в магазинах.

Слава Богу!

Значит, не все потеряно! Умолили Богородицу!.. Зло перестает лицемерить. Скоро все станет либо черным, либо белым. Каждому придется выбирать. А убийство — всегда подлость.

Да, мы дрались за Сербию. Но силы были слишком неравны. Фактически, Россия в политическом плане — уже ничто. Хотя дрались отчаянно, из последних сил, но это воистину чудо, что Америка устрасилась. Чудо Господне.

Последнее время непреодолимо тяжело на душе. Кажется — душа пустая. Пустота на месте любви. Самое страшное, когда нет ни любви, ни ненависти. Хотя ненависть сама по себе ужасна, но это — страшнее. Что

---

¹ ВОВ — Великая Отечественная война. — Прим. здесь и далее Е. Ю. Гуськовой.

² СНГ — Содружество независимых государств.

творится со мной? Неужели я теряю свою душу? Бесконечно хочу в Одрино (женский монастырь. — Е. Г.).

Да, президент все еще болеет. Жаль. Как не вовремя.

17.12.98

Итак, началась Третья мировая?

P.S. Пока еще нет, но уже на пороге...

21.2.99

Сказано: «Род праведных благословится до тысячи родов...»

23-24.3.99 (ночь)

Бомбы, сброшенные на Югославию, разорвались в моем сердце. Кровью своей клянусь, что всю оставшуюся жизнь я буду помнить, что Америка сделала с Сербией!

Для Америки это начало Конца.

24.03.99

Народ «кипит».

Разговор в нашей ординаторской мужчин-хирургов:

— Сколько наши самолетов сбили?

— Говорят, один.

— А точно?

— Говорят, да.

— Хоть бы они их все посбивали!

И весь день, накануне:

— Уже бомбят?

— Пока еще нет.

— Сволочи!

Это не было праздное любопытство! Вовсе нет! Это была *невозможность поверить*, нежелание верить в то, что возможна такая подлость!

Целый день еще ничего не происходило, боялись реакции России, мира. А потом начали ночью, трусливо, подло...

Участие России в войне означает гибель и распад России. Но что мы выиграем, предав сербов? Год-два мира, а потом... Нет уж! Даже если бы мы, предав, выиграли весь мир...

В Отечественную, когда немцы стояли под Москвой, маленькая Югославия оттягивала на себя и удерживала 27 немецко-фашистских дивизий! А под Москвой в это время положение было отчаянное! А что было бы, если б... Так разве имеем мы другое право? Перед Богом и людьми — нет!

27.03.99

С. Милошевич¹ просит о военной помощи. Это гибель России. Но, зная все, я говорю — да! Им нужно помочь! Умирать — так вместе! Но, убив Россию, что получит оставшийся мир? Конец Света.

28.03.99

Третья мировая война?

---

¹ Слободан Милошевич — президент Югославии.

3.04.99

Они бомбили центр Белграда! Мое сердце обито кровью. Боль, гнев, возмущение — за все, за все! Состояние моей души — это когда «ярость благородная вскипает как волна»! Идет война... к границам России. Мы никогда не будем равнодушны к судьбе сербов!

Я думаю — еще месяца полтора-два мира в самой России. Велико Божье милосердие! Все наши войны начинались внезапно, а тут Он дает возможность подготовиться...

Американские и английские журналисты, заранее зная о бомбежках центра Белграда, выбрали наиболее выгодные позиции, что б лучше было видно в США и Англии!

Я знаю, кто молит сейчас на небе Бога за Сербию — Царь! Государь, моли и за нас, грешных!

Итак, с нами — никого, кроме Бога. Но если с нами Бог, кто против нас? Теперь я знаю, что ярость может быть благородной! Настроения тех людей, кого я вижу и с кем общаюсь — такое же, за редким исключением. СМИ лютят «грязь» на Сербию и сербов, но им никто не верит!

5.04.99

На бомбах, сброшенных на Сербию, надписи «Христос Воскрес» и поздравления с Пасхой! Слова Патриарха всея Руси об этом. Он выступал по телевизору. Лидер косовских албанцев просит НАТО прекратить бомбардировки и встречается с С. Милошевичем.

Позавчера наш Патриарх Алексей II послал в Югославию икону Казанской Божьей Матери (ту, что была с русскими войсками во время ВОВ под Москвой, Сталинградом и пр.), а вчера в штате Луизиана в США прошел сильный смерч, с массой разрушений, есть убитые, раненые. Американцы разгребают завалы...

К Сербии, в Эгейское море, вышел лишь один русский корабль, а хотели послать шесть! Курс наших политиков в отношении Югославии — много шума без ничего, то есть без конкретных действий! Татарстан записывает добровольцев в армию косовских албанцев. Через 1-2 месяца эта война будет у нас!

Шеварднадзе¹ «двумя руками» за НАТО! Как можно быть настолько слепым! НАТО сотрет Грузию с лица земли! Против войны, в пользу сербов открыто выступает только Белоруссия. Кажется, весь мир охватило массовое безумие!

Что же касается зачинщиков бойни, то здесь уместно вспомнить поговорку: «Бог долго ждет, но больно бьет!». За все, что происходит ТАМ, отвечает, прежде всего, Америка! Она не друг албанцам, и уж конечно, она не друг сербам!

Да, Россия порвала с НАТО, Примаков развернул самолет от берегов Америки, потом подарил сербам 6 часов мира, уехав на переговоры с Милошевичем. Слова Ельцина: «Россия окажет гуманитарную помощь сербам. И албанцам».

А между тем, в добровольцы (за сербов) по России уже записалось около 150 тысяч человек. Сербия просит о военной помощи, но наши политики

---

¹ Эдуард Шеварднадзе — советский и грузинский политический деятель, министр иностранных дел СССР в 1985–1990 гг., президент Грузии в 1995–2003 гг.

медлят. А народ — кипит. НАТО усиливает бомбовые удары и наращивает вооруженную группировку на Балканах. Нам, то есть России, открытым текстом приказали не вмешиваться в дела Америки. Дожили!

Из тех, кто дерется за Сербию на политическом фронте (причем, и с нашими политиками тоже) — Примаков и Иванов, да еще Сергеев. Иванов открыто сказал, что по данным нашей разведки, Америка начнет информационную войну в России за общественное мнение... в пользу албанцев. То есть будут куплены (открыто!) наши СМИ и некоторые депутаты.

Греция высказалась против бомбардировок. НАТО решило наказать ее тем, что разместит свой сухопутный контингент в виде турецких войск на территории Греции с тем, чтобы потом руками турок вырезать сербов. Сухопутная операция планируется через месяц-полтора.

За все эти дни я не видела ни одного русского, который бы не сочувствовал сербам, не был бы возмущен! И медсестры, и врачи нашей больницы, и пациенты в палатах, да и просто знакомые — все переживают за Сербию. Больные буквально «приклеиваются» к телевизорам во время новостей.

Америка не собирается прекращать авиаудары на Пасху. Мы молимся, чтобы была плохая погода, чтобы самолеты не смогли летать!

Идет война... И такое чувство, будто она идет в России. По новостным каналам югославские новости — самые первые, как сводки с места боев. И в этом нет никакой корысти. Я абсолютно точно знаю, что любовь русских к Сербии искренняя, она не требует себе ничего взамен.

Вчера, на Вербное, были в Одрино. Причастилась. Внутри разлились благодать и покой. Островок радости посреди бушующего моря — дней тревоги и смятения. После службы, как обычно, прошли в трапезную. В трапезной разговор был опять о Сербии. Делились последними новостями. Участвовали все — и матушка Мариам, и монахини, и миряне, и послушники, и батюшка. После всего подошла к батюшке и попросила его молиться за сербов. Но, оказалось, что они уже и так давно молятся за них, без моей просьбы. А кроме того, наш архиепископ Мелхиседек с первого момента нападения по Сербию тоже просил их об этом. Когда вернулись домой, я просто упала и заснула. Спала очень спокойно. И только тут впервые поняла, в каком нервном напряжении была все последние дни. И сама удивилась, что я ТАК переживаю.

Отец Нил — настоящий русский патриот, впрочем, как и все они там, в монастыре. Кстати, там очень чтут Царскую Семью и молятся Ей.

Господь отдал на попечение России другие народы. Именно на попечение даровал Он Ей их, как дарует детей матери! Как детей матери, а не в рабство! Россия перед Богом отвечает за вверенные Ей народы, как мать отвечает за своих детей перед Богом. Никого из них Она не должна потерять, но обо всех печься и всех блюсти, иначе сам Господь сурово спросит с Нее за них! Но и эти народы отвечают за Россию перед Богом, как выросшие дети отвечают за своих старых родителей. А те из них, кто уходит от России... — вспомните притчу о блудном сыне! Эта земля, эта страна... — это наша Семья! Разрушая Ее, мы разрушаем все! Все! Нигде, нигде без Нее, этой Семьи не будет нам счастья! И скажите, разве эти ушедшие, в глубине души, не мечтали бы вернуться? Нас всех легко переломать по одному пруту, но невозможно — всех вместе! Как часто слово «родина» («Россия») созвучно у нас слову «мама»!

Похоже, Лукашенко — самый честный из политиков, и на сегодня, пожалуй, самый благородный. От нас — Примаков, Иванов.

Ну, разве это дневник? Нужно ведь писать лишь то, что касается меня! Что ж, выходит, меня все касается! Ах, Косово! Косово!

Вообще, такое ощущение, что война идет в России, а не в Югославии, судя по тому, как к этому относятся русские люди. Впрочем, я и сама отношусь так же к этой войне. Но я уже писала об этом.

У нас с ними один ДУХ, одна ДУХОВНОСТЬ! А это — высшая степень родства!

06.04.99

Наше правительство нужно судить как предателей! Предателей России. За то, что оно предало Сербию. Вся Россия — за сербов! И у каждого болит душа...!

О, я буду помнить! Всегда! И все! Все!

Многие албанцы говорят, что их убивали люди в масках! Сербам нет смысла прятать свои лица, да и народ это не тот, что б прятать их! Милошевич говорит, что они не убивают албанцев!

С. Милошевич в одностороннем порядке прекратил боевые действия в Косове. Это при том, что боевики уже были почти разбиты и сами об этом говорили!

07.04.99

Самое страшное в данной ситуации — это сознание своего собственного бессилия! Какой болью исходит сердце! Невозможно удержать слезы. Нам нельзя, невысказанно сейчас воевать! Но и бросить их так — тоже невысказанно! А когда нам воевать было можно?

08.04.99

О некоторых вещах возможно только молчать. Внутри меня с каждым ударом моего сердца бьется только одно: «Мы их предали! Предали!», и когда я ничем не занята, нахожусь в покое — это звучит сильнее! Это невыносимо!

Мы их предали, предали, предали, что бы там не говорил наш президент! Этот внутренний голос не слушается рассудка, не воспринимает никаких доводов.

Как скорбит душа! Хочется сделать хоть что-то! Если б рядом со мной был серб, и если б у меня был последний кусок хлеба — я б отдала ему последнее!

09.04.99

Независимые эксперты определяют в некоторых районах Югославии повышенный уровень радиации. Они бомбят их запрещенным оружием! И постоянно лгут! Лгут! Своему народу, всему миру и даже сербам, вещая на радио «Голос Америки» на сербском языке о мирных планах НАТО!

Сербы просят нас о военной помощи. Уже во второй раз! А наш президент... Что можно ждать от правительства, которое предало (и продало!) свой народ? С еще большей легкостью оно предаст и другой!

Россия сейчас бесконечно слаба и бьется сразу на два фронта — на внешнем и внутреннем фронтах. За Сербию. Против себя самой... Вопреки всему.

Отрекаясь от них, мы во второй раз предаем своего Святого Царя!.. А они хотят присоединения к России... Я знаю, что во многих русских домах сейчас молятся за них, сербов! Неужели у наших политиков не дрогнет сердце?

Невыносимо понимание личной невозможности повлиять на происходящее. Но я могу молиться! Мы помним, мы не бросили, но мы сами преданы! Но может быть, эта общая наша смерть завершится общим Воскрешением?

И все же... Какие бы доводы нам, да и мы сами, не приводили в оправдание теперешнего бездействия, потомки никогда не простят нам того, что мы делаем сейчас, и назовут это одним словом: «предательство»! Как и в случае с нашим Царем. Да и мы, живущие здесь и сейчас, до конца дней обречены будем носить в своих душах бесконечный стыд и упреки совести...

Во мне, кажется, говорит кровь. Мало того, что чувство вины и беспомощности терзают мою душу, так к этому еще прибавилось и другое: «Твои предки освобождали балканских славян, сражались за них, твой трижды прадед даже погиб в этой войне, а ты... Ты!..». Я вдруг стала близко-близко чувствовать свой род. Ответственность перед ними, предками. «Не посрами!..». Неужели, правда, они молятся за нас и видят меня отсюда? Впрочем, что я говорю? Конечно, правда! Но так близко я их еще никогда не чувствовала!

Сегодня, в три часа дня, Югославию опять бомбили. Сегодня, две тысячи лет назад, в три часа дня распяли Христа. Впервые в жизни я ТАК встречаю праздник Пасхи!

Простит ли нас Господь? Простят ли они нас когда-нибудь? Как будто это мы сами распинаем...

Мои предки сражались за эту землю и на этой земле. В ней — их кровь и даже плоть одного из них! И кровь сотен сербов. В России считается, что если где-то лилась православная кровь — значит, эта земля свята. И ее нужно защищать как Святыню! О, пусть остальные поступят по своей совести, я же никогда не отвернусь от этой земли! И не предам ее. И в первую очередь потому, что на этой земле живут мои братья! После Бога эта земля — Югославия — дорога мне так же, как и Россия!

Но мне очень жалко беженцев-албанцев. И... кажется, сербы не виноваты! Америка натравила два народа один на другой. А сама как бы ни при чем. Два народа, которые раньше даже воевали вместе против турок. Для Америки это великий грех, и с нее еще спросится...

Наша власть продажна, она отвернулась от сербов. От этого болит душа. Ведь мы могли бы даже сейчас заступиться за них! Одно известие о том, что мы *собираемся* повернуть свои ракеты в сторону стран Альянса, вызвало в мире сильнейший переполох и заставило НАТО оправдываться! Но мы тут же, устами Ельцина, опровергли это сообщение! Зачем? Неужели нельзя было хотя бы *сделать вид*?

Я понимаю рассудком, что мы должны придерживаться в политике определенных принципов, но рассудок ничто, когда говорит (горит) сердце! Россия всегда жила по сердцу! Ведь в сердце — Бог. Вся загадочность России в том, что она стремится исполнять заповеди Божьи даже на уровне

страны, не ища себе от этого выгоды, даже часто в ущерб своим интересам, желая награды на небе, от Бога, а не здесь, на земле, от людей.

Так же поступает и любой русский, даже *плохой* русский — всегда есть момент пробуждения совести! И тогда русский человек непредсказуем для других, потому что пренебрегает, поступает своей собственной выгодой и даже чувством самосохранения. Для Запада этот момент непонятен.

А ведь это ключ от нашей души — Закон Божий и полная вера — доверие к Богу, отдавание себя и своей страны в Его руки. Глубокая надежда на чудо и вера в Чудо Божье. У всех.

Придет время, когда весь мир должен будет каяться перед Богом за Сербию. И каяться перед Сербией. Она повторяет путь Христа. Она повторяет путь Царя, Царя России! Страна, первой прославившая Его и Семью...

10.04.99

Сербы своими телами защищали свой завод¹. Американцев это не оставило. Они сбросили бомбы на этот завод. Бомбили безоружных людей, хотевших только одного — не допустить разрушения своего завода! Доколе, Господи?

11.04.99

Пасха! Пасха! Пасха!

Были на Всенощной. Какая Благодать, как хорошо, Господи! Во мне сегодня целый день звучит: «Христос Воскресе, из мертвых Воскресе...». Это во мне душа поет. И так светло-светло... И легко... Впервые за эти дни.

Мне вдруг пришла в голову мысль — это знак, Утешение! Сербия воскреснет, бомбежки прекратятся, Америка будет наказана. И какая сильная уверенность в этом! Она пришла в мое сердце вместе со спокойствием, с Пасхой! Господи, как хорошо! Внутри меня больше уже не собираются слезы. Я верю, Господи! Верю очень сильно! Верю Тебе, Господи! Я верю! Верю!

Хочется только благодарить и славить. Вот мое сегодняшнее чувство в трех словах: «Все будет хорошо!». Это непоколебимая уверенность. Она у меня с 12 часов ночи, с Крестного хода, когда в душе начало звучать: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!».

12.04.99

Сербия присоединяется к России! Сербия присоединяется к России! Я знала! Знала! Теперь мы спасем сербов! Сможем спасти! Но это — война. Впрочем, они (НАТО и пр.) все равно от нас не отстанут. А даже если б и отстали... Все равно мы бы заступились!

Америка и, в частности, американцы, никогда не были и не будут способны на Жертву. Высшую степень Благородства они посчитают глупостью. И в этом их самая большая ущербность.

Из новостей: США ведет секретные переговоры с албанской ОАК² о поставках им новейших вооружений. Албанские беженцы отказываются от американской гуманитарной помощи, так как от нее — массовые случаи от-

---

¹ Речь идет об автомобильном заводе в Крагуеваце.

² ОАК — Освободительная армия Косова.

рвления. То же было раньше и в Сомали от американской «гуманитарки». Много отравлений среди детей. Они (албанцы) считают эту пищу совершенно непригодной для употребления. Пакетами с надписью «от американского народа» беженцы-албанцы разжигают костры, чтобы согреться. Хоть какая-то польза!

12.04.99 21-00

НАТО разбомбило мост, по которому шел пассажирский поезд Белград-Салоники! Было выпущено несколько бомб. Один вагон погиб сразу — прямое попадание, а два других — загорелись и упали в довольно глубокую пропасть. В каждом было от 60 до 70 человек! Что испытывали люди, падая в пропасть в горящих вагонах? Задумался ли об этом хоть один американец? Хоть один европеец-натовец? Шевельнулось ли что-то в душе у этого нелюдя Клинтона?

Удивительные мысли все чаще и чаще приходят, нет, настойчиво «лезут» в голову на фоне всего происходящего. Например: «Если хочешь, чтоб Россия была Великой — начни с себя» и прочее.

«Государство — это я!» — до последнего момента я думала, что это утверждение — величайшая степень эгоизма, но оказалось, что это — величайшая ответственность перед Богом и этим государством.

Когда ты — на вершине власти и один являешься главой (головой) этого огромного тела — России, тогда твое решение — не твое лично, но всей Великой Руси. И за последствия дурного решения ответишь не ты, но весь народ.

5.05.99

Вчера как минимум по двум американским штатам — Оклахома и Канзас — пронесся шквал смерчей «торнадо». По данным на сегодняшний день, в общей сложности 76 смерчей торнадо произошло у американцев. Для примера — размер одного из них составил 2 км, и он «пропахал» около 100 км вглубь страны. Сообщения на 12.00 дня о 46 погибших и более 800 раненых. Около 2000 разрушенных зданий. Службы спасения США разгребают завалы. Тысячи людей — без крова и средств.

Это несчастье случилось на сороковой день бомбежек Югославии силами НАТО. А до этого у них как минимум дважды были сильные наводнения с человеческими жертвами (около 20 человек официально после каждого раза), да, еще американский школьник расстрелял своих одноклассников — десятки жертв.

По словам очевидцев, сказанным на камеру, в момент стихии они слышали звуки, сходные со звуками разрывов бомб. Все опрошенные (опрошенные американским информационным агентством!) люди в один голос утверждают, что пережили бомбардировку! «Было чувство, что нас бомбят», — говорили они. Сейсмологи американские призывают народ не поддаваться панике и предупреждают о новых смерчах «торнадо», которые, по их мнению, ожидаются «сегодня, ближе к вечеру». А название американских самолетов, бомбивших Югославию — «Торнадо».

Вчера же наш спецпредставитель России по Югославии¹ вылетел в Америку и разговаривал с Клинтоном о прекращении бомбежек. И Клинтон

---

¹ В. С. Черномырдин.

впервые (!) сказал, что это возможно! Одновременно с Америкой у нас в Чечне массовое наводнение в Грозном. Чечня в первые же дни поддержала действия НАТО и решила послать в подкрепление албанским боевикам боевиков чеченских.

Все эти дни Россия молилась и молится за сербов. Я знаю, что многие простые люди делают это, делают исключительно по велению своего сердца! Сербия все эти дни особенно молится Пресвятой Богородице. И Россия молится Ей за Сербию и за себя, за всех православных христиан. «Спаси, Господи, люди твоя...» — вот молитва, которая постоянно, ежедневно звучит в душе.

Натовцы теперь бомбят электро- и прочие коммуникации, полторы недели назад сербам разбомбили телецентр (были многочисленные жертвы!). Люди остаются без газа, воды, электричества. Ну что ж, теперь подобное могут испытать и американцы! На собственной шкуре!

А в последние дни НАТО методично бомбит жилые дома и автобусы. В телехронике страшные кадры — обгоревшие трупы взрослых и детей. Сербских детей!

Узнав о 76 торнадо в Америке, один наш коллега сказал: «Это им за Сербию! Не надо было бомбить Югославию!». Все русские считают Божьей карой случившиеся с Америкой. Кара Божья — наказание им за грехи и вразумление одновременно. Неужели не образумятся? Впрочем, Клинтон, возможно впервые, испугался. Непроста же он заговорил о прекращении (на время) бомбовых ударов.

Сербь еще сами не знают, что они делают для России! Своим страданием они сегодня спасают Россию, которая уже стояла на краю гибели, уже занесла одну ногу над пропастью... униженная, оскорбленная, растоптанная. И тут, в последний момент, вдруг кто-то просит о помощи! Кто? Родная, маленькая, гордая Сербия! Югославия!

Это было, как если бы взять человека, ничего не видящего перед собой, потерянного, если хотите — поставившего уже на себе крест, взять такого человека за плечи и хорошенько, очень сильно встряхнуть — и привести в чувство! Этим потерянным человеком была Россия. Этим другом, человеком, приведшим Ее в чувство, стала Сербия.

Мы все словно бы очнулись, вспомнили кто мы и что мы. Что мы есть, значим в этом мире. По крайней мере, что мы должны, заслуживаем значить!

У каждого русского сегодня, правда — у кого-то больше, у кого-то меньше, но у каждого (!) проснулось чувство национального достоинства! И Единства! О, Сербия! Ты еще сама не понимаешь, что сегодня делаешь для России, чем мы обязаны Тебе! Несравнимо большим, чем Ты нам сегодня, несравнимо большим!

Мы как во сне подошли к роковой черте. Ты остановила, удержала нас на краю пропасти! О, мы умеем быть благодарными! Умеем! И мы не забудем! Смею утверждать, что ни политические силы, ни экономические реформы, а именно маленькая Югославия стала той силой, которая спасла, спасает Россию! И именно с этого момента начинается обратный процесс — процесс Единения, начинается время, когда нужно «собирать камни». Это их дань памяти нашему Страстотерпцу-Царю. Это благодарность сербов нашему Мученику Царю Николаю II!

И еще — ровно один месяц назад (3.04.99) из России в Белград, по благословлению нашего Патриарха, была послана икона Казанской Божьей Матери, а 4.04.99 в США случился первый сильный смерч — были жертвы, разрушения. Но они несравнимы с последними смерчами в Америке от 4.05.99, когда и жертвы и разрушения стали массовыми — ровно через один месяц! Какие еще доводы нужны США?

Болгары поступают очень подло! Кто бы мог подумать? Они не хотят пропускать наши гуманитарные конвои в Югославию! То есть пропускают, но ОЧЕНЬ неохотно.

И еще. Люди, которых называют отщепенцами среди всех народов, мародерствуют в Косове. Камуфляж — черная маска и сербская униформа. Хотят заставить поверить всех, что сербы — бандиты. Но, думаю, там найдется место и другим национальностям!

В СМИ заговорили о том, что Сербия сейчас просто использует Россию, а потом отвернется от Нее, когда мы станем не нужны. Господи! Это было бы самое страшное! Прости им и не допусти их до предательства России, как не допусти и Россию до предательства Сербии! Во главе наших стран ужасные правительства! Но это еще не наши два народа! Все Святые, молитесь Бога о нас!

Чудо уже то, что Сербия держится эти 42 дня, хотя Ее атакуют 19 стран НАТО и еще к ним добавляются 15 стран, поддержавших нефтяное эмбарго. Россия заявила, что будет поставлять нефть в Югославию. В ответ России пригрозили войной против Нее самой, но мы не отказались от своих слов.

И еще. Венгры неделю назад едва пропустили наш гуманитарный конвой в Белград. Слили бензобаки наших КАМАЗов, досконально перепотрошили всю нашу гуманитарку, даже детское питание, и только после этого — пропустили. Почувствовав власть силы, каждый теперь старается унижить, побольнее ударить, оскорбить Россию, как Христа на Его Крестном пути. А разве не этих венгров мы освобождали от фашизма всего 50 лет назад? Вот пример людской «благодарности»!

Из-за венгерских пакостей наши МЧСовцы встретили Пасху на границе. А потом тут же гоняли в футбол слепленным из бумаги и изоленты мячом, наплевав на все запреты венгров, пытавшихся остановить это (игру в мяч!). Зато сербы встречали их с распростертыми объятьями на границе! Еще водители не успевали вылезти из машины, а к ним уже бежали с чаем, кофе... А ведь наши-то реально были голодными. При этом не трогали гуманитарку! Все встречные вдоль дороги махали руками нашим ребятам, сербские машины гудели в знак приветствия!

Колона же наша была — 80 российских КАМАЗов, плюс четыре КАМАЗа белорусских. Белорусы при отправке своих КАМАЗов встречали русских хлебом-солью, от души! Украинцы, пропуская через свою территорию, были гораздо прохладнее, и в гуманитарной помощи они не участвуют.

А это из России — болгарам: «Здравствуй, брат Иуда! Дорого ли тебе заплатили за Сербию?»

08.05.99

Я все понимаю умом. Но в каждой строчке этой тетрадки говорит мое сердце. А оно гораздо главнее и сильнее ума! Сердце — это духовность, дух

человека, место Божественного в нем, Дом Божий. Духовность — высшая человеческая составляющая (выше душевного и, тем более, телесного).

Они (США) разбомбили китайское посольство. Есть жертвы. Высший цинизм — убийца приносит извинения стране и семьям погибших. Так поступают в США.

Будет большая кровь. Грядет Великая война. Все меньше и меньше времени остается. Сколько мы сможем выиграть еще? Месяц? Два? Четыре? Если так — то слава Богу! Боюсь, что сроки уже сокращаются. Все затеянное — начало войны с Россией. С каждым днем это становится все ясней и явственней.

В конце мая отстранен Примаков¹. Поставлен Черномырдин, которого все считают подлецом, и говорят, что он продаст Сербию! С другой стороны, сейчас это ему не выгодно — выборы на носу. Люди не хотят верить в возможность такого предательства. Поживем — увидим.

05.06.99

Мама рыдает. Сказала: «Лучше умереть, чем видеть позор и унижение страны! Как же надо ненавидеть Россию!..» — последнее про наших политиков. И опять плачет. Потом по телефону с кем-то: «Сербов, братьев своих предали! А я ведь русская, православная! И я вижу, как сербов ведут на Голгофу!!». И плачет опять.

Да, Россия в лице Черномырдина предала сербов²! Сделал ли он это умышленно? Бог ему судья!

Сказать правду — я сама сегодня целый день плакала, стараясь скрывать это от других. И ведь видно, что у многих сегодня «глаза на мокром месте». Все люди говорят о предательстве. И это такая боль! Боль!!!

О, лучше бы то, что произошло с ними, сербами, случилось бы с нами, чем с ними! О, я знаю мой народ, я знаю русских! Подлецов — единицы! Весь народ возмущен и растоптан! Предать их! Это как оторвать от себя часть собственной плоти! Вырвать сердце! Никогда за все эти 10 лет мы не страдали так, как теперь!

Американцы = фашисты! Я не преувеличиваю. Я преуменьшаю! Последние объекты бомбежек — дом престарелых, больница, школа... И циничные извинения за «ошибки»! Вся наша военная верхушка против плана «восьмерки». Люди чувствуют себя униженными, уничтоженными, растоптанными! И, в первую очередь — военные.

Отец сказал: «Если мы станем воевать — мы и их не спасем, и себя погубим. Никогда еще Россия не была так слаба!».

05.06.99

Я сегодня утром говорила с главным врачом одной из городских поликлиник, вернее, начал разговор и говорил он. Весь разговор — о Сербии.

---

¹ Е. М. Примаков был отправлен в отставку с поста председателя правительства. 12 мая 1999 его заменил С. В. Степашин. В. С. Черномырдин был назначен спецпредставителем РФ по переговорам об урегулировании югославского кризиса на Балканах.

² В. С. Черномырдин согласился с американским планом окончания бомбовых ударов, принудил сербов принять этот план.

Он несколько раз повторял одно: «Предали! Мы их предали! Россия предала Сербию!». И какая боль была в его голосе при этих словах!

Сербам предъявили ультиматум, подлый, злой и не подлежащий обсуждению. А также сказали, что о присутствии России в «миротворческой» миссии речи даже не шло! Всего в эту маленькую страну планируется ввести свыше 50 000 «миротворцев».

Мы здесь готовы рвать натовцев голыми руками!

09.06.99

Сербы все-таки заставили НАТО пойти на некоторые уступки и выгнали себе 11 дней вместо 7 и «выбили» натовцев из ультимативного тона на более-менее переговорный тон.

Наш Иванов — умница, очень многое поправил (в т. ч. и по позиции России) после действий Черномырдина (из того, что вообще можно было поправить). Идет речь о вводе в Косово нашего военного контингента в количестве 10 000 человек под русским командованием, независимо от НАТО, и о предоставлении России отдельного сектора в Косове. Россия, в лице таких как Иванов, бьется изо всех сил. Американцы дико упираются и в один голос говорят, что об этом не может быть и речи. (Еще бы!) Но наши намерены стоять до конца!

10.06.99

Кажется, несмотря ни на что, Россия — единственная (помимо сербов) страна, сохранившая свое лицо в этой грязи. Кстати, самые проигравшие в этой войне — албанцы. К несчастью, они еще этого не поняли. Плевать на них Америка хотела, а особенно теперь! США уже заявили, что все расходы по восстановлению Югославии должна взять на себя Европа (страны НАТО), так как США-де и так сильно потратилась на то, чтобы разбомбить эту страну. Слова самого Билла Клинтона! Прекрасный ход со стороны Америки в отношении дальнейшего понимания курса «евро» и, стало быть, повышения курса доллара. Пусть теперь европейцы утрутся! Подлая, продажная Европа!

Официальное окончание войны. Радость на улицах Белграда. Бедные люди! Рады, что остались живы, но что им еще предстоит! Сердце сжимается! Но пока — радость.

10.06.99

Итак, сегодня — официально утвержденное НАТО и ООН окончание войны.

Сербы начали отвод своих войск из Косова. НАТО обязуется разоружить ОАК. ОАК разоружаться не собирается. Джемей Шей заявил дословно следующее «Албанцы будут делать то, что им прикажет НАТО!». А они (албанцы) и не собираются. Посмотрим, как это у них получится — у натовцев и албанцев! Пусть хоть (хоть бы!) передерутся между собой, «миротворцы» поганые! Способны только подличать и лицемерить. Все зло рано или поздно, но возвращается к тому, кто его совершил. Уверена, так и будет!

11.06.99

Какие умницы наши дипломаты! Как тонко все сделано! Здорово! Под шумок переговоров плюнули на НАТО и, по принципу: «Побьем врага его

же оружием!», сделали прекрасный ход — наши десантники на полной скорости, на бронетранспортерах, под русскими флагами с аббревиатурой «KFOR» перешли границу Югославии под самым носом у американцев и уже в Белграде! Американцы только сейчас опомнились и трубят тревогу. А наши полным ходом идут в Косово и не собираются останавливаться! К секторам США и Англии (Америка уже поделила Косово на 5 зон НАТО, а России, по их плану, там места не было). В НАТО паника. Наши спокойны и отвечают им примерно так: «Ничего страшного не происходит! Успокойтесь!». А наши танки все идут и идут!

12.06.99

Наши в Косове! Наши уже в Приштине! Наши за одни сутки через всю Сербию прошли до Приштины! Люди встречают их, как встречали освободителей в 1945 г., и даже еще лучше! Наши вошли туда в 2 часа ночи.

Блок НАТО хотел войти в Косово парадным маршем — не получилось! Марш скомкан. НАТО в спешке начало ввод своих войск в Косово, пытаясь догнать русских и при этом чуть не поругавшись между собой, кому все-таки быть в Косово первым (Англии или другим).

Да, сегодня же у нас еще и праздник — День России. Один из американских журналистов растерянно спросил нашего журналиста по поводу ввода русских войск в Косово: «Это что, подарок ко Дню Независимости России или русские решили показать нам “кузькину мать”?..».

Еще одна деталь. Вчера генерал Ивашов сказал днем, что Россия, если ей понадобится, введет свои войска в Косово без согласия Америки (так как на вчерашних переговорах по поводу предоставления контингенту России своего, российского, сектора в Косове, Телбот категорически сказал, что этого не будет). В ответ на это Телбот стал открыто угрожать России. Пригрозил, что «для нее это кончится плохо» (это можно было понять так: нам объявят войну, они начнут войну с Россией), потом сказал, что ему больше нечего у нас делать и улетел (то есть не о чем с нами больше говорить).

Через 1 час наши войска уже были в Югославии. Телбот узнал об этом в воздухе и повторил «петлю Примакова» — развернул самолет обратно на Москву. Видимо, сразу появились темы для дальнейших переговоров, которые, кажется, и сейчас еще идут.

А наши уже в Косово!

Америка сегодня с утра пригрозила, что этот поступок России замораживает все Ее отношения с Западом и Европой. То есть, опять будем довольствоваться только своим производством и есть свою колбасу. Напугали! Нам же еще и лучше!

Наши в Косове. 200 человек, которые потрясли мир в эти дни. Народ ликует (и в Сербии, и в России). НАТО негодует. Наши заняли чуть ли не круговую оборону в районе аэропорта Приштины. Сербская полиция охраняет все подступы к аэропорту. В Приштине уже и англичане. Остальные натовцы двигаются крайне медленно (дороги, мосты и пр. разбиты и заминированы) и ведут себя как захватчики на оккупированной территории. Не в смысле уничтожения сербов (пока!), а в смысле манеры держаться. Сербь празднуют моральную победу. Идут прямо на аэродром к русским. Показывали, как уже днем люди закидывают охапками цветов наши БТР-ы.

НАТО кричит о коварстве русских. Ну что ж, как говорится, при общении с волками: «С волками жить...»

Но во всей этой истории есть одна странность: не могут найти человека, отдавшего приказ ввести русские войска в Югославию, в Косово. Вероятность до 90 %, что этот ввод был полнейшей неожиданностью не только для НАТО, но и для властной верхушки России. О нем, похоже, не знали даже Иванов и Сергеев! Никто! Ни депутаты, ни политики, то есть не было ни одного человека, который бы воспринял эту новость без удивления. Говорят — либо сам президент отдал такой приказ, либо... есть вариант, что кто-то из нижних офицерских военных чинов, не выдержав унижения России, начал действовать на свой страх и риск. Но и эта точка зрения не доказана. А президент наш, вероятно, тоже ничего не знал и теперь пытается сделать вид, что был в курсе всего. Дал звание генерала человеку, командующими этими 200-ми десантниками. Сами военные из числа 200 утверждают, что был приказ «сверху» занять аэропорт в Приштине. Но «наверху» не могут разобраться (вот уже день как не могут), кто отдавал ТАКОЙ приказ. Как могли эти 200 человек на тяжелой технике за 1 день «пролететь» через всю Сербию по разбитым бомбами дорогам и разрушенным мостам? Ведь практически все мосты взорваны!

Я недоумевала. И тут мне пришла в голову такая мысль — за сербов все эти дни слезно (в самом прямом смысле) молилась и молится Россия. Молятся и сами сербы, в том числе и обращаясь к иконе Казанской Богородицы, которую мы им передали и которая многократно являла чудеса нашему воинству в последней войне (ВОВ).

И тут я подумала: Державная Царица, Божья Матерь — Она у нас сейчас вместо Царя. Она — истинная Владычица России! Вот кто отдал приказ своим войскам, вот кто нес их, словно на крыльях, на помощь братьям! Вот по Чьей Воле совершилось сегодняшнее событие! По Воле Божьей! И что перед Ней воля человеческая?

А может, это сам Мученик Царь отдал этот приказ?

15.06.99

Вчера по «Новостям» передали, что ОАК окружает наших на аэродроме. Сегодня — что наших обстреляли из гранатомета. Жертв нет. Болгария и Венгрия не дают нам воздушного коридора для пополнения в Косове нашего контингента. (А теперь скажите, мои предки, стоило ли лить кровь за болгар? При первой же представившейся возможности они предали Россию!) Наши думают о морском пути отправки войск. Начался массовый исход сербов из Косова и геноцид сербов. Но Америка и страны НАТО, так распинавшиеся по поводу беженцев-албанцев, сегодня молчат.

В Косово уже 24 000 солдат НАТО и 200 наших. Говорят, самолет с десантниками уже в воздухе вынужден был развернуться в Россию, так как болгары отказались дать воздушный коридор.

ОАК не собирается разоружаться и убивает уходящих сербов с молчаливого согласия НАТО, солдаты которого и сами постреливают в сербов! Впрочем, сербы платят им тем же.

Россия буквально кричит о геноциде сербов, но весь мир делает вид, что не слышит. А мы твердим миру, что все равно большим числом войдем в Косово, так как кроме нас сербов там защитить никому.

Албанцы провожают уезжающих сербов камнями, проклятиями, ломают их машины, убивают их самих.

И еще один штрих: у наших военных в Приштине (тех самых 200 человек) кончается продовольствие и вода. Так наши (при пока еще имеющемся отсутствии российской автоколонны с обеспечением) наладились менять у англичан сигареты на их минералку.

Албанцы всячески мешают сербам уйти из Косова и вообще уйти. Убивают уходящих сербов. ОАК пригрозила, что с завтрашнего дня будет убивать сербов-военных в Косове (а под их видом, вероятно, и всех остальных сербов). ОАК не собирается слушаться НАТО и не собирается разоружаться. ОАК уже обстреляла англичан, а те в ответ — ОАК. Убит 1 албанец.

Слова одного из наших депутатов Госдумы: «Идет совершенно дикая “чистка” сербов! Идет уничтожение сербского населения! Русские должны быть там, чтобы их защитить. Промедление смерти подобно! Важен каждый день!»

А Ельцин собирается тянуть три дня!

Косово бомбили сильнее всего. И вот теперь сербы, люди, пережившие ужас этих бомбежек, вынуждены покидать Косово.

Ну, то, что предали румыны и венгры, еще можно понять, хотя и тех, и других в свое время мы освобождали. Но болгары...!

Сначала они всю «расстилались» перед нами, хотя мы их об этом не просили, и нам от этого было не по себе (ведь братская любовь — всегда равная, а от такой «гибкости» мы внутренне начинали в них сомневаться). А теперь, когда Россия стала слаба, они выбрали себе нового «сильного» — США. А завтра это будет не США, а кто-то еще. Видимо, за время турецкого ига эти несчастные настолько свыклись со своим рабским положением, что даже и после освобождения остались рабами.

Одним словом, у болгар просто полное отсутствие совести, мужества, благородства и даже элементарной благодарности! Раб — он и есть раб, «рожденный ползать...», а ведь мы им искренне верили! Что ж, больше не будем. Они несчастны, и эти несчастья, вернее, причина их несчастий — в них самих. Мне их искренне жаль. Уверена, что у стран НАТО такое отступничество от России не вызовет ничего, кроме презрения. Предателей нигде не любят. Их просто используют. предавший раз — предаст и второй.

Их любовь к России, к русским — поцелуй Иуды.

20.06.99

По телевизору показывают разрытые могилы массовых захоронений в Косове (людей, сожженных в собственных домах). Мол, это точно сербы сделали. А мама все равно говорит: «Не верю!». Я и сама... Но если это правда, то это — самое ужасное для нас, русских, мы ведь всем своим сердцем (сердцами) за сербов в этой войне.

Албанцы убивают сербов. Сожжено 5 храмов и 2 монастыря. В одном монастыре албанцы изнасиловали монахинь. Сербь покидают Косово. Сербский Патриарх едет в Косово, чтобы остановить бегство людей. Он останется там постоянно в одном из монастырей.

Россия добилась согласия от НАТО, а вернее — Америки, что у нас будут зоны ответственности в Косове во французском, германском и аме-

риканском секторе. Но в этих секторах в основном преобладает албанское население, а там, где преобладают сербы, нам наших зон не дали. Фактически, русских хотят сделать «пушечным мясом» для албанцев. Также за нами остается аэропорт Слатина в английском секторе. Мы, по этой договоренности, пошлем в Косово 3 600 человек военных, а готовы были послать 10 000. И более того, эти 10 000 уже были набраны. Может, еще полетят?

Из точных источников — желающих поехать среди профессиональных военных в Югославию было (в зависимости от места набора) самое малое по 10 человек на 1 место. Одного моего коллегу-врача (как он рассказывал), его друг-офицер умолял, чтобы тот помог ему «по блату» попасть на одно из этих мест. У доктора есть знакомые среди высших военных.

К нам в Брянскую область пришел запрос всего на 5 мест, выделенных для Брянщины из этих 10 000. И вот, на эти 5 мест сейчас все и стремятся попасть, а это, мол, возможно только по большому «блату».

Уже точно известно, что при первой возможности полетит Псковская дивизия. Рядовые там говорят, что рвутся в бой и что они идут защищать сербов, нести мир. Что нашим нужно было забрать себе, под свою ответственность сербские части Косово, а не албанские.

И еще один из мальчиков-рядовых сказал: «Наши солдаты сильнее, выносливее и лучше натовских. Они не будут требовать кофе в окопы, когда холодно, и лимонад — в жару. Мы готовы выполнить то, что прикажет Родина, и защитить Ее и ее друзей!». Простые солдаты-миротворцы в России горят желанием показать себя и наказать НАТО.

И еще: местные сербы кормили 200 русских в Приштине, пока не подошел русский конвой с едой и водой. И еще — наши войска в Косове будут подчиняться только России (ранее М. Олбрайт выступила с заявлением, что русские будут в подчинении у натовцев). Этого добились Сергеев и Иванов в Хельсинки на переговорах с американцами.

21.06.99

Президент Азербайджана три дня назад сказал, что НАТО отлично урегулировала конфликт в Косове, и он очень просит НАТО как можно скорее урегулировать армяно-азербайджанский конфликт. Америка уже изъявила желание ввязаться в это дело. Причем, одновременно «помирить» и Грузию с Абхазией. С этой целью генсек НАТО едет с визитом в Грузию, Армению и Азербайджан.

Очевидно, везет ультиматум армянам. Но грузины-то каковы? Совсем опаскудели. Некогда гордый, божий народ превратился в торгашей и лакеев. И это очень обидно, хоть я и русская. А говорят, у них старики милостыню просят, да еще по-английски! И это — гордые грузины! Они ведь раньше так почитали старость! А теперь — докатились. Зато не зависимы от России. И Бога.

Кому из народов наших бывших союзных республик, а вернее, живых, оторванных частей от живого тела нашей Родины (ОБЩЕЙ, ЕДИНОЙ РОДИНЫ!) стало лучше после отделения — расчленения России? Никому! И не будет лучше. Потому, что грех на нас всех лежит за то, что страну, Богом нам данную, тело ее как последние злодеи на части растерзали. Когда вот только поймем это, по-настоящему поймем, как и то, что мы были,

есть и будем русскими, независимо от своей национальности, потому что Русь — это прежде всего Дух, единая, общая духовность!

Сначала предав Сербию, а потом и Россию, Болгария, на мой взгляд, фактически отреклась от своего славянства. Славянство без России — это поляки, чехи. Да, у них, может, материально и лучше, но внутри — бездушно, бездуховно. Мертвые души. И Болгария станет (стала?) тем же.

По крайней мере, если и не от славянства, то от Православия она точно отступила. Даже греки так себя не повели, предпочитая молчать, а болгары...

Еще одна деталь: США обвинили Россию в том, что когда к берегам Югославии прибыл наш корабль «Лиман», сербы стали чаще попадать в самолеты и ракеты НАТО, а НАТО — чаще промахиваться. Мол, русские помогали сербам.

Да, русские архитекторы отправились в Сербию восстанавливать разрушенное, прежде всего мосты (Европа и НАТО говорят о компенсации и восстановлении только Косова). В Македонии теракт против НАТО (взорвано несколько их БТР), грозят и Клинтону, мол, пусть лучше не приезжает, а то мы за себя не ручаемся (а Клинтон хотел приехать).

Сегодня албанцы подписались на то, что ОАК сдаст оружие, но «сдача» эта будет чисто формальной, косметической.

22.06.99

Все эти дни войны в Югославии — Россия, Сербия, да и весь мир — все мы были на волоске Божьей Милости. У меня глубокое убеждение, что только общая ежедневная молитва русских и сербов (всех русских и всех сербов) спасла мир. Господь удержал землю на краю пропасти, отодвинул срок. 20.06.99 натовский альянс официально объявил об окончании бомбежек. Но... сроки только отодвинуты. Сегодня годовщина начала ВОВ.

26.06.99

В Косово отправились первые из наших миротворцев (не считая тех 200 человек).

США и Англия обвиняют Россию и русских в том, что они (мы то есть) организовали и спланировали массовые казни и убийства албанцев в Косове и чуть ли не сами их закапывали в могилы по 180 человек. Мол, русские их сами и убивали, а сербы подчинялись нашему командованию. Это так абсурдно, неправдоподобно, гнусно и лживо, что можно было бы просто рассмеяться в лицо этим лицемерным последователям первого клеветника, если бы не одно обстоятельство: албанцы им верят, верят, что албанцев убивали русские. Это сделано Америкой специально накануне ввода русских сил в Косово, чтобы албанцы стали убивать наших миротворцев. Так же, как они (албанцы) сейчас убивают сербов, а весь мир молчит! Подлецы! Подлые лицемеры!

Наши же, в ответ на это, сказали, что воевать и убивать не хотят, но в случае нападения откроют огонь на поражение. Да, нашим уже посоветовали (те же ОАК и США) чуть ли не в форме приказа снять с БТР-ров наш русский флаг, так как он-де оскорбляет чувства албанцев тем, что очень похож на сербский. Мол, они будут стрелять по нам как по сербам. Ну, пусть попробуют!

Больнее всего то, что сербы считают нас предателями. И самое страшное, что мы сами не можем разобраться, действительно ли это так? Мы искренне хотели помочь, мы делали все... Кажется, не получилось...

Бомбы, упавшие на землю Сербии, разорвались в моем сердце. И рубец от этой раны, как от инфаркта, останется у меня на всю жизнь. Я знаю, чувствую, что это никогда не пройдет. Что я всегда буду помнить. Даже если я эту, СВОЮ боль, прощу. Прощу, а помнить буду.

3.07.99

Надо, надо объединяться с Белоруссией и Сербией! Ну, скорей же, скорей! Зло уже готово на нас напасть! Успеем ли? Сумеет ли отразить удар? А Украина с Болгарией...? Простим их. Может, они будут как апостол Петр?

30.07.99

В. Кларк¹ выгнан с должности! Вот и награда за все! Служил злу — получи от него и награду! Думал на людской крови сделать себе карьеру! Вспомним бомбежку школ, больниц, сербских беженцев, электроподстанций и т. д.! По делам и награда! Кларк, Олбрайт, Клинтон и иже с ними — все одного поля ягоды. Как же эта свора ненавидит православие и больше всего — Россию. Но Бог не попустит им... Разве это не перст Божий, что один нелюдь, подлец, убийца поругался со вторым (Клинтон с Кларком)? Так Господь вершит свою Волю даже через таких слугителей зла.

1.08.99

Наших солдат не пускают к сербам, не дают защищать их, отдавая нам лишь албанские деревни. А души наших ребят — целиком с сербами! Они про них у русского батюшки (который, не боясь, ездит по всему Косово, по православным храмам) спрашивают: «Ну, как там наши?» (имея в виду сербов). Говорят, что дух наших солдат силен и даже выше, чем во времена ВОВ! А я так думаю, что это сам Господь с ними, что это с ними и в них Дух Божий!

Говорят, что там сейчас каждый из этих людей раскрыт как книга, на самых лучших своих страницах! Что там очень опасно, но у этих ребят нет страха, что внутри у них чувство спокойствия и радости (думаю, потому, что в них Господь, и Он дает им силы). Что наши кормят русскими сухими пайками (из-за нехватки еды) сербов, албанцев и англичан, которые меняют 1 наш паек на 2 натовских, так как в наших пайках натуральные продукты, а в натовских суррогат, соя. Еще наши обыграли англичан в футбол 3:1.

И еще — русские каждый день молятся, причащаются, поставили походную церковь в честь Св. Ильи Муромца (а в Боснии наши солдаты построили храм Александра Невского), и обращение там между ними не «солдат», не «товарищ», а «воин». Воины! Еще говорят, что албанцы стали меньше коситься на наших как на врагов.

Да, самое главное — нигде больше в мире нет столько православных храмов и монастырей на 1 квадратный км, как в Косове! А сейчас открыт

---

¹ Уэсли Кларк — американский генерал, командовал силами НАТО во время агрессии против Югославии.

лишь один монастырь. Многие разрушены! Теперь ясно, почему удар зла в лице Америки (Клинтон и К.) был направлен именно сюда!

Как-то албанцы в одну ночь убили 14 сербов. Натовцы («защитники»!) прибыли лишь через 1 час после трагедии!

Кстати, Кларк снят Клинтоном за проваленную косовскую операцию! Вместо нескольких дней, сербы держались 2,5 месяца! И он, Кларк, не мог их победить! Ничего не напоминает? Гитлер в 41-м... Брестская крепость.

Да, Болгария, Македония, Румыния, косовские албанцы и Хорватия (эти-то тут при чем?) получили деньги от США (плата за невмешательство и поддержку!)

Ладно, все остальные, но болгары!! А македонцы и румыны? Тоже ведь православные!

Эти деньги не обожгли им руки? Ведь они прямо из ада!

2.08.99

Если закон земной вступает в противоречие с законом Небесным, то как надо поступить? Конечно по закону Небесному, данному нам Богом! Все православные — это один народ! А тем более — кровные, славяне. Отсюда и наше духовное более чем единение с сербами! Мы не два народа, но в высшей своей ипостаси мы — ОДНО ЦЕЛОЕ! У нас даже гербы одинаковые: Две души — одно сердце! И поэтому, когда убивают сербов — это значит, нас режут по живому, наше тело на части раздирают! И боль эта — в каждом русском сердце!

О, Сербия! Сербия! И Болгария — как оторванная часть! Глупо спорить, что в теле важнее — глаз, рука ли? Все нужно. Хотя это и совершенно разные части тела. Так и Болгария необходима всем нам. Если мы, православные, не простим друг другу, то кто же тогда простит? Как же тогда нам молить Бога о прощении? Потеря болгар — тяжелая утрата. Как руку отрезали.

10.08.99

Сняли Степашина, теперь вместо него какой-то Путин! Война с Чечней в Дагестане. Гибнут люди. Десятки людей!!! Наших ребят в Косове обстреливают каждую ночь. В БТРах вмятины от пуль!

8.09.99

Когда-то Николай II заступился за Сербию. Сегодня сербы заступились за Россию перед всем миром. Да, именно так! Они вернули нам нас самих.

Сербь вернул России Ее душу.

По Америке пошло около 20 тайфунов уже после войны в Югославии, плюс — наводнения, снежные бури. То ли еще будет им всем, если не одумаются!

Но главное! Главное! Сербь не виновны!!! Они никого не убивали! Никого!!! И это — самое главное для каждого русского!

Одна англичанка, входившая в группу расследования преступлений сербов в Косове от ОБСЕ, не побоялась и выступила по телевидению России во «Времени» и «Вестях». Она сказала, что найдено лишь 700 убитых, и все они умерли не от пуль, а от осколков. Албанцы лгали о тысячах убитых!

Они убивали сами своих же (в сербской военной форме), не согласных с ними албанцев. И, конечно, убивали сербов. Поэтому и знают, где могилы.

Мы, русские, бесконечно и жертвенно любим сербов. Более чем самих себя! Намного более! И готовы, хотим (если нельзя по-другому) сораспяться с ними. Сербия — сердце России, лучшая его часть. Лучшая Ее часть! Кто против нас, если с нами Бог?

10.01.2000

Сербов массово убивают сейчас в Косове. Почти все православные святыни разрушены. Но мир безмолвствует, а Россия бьется за сербов. Наши миротворцы заняли «круговую оборону» вокруг храмов и сербских жилищ. Что касается наших ребят... У них у всех просветленные лица, они поют в храмах и сохраняют в своем палаточном храме Ильи Муромца наши и сербские святыни, которые удалось спасти, сербские иконы со следами от пуль и надругательств. Наши миротворцы не собираются уходить, хотя в их адрес — настоящие угрозы американцев, и НАТО делает все возможное, чтобы они ушли. Но это имеет эффект, обратный ожидаемому натовцами. Мы никогда, никогда не бросим братьев! Сербы! Сябры вы наши! Господи, как же больно! Больно!

Каждый русский сегодня болеет болью Сербии. Кажется, мы все стали теперь сербами! Мы, русские, ими стали, а они, сербы — нами. Да, именно так! Косово поле для нас Святыня. Отныне и навсегда — это Святыня для нас. И оно болит в нас. И болью почти разрывает душу... (последняя запись).

**Валентина
ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ**

«ЗАПЛЕЛА СУДЬБА СТЕЖКИ КОСАМИ»

Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская — родилась в Омске. Образование высшее. Секретарь правления Союза писателей России, председатель правления Омской областной организации СП России. Автор девяти поэтических книг, изданных в Омске, Москве, Екатеринбурге, Орле. Член-корреспондент Академии поэзии, лауреат ряда всероссийских и региональных премий, наград. Соавтор ряда песенно-музыкальных дисков «Созвучье нот и слов». Стихи переводились на немецкий, болгарский, белорусский, якутский языки. **Живет в Омске.**

* * *

Мне желанный дан,
по душе, — чужой.
Мой желанный мне — сокол-заревой.
Из незаконченного стихотворения
Стоеросовая деревенщина!
Лапоть, самый,
что ни на есть, лыковый.
Мне, Господь послал,
глупой женщине,
Перекат-судбу с горем луковым.

Хоть повдоль иду — поперечные,
Хоть и напрямки — топи-топые.
Ухмыляются люди встречные,
Люди добрые и недобрые...

Горемычная, что неволишься,
Над душой своей изгаляешься,
От хорошего, все сторонишься,
От ненужного, горько маешься?!

Трын-травиночка вьется бедами,
Заплела судьба стежки косами:
Пусть на радость я горе ведаю,
Коль на свете все — волей Господа!

«Отче наш...» шепчу тихо-тихонько,
Как горит свеча ярким пламенем!
Прочь поди, ступай, горе, лихо ли.
Воском ласковым сердце плавится.

* * *

*С благодарностью С. А. Попову
за помощь в восстановлении Спасского
кафедрального собора в г. Тара*

Возликования сердцам
под небом Тарским, —
залюбоваться лепотой —
собором Спасским.
Молением жарким прихожан,
Святым причастием, —
восстановление добра,
надежды, счастья...
Парящий купол золотой,
глядящий в выси,
Подсветит грудью облака,
молитвы, мысли...

Пространство времени
пленил звон колокольный,
и воспаряет, и летит
светло в раздолье.
В Пасхальный день,
в Пресветлый час надежды, веры,

Господь, Тобой полна душа,
вне всякой меры.
Летающий голубиный строй
на-в-под небесье
несет известие святое:
«ГОСПОДЬ ВОС-КРЕ-СЕ-е-е-е!..»

* * *

Чувство мое сиротливое,
выцвело?
Так скажи!
Мне променять бы тебя
у старьевщика
на бельевые прищепки длинные
или ножи.
А может, тебя упрятать
в старинный пыльный комод,
где валяются лоскуты от закройщика,
туда, где никто не увидит
и не найдет?
Что ты молчишь?
Прежде пело, кричало, в небо рвалось,
гарцевало лихо на рыжих кометах,
звезды руками хватало голыми...
Что, обожглось?!

Чувство мое одинокое,
слышишь, поют ветра.
Под песни эти
тебя припрячу,
поистерю, поплачу,
водицы налью в надежде,
что различу,
кожей почувствую
шепот луны из ведра:
— Радуйся, милая,
Высшим дарам!

Из цикла **НЕБЕСНАЯ ЗВЕНЬ**

1

Вороны черно-синие — звень в небесах.
Светы по-над Россеею — в церквах да образах.
Вороны грациозные, — клювы черны;
Моления душевно-слезные — Богу слышны.
Кто за меня помолится?! Давно ни жена, ни дочь.
Ветры скулят вдоль звонницы, не превозмочь.
Губы мои опаленные болью — черствы.
Ночи и дни просмоленные стали пусты.

Не поразверзлось небо громом-грозой,
когда вопрошала
— Боже, что же Ты, не со мной?!
Где благодати сила, Господи, подскажи!
Нет, я не зря спросила, стоит ли дальше жить!?
Вётры, ветра́ студёные забористы да крепки.
Работы души поденные смятённые и нележки.
Путей — на четыре сто́роны:
кланяюсь, да крещусь.
Неистово,
птицы-во́роны,
за души врагов
молюсь!

2

Княжат в округе во́роны — чёрная сыть.
Армаду полуголодную не укротить.
Солнышко застыт светлое, синь-небеса.
Я прилетевшие вётры знаю по голосам.
Доля моя студёная — вся на семи ветрах.
Что Господом мне даро́вано не превратится в прах!
Многое понадумалось, многое проросло...
Работа души отчаянной — вовсе не ремесло:
Строфы мои да строчечки жаром кипят,
думы мои кручинные ночью не спят.
Все, что бы я ни сделала, зачем ускользает вон?
Эко, большая невидаль — плачи мои да стон?!
Стаи, как уголь чёрненные, освободите высь.
Душа моя непутевая,
Господу пригодись!

3

Птицы мои крылатые —
Ночи и дни.
Подарки судьбы богатые —
Коряги да пни.
Ветры мои могучие —
Радость и боль.
Где, за какую кручею
Бродит любовь?
Грезы ли, наваждения
Стынут в глазах?

Со дня своего рождения
Тоскую о небесах...

4

Бах!
...на осколки счастье...
Штор паруса летят.
Искренне, в одночасье
гневно глаза блестят.

Склеить,
собрать ли,
в мусор,
плакать иль хохотать?
Пшеничную кашу с мясли, —
съем, и айда пахать.
Что черепки мне эти, —
лишь под ногою хруст.
В форточку — стылый ветер,
В душу — тяжелый груз.
Кто обещал, пророчил,
Кто накликал мороз?
Знайте, промежду прочим,
Не будет соплей и слез.
Бах!
...и ознобом в спину,
Стиснула кулаки.

Не пропаду, не сгину,
Господи, помоги!

5

Отгуляли листопады,
Отшумело воронье.
За чугуною оградой
Счастье мечется мое.
То ли ищет, то ли прячет,
То ли путает следы.
Убегает, не иначе,
От людей и суеты.
От зеленых глаз и черных,
От нелепостей и слов,
От докучливых ученых,
От всезнающих глупцов.
Ищет тихого приюта
И ушедшего тепла.
Вдоль по улочке безлюдной
Тень сиренево легла.
В сумеречном вялом свете,
В тусклом свете фонарей
Все никак не приметит
Дверь одну из ста дверей.
Позади все листопады
И воронья толчея, —
Пестро-яркие наряды
Надеваю молча я.
Словно память будоражу,
Словно силушь не забыть,
Как, волнуясь и куражась,
В осень

ветрено

любить....

* * *

Не удержать в тугой горсти
плывущих линий.
Не перечесть разлук и встреч,
плаксивых ливней.
Не заменить, не распознать
судьбы посыла,
Но все же чувствовать и знать —
в молитве сила.

Теченья Млечного пути...
Течений кроме,
Всех божьих душ влечет тепло
Вселенской крови.
Стремясь прочувствовать, понять,
принять на веру.
В пасхальный день к лицу прижать
в надежде вербу...

* * *

Не притязанья, Боже, нет, —
Вздох в небо синее.
Молитвы покаянный свет,
А не уныние.
Не упрекаю, не корю
В слепом бессилии,
А восхваляю, жду, люблю
Приход Мессии.

Не ропот, Господи еси,
Но покаяние.
Направь нас грешных и спаси, —
Твоим деянием!
Всенощной полнится амвон, —
Отринь сомнения.
Пасхальной вестью — перезвон
В час Воскрешения!

МОЛИТВА

Пусть сердце радуется дню
за тьмой идущим,
И наполняет верой мир —
простой и сущий.
Господь, сподобь нас и прозри
для светлой мысли,

Даруй надежду и любовь
во славу жизни.
Направь, помилуй, подскажи
пути-дороги,
Чтоб стопы грешные вели
в Твои чертоги...

**Протоиерей Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

«ЕСТЬ ТОЛЬКО СВЕТ ПРЕДВЕЧНЫЙ И ВЕЛИКИЙ»

Геннадий Рязанцев-Седогин — окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП России, член-корреспондент Академии Российской поэзии, действительный член ПАНИ, МАПП. Автор восьми книг. Лауреат Литературной премии им. Евгения Замятина. Протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в городе Липецке, который построил тщанием прихожан и помощи Божьей. **Живет в Липецке.**

РАННЯЯ ЗИМА В ДЕРЕВНЕ

Ложились осенью.
Проснулись —
В снегах поляны и луга,
Кусты под тяжестью согнулись,
Укрылись шапками стога.

Порывы ветра налетали
Волнистой мглой с высоты,
И так безжалостно качали
Еще зеленые кусты.

И враз подмерзшая дорога
Местами переметена,
И старый погреб как берлога.
А из морозного окна

Я вижу белую пустыню
И чую холод от стекла.
Зима белесою полынью
На твердь осеннюю легла.

СТАРУХА

Жизнь у старухи тяжела,
Забыта и людьми, и Богом.
Клонится старая ветла,
Распались камни под порогом,
И набок съехало крыльцо.
Согнулась, сгорбилась старуха,
В морщинах серое лицо,
Давно глуха на оба уха.

Сидит и смотрит на поля,
Где рожь волнами колосится,
Ей чудится — поет Земля, —
Как в бездне неземная птица.
Ей видится цветущий сад,
Согретый солнцем на закате,
И неба гаснущего взгляд,
И сумрак в одинокой хате.

ВЕРА

Ветер нынче утрюмый,
Гонит тучи во мгле.
Залегла на челе
Скорбь бессмысленной думой.

Опустившись до дна
Неизбывной печали,
Знай, в изменчивой дали
Только вера одна.

У МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ

Светилося рубинами кадило
В душистом голубом дыму,
Толпа чредою подходила
С благоговением к нему.

С окном открытым гроб дубовый
На возвышении стоял,

Плат зацелованный, бордовый,
Иссохшую главу скрывал.

В сиянии лампад горящих
Взирал твой образ темнолицый,
Благословляя приходящих
Закованной в оклад десницей.

НЕУГАСИМАЯ ЗВЕЗДА

Не знаю, где меня схоронят,
Но знаю, будет все равно.
Береза скучно ветку склонит,
Кто знал меня, тех нет давно.

Кукожась, человечков горстка
Пойдет за гробом не спеша.

Закончена романа верстка,
Вздохнет свободная душа.

Увидит ли она с той силой,
Что видел я в своем саду —
Неугасимую звезду
Над дальнею моей могилой.

КАННЫ

Гористые холмы со скудною травой,
Порывы ветра мне трепали ворот.
И мы бежали по булыжной мостовой
Наверх, в пустынный древний город.

Внизу, в лазурной чаше, корабли
И замок, прилепившийся к утесу,
И море серебристое вдали,
И чайки крик, летящей по откосу.

ДОМ ДЕТСТВА МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Старинный дом, покрытый черепицей,
Оконца два, звериное жильё.
Дверь без замка, провалы в половицах,
Здесь детство длилось светлое мое.

И холодом сырые дышат сенцы,
На пыльный пол струится яркий свет,
Вхожу в избу — божничка, полотенца,
Но угол пуст, иконки в доме нет.

Направо печь тяжелою армадой,
Не закрывавшая свой закопченный зев,
Пугавшая меня своей громадой,
Все пожиравшая, как огнеликий Лев.

Хожу округ. Раскрытые овины,
Кусты, бурьян, поваленный забор.

Прошло сто лет — сегодня именины,
И крепок дом, но в запустенье двор...

Подул ознобный ветер на поземе,
И понеслись по небу облака.
С утра влетевшая пчела у потолка
Жужжала в одиноком доме.

И СВЕТО ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО

Евангелист Иоанн Богослов

Чрез таинство сыновнего распятия
Родитель Сам незримо сторожит,
Где Крест воздвиг тяжелые объятья,
Свет воссиял, что тьма не сокрушит.

Смиренно, молчаливо все столетья
Горит престольный свет Святых лампад,
Мерцающих во тьме сквозь лихолетья,
Из ночи в ночь, теснящий тлен и смрад.

Есть только свет предвечный и великий.
Нет больше в мире тьмы и пустоты.
Он озаряет избранные лики,
Исполненные райской красоты.

ОДИНОКОЙ РАНЬЮ

Люблю проснуться утром ранним,
Когда в окно чуть брезжит свет.
Прозрачный лик Луны хрустальной
Дрожит в лучах иных планет.

Восток объят зарею нежной,
Темней и четче строй домов,

И сумрак в кронах безмятежных
Таит печаль полночных снов.

Люблю я тишь пустого дома,
Скрип половицы от шагов,
И в сердце сладкая истома
Своих не знает берегов.

РАССВЕТ НА ГОРЕ СИНАЙ

Я вспоминаю тот рассвет поныне.
Округлые бока лиловых гор,
Как смертью веяло и холодом пустыни,
Как темен был безжизненный простор.

Чернели пропастью ущелья и провалы,
Погонщик мула шел с поклажей босиком.
Казалось, рыскали среди камней шакалы,
Измотанные ветром и песком.

Восток зардел. Порозовело небо,
Означились верхушки красных скал.
Прося закона жизни, а не хлеба,
Здесь в полный рост сам Моисей стоял.

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

Февраль и холоден и сыр,
Но вдоль дорог ручьи искрятся,
Вновь оживает Божий мир,
И сладко утром просыпаться.

Еще не слышно певчих птиц.
Но кто хлопочет за оконцем?
То шорох радостных синиц,
Согретых предвесенним солнцем.

МОЛОДАЯ ЗЕМЛЯ

Целый день ходили облака,
Пеленая яркое светило,
Белые, как брызги молока.
А потом неведомая сила
Затянула пологом Восток.
Ветер вдруг подул густой и влажный,
Каждый трепетал листок,
Ожидая бури.
Стриж отважный
Черной молнией носился над рекой,
Словно и не видя непогоды,
Чужд ему был сладостный покой.
Хмурились темнеющие воды,
Капли крупные холодного дождя
Обжигали спину, руки, плечи,
Я бежал, как малое дитя,
С темной бурей опасаясь встречи.
Ветер, перемешанный с дождем,
Зашумел в деревьях, травах, крышах,
И раскатисто ударил гром,
С жарким гулом возносясь все выше.

Как ты молода еще, Земля!
Коль таишь такое страсти пламя,
Грозами клокочешь под ногами,
К звездам мечешь всполохи огня.

ПАМЯТНИК МУЖЕСТВУ НА «ПЛОЩАДИ МУЖЕСТВА»

*Освящено место
установки памятника
«Мужеству ленинградцев»*

В конце 2017 года в сквере Блокадников, что у площади Мужества, состоялось долгожданное для жителей блокадного Ленинграда событие — по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия было освящено место будущей установки памятника «Мужеству ленинградцев».

Это не просто очередная символическая акция, свидетельствующая о том, что когда-нибудь в мемориальном сквере будет установлен обещанный памятник, а реальное действие, подтверждающее, что памятник практически готов и его установят уже в ближайшее время.

Стоит напомнить, что еще в 2005 году на этом месте был установлен закладной камень с надписью: «Камень заложен в честь 60-летия Великой Победы над фашизмом. Здесь будет памятник славы, мужества, героизма, стойкости ленинградцев, отстоявших великий город». За прошедшие годы монумент так и не появился.

Первая официальная попытка найти возможность все-таки установить монумент памяти была предпринята обществом «Жители блокадного Ленинграда» в Санкт-Петербурге в 2014 году. Тогда председатель общества И. Б. Скрипачева обратилась к петербургскому благотворителю и общественному деятелю Грачье Погосяну с просьбой оказать поддержку в создании мемориала. Комитетом по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга был объявлен конкурс на выбор эскизного макета памятника. Эскиз, предоставленный Г. М. Погосяном, не прошел отбор. По итогам конкурса победителем был признан макет скульптора, заслуженного художника России Евгения Никитича Ротанова. Но итоговая цена проекта ока-

залась столь высокой, что из-за отсутствия должного финансирования он не был реализован.

Памятник представляет собой многофигурную скульптурную композицию, состоящую из символических фигур: ленинградцев, плечами поддерживающих город; солдат; рабочих заводов; матери, пытающейся спасти умирающего ребенка; горожан, с надеждой слушающих сводки по радио.

Все же общественники не оставляли надежду увидеть установленный монумент в сквере Блокадников. В мае 2017 года в адрес Грачья Погосяна вновь пришло официальное обращение от общественной организации г. Санкт-Петербурга «Жители блокадного Ленинграда», в котором они просят благотворителя о помощи в реализации проекта, а именно взять на себя финансирование выбранного населением и утвержденного Комитетом по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга проекта памятника «Мужеству ленинградцев».

Стоимость проекта была пересмотрена и значительно снижена, и Грачья Погосян дал согласие профинансировать изготовление и установку памятника. Для реализации данного проекта был создан Благотворительный фонд имени Погосяна Грачья Мисаковича, который официально взял на себя внедрение проекта.

В августе 2017 года стартовали работы по изготовлению макета памятника в натуральную величину. В октябре состоялся художественный совет, на котором присутствовали ведущие художники и скульпторы города, и который одобрил скульптурное решение монумента.

* * *

И вот, 30 ноября в сквере Блокадников собрались председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Вячеслав Макаров, председатель Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга Александр Ржаненков, председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Евгений Григорьев, заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Армении Айк Чилингарян, глава администрации Выборгского района Санкт-Петербурга Валерий Гарнец, депутаты Законодательного Собрания города, депутаты Парламента Республики Армения, президент Благотворительного фонда им. Погосяна — Грачья Погосян, скульптор Евгений Ротанов, представители профильных комитетов и ведомств, ветераны-блокадники.

В своем выступлении, открывающем торжественный митинг, Председатель Законодательного Собрания Вячеслав Макаров сказал:

— Оборона Ленинграда — уникальное явление в мировой истории. Недаром она стала символом массового героизма, подлинной силы духа и беззаветной любви к Родине. Памятник, который будет установлен в этом сквере, — дань глубочайшего уважения и благодарности защитникам блокадного города. Именно на их примере должно воспитываться новое поколение ленинградцев-петербуржцев. Очень важно, чтобы молодежь унаследовала тот особый культурный код — код победителей, который позволил ленинградцам выдержать самые тяжелые испытания.

*Выступает председатель
Законодательного Собрания СПб Вячеслав Макаров*

*Выступает председатель Калининского отделения общественной
организации «Жители блокадного Ленинграда» Жанна Яковлевна Киселёва*

Участники мероприятия возлагают цветы на освященную землю

— Долго мы шли к этому событию. Преодолевали немало трудностей, преград, проводили конкурсы, и наконец, решение было найдено. Нашелся удивительный человек, который так много сделал в городе памятных проектов. И я благодарен ему за то, что он нашел в себе желание и возможность реализовать данный проект во имя нашей памяти, ради наших жителей блокадного Ленинграда. Как сказал поэт: память — наша сила. И она особенно важна сегодня, в непростое время, — отметил председатель Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга Александр Ржаненков.

Председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Е. Д. Григорьев подчеркнул, что в России нет ни одной семьи, которой война не принесла горя.

— Появление еще одного памятника — это ответ тем людям, которые пытаются либо переписать историю, либо ее забыть. Поэтому мы будем всегда помнить и хранить память о великом подвиге ленинградцев, чтобы никогда больше не было войны, — заключил Евгений Дмитриевич.

Глава администрации Выборгского района Санкт-Петербурга Владимир Гарнец отметил значимость появления памятника именно в Выборгском районе. И выразил надежду, что памятник «Мужеству ленинградцев» станет местом поклонения не только для жителей города Ленинграда — Санкт-Петербурга, но для всего народа России.

— Мы знаем, что в годы блокады в Ленинграде погибло 470 тысяч жителей, из которых 20 тысяч — наши братья и сестры армянской национальности. Это свидетельствует о том, что Великая Победа была общая, всех народов Советского Союза. И то, что памятник будет воздвигнут нашим соотечественником — Грачией Погосьяном, живущим в Санкт-Петербурге, говорит о теплых, дружественных связях между нашими народами, — сказал

заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ Айк Чилингарян. Он поблагодарил жителей блокадного Ленинграда и ветеранов Великой Отечественной войны, пожелал им крепкого здоровья, подчеркнув, что этот памятник посвящается и погибшим, и ныне живущим.

Особенно этому событию были рады самые главные его участники — жители блокадного Ленинграда. О своих чувствах и о том, чего стоило им добиться реализации долгожданного проекта, рассказали председатель Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Елена Тихомирова и председатель отделения Общества Калининского района, депутат МО «Академическое» Жанна Киселева. Обе женщины не скрывали своей радости, что памятник, о котором они так долго мечтали, уже в скором времени будет установлен в сквере Блокадников. Ныне здравствующие жители блокадного Ленинграда, которые в страшные годы были еще детьми, на опыте собственной жизни знают, с какими нечеловеческими трудностями столкнулся их город в годы осады, какие испытания выпали на долю каждого ленинградца.

Для всех стал открытием тот факт, что об установке Блокадного монумента заговорили в правительстве города еще в 1975 году, но дальше предложения дело так и не пошло. Долгие десятилетия жители блокадного города надеялись увидеть обещанный монумент.

— С каждым годом нас становится все меньше, мы были должны сделать все возможное, чтобы наши дети, внуки и правнуки видели, что это не просто памятник блокадникам, это памятник героизму, непокоренности ленинградцев, — подчеркнула Жанна Яковлевна. Она, конечно же, выразила огромную благодарность благотворителю, взявшему на себя реализацию проекта, почетному члену их организации — Грачье Погосяну, Комитету по градостроительству и архитектуре города за активную поддержку и реальную помощь.

В свою очередь заместитель председателя Комитета по градостроительству и архитектуре Лариса Канунникова поблагодарила ветеранов и жителей блокадного Ленинграда за их стойкость и пожелала, чтобы таких памятников в нашей стране появлялось как можно больше.

Слово было передано Президенту благотворительного фонда, благодаря которому проект обрел право на жизнь, — Грачье Погосяну. Он выразил благодарность всем тем, кто не только поддержал эту инициативу, но и оказал огромную помощь в ее реализации — Губернатору города Георгию Полтавченко, председателю Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вячеславу Макарову, градостроительному комитету и в особенности Ларисе Канунниковой, и многим другим.

— Все это говорит о большой любви к нашему городу, к его истории, к его ветеранам и жителям блокадного Ленинграда, — подчеркнул в своем выступлении петербургский благотворитель Грачье Погосян. — Реализовать такой проект, о котором много лет мечтали те, кто пережил самые тяжелые годы блокады города, кто ценой собственного здоровья и жизни отстоял Ленинград, для меня, как жителя Петербурга, как почетного члена общества «Жители блокадного Ленинграда», является большой честью.

Церемонию освящения места будущей установки памятника «Мужеству ленинградцев», по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия, провел священнослужитель Санкт-Петербургской

епархии, ключарь храма Владимирской иконы Божией Матери протоиерей Георгий Шмидт в сослужении священников. В завершение церемонии к закладному камню были возложены букеты красных роз и гвоздик, как напоминание о трагичных страницах истории города, как подтверждение того, что память о подвиге будет сохранена.

Много теплых слов и пожеланий прозвучало в этот день. Но главное, укрепилась надежда жителей блокадного Ленинграда, что скоро они увидят открытие памятника, что оно состоится в дни прорыва и полного снятия блокады Ленинграда. Заказчики заверили, что к этому времени памятник уже будет готов.

*Дина Никифорова
Фото автора*

ВЫШЛА КНИГА

Луговая Заряна

Лавия. Обретение души. Роман. — М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2017. — 240 с.

Заряна Луговая — автор многих повестей, рассказов, исторических романов, лауреат литературных премий. Ее новый роман «Лавия. Обретение души» относится к жанру православного «фэнтези». Писатель хочет помочь юным читателям и подросткам, тонущим в океане ложной информации, теряющим жизненную ориентацию в среде имитаторов, найти ответы на главные вопросы бытия, определиться со своим местом в жизни. Автор выводит молодых людей из интернетовской «паутины» на свет книги, в пространство литературного слова. Действие романа происходит на грани двух миров, где властвуют свои законы, где существуют тонкие материи, о которых порою несведущи даже глубоко верующие и воцерковленные люди. Стройна и незыблела система помощников Создателя на Земле и в Небесах: Ангелы, Архангелы, Начала, Престолы... Героиня романа Ангел смерти Лавия, нарушая извечный божественный порядок, спасает девушку, которая из-за несчастной любви хочет совершить смертный грех самоубийства. Захватывающая интрига, многоплановая композиция, живой литературный язык, бытийная философия делают эту книгу интересной не только молодому поколению, но и широкому кругу читателей.

Русские СУДЬБЫ

Валентин ВЛАСОВ

ЛЕНИНГРАД

Валентин Степанович Власов — родился в 1946 г. в Архангельске, где прошел путь до мэра Архангельска и главы Администрации Архангельской области. Окончил Всероссийский заочный финансово-экономический институт. Был назначен Полномочным представителем Правительства РФ в Чеченской республике. Окончил Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Затем служил: и. о. главы республики Карачаево-Черкесия, заместителем председателя Центральной избирательной комиссии РФ, Чрезвычайным и полномочным посолом РФ в Республике Мальта, Чрезвычайным и полномочным посолом РФ в Киргизии. 1 мая 1998 г. был захвачен группой чеченских боевиков на трассе Ростов—Баку, в районе станции Ассиновская. Спустя полгода, после длительных переговоров, был освобожден. Имеет многие государственные награды.

С городом на Неве первый раз я познакомился в 1969 году, когда получил первый свой трудовой отпуск, начав работать в Мурманском морском пароходстве.

По прибытии в Ленинград без всяких туристических путевок поехал в город Петродворец и там снял комнату в коммунальном доме рядом с музеем Петродворца. Комнатка, где жила молодая семья, была маленькая, и мне поставили раскладушку. Требований у меня к жилью естественно никаких не было, так как я просыпался очень рано и без завтрака покидал снимаемую комнату. Возвращался очень поздно, как говорят, уходил из дома, когда семья еще спала, а приходил, уже спала. Единственно, чем пользовался — туалетом и умывальником, которые были в коридоре, а что еще нужно было молодому парню.

Но маршрут знакомства с городом по интуиции выбрал правильный. В 7 часов утра от музея Петродворца в Ленинград уходил по реке теплоход «Ракета» на подводных крыльях и причаливал через час хода в районе Эрмитажа. Начинал знакомство с городом на Неве с кафе в районе Дворцовой площади рядом с кассами аэрофлота, где ел кашу, выпивал чай и начинал путешествие по музеям города. Без ложной хвастливости могут сказать, что за 25 дней моего путешествия я посетил все, какие знал и не знал музеи города. Больше всех уделил времени Эрмитажу и старался, а это было удобно, переходить от одного музея к другому пешком. Заканчивая посещение очередного музея, спрашивал у сотрудников, куда можно еще сходить, и так от музея к музею с картой города. Хочу особенно отметить гостеприимство, благожелательность, отзывчивость жителей Ленинграда, которые помогали мне легко нахо-

дить адреса посещений. Возвращался в Петродворец тем же маршрутом, едва неся ноги, а не они меня, добирался до постели и впадал в глубокий сон. Утром все начиналось сначала. Гостеприимных хозяев квартиры увидел, когда размещался и уезжал, при этом они мне сказали, что и сами-то в музеях не бывали.

Второй раз мое пребывание в Питере было связано, когда работал в филиале Главка «Леншвейпром» в Архангельском производственном швейном объединении.

В те годы существовала, если не повсеместная, то на ряде предприятий, система приписок. Заканчивался месяц, и райком партии запрашивал предварительные цифры по выполнению плана. Если в целом в районе не складывалось выполнение плана промышленности, то начиналась работа с директорами предприятий, кто мог бы еще подтянуть цифры. Делалось просто, коллектив фабрики начинал работать в счет следующего месяца, а продукция отгружалась за предыдущий месяц, и так из месяца в месяц работали 3 дня месяца в счет предыдущего. В нарушение КЗОТ выходили в ночные смены и выходные. Поэтому I декада месяца была всегда нервной, в такой спешке получался иногда и брак, который нужно было переделывать. Итоги года рассматривались на хозяйственном активе в «Леншвейпроме», который в свою очередь тоже отчитывался перед министерством и Ленинградским обкомом партии. Видимо, поэтому и называется эта отрасль «легкой».

Наш коллектив был молодой — средний возраст 25 лет, все выпускники профтехучилища, естественно, комсомольцы. Я возглавлял комсомольскую организацию на освобожденной основе и тоже был молодым, отношения в коллективе были хорошими, такие же отношения у меня были и с начальниками цехов, все — женщины. И постоянную производственную боль они все время высказывали мне.

Мои беседы с секретарем парторганизации Белых М. В. (она работала технологом и была, естественно, зависима от директора) результатов не давали. Федотова Ия Аркадьевна, директор объединения, мне особо не раскрывала складывающееся положение, но чувствовалось, что у нее не хватало мужества высказывать свою позицию в райкоме партии, так как иногда план не выполнялся и по вине коллектива, а правильно сказать, по ее вине. По складу характера была обидчива, медлительна, как руководителю ей не хватало четкости и требовательности к подчиненным. Могла устроить разнос, но не разложить по полочкам проблемы, не хватало самой профессионализма поставить задачу. Однажды на совещании в Облисполкоме с руководителями предприятий делал разбор председатель Третьяков, и в это время скрипнула входная дверь, вошла Ия Аркадьевна (она везде опаздывала). Виктор Михайлович остановил выступление и спросил: «Кто вы?». Она ответила. «На совещания нельзя опаздывать, оставьте зал», — прогремело как гром среди ясного неба для всех. К сожалению, выводов сделано не было, все это мешало ей в работе жестко отстаивать свои позиции. Также она была между молотом и наковальней. Как коммунист перед райкомом партии, как хозяйственник перед «Леншвейпромом». Парадокс был еще и в том, что новые модели продукции, разработанные своим экспериментальным цехом, нужно было сначала показать в оригинале в Ленинграде в Главке, и если модель утверждалась, то лекала потом выполнялись на

предприятия Ленинграда. Филиалы эту работу не выполняли, в связи с чем на согласование новой модели уходило много времени. Новый образец мог выйти на рынок, как правило, не раньше трех, четырех месяцев. А образцы работники фабрики возили в Ленинград в чемоданах на поезде, выполняя одновременно роль и технологов, и грузчиков; и так было каждый месяц. На партийно-хозяйственный актив, была раньше такая форма подведения итогов, в Ленинград ездила директор фабрики, и, естественно, она не раскрывала острых проблем, старалась сгладить ситуацию.

Однажды я набрался смелости и позвонил генеральному директору объединения Федотовой Нине Ивановне, однофамилице нашего директора, рассказал по телефону вкратце о наших болячках и попросил, чтобы на очередное совещание в Главке она пригласила и меня. Практики участия на хозяйственных активах кого-то кроме директора не было, и это вызвало интерес у руководства нашей фабрики и, естественно, у райкома комсомола. Получив приглашение на меня, директор ничего не сказала, а потом пояснила — нет командировочных, райком комсомола со своей стороны объяснил — нет поручений, и только после моего звонка в Ленинград вопрос был решен. Так произошел мой первый производственный конфликт, и надо было выйти из него не белой вороной.

По завершении совещания в главке Федотова Н. И. пригласила к себе в кабинет. Нужно отметить, Нина Ивановна обладала сильным характером, резкая, волевая, профессионал, имела авторитет у руководства г. Ленинграда и Ленинградской области, но главное, она была блокадницей. Ее побаивались все. В приемной на меня внимательно посмотрели с интересом — зачем пригласила меня директор?

Я вошел в большой кабинет, Нина Ивановна сидела за рабочим столом. Она была небольшого роста, и как я потом узнал, ноги под столом она ставила на подставку и при входе посетителя старалась не выходить из-за стола. Курила много, в те времена женщин нередко можно было увидеть курящими, видимо, сказывались годы войны. Очень внимательно выслушала то, о чем рассказал. Из нашей беседы я понял, что эти же проблемы имели место в целом в «Леншвейпроме», но сам разговор в неформальной обстановке и с непроизводственником вызвал у нее неподдельный интерес. Она тепло поблагодарила меня и поручила главному инженеру объединения Ферафонову Н. А. позаниматься со мной, и впоследствии я долго поддерживал хорошие отношения с Николаем Андреевичем, работая уже в Узбекистане.

Следующий приезд в Ленинград в 1983 году уже был связан учебой.

Работал я тогда уже первым заместителем председателя Октябрьского райисполкома города Архангельска, и первый секретарь райкома партии Сажин А. И. пригласил меня на беседу, предложив поехать на учебу в Ленинградскую высшую партийную школу на очное отделение на два года — своего рода повышение квалификации. Предметы были все как в вузах, но специальность после окончания не давалась. Нужно было сдавать приемные экзамены, проходить медицинскую комиссию.

От Архангельской области обком партии направлял 10 человек. После завершения всех организационных процедур в сентябре 1983 года все слушатели, зачисленные в школу, в том числе и наш курс 116 человек, поехали в область на сборы. Вместе с программой оздоровительных и куль-

турных мероприятий в недельный срок с участием деканата, руководства были сформированы руководящие общественные органы, назначены старосты, избраны партгруппорги групп и курса. Программы вечерних мероприятий показали, кто на что способен и как умеет себя вести. Жили все в общежитии в комнатах по два человека, учеба проходила в Таврическом дворце, тогда там размещалась школа. Нужно отметить, школа располагала сильным преподавательским составом. Многие из них пришли с мест.

Семинары проходили очень демократично, активно, они были интересны, насыщены, имелась богатейшая библиотека. В школе было два курса с двухгодичным сроком обучения и четыре курса — с четырехгодичным.

За время учебы посещали парторганизации города. Насыщенной была и культурная программа, и по учебной тематике, и по свободной. Широкая возможность была посещать театры города. Незабываемые впечатления остались от театра Товстоногова (уже тогда его называли так). Встречи с Лавровым (к нам ходил в школу играть в большой теннис), Лебедевым, Владимировым, Стрельчиком, Копеляном и другими актерами. По окончании школы слушатели получали высшее партийное образование без специальности.

К большим календарным датам каждый курс готовил тематическую праздничную программу, где задействовались все слушатели с учетом своих способностей — кто пел, кто читал, кто танцевал и т. д. В праздничных мероприятиях участвовали и иностранные дипломаты. На вечер, посвященный дню Кубы, был приглашен посол Кубы в России, и, естественно, с ним была группа кубинцев, которые учились в институтах Ленинграда. При исполнении гимна Кубы не сработала звуковая аппаратура. Наступила гробовая тишина, и тут посол поднялся и без музыкального сопровождения начал исполнять гимн, его подхватили все кубинцы. Исполняли гимн торжественно и мелодично, и с каждым последующим куплетом голоса становились все тверже. Впоследствии с таким отношением к государственной символике я столкнулся, работая уже в Киргизии, когда при исполнении гимна все встают, тишина... прикладывая правую руку к сердцу, все поют, особенно отмечалось это среди детей и молодежи. Мне думается, мы в такой практике не воспитаны. При исполнении государственного и партийного гимна исполняется только мелодия, никто не поет, я бы даже сказал, мы стесняемся это делать где-то и сегодня, не знаем слов, когда после чемпионата мира по телевидению показывают нашу сборную, начинает играть гимн, а члены команды продолжают разговаривать и смеяться.

Состав курса состоял из слушателей, которые прежде занимали должности секретарей парткомов, инструкторов райкома и обкома партии, советских работников, и некоторые из них относились друг к другу в зависимости от занимаемой ранее должности. Мне, как секретарю парторганизации курса, нужно было учитывать на первых порах такие нюансы. Приехали же кто с каким намерением, от кого-то через школу и освободиться пытались. С нами учились вместе представители партийных организаций Латвии, Литвы, Молдовы, Эстонии. Целая группа была журналистов. Не так-то просто было дать поручение, и чтобы оно было выполнено. Ну, везло мне по жизни, на скандалы не нарывался. И до сих пор со многими поддерживаю отношения. Списки слушателей с адресами у меня сохранились. Работая в Центральной избирательной комиссии, я откорректировал их и однажды

послал всем поздравительные телеграммы с праздником — каково же было их удивление! Всегда, когда еду в какую-то область, смотрю с кем можно встретиться. А тогда, продолжая учебу, со временем все становилось на свои места, проходила спесь, апломб; дружеские отношения устанавливались во время семинарских занятий, подготовки и проведения партийных собраний, тематических вечеров. В общем, как в бане, где нет генералов, кроме веника. Все стали понимать, что нужно домой ехать с характеристикой на руках. Кому-то учеба в школе помогла, а кто-то на все махнул рукой, стал пить, гулять, впрочем, все как у всех.

Я постарался и в Ленинграде свободное от учебы время использовать на благо семьи. По улице Войнова между общежитием школы и Таврическим дворцом размещался завод автоарматуры, вот там вечерами я стал подрабатывать токарем-фрезеровщиком по выпуску деталей к легковой машине ЗИЛ, увлекся, понравилось, приятно было получать дополнительно материальную поддержку и, прежде всего, конечно, привлекал труд в рабочем коллективе. Не знаю, как успевал по 4 часа работать, учиться, вести общественную работу. Раз в месяц — партсобрание курса, собрание групп; раз в квартал — собрание школы и заседание парткома школы. Да еще готовить праздничные программы, определенные за курсом, ходить в театр. Не знаю, как-то успевал. А еще магазины города Ленинграда притягивали: что-то прикупить жене, детям. Для этого надо было знать где, что и когда будут «выбрасывать». Прийти раньше, занять очередь, купить австрийские сапоги, а иногда и две пары, жене, одежду детям, трюфели, грильяж в шоколаде и по льготной студенческой цене в выходные прилететь домой. Опять же говорю, как это все успеть? — выручали молодость и любовь.

Руководство школы подвело итоги первого года обучения, и победительной группе была вручена путевка в Минск. Незабываемые дни, впервые в Минске. Там тоже была аналогичная школа. В поезде у Коли Корепанова в руках гитара, полное купе ребят и песни: «городские цветы, городские цветы...». Вспоминаешь, как во сне.

В феврале месяце 1985 года перед очередной сессией в школе прошел слух о возможном направлении определенного числа слушателей на работу в Узбекистан. И этот слух оказался реальностью. Меня пригласили в партком на беседу и высказали свои соображения о возможной работе в Узбекской ССР, как бы поинтересовались моей реакцией, видимо, еще и как секретаря парторганизации курса, на это предложение. Конкретно ничего не было сказано, да, думается, и они еще не знали предметного содержания будущего, предупредив о неразглашении состоявшегося разговора. Но, на всякий случай, рекомендовали вовремя откликнуться или проявить инициативу.

Для меня это было под вопросом, ведь без согласия Архангельского обкома партии, который направлял на учебу, по окончании учебы решение мог принять только обком. Однако уже в марте меня пригласил к себе ректор школы Андреев Б. Г. и ознакомил с принятым им решением — направить в командировку от всей школы меня, а также сокурсников Алимова Сашу из Мурманска и Соколова Диму из Вологды в Москву в ЦК КПСС. Это было как гром с ясного неба для всех, но любопытство победило.

На Ленинградском вокзале Москвы нас встретил представитель ЦК, и мы на машине поехали на старую площадь, где из нас никто никогда не

был. Машина заехала во двор комплекса зданий, на входе предъявили не паспорт гражданина, а партбилет, зашли в 6-й подъезд, там размещался организационный отдел ЦК. На пятом этаже остановились в холле, где было еще несколько человек, видимо, таких как мы. Никаких вопросов друг к другу, ни разговоров между собой, да и понятно, в таком месте все впервые и одержимы таинством будущей с нами беседы. По коридору не было никаких хождений, гробовая тишина, и только знаменитые красные ковровые дорожки привлекали наши взгляды, остальное ничем не выделялось, все очень скромно. Затем пригласили в кабинет заместителя зав. сектором ЦК Пономарева И. Он нас представил всем: Козырь А. В. из Белоруссии, первый секретарь райкома партии одного из районов Могилевской области; Бака В. И., зав. отделом Шаховского горкома партии Московской области.

Пономарев стал рассказывать нам о той работе, которую сегодня проводит ЦК КПСС в Узбекской республике по результатам проверки партийной организации Узбекистана, и о принятом решении ЦК направить по просьбе ЦК Компартии партийных и советских работников из других регионов союза на один год, было подчеркнуто: «для оказания практической помощи».

Это коснулось и работников правоохранительных органов. Всего в республику планировалось, а часть уже была на местах, направить 117 человек. Хотя мы и знакомы были с материалами постановления ЦК КПСС по данной республике, но, как оказалось, поверхностно. Пономарев передал нам в хорошем оформлении материалы XVI Пленума ЦК Компартии Узбекистана под грифом «секретно». Когда я стал знакомиться с материалами пленума, то сначала не поверил написанному. Речь шла о массовых фактах кумовства, взяточничества, коррупции (тогда еще этот термин не употреблялся) в республике под руководством первого секретаря ЦК Компартии Ш. Рашидова, позже все это назвали «хлопковым делом». Складывалось впечатление, что так живет вся республика. Пономарев и дал посыл секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева: «вы направляетесь для наведения порядка»; да, именно это имелось ввиду под общим понятием «оказание практической помощи».

Оказалось, это разные понятия, и каждый понял эти слова с учетом своих личных качеств, таких как карьеризм, амбиции. И впоследствии, как показало время, была и разная «помощь»: приехали и такие работники, которые не нужны были на своих местах, от многих просто избавились. Забегая вперед, скажу, из 117 человек к концу 1990 года в Республике осталось 5 человек. Уехали, кто по состоянию здоровья, кого сняли, кого по-тихому отправили обратно, а кто придумал причину, чтобы вернуться домой. Сашу Алимова направили в Каракалпакию, не проработав и года, он вернулся в Мурманск по состоянию здоровья жены. Дима Соколов поехал в Фергану вторым секретарем горкома партии и через три года вернулся в Вологду.

Пономарев озвучил предложения ЦК по нашей будущей работе в республике, мне предлагалась должность второго секретаря горкома партии г. Маргилан Ферганской области. На учебу я поехал с должности первого заместителя председателя Октябрьского райисполкома г. Архангельска. То есть все направляемые назначались на более высокие должности, чем занимали ранее.

Я задал вопрос о заработной плате, попытка Пономарева узнать, позвонив по внутреннему телефону, результата не дала. Позже я понял, что

такие вопросы не принято задавать в руководящих органах партии. Хотя он попытался пояснить, что там низкие цены на рынках, в парторганах есть столы заказов и т. д. Не получили мы ответа и на вопрос, известно ли об этом решении нашим обкомам партии. Закончился разговор тем, что нам предлагалось подумать, с семьями обсудить высказанные нам предложения. Когда вернулся в Ленинград, меня сразу же вызвал ректор, и, зайдя в кабинет, увидел его возбужденным, нервным, лицо имело багровый цвет. Я понял, что-то произошло. Не предложив мне присесть, он в резкой форме начал разговор: кто позволил тебе задавать вопросы в ЦК... (не привожу другие слова), ты не оправдал доверие парткома школы... Я попытался объяснить, что семья, двое детей, что они сами должны разъяснить все социальные вопросы... Не дав закончить, Борис Григорьевич выкрикнул: в ЦК дважды не вызывают, уходи.

В удрученном состоянии я покинул кабинет, вечером того же дня решил позвонить домой, но не жене, а первому секретарю своего райкома партии Сажину А. И., надеясь, что он знает о данной ситуации. Александр Иванович ничего об этом не знал. И по голосу я почувствовал, что он как-то возгордился о своем воспитаннике, не отключая телефон, решил проинформировать первого секретаря горкома партии по селектору. И вот тут для нас обоих была полная неожиданность. Елезов В. Г. не знал, что я на связи, и открытым текстом: ну его..., пошел он... без согласования с нами принимает такие решения. Пусть едет куда хочет, здесь ему работы нет. Короче, без меня — меня женили. Так закончился мой день, сна не было, домой звонить не стал. Да и раньше вопросы о будущей работе, занимаемой должности и где работать — это мы с женой никогда не обсуждали. Решение всегда было за мной, и я благодарен супруге за доверие, в то же время это была высокая для меня ответственность.

Проснулся с больной головой. Дежурный по общежитию, где мы жили, передал: к ректору в 11 часов. От общежития до Таврического дворца идти минут 15. Мысли в голову хорошие не приходили, видимо, до сессии не допустят и летом государственных экзаменов не видать. Но, как говорится, все, что ни делается, все к лучшему. Я захожу в кабинет ректора. Борис Григорьевич сидит за столом, тихо пробубнил приветствие, показал на место за приставным столиком и продолжил что-то писать. Я обратил внимание, что на столе лежали командировочные удостоверения и билеты. Ректор поднял глаза и сказал: через 3 часа будет машина в аэропорт, передал мне необходимые документы и сказал, что в Москве встретят.

Снова Москва, все те же люди. Пономарев встретил, добродушно начав разговор словами: «я знаю, что вы все дали согласие на работу». Назвал оклад второго секретаря горкома партии. Дальше обсудили чисто организационные вопросы, что и когда мы должны были делать. Но главное, вернуться собраться и сразу вылететь в Ташкент, где нас уже ждут. Больше я уже вопросов не задавал. И домой не звонил никому.

До окончания учебы в школе оставалось 3 месяца, поэтому мы в июне должны были приехать для сдачи государственных экзаменов. В школе все дела сделали быстро. Обратил внимание на запись в трудовой книжке: отчислен из состава слушателей в связи с направлением ЦК КПСС на практическую работу в Узбекскую ССР от 07.04.1985 года. Вещи собрали, деньги получили, билеты до Ташкента вручили. Снова Пулково.

Николай РАЧКОВ

ЛЕНИНГРАДЦЫ

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 г. в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. **Живет в городе Тосно Ленинградской области.**

В Большом Болдине на Всесоюзном Пушкинском празднике поэзии в 1984 году мне предоставили честь открывать торжество у памятника великого русского поэта в усадьбе вместе с Михаилом Дудиным. Я, конечно, очень волновался. Еще бы! Выступать вместе с самим Михаилом Дудиным! Ой, не оплошать бы... Не ударить лицом в грязь... Не позабыть бы свои же строчки... Бывает от волнения такое.

Но все обошлось. Я прочитал стихотворение «Дорога к Пушкину», и после открытия Михаил Дудин подошел ко мне и сказал несколько одобрительных слов. Я тут же подарил ему сборничек своих стихов. А в ноябре он неожиданно прислал мне из Ленинграда сборник своих стихов «Ключ», прекрасно проиллюстрированный своими живописными рисунками. Я очень дорожу этой замечательной книжкой, не только потому, что там прекрасные стихи, но еще и потому, что большой мастер поэтического слова счел необходимым послать мне собственноручно эту только что изданную книжку.

Михаил Дудин... Именно его фронтовое стихотворение «Соловьи» я читал еще студентом со сцены Дома ученых в Горьком. Спазмы сдавливали горло, когда произносил вот эти строки:

*Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».*

*И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны...*

Нет, мы не переписывались. Ведь особой близости между нами не было. Скоро я переехал жить под

Ленинград. И вот однажды, выходя из книжной лавки писателей на Невском, в упор столкнулся с поэтом. Он удивился, крепко пожал мне руку.

— Ты откуда? И почему здесь? И давно?

— Да вот, — я растерянно начал рассказывать, — переехал жить в Тосно. Обустраиваюсь. Теперь буду состоять в Ленинградской писательской организации...

— Переехал в Тосно? — Михаил Александрович покачал головой и усмехнулся. — В болото, значит...

— Почему в болото? Городок как городок, — возразил я ему.

— Болото... Я же знаю эти места еще по фронту. Леса кругом... Бывал я там...

Михаил Александрович как-то отрешенно поглядел на меня и махнул рукой:

— Ну, ладно... Пройдемся.

Я начал выражать восхищение Ленинградом. Он снисходительно посмотрел на меня:

— Понимаю тебя... Но — запущенный, очень запущенный город...

Мы шли с ним потихоньку по Невскому, я расспрашивал его о поэтах ленинградских.

— Узнаешь скоро всех... Да всех и не надо... Вадима Шефнера, Глеба Горбовского, наверное, читал. Из более молодых — Виктор Максимов. Это поэт...

Я спросил его, был ли он знаком, дружил ли с поэтом Алексеем Лебедевым, подводником, не вернувшимся из боевого похода в 1941 году. Ведь это же надо: так точно предсказать свою гибель!..

— С Лешей?.. — и Михаил Александрович начал декламировать:

*Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши.
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.*

*А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя погибель и купель.*

Переждал немного, потом стал вспоминать свое стихотворение, посвященное памяти Алексея Лебедева:

*Жизнь твоя как прыжок с трамплина
В невозвратную глубину.
Мать умрет, не дождавшись сына,
У печали своей в плену.*

*Станет каменным у причала
Юной женщины силуэт.
Песне верности нет начала,
Окончания тоже нет...*

Он дважды повторил эти строки: «Станет каменным у причала // Юной женщины силуэт». Видимо, они самому ему очень нравились. Я благоговейно слушал, как он читает, как, высоко подняв голову, торжественно произносит, словно чеканит, каждое слово.

— Эх, Николай... — мы подошли с ним к остановке троллейбуса, — я ведь уже старый солдат, я не понимаю, почему еще жив... Я, — он грустно посмотрел куда-то в небо, — как отставший от стаи журавль... Стая моя уже давно улетела... Мне осталось только догнать ее...

Не забыть мне этих его горьких слов.

На прощанье он назвал мне домашний адрес:

— Заходи, когда захочешь, в гости...

Нет, моя скорее деревенская стеснительность, что ли, не позволяла мне навестить его в домашней обстановке. Ну, кто я ему? Не друг, не близкий приятель. А он — известный поэт, депутат Верховного Совета страны, секретарь Союза писателей СССР. Слава Богу — знакомы, и то ладно.

На собраниях в писательском доме мы иногда встречались, дружески обменивались мнениями о происходящем в стране, но эти встречи были мимолетные, что называется — на ходу.

А вот такого откровенного разговора, как на Невском, у нас больше не было...

Да разве в этом дело?

Главное, что у меня осталась в памяти эта радостная встреча с ним на Невском, эта его затаенная печаль, его стройная солдатская фигура, высоко поднятая голова, его отрешенный тоскующий взгляд, обращенный в небо...

ЛЕНИНГРАДЦЫ

1

Это было в начале шестидесятых годов прошлого века, в Горьком, в старинном помещении дома, стоявшего на площади Минина и Пожарского. В нем размещалась в то время горьковская писательская организация. Я учился тогда рядом, в педагогическом институте. Сейчас я уже не помню точной даты, но там проходило всесоюзное совещание молодых писателей. Приехали в город не только молодые писатели, но и маститые мастера слова. Впервые, заскочив по привычке в знакомый дом, я увидел столько именитых людей в зале.

Руководитель горьковской писательской организации Владимир Михайлович Автономов, увидев меня, обрадовался:

— Прошу тебя, сбегай в гостиницу «Россия», разбуди, он, наверное, отдыхает с дороги, поэта из Ленинграда Сергея Орлова, скажи, что пора сюда, скоро ему выступать...

Я охотно побежал в гостиницу, благо она находилась недалеко, на набережной Волги. Сердце мое стучало: Сергей Орлов! Сергей Орлов!.. Вот кому есть возможность показать свои стихи... Вот кто может оценить их по-настоящему...

В грудном кармане пиджака у меня была целая пачка рукописных виршей.

Помню, я постучал в дверь гостиничного номера. «Кто там? Заходи-те!..» — послышался голос уставшего невыспавшегося человека. Дверь была не заперта.

Я робко зашел и увидел у окна поднимающегося со смятой кровати человека с обрубком ноги, торчащей из-под простыни. Его заросшее рыжеватой бородой и бакенбардами лицо было покрыто кусками мертвой желтой кожи. И только синие-синие глаза оживляли это неживое лицо. И эти синие-синие глаза глядели на меня так стеснительно, словно стыдясь впечатления, которое на меня произвела эта встреча.

Неужели это тот самый знаменитый Сергей Орлов, вот этот страдающий инвалид в нательном белье?!

Я стоял как вкопанный. Я сразу же забыл о своих стихах. Невероятной силы жалость сжала мне горло к этому мужественному человеку, герою-фронтовику, чудом оставшемуся в живых в горящем танке. Какие же муки, какие страдания он перенес — и какие честные, правдивые, талантливые стихи о войне, о жизни! Ведь это же он писал: «Пускай машина отдохнет, мы люди, а она стальная», ведь это его бессмертные хрестоматийные строки мы читали со школьной сцены:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград...
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.*

И вот поэт глядел на меня так стеснительно, словно стыдился своего изуродованного войной облика, своей неуклюжести: нашарил протез возле кровати и стал его, торопясь, пристегивать. И это получалось у него не очень ловко, и я всей кожей своей чувствовал, как ему больно, и не знал, как ему помочь, что еще хотя бы сказать. Все слова застряли в горле.

«Я сейчас, сейчас буду готов, молодой человек, скажи там, — он кивнул головой куда-то в сторону и болезненно поморщился, — я скоро буду... Прилег вот ненадолго, в поезде не выспался, — извиняющимся голосом продолжал он, — нога разболелась не ко времени... Понимаешь? Там уже все собрались, да? Ну, ничего, ничего... Ты скажи, я сейчас буду, я скоро...»

До сих пор не могу забыть этой встречи, до сих пор живет во мне этот стеснительный взгляд по-детски чистых-чистых синих глаз на бескровном, обшитом желтыми кусками неживой кожи, лице... Невероятно скромного и невероятно талантливого поэта-фронтовика...

2

...В приемной горьковской писательской организации Владимир Михайлович Автономов, схватясь за голову обеими руками, ходил, раскачиваясь из стороны в сторону, и откровенничал с надрывом в голосе:

— Что делать? Она уже целую бутылку «Портвейна» выпила! И просит еще... Что будет, что будет?... Ей же сейчас выступать!.. Скандал на всю страну...

За закрытой дверью в его председательском кабинете сидела, как мне шепотом сказал Юра Адрианов, оказавшийся тут же, Ольга Берггольц.

Легендарная поэтесса Ольга Берггольц!

Не может быть? Она! Она! и сейчас ее выступление.

Мы с Юрой бросились на галерку.

В зале объявили: «Выступает Ольга Берггольц...»

Она появилась на сцене, немного худая, стройная, строгая, в сером, отливающим блесками платье, медленно, твердой походкой подошла к трибуне. Левой рукой она нервно теребила на шее украшение, такое же серое, витое, словно жгут.

Ольга стала говорить о Борисе Корнилове, о том, какой это был неповторимый певец. Время вернуло его из обидного забвения. Наконец-то вернуло! Так и должно стать — настоящие поэты не умирают. Она взмахнула слегка рукой:

— Разве кто-то из современников мог написать вот так:

*Нижний Новгород,
Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой?*

Вы только вдумайтесь в эти слова: «сумрак чуть-чуть голубой...» Чуть-чуть... Вот без этого «чуть-чуть» не бывает поэзии... А Борис был талант, и какой талант!

И вновь стала крутить украшение на шее. Сделала паузу, оглядела внимательно зал и стала читать стихи. Стихи, посвященные Борису Корнилову:

*...Теперь — ты прав,
мой первый и пропащий, —
Пою другое,
плачу о другом...*

Прочитала с неким, как мне показалось, покаянием и даже с неким, пожалуй, вызовом. Гордо тряхнула головой, отчего светлые волосы ее рассыпались по бледному лицу, и так же медленно, прямо, не качнувшись, гордо пошла от трибуны за кулисы под оглушительные аплодисменты. Она, читая свои стихи, ни разу не сбилась. Она, перед этим, как горевал Автономов, выпившая бутылку «Портвейна»! И никто ничего не заметил. Потом тот же Владимир Михайлович с восхищением заметил: «Вот это закалка... Вот это женщина!..»

Великая, несчастная женщина...

И еще помню, как отмечался юбилей Бориса Корнилова на родине его, в Семенове, под Нижним Новгородом. Это было 28, 29, 30 июля 1967 года. У меня счастливо сохранился сборник стихов Бориса Корнилова, изданный в серии «Библиотека поэта», с автографами участников этого памятного празднества. Приехали Ольга Берггольц, Леонид Хаустов из Ленинграда, Владимир Цыбин и Олег Дмитриев из Москвы, местные поэты Михаил Шестериков, Александр Люкин, Федор Сухов и другие писатели. Приехала дочь поэта Ирина. Вместе с партийным и советским руководством в городке заложили памятник, устроили большой поэтический вечер для жителей Семенова. Каждому выступающему на этом вечере вручили сувенир — большую расписную матрешку с емкостью внутри для бутылки. Много было интересных встреч, праздник-то длился целых три дня. Были выступления в различных трудовых коллективах городка.

Мне же больше запомнилось, как мы с Владимиром Цыбиным, Олегом Дмитриевым и Александром Люкиным, долго блуждая по улицам, пришли в дом к матери поэта — Таисии Михайловне Корниловой. Ой, как она встретила нас радушно! Старенькая, но довольно подвижная, вся светящаяся добротой и радостной тихой благодарностью к людям, что ее Борю наконец-то вспомнили, почтили как подобает. И вот там, в избе, я вновь увидел Ольгу Берггольц. Мать хлопотала на кухне, Ольга и Ирина помогали ей, носили на стол посуду, разные закуски, разносолы, пироги, брусничную воду. Они о чем-то говорили меж собой, раз от разу Ольга и Таисия Михайловна садились на лавочку на кухне в обнимку, Ольга плакала и все повторяла: «Ты прости меня, мама...» Таисия Михайловна только вздыхала: «Да чего уж там теперь, Оленька...»

За столом я сидел рядом с Ольгой. Она была уже немного выпивши, все рассказывала, как они во-о-о-он там, она показывала рукой за окно, гуляли с Борисом, говорила не без гордости о том, что она валютная поэтесса. Что это такое, я тогда не понимал, но кивал головой. Я и слово-то «валюта» слышал чуть ли не впервые. «Мои стихи за валюту покупают, понимаете?» — обращалась она ко всем, сидящим за столом. И все теребила и теребила на шее рукой свое украшение. Все мы уже выпили не по одному разу.

— Да какая вы поэтесса, — вдруг встал из-за стола Владимир Цыбин, большой, молодой, красивый, и грузно навис над столом. — У вас же не стихи, у вас публицистика...

Сказал он это так пренебрежительно. Посмотрел на всех и махнул рукой. Чувствовалось, что хмель здорово ударил ему в голову.

Все за столом словно окаменели. Никто не ожидал от Цыбина такого нахальства, такого откровенного хамства. Скандальный вызов, да и только. И кому? Ольге — любимице Ленинграда, героине, чье верующее слово в дни блокады спасало людей порой не меньше, чем кусок хлеба, страдальце, вынесшей в жизни такие муки и такие зверства и устоявшей в безысходном горе. И чьи стихи слушала по радио и знала вся страна.

Что сейчас будет?

Ольга внимательно, оценивающе посмотрела на него и неожиданно спокойно сказала:

— Может быть, вы и правы, Володя. Я, может, действительно плохая поэтесса. А вот вы можете сейчас прочесть свои стихи? Хочу послушать молодого дерзкого поэта. Или трусите?

Цыбин закачался на месте. Видимо, хмель, ударивший в голову, стал проходить.

И он смущенно, хотя и с неким вызовом, пробормотал:

— Отчего же не прочесть... Прочту. Слушайте.

И стал читать стихотворение о дезертире. Оно тогда было на слуху у всех любителей поэзии. Когда он закончил читать, Ольга восторженно захлопала в ладоши, воскликнула:

— Вы настоящий поэт. Отличное стихотворение!

Владимир, видимо, окончательно протрезвел и одумался. Он не ожидал от знаменитой Ольги Берггольц такой похвалы, тем более после своего прямо-таки хамского поведения. Он вдруг засмущался и стал, как школьник, оправдываться, извиняться:

— Нет, вы не сочтите за серьезное... Вы и вправду замечательная поэтесса. Это я так... Сам не знаю, что на меня нашло...

Олег Дмитриев, сидевший рядом с ним, поддевая вилкой соленый груздь в тарелке, проворчал:

— Убить тебя мало, Володя...

И тут Ольга вновь завоевала за столом внимание.

— А знаете что, — сказала она, — давайте читать стихи по кругу. Вот с тебя, Коля, — обратилась она ко мне, поскольку я был самый молодой и сидел рядом, — и начнем...

Я заволновался:

— Да у меня стихи еще не очень совершенные...

— А у кого это совершенные-то стихи, — громко произнесла она. — Нам всем далеко до совершенства. Не стесняйтесь, читайте...

Я уж не помню, что читал, помню только, что она снисходительно хлопала меня по плечу. И так мы все читали стихи по кругу, читали не только свои, но и Бориса Корнилова.

Таисия Михайловна все вставала с табурета, все уходила на кухню, приносила и подкладывала в блюда то пироги, то картошку отварную, то соленые огурцы, то грибы, то капусту. Она умильно слушала нас, сложив руки на коленях. Иногда вздыхала: «Если бы Боря был жив...»

Потом они снова сидели с Ольгой на кухне, с ними была Ирина, они обнимались, плакали, шептались...

А какое лето цвело за окном! Мы шли по улице, вдыхая пряный запах луговых и садовых цветов из палисадников, запах млеющих лип и сосен, любясь брусничным закатом над заволжьем...

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

*Корниловский помню в Семенове дом,
За домом кипрей и люпин.
Сидели мы с Ольгой Берггольц за столом,
И Цыбин там был, и Люкин.*

*Хотелось услышать поэта, того,
Чьи замерли в прошлом шаги.
Таисья Михайловна, мама его,
Несла нам на стол пироги.*

*«Ах, мама...» — и сядут в обнимку вдвоем,
«Ах, Ольга...» — и слезы из глаз.
Они говорили, светлея, о нем,
Как будто и не было нас.*

*Они говорили, как годы бегут
И правда выходит на свет.
Сейчас бы сидел он с друзьями вот тут,
Любимый в народе поэт.*

*И стопку одну, и другую до дна,
И скоро уже во хмелю:*

*«Прости меня, мама...» — все громче она...
«Люблю, — говорила, — люблю...»*

*За что, за какие такие грехи
Просила прощенья тогда?
Потом мы по кругу читали стихи,
Ее ожидая суда.*

*Но то ль оттого, что немножко пьяна,
Хвалила нас всех заодно.
«Ах, Боря...» — и снова, и снова она
Смотрела, смотрела в окно...*

ВЫШЛА КНИГА

Блехман Григорий

Слово средь земных тревог... Очерки о поэзии, поэтах и беседы о литературе. — Москва: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2017. — 400 с.

В новую книгу известного русского поэта, прозаика и литературного критика Григория Блехмана вошли его размышления о творчестве и судьбе А. Блока, Н. Гумилева и Д. Самойлова, творческие портреты С. Вермишевой, Г. Иванова, В. Пронина, В. Скифа, Н. Коновского и других современных писателей.

*Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит Отчизны своей.*

Н. А. Некрасов

Михаил ЗАРУБИН

«ЖИЗНЬ НЕ ВСЕГДА ПРАВА»...

*Встречи с поэтом
Борисом Орловым*

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь» и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Известный русский петербургский поэт Борис Александрович Орлов, капитан 1-го ранга, родился 7 марта пятьдесят пятого года последнего века второго тысячелетия от рождества Христова в центре России, в деревне Живетьево Ярославской области. Имеет два высших образования. Окончил Ленинградское высшее военно-морское училище имени Ф. Э. Дзержинского и Московский литературный институт имени Максима Горького. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Участвовал в дальних походах.

Автор более двух десятков поэтических книг, лауреат литературных премий им. Константина Симонова, им. Валентина Пикуля, Большой литературной премии России; второе десятилетие — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, секретарь Союза писателей России.

За выдающийся вклад в развитие культуры Указом Президента Российской Федерации награжден «Медалью Пушкина».

Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Это далеко не полный список званий, наград, достижений Бориса Орлова. Но самое главное — он талантливый поэт. Обладая филологическим и техническим образованием, Борис Александрович относится к тем редким русским поэтам, которые, изучив физическую картину мира, могут отобразить его закономерности не только в математических формулах, но и в художественно-философских категориях и образах. Читая стихи Бориса Орлова, удив-

ляешься их правдивости, проникновенности, начинаешь понимать, что законы нравственности объективны и незыблемы, вместе с поэтом учишься достигать недостижимое, постигать в обыденном божественные смыслы. Стихи поэта такие же яркие, динамичные, запоминающиеся, как имя и фамилия нашего выдающегося современника.

Ваш покорный слуга на своем литературном поприще довольно часто встречался и встречается с Борисом Орловым. Эти встречи не ограничиваются приветствием и рукопожатием. Встретившись, мы всегда, даже когда мало времени, что-то обсудим, поделимся впечатлениями, поразмыслим над планами. Мы говорим о непреходящей роли и периферийном месте книги в современном обществе, размышляем о возможном и необходимом развитии книжной отрасли, о современной поэзии и значении писателя в России и мире, о превратностях творческого пути, обмениваемся мнениями, радостно, как мальчишки взахлеб, делимся воспоминаниями о малой родине.

Если бы записать наши разговоры, то получилась бы, наверное, интереснейшая книга, отражающая важный отрезок исторического времени. Нашего времени! Но... Поэтому сейчас, когда течение жизни с каждым годом убыстряется, я осознаю, как все хорошее мимолетно, как в текущей жизни надо замечать и ценить каждое слово, тем более, если это слово писателя. В старину люди передавали исторические факты, события, свои знания — изустно. Но в наш переполненный информацией век ценность не то что устного — даже письменного слова нивелируется. И все же я решил по памяти сделать записи *о героях моего времени*, о своих самых дорогих встречах и беседах, о своих дорогих учителях и друзьях, среди которых Борис Орлов занимает одно из самых близких к моему сердцу мест.

Говоря о Борисе Орлове, я не собираюсь исследовать его творчество, о нем много написано литературно-критических статей, эссе, отзывов. Но воспоминаний об Орлове как о личности, как о нашем современнике — не припомню. Непросто в воспоминаниях о нескольких встречах представить человека, который прошел трудный и славный жизненный путь моряка-подводника, закаленного неумолимой морской стихией, впоследствии ставшего редактором известной на всем Военно-морском флоте «Морской газеты» — еженедельника Краснознаменной Ленинградской военно-морской базы и военно-морских учебных заведений Санкт-Петербурга. Во время работы Бориса Орлова в газете она сделалась популярнейшим изданием, где публиковались смелые исторические материалы, очерки о людях, принесших славу России, о которых Родина подчас забывала.

Сколько сил отдает Борис Александрович руководству нашей писательской организацией, известно только Господу Богу, самому Орлову и не-много нам, его друзьям, находящимся рядом с нашим уважаемым мэтром. Я вижу, как много бесценного, оторванного от личного творчества времени Бориса Орлова уходит на мероприятия, способствующие проявлению незримого литературного процесса в нашем отделении Союза писателей России, сколько сил отдает наш Председатель облегчению жизни писательского сообщества. Забывая о себе, Борис Орлов помогает другим, выступая и в роли просителя, и в роли попечителя для всех питерских писателей. Он прикрывает собой, своим авторитетом всех нас, прозаиков и поэтов, всех, кто ныне делает великое дело — литературными средствами созидает историю России и российского народа.

Но, конечно, самое главное в жизни Орлова — личное творчество, возлюбленная поэзия.

Каждый день жизнь нам предлагает разные, неожиданные, подчас невероятные ситуации. Но главное в жизни Любовь. Любовь к людям, к родной земле, к Родине. И все это есть в поэзии и жизни Бориса Александровича Орлова.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

«Научимся святость беречь...»

Заседание Общественной палаты, проходившее в Световом зале Смольного, затянулось. Вместо регламентных двух часов оно продолжалось почти три с половиной. Из них — полчаса ждали Губернатора, немалая часть времени ушла на традиционное награждение юбиляров, каждому из которых была предоставлена возможность выступить со словами благодарности. И только после этого перешли к повестке дня. Обсуждалась работа комиссий Палаты. Председатели комиссий отчитывались о проведенных мероприятиях, не забывая подобострастно и многословно поблагодарить Комитеты администрации, которые якобы с большим удовольствием участвовали и помогали членам Палаты.

Все это с самого начала приняло минорную тональность и усыпляющий ритм. Участников совещания было немного, что особенно было заметно в невольном сравнении аудитории с размерами огромного зала. Да и пришедшие не отличались заинтересованностью и внимательностью. Кто-то перелистывал свои деловые бумаги, кто-то беседовал с соседом, кто-то громко разворачивал шуршащую газету. Мне, страдающему от духоты, помогала отвлечься от затянувшегося собрания любимая книга.

Когда, наконец, все закончилось, я одним из первых спешно покинул зал и, оказавшись на воле, подумал, как же мало мы радуемся простым, обыденным жизненным дарам. Разве не чудо — эта сладкая, насыщенная ароматами зелени парка прохлада, которая сейчас мне казалась даром бесценным.

Солнце, покидая небосвод, уже махало питерцам теплыми ладошками своих последних лучиков-ручек, не торопясь забирать с собой за горизонт весь свет. Поэтому было еще светло. Хотя с другой стороны неба на город начали напозать тяжелые ночные тучи. Казалось, они несут дождь, бурю, но по опыту жизни я понимал, что ночь только грозит непогодой, а как только захватит все небо, разляжется от горизонта до горизонта и разнежится, и забудет про свои вечерние угрозы, и, позевывая, утихомирится вместе с городом до утра, когда солнечные лучики-ручки отшлепают ее тучную, неповоротливую и прогонят обратно за горизонт.

Я, как рыба, попавшая в привычную водную стихию, после того как она случайно побывала на засушливом берегу, глубоко вдыхал сладкий воздух, наполненный ароматами близких деревьев и молекулами невиской влаги. Медленно спускаясь по огромным ступеням мраморной лестницы классического здания Смольного, боясь поскользнуться на них, отполированных до зеркального блеска, я вздрогнул от неожиданного сзади приветствия.

— Здравствуй, Михаил Константинович!

Голос Бориса Орлова я узнал сразу. Радостно обернулся.

— Здравствуй, Борис Александрович, — откликнулся я с легким удивлением. — Ну ладно мы, общественники прокаженные, протираем здесь штаны и подметки ботинок, а тебя-то какие ветры сюда занесли?

— Да нет, не ветры и не волны... Деньги! Помощь приходил выпрашивать.

— Какие деньги, Борис, в Смольном?

— Самые настоящие. Правда, не в привычном виде, как у меня в кармане, — Борис импульсивно похлопал себя по груди, — а «бесконтактные».

— Ты, председатель Правления Петербургского отделения Союза писателей России, просишь деньги в Смольном?

— Ну а где их еще просить? Только здесь и можно.

— Я не об этом, зачем они тебе?

— О, дорогой мой Михаил Константинович, тебе ли спрашивать, зачем деньги? Они нужны для самого главного в нашем деле — чтобы издавать книги писателей.

— И что, получилось выпросить?

— Расскажу, потом, когда приду к себе, — отшутился от сложного разговора Борис Александрович. — А ты, Михаил Константинович, куда путь держишь?

— До метро хочу прогуляться. Машину специально отпустил. Хотя у меня работа хлопотная, а хожу мало, вот и решил пройтись по любимому городу.

— Мне тоже к метро, пошли потихоньку. Хотя далековато. Может, пару остановок на автобусе проедем?

Пройдя через площадь Пролетарской диктатуры, на углу Суворовского мы долго простояли на остановке. Но ни автобуса, ни троллейбуса не дождались. Как всегда — то ли авария, то ли пробка.

— Пошли дальше, Борис Александрович, тут уж не так много идти до метро осталось.

— Пошли, дорогой Михаил Константинович.

Свернув с Суворовского проспекта, мы пошли по Кирочной. Пользуясь случаем, я старался расспросить нашего Председателя об интересующих меня вопросах из писательской жизни. Он мало того, что знал ее изнутри, подробно, так еще и свое видение имел, суждение Бориса Орлова всегда было интересно.

— Борис Александрович, — начал я с соответствующего ситуации вопроса, — ведь писатели прежде были самыми высокооплачиваемыми людьми. Что ж вы сегодня, как руководитель одной из самых уважаемых в городе организаций, выпрашиваете деньги на издание книг?

— Да, были времена, когда писатель за книгу получал гонорар свыше двадцати тысяч рублей, это когда машина «Жигули» стоила пять тысяч. Союз писателей в советские времена был богатой организацией. Литфонд один имел мощнейшие средства. Традиция повелась из XIX века.

— Кстати, создание литфонда не было оригинальной нашей идеей, писатели взяли в пример английское общество помощи писателям и расширили орбиту его деятельности в соответствии с названием «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым». А проект устава общества получил Высочайшее утверждение.

— Да, Михаил Константинович, у исторического литфонда есть чему поучиться. Хотя бы тому, из чего складывался его капитал. Ведь достаточно

большой вклад вносило в виде ежегодных субсидий Министерство народного просвещения, были членские взносы, единовременные пожертвования. Вносили свой вклад в развитие русской литературы и науки и Высочайшие особы, также поступали отчисления от публичных чтений, концертов, спектаклей, изданий и т. п.

И при советской власти многое сохранилось и приумножилось. Дома отдыха, поликлиника, детский сад, типография и много другого добра было у литфонда на балансе.

— И куда это богатство исчезло?

— Мне трудно сказать, я ведь поэт, а не хозяйственник. Что-то пришло в негодность, так как имущество требует хозяйского глаза, что-то растащили «умные люди», которые всегда появляются там, где можно пожить. Ты же понимаешь, Михаил Константинович, — что сегодня может зарабатывать писатель? Что-то может, если вдруг произойдет чудо и его заметит издательство. А для этого надо, чтобы текст понравился прочитавшему его редактору, тогда издательство вас пригласит на разговор, потом отредактируют так, что своего произведения не узнаешь. Хотя у нас цензуры нет, русскую тему пытаются втихую притоптать, припрятать, исказить в соответствии с либеральной идеологией. У нас по Конституции идеологии нет, а как будто бы и есть. Посмотрите, кто пользуется благами от культуры? Те, кто пропагандирует низменные пороки, смертные грехи, либеральные, то есть человеконенавистнические идеи. Назвал бы фамилии распропагандированных писателей, режиссеров, художников, да противно свои губы осквернять их мерзкими именами. Раньше было понятие «космополитизм», сейчас его заменили термином «толерантность» или «права человека». А какие это права? Почему никто не говорит о моих правах, о том, что я хочу в России, в своей стране, отвоеванной моими предками для меня, быть русским не только в мыслях и мечтах, хочу свои патриотические стихи донести до молодежи, до народа. Ведь я хочу, чтобы люди стали лучше, умнее, свободнее. А свободу понимаю как волю Божию, не как закон фарисейский, а как благодать Христову.

— Борис Александрович, но мы отвлеклись от темы, от процесса получения гонорара.

— Да, если вы подчинитесь требованиям издательства, тогда только вас напечатают. Автор получает десять процентов с общей прибыли от реализации тиража. При этом знаю по опыту, тираж будет больше, чем указан в выходных данных книги. Но вы об этом вряд ли узнаете. Максимум, что вам достанется — пять рублей с проданного экземпляра книги. И все тонкости про отпускную цену и продажную для вашего понимания будут недоступны. Но тут поджидает еще одна уловка. Если вы написали одну книгу, издатели с вами разговаривать не захотят, нужно, чтобы было две, а то и три книги, чтобы вас можно было «раскрутить». Итогом вашей работы может быть двадцать или тридцать тысяч рублей. Ну, как заработок?

— Да, по нашим временам сущие копейки. Согласен, Борис Александрович, несоизмерима эта цена с напряженностью и интеллектуальными затратами писательского труда.

— Но я ведь сказал, что если произойдет чудо, и тебя «заметят», и издательство издаст твою книжку. Видите, сколько «если». Но таких чудес единицы. Поэтому я, как руководитель писательского сообщества, прошу у

власти помощи. Какой? Да любой. Искренне радуюсь, что в высших эшелонах российской власти все-таки наступает понимание высокого значения русской литературы и писательского труда, — голос Бориса Александровича от волнения даже изменился по тембру, появились в нем жесткие незнакомые мне обертона, диссонансные сочетания звуков. Но он продолжал:

— Да, сегодня власти регионов, в том числе и Санкт-Петербурга, за счет городского бюджета издают книги писателей, выплачивают стипендии, гранты. И, слава Богу, у нас появился свой Дом писателя на Звенигородской, 22. Появляются и укрепляются и другие формы сотрудничества государства с творческими людьми.

Но все равно — это крохи. Не ошибусь, если скажу, что девяносто процентов писателей не только ничего не получают за свой труд, но вынуждены еще и сами платить издательствам за выпуск своих книжек.

Борис Орлов резко остановился, повернулся грудью к ветру и подставил ему свое пылающее лицо. Ласковые струи, насыщенные не только вечно благоуханием деревьев, но и сгустившимися парами отработанного бензина, немного успокоили кровь и пафос нашего капитана, примирили с действительностью, которая никогда не бывает идеальной. Ему ли, бывалому подводнику, этого не знать? Но такой уж наш Орлов: стремится в жизни и в творчестве только к правде, к справедливости, к совершенству. К идеалу!

— А помнишь, Михаил Константинович, — уже мягче, спокойнее продолжил Борис Орлов, — были в России в конце XIX — начале XX века такие знаменитые издатели: Суворин, Солдатенков, Сытин. Они думали о народе. Сытин, например, всю свою жизнь посвятил изданию книг для народа, вернее, для его просвещения. Он ведь и издание дешевых книг наладил, и книготорговлю организовал в интересах простых людей, отдавая предпочтение книгам духовно-нравственного содержания, просветительским, фольклорным. Выпустил свой знаменитый «Букварь» для народа. Да, такие как Сытин не только народ просвещали, но сами славу Отечеству составляли.

— А разве современные поэты, прозаики своими стихами и романами не создают славу Отечеству? Мир знает Россию по ее великой литературе, к сожалению, только прошлой. Наверное, в наше время уже не будет великих писателей, Борис Александрович?

— Если никого не печатать, то никого и не будет. Литературному произведению требуется укоренение в сердцах читателей, требуется оценка, только тогда то, что выходит из-под пера автора, становится литературой. А ведь большинство наших коллег пишут в стол, мы практически не допускаем к средствам массовой информации, находящимся в руках барышников.

— Ну а как же в других странах? Посмотрю — все книжные прилавки завалены иностранной литературой в красивых обложках. Неужели заграничные писатели умнее и талантливее нас?

Борис Александрович задумался, вздохнул, замедлил шаг. Обвел рукой воображаемый купол.

— Посмотри, Михаил Константинович, какие красивые вокруг дома. Старинная архитектура классицизма, барокко, шедевры конструктивизма первых пятилеток. А там — заводские корпуса, тоже красивые сооружения, выверенные, целесообразные. Талантлив русский человек. Во всем талант-

лив. Такой красивый город создан трудом и волей наших соотечественников. Без их жертвенной веры в то, что на «топких берегах» можно создать великую столицу, никакие итальянцы ничего бы не отважились напридумывать. Это, например, русский труженик, каменщик, камнерез Самсон Суханов давал Монферрану уверенность в том, что с Божией помощью все возможно: и колонны водрузить без фундамента, и столп поставить на века. Да, велик русский человек. И писателей у нас очень много талантливых. Только не организована связь с читателем. То ли по злему умыслу властей, то ли по их недоразумению.

— Но все-таки за границей жизнь у писателей легче, насыщеннее?

— Да, у них скоординирована система взаимоотношений с властью. Например, в Румынии принят Закон об обязательном пятипроцентном отчислении от стоимости всей ввозимой в страну и производимой внутри нее копировально-множительной и печатающей техники. Эти средства поступают на счет румынского Литературного фонда, таким образом у писателей появляется возможность издавать свои журналы, получать стипендии, гранты, премии и доплаты к пенсиям. Кроме этого решаются многие другие проблемы. В Китае и Северной Корее писательские союзы находятся на бюджете государства.

— У нас, Борис Александрович, стало почти нормой равнение на Соединенные Штаты. А как у них?

— У них тоже хорошо. Там для поддержки творческих людей учреждена должность «писатель при университете», благодаря которой американские мастера получают профессорские оклады и ведут за это во всех учебных заведениях Америки факультативные уроки по истории словесности, организуют литературные студии и мастер-классы. Данная работа обеспечивает достойное материальное существование писателям, освобождая их от необходимости зарабатывать деньги литературной поденщиной, и помогает сохранить высокий культурный уровень нации и вырастить новые писательские кадры.

— При нашем количестве университетов всем бы писателям места хватило.

— Конечно, хватило. Если бы мы не были расколоты.

— Это что за беда у нас такая? Что разъединяет писателей?

— Беда, большая беда. Сегодня писательский мир России разбит на несколько почти не контактирующих друг с другом лагерей, образовавшихся по идеологическим, стилевым, художественно-вкусовым и иным признакам, и группирующихся вокруг литературных журналов и различных объединений. Большинство этих объединений представляют узкие «межсобойные» тусовки, куда закрыт доступ писателям из других союзов. К добру это не приводит и приносит вред российской культуре.

— А что, у нас государство просто наблюдает за этим процессом?

— Ну а причем здесь власть, все объединения некоммерческие, общественные, и государство не вправе вмешиваться в их деятельность. Поэтому у нас на книжном рынке книг выпускается много, а читать нечего. Ведь за почти тридцать лет не появилось ни одной песни, которую бы пел весь народ вне зависимости от возраста и социального статуса. Где кинофильмы, «как раньше», когда их показывали по телевизору, улицы пустели? Где новые имена?

— Знаешь, я сейчас читаю Валентина Григорьевича Распутина, у него по этому поводу есть замечательные слова.

Я поспешно открыл портфель, достал скромный по оформлению, зачитанный томик любимого моего писателя.

— Послушай, Борис Александрович, вот его книга «Эти двадцать убийственных лет», я взял ее с собой, предполагая скуку заседания: «Издательства перестали выращивать, воспитывать автора, как было в пору моей молодости, когда такой селекционной и творческой работой занимались все издательства, не исключая и областные. Вот почему, начиная с шестидесятых до девяностых минувшего столетия, оказались столь урожайными года, на новые имена. Сейчас государство умыло руки, а у рынка жестокие и нечистоплотные законы выгоды. Издается то, что расходится. Расходится то, что проталкивается: развлекательность, низкопробность, мишура, всяческая наживка на крючок, которая, куда не пойдешь, постоянно перед носом. Идет беспрерывная и масштабная на всю страну работа отупения человека, его развращения и озверения.

В неполноте своей, в своей национальной отверженности и духовной запущенности можем мы и с именем “русский” перестать ему соответствовать, после чего недолго нас и из имени, как из polegчавшего мешка, вытряхнуть».

Я читал что-то еще, перечитывал особенно важные мысли нашего современника, оказавшегося классиком при жизни. Когда я закрыл книгу, оказалось, что мы уже давно сидим на лавке в Таврическом саду. Разговор об общей боли, понимание этой боли сблизило нас не только духовно, но фактически, с Борисом Орловым мы сидели плечом к плечу, голова к голове склонились над книгой нашего великого Валентина Распутина. Говорили долго, вспоминали Леонида Леонова, о котором большинство нашей молодежи не ведает, ну а уж про Владимира Солоухина помнят только его ровесники или же те, кто жили во времена, когда его произведения звучали потрясающим душу набатом, созывающим людей на борьбу за русскую культуру. Останови сегодня нескольких молодых людей, проходящих мимо, назови ряд имен русских писателей, спроси, что они знают о них. И в ответ услышишь или циничное хамство, воспитанное всякими смехопанорамами, или жалобное мычание — мол, не трогайте, не казните трудными вопросами, ни к чему нам ваши писатели в век компьютерных технологий.

— Послушай, Борис Александрович, но ведь, действительно, современная эпоха, как нас убеждают с телеэкранов, не приспособлена для книг. Сейчас везде Интернет, гаджеты, «лайки». Возможно, мы преувеличиваем значение печатной продукции, пытаемся молодежь повернуть назад, в прошлые времена и моды? А ведь научно-технический процесс — процесс объективный и непрерывный. И никуда не деться нам от идущей вперед жизни. Только следовать за ней и нашей молодежью.

— Ладно тебе ссылаться на то, чего нет. Роль книги в приличном бумажном варианте действительно неуклонно снижается. Но книга жива, и, я думаю, проживет еще долго. Какие тому причины? Каждому человеку книга дорога тем, что, читая ее, он с ней сродняется, оставляет меж ее страниц свои сердечные переживания, мысли, молекулы кожи пальцев, перелистывающих страницы, и даже слезы. Книга ведь как учитель. Хорошего учителя не забывают всю жизнь.

— Но ведь есть любители аудиокниг, — продолжил я задавать Орлову простые вопросы. — У некоторых людей глубже слуховое восприятие. Да и зрительное восприятие в наше время может удовлетвориться чтением книги на планшете.

— Но зрительное восприятие живой книги и книги на планшете различно, — резко перебил меня Орлов. — Это как прекрасная, яркая картина и газетная черно-белая ее репродукция. При чтении на планшете восприятие поверхностно, впечатление недолговечно. Так называемое «клиповое мышление» создано лишь для кратковременного удовлетворения потребностей человека. А печатная книга, тем более в хорошем издании, запоминается как совокупное произведение искусства.

Борис Александрович, воодушевившись затронутой темой, казалось, был готов прочитать мне лекцию. Поэтому я решил наш разговор перевести в оптимистичное русло.

— Однако я вижу, что книги начинают отвоевывать утраченные ранее позиции. Книга вновь стала хорошим подарком, даже в молодежной среде. Ты посмотри, сколько книжных магазинов. Если бы книги не покупали, что, открывались бы новые магазины?

— Так-то оно так, но иногда я слышу даже от депутатов Госдумы, что у нас в стране нет достойной современной литературы, нет талантливых русских писателей. А почему — нет? Потому что их не знают. А я со знанием ситуации заявляю, что есть у нас всё: и выдающаяся литература, и сильные писатели. Являясь заместителем Председателя приемной комиссии Союза писателей России, я хорошо знаю современную русскую литературу. Очень талантливые поэты, прозаики, драматурги есть у нас! Многие из провинции. Однако Федеральное агентство по печати их не знает и знать не желает. Откуда же этим писателям найти денег, чтобы издать свои книги, а надо еще и рекламу заказать. Нет у нас денег, чтобы эту рекламу в метро и по телевизору показать. Только у банкиров есть такая возможность — вот они и становятся самыми популярными писателями. А у наших — в потоке маскульта теряются мизерные тиражи, расходятся среди друзей и родных. До широкого читателя не доходят.

Писатели — великая сила, но их потенциал сегодня не востребован. Они могли бы оказать стране великую помощь в воспитании молодежи, в создании достойного образа России на мировой арене, в решении многих насущных проблем. Взять, к примеру, дорожное хамство — сколько о нем говорят, ужесточают правила дорожного движения, увеличивают штрафы. Но это та сфера, где не законодательными мерами надо действовать, а воспитательными, нравственным примером. И книга могла бы здесь очень помочь. Или демографическая проблема. Образ женщины-матери, верной жены, красота материнства, раскрытые талантливым писателем, могут просветлять женские и облагораживать мужские сердца.

— Но ведь считается, что воспитательная функция книги сомнительна. Еще великий Николай Васильевич Гоголь пострадал от этой иллюзии.

— Не скажи, Михаил Константинович. Вряд ли было бы в нашей стране столько героев, если бы не было книг про «Молодую гвардию», про героическую оборону Севастополя, про блокаду Ленинграда, про подвиги русских миротворцев в Осетии.

Сумерки незаметно стискивали город в своих мягких объятиях. На центральной аллее Таврического сада зажглись фонари, похожие на банки, в которых законсервированы сгустки солнца. Было понятно, что метро к нам не приблизится, поэтому мы встали и пошли к метро сами. Разговор иссяк.

На выходе из выпренного Дворца бракосочетания, что на Фурштатской, группа молодых людей, окружив молодоженов, весело шумела, высоко поднимая бокалы с шампанским. Мы остановились, полюбовались радостью молодости, неповторимой красотой юного счастья.

— Слушай, Борис Александрович, ты известный поэт, автор многих поэтических книг. Все они свидетельствуют о высоком твоём мастерстве.

— Ну и что?

— Я вот думаю, стоит ли тебе надирать сердце, напрягать душу, отрывать от творчества время, чтобы быть просителем за других? Может, бросишь все эти походы? И писать, писать...

Борис Орлов ничего не ответил на мое предложение, бессмысленность которого я понял сразу. Поэт сделал вид, что не расслышал меня. Потом то ли мне, то ли самому себе он сказал:

— Ты знаешь, Михаил Константинович, лет сорок назад я прочел слова в одной книге. Сейчас не помню, кто автор и какое название той книги, но фраза запомнилась: «Выше литературы только богословие». Вот такая у нас высокая планка!

И без паузы, кивая головой в такт рифме, Борис Орлов подтвердил поэтически эту аксиому:

*Мы в сердце, молитвой согретом,
Научимся святость беречь.
Струится спасительным светом
Алтарная русская речь.
Так было когда-то... Так будет!
Ход крестный. Победный салют.
Красивые русские люди
В намоленном храме поют.
Царит мир, оплаканы войны.
Над храмом — Божественный свет.
Дышу и легко, и спокойно.
Есть вечность... Забвения нет!*

Не ожидая моей оценки его стихов, Орлов без паузы продолжил:

— Ну и что, что писательская профессия стала общественной нагрузкой, что гонорары литераторов не идут ни в какое сравнение с заработками других деятелей культуры. Ну и что, что за книгу, которая пишется годами, можно получать гонорар, равный месячной пенсии. Все это второстепенно. Главное — что Бог дал талант, умение видеть, слышать, осознавать и разъяснять людям. Наши читатели — вот главное наше богатство.

— Подожди, Борис Александрович, как это — писательская работа стала общественной нагрузкой? Может, это метафора?

— К сожалению, нет. В списке профессий нашей страны профессии писатель нет.

— И что — у нас нет профессиональных писателей?

— Выходит, нет.

— А как же пенсия?

— Как у бомжей, самая минимальная, или иди, подрабатывай где-нибудь. Зарабатывай на свою пенсию, работая грузчиком, истопником, охранником. Это излюбленные профессии наших писателей.

— То есть писательство является неким хобби?

— Получается, что так.

— И власти этого не видят?

— Конечно, видят, потому и заговорили о патриотизме. Но патриотизм — слишком общее, вернее, идеальное понятие, его нужно наполнять конкретным, даже личным содержанием. И к этому призваны мы, писатели. Только когда нас призовут на самом деле? Вот поэтому хожу и прошу денег на издание новых книг, чтобы наши писатели стали известны стране. И даст Бог, среди них появятся новые Распутины, Твардовские, Дудины, может, даже Шолоховы и Толстые. Хотя, конечно, у каждого времени свои творцы и герои.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

«Люблю из прошлого мотивы»

Май — из всех месяцев года месяц особенный, месяц-праздник, месяц-победитель, как говорится, «праздник со слезами на глазах». Окружающий мир, воскресая, ликует! Окончились тяжелые Великопостные испытания и ограничения. Именно в майские дни природа полностью освобождается от зимнего гнета, от последствий апрельских ледяных ветров, от неожиданных снежных нападков не сдающейся зимы — правительницы наших северных краев, которые смирились с ее почти полугодовой морозной беспрекословной властью.

Поэтому даже негромкое, только на солнечной стороне майское тепло воспринимается как блаженство необыкновенное. А майское небо?! Какие великие поэты и художники не воспевали его неповторимую красоту. А первая зелень трав и листьев?! Не надышаться! Не налюбоваться!

Май — месяц мира! Месяц Победы! И слез на глазах — когда 9 мая метроном тяжело отсчитывает секунды скорбной «Минуты молчания». Когда, шествуя в тесном строю памяти, ощущаешь себя соучастником «Бессмертного полка», который по численности превышает не только максимальный уставной состав этого воинского формирования, но превосходит его многократно, приближаясь к порядкам, соизмеримым с численностью народонаселения России. А в духовном счислении приближается к величинам, близким к Вечности и Бесконечности.

Май — это месяц труда! В мае в писательской организации, завершающей полугодовой творческий сезон, дел «выше головы». Секции проводят отчетные заседания, отмечают литературные удачи, выявляют организационные недочеты, намечают планы на «летние каникулы». Писатели встречаются с читателями в школах, библиотеках, домах отдыха, университетских аудиториях и воинских частях. Но главное событие — это Международный книжный салон, который с помощью питерской исполнительной власти каждый год проводится в Санкт-Петербурге в последнюю декаду мая. Невозможно в нескольких словах передать напряженность этой подготовки,

заняты практически все члены нашего Отделения. Но главной организующей и координирующей силой является, конечно, Борис Александрович Орлов. В один из таких кипучих дней, согласовав в секции свой план участия в Салоне, я заглянул в кабинет нашего председателя.

— Здравствуй, Борис Александрович!

— Здравствуй, Константиныч, — нехотя оторвав взгляд от бумаг и переведа его на меня, устало произнес Орлов. Потом, потирая виски, он снял очки и вопросительно повернул голову ко мне.

— Может, пора домой? Если не против, довезу.

— Довезешь, говоришь? — взбодрился мой начальник по писательскому цеху. — Попробуй. Только дай пять минут на сборы.

— Хорошо, жду внизу.

Когда Борис Александрович уже сидел в моей машине, я его бодро спросил:

— В каком районе живешь? Куда едем?

— В Кронштадт, — невозмутимо ответил он.

— Куда? — уныло переспросил я, надеясь, что неправильно понял своего попутчика.

— В Кронштадт, я там живу. Что, Михаил Константинович, ты уже передумал везти меня? — сказал Орлов и с хитрецей посмотрел на меня.

— Конечно, нет, хотя, скажу честно, никак не ожидал, что ты так «близко» живешь. Интересно, как же ты там оказался?

Борис Александрович не ответил. Видимо, ответ был бы неоднозначным и долгим. Потом задал логичный вопрос:

— А как проехать в Кронштадт, ты хоть знаешь, Михаил Константинович?

— Знаю, по дамбе. Не раз бывал там.

— Дамбу открыли недавно, до этого мы добирались на пароме, теплоходе. Когда метеоры ходили, намного быстрее получалось. А сейчас не нарадуюсь, можно доехать различными видами наземного транспорта: на автобусе, маршрутке, такси.

— А вы-то как добираетесь? — обратился я к Орлову на «Вы», подчеркивая свое восхищение его каждодневным бытовым подвигом.

— По-разному. Чаще — на метро до станции «Старая деревня», а дальше — на автобусе, это если из города. Из Кронштадта обычно еду на маршрутке до станции метро «Черная речка».

Разведывательная беседа была исчерпана, и мы замолчали. Но Борис Александрович долго молчать не мог и нашел благодатную тему для продолжения разговора.

— Как я попал в Кронштадт, спрашиваешь? — то ли ко мне, то ли к самому себе обратился мой спутник. — Для меня самый любимый город — Ленинград, мой Санкт-Петербург. Я всю жизнь мечтал здесь жить и работать. Но флотская служба не выбирает мест. Где нужен, там и служишь. А как только представилась возможность и появился выбор: Москва или Санкт-Петербург, я, конечно, выбрал морской город. О Кронштадте даже не мечтал. Но так сложилась судьба, за что ей очень благодарен.

Опять пауза. И я молчал, понимая, что перебивать уточняющими вопросами поэтичный монолог моего товарища недопустимо. Это был даже не монолог, а восторженное признание в любви к своему городу и этой любви осмысление.

— Кронштадт ведь тоже Петербург, его неотъемлемая часть, его функциональный орган. Место особенное, подобных ему нет на свете. В свое время Кронштадтская крепость была мощнейшей военно-морской крепостью Европы, ее форты и батареи ни разу не подпустили неприятеля к Санкт-Петербургу.

Она была заложена Петром I. Из-за обычной угрозы войны со Швецией крепость содержалась в постоянной боевой готовности, ее вооружения модернизировались в соответствии с требованием времени. На гербе Кронштадта изображен котел. Знаешь, почему? По версии историка Бестужева шведы под натиском русских, освобождавших остров Котлин, так быстро ретировались с поля боя, что оставили даже котел с готовой кашей, дымящейся на горящем костре. Отсюда и появился этот символизирующий быструю победу знак.

С Кронштадтом меня связывают и родственные узы. Удивительно, но именно здесь в Первую мировую и в Гражданскую служили матросами два брата моей бабушки, Фаддей и Иван. Оба они участвовали в Кронштадтском мятеже.

— Борис Александрович, а как правильно называть, мятеж или восстание? Я интересовался историей этого трагического события и заметил, что в книгах везде по-разному называют этот исторический факт.

— Да, сейчас выступление называют восстанием, а в советской историографии события, которые происходили в 1921 году в Кронштадте, именовались «Кронштадтский мятеж», «Кронштадтская авантюра», «бунт моряков Балтфлота», а его участников называли «мятежниками» и «врагами революции». Понятно, чтобы принизить значение события, подчеркнуть якобы антинародную его сущность.

— Получается, что твои деды тоже пострадали. Там ведь расправа была жесточайшая, безжалостная, со всеми участниками. Большевики-ленинцы «свое» отстаивать умели.

— Пострадали. Но не так, как, скажем, офицеры или организаторы. Мои деды были рядовыми матросами. На них не очень обращали внимания, они все-таки были ближе к народно-революционной массе. Как и другие русские люди, сохраняли тесные связи с деревней, жили простыми мечтами и в пределах мировоззрения крестьян. Хотя недоумевали по поводу новой власти, когда получали удручающие вести с родины: у того последнюю лошадь забрали, у соседа — старика-отца посадили, у третьего весь посев реквизировали, корову увели, все носильные вещи прихватили представители большевиков. А на службе начальству было наплевать на матросов, комиссары-коммунисты увлечены были как всегда внутрипартийными проблемами. Им бы себя показать да соперника уличить. Каждый день речами «захлебывались».

После подавления восстания в качестве обвиняемых были привлечены более десяти тысяч человек, из них больше двух тысяч расстреляно, свыше шести тысяч человек отправлено в лагеря на принудительные работы или в трудовую армию, и только полторы тысячи были освобождены из-под стражи.

Лишь к пятилетию Октябрьской революции ВЦИК амнистировал значительную часть рядовых участников Кронштадтского восстания. В том числе были и мои родственники. Но как бы они ни относились к власти, они

всегда оставались русскими людьми и осознанно служили Родине. Родина для них была понятием святым. Поздней осенью сорок первого года, отставая Ленинград от фашистов, будучи ополченцами, оба моих деда погибли. Такова тогда была участь миллионов русских людей.

Моя тетя Мария всю войну находилась в Кронштадте, работала на водозаборе.

— Где работала?

— На водозаборе. Сейчас поясню. Вокруг острова Котлин — Балтийское море, Финский залив. Однако течение морской воды преграждает пресная, более теплая вода Невы. Она-то и заполняет морской фарватер. Нева здесь настолько сильнее моря, что долгие годы пресную воду черпали прямо с берега. Перед самой войной на невской сбруе построили водозаборный канал и кронштадтские водопроводные сооружения.

— Зачем же их надо было строить, если вода и так хороша.

— Я не специалист по очистке воды, но думаю, что сооружения потому и называются очистными, что очищают воду от бытовой грязи, от продуктов жизнедеятельности человека. Для очистки добавляют наверняка химические добавки для обеззараживания. Сейчас вода из Финского залива очень редко подается населению.

Еще при советской власти, сразу после войны, по дну Финского залива на остров был проложен напорный участок трубопровода или, как его называют специалисты, дюкер, и жители стали получать подземную воду из Ломоносовского района, она тоже вкусная и имеет отличные химико-биологические характеристики. Подземные источники находятся в экологически чистой местности, где нет промышленных предприятий и сброса сточных вод.

— Борис Александрович, вот вы говорите, что ваша тетя всю войну работала в Кронштадте, а разве там кто-то тогда из жителей оставался?

— Конечно! Кронштадт — город Герой, наравне с Ленинградом, выстоявший 900 дней блокады, сокрушивший немецких захватчиков. Небольшая морская крепость по примеру многих древних русских крепостей сопротивлялась, не сдалась, была крепким орешком, который враг не смог раскусить. Кронштадт надежно прикрывал Ленинград от ударов противника с моря. Крепость систематически подвергалась жесточайшим бомбардировкам авиации противника. Через Кронштадт проходила «Малая Дорога жизни». Из Кронштадта в Лисий Нос и далее в Ленинград шли войска, грузы, эвакуировались люди по льду зимой, летом для этого использовались все маломерные суда вплоть до рыбацких лодок.

В городе находились военные госпитали, поэтому говорить, что Кронштадт был безлюдным, нельзя.

Я внимательно слушал своего спутника, только иногда кивал головой в знак согласия.

— Уверен, в этот город меня привела воля Божия. Какое великое счастье жить в таком священном для России месте. Больше двадцати лет я живу с семьей в Кронштадте, Бог даст, проживу больше.

Мы ехали по КАД к городу, который окружен со всех сторон водой. Поэтому моя ремарка была уместной:

— Конечно, Борис Александрович, даже при дамбе, соединившей Кронштадт с двумя берегами «Большой земли», все равно его называют городом-островом.

— Да, его положение и прошлая закрытость все еще сказываются. И сегодня, если у тебя нет колес, трудно попасть в театры или на другие мероприятия, оканчивающиеся поздно. Наверняка останешься ночевать в Питере. Зато автобусы ходят строго по расписанию и никогда не набиваются под завязку. Такое редко встретишь в Петербурге. Я уж не говорю об их современном техническом качестве, что тоже редко встречается в большом городе. Чистые, удобные, с низкой посадкой. Кронштадтцы, несмотря на кризис, строят планы развития города. Надеемся, что к нам переедет филиал киностудии «Ленфильм». Дирекция студии собирается реконструировать здание Мореходной школы, брошенной властями и закрытой в двухтысячные. Здесь, говорят, будет музей ленфильмовских костюмов, как часть филиала знаменитой, европейского уровня киностудии. А в старинном Петровском доке Адмиралтейство планирует разместить музей кораблекрушений.

— А не жалко док отдать под такое дело?

— Петровский док сегодня — это антиквариат. Самый первый сухой док, из которого вода не откачивалась в течение месяца насосами, а уходила самосливом в специальный бассейн, соединенный с доком сухим каналом. И устройство музея в таком месте — хорошая идея, сохраняет память о доке. Будет заинтересовывать посетителей побольше узнать об истории города, российского судостроения и мореплавания.

За разговором мы не заметили, что уже почти подъехали к городу, что находимся недалеко от туннеля, где трасса ныряет под морской фарватер. Вокруг нас слева и справа плавни, и сразу после туннеля, ближе к Кронштадту, вырастают из воды знаменитые таинственные форты. Борис Орлов попросил остановить машину, чтобы показать мне зловещий на вид форт Александра I. Действительно, это сооружение вызывало много вопросов.

— Борис Александрович, а почему он такой закопченный? Горел, что ли?

— Он черен от пожара, его развели там специально, нужно было обеззаразить стены этого некогда оборонительного сооружения, в котором до 1917 года находилась бактериологическая лаборатория. Поэтому этот форт имел прозвище «чумной».

На пронизывающем весеннем ветру, своенравном хозяине здешних мест, долго не поговоришь и историю не обсудишь и не осудишь, поэтому я поторопился завершить нашу маленькую экскурсию.

— Очень интересно. Борис Александрович, я обязательно специально приеду, чтобы посмотреть форты. Поможете мне?

— Конечно, с радостью. Писателю надо увидеть все это, окунуться в живую историю. Очень вдохновляет. Вот у меня появились здесь такие стихи:

*Люблю из прошлого мотивы.
Груб на словах. Душою нежен.
И волны Финского залива,
И волны трав на побережье.
Приятны белые барашки
У берегов, что дифирамбы.
Фонарь, как мина на растяжке,
Взорвет своим сияньем дамбу.
А я не жду ни с неба манны,
Ни мимолетную удачу.*

Дорога нам благоволила, шелковая лента ухоженного асфальта плавно ложилась под колеса автомобиля, так что город, казалось, сам выплыл нам навстречу. Но целостное представление о Кронштадте трудно было составить сразу, глаза «разбегались», так много здесь необычных старинных зданий, диковинных промышленных сооружений непонятного назначения. Огромное окно во весь фасад дома в стиле модерн возникло из-за поворота неожиданно и, как мне показалось, преградило дорогу. Так что я с трудом притормозил, мне показалось, что я лечу прямо в это окно.

— Что это за такое архитектурное великолепие! — взволнованно воскликнул я.

— Да, Михаил Константинович, ваш восторг понимаю. Все поражается красоте этого дома. А назначение его было рядовое. В середине девятнадцатого века на смену парусам пришли корабли с паровыми двигателями, потребовались специалисты трюмного и кочегарного дела. В этом здании открылась Школа кочегаров, через несколько лет ее преобразовали в Машинную школу Балтийского флота, позже был выстроен комплекс зданий — с учебными классами, с машинными залами и мастерскими. Одноэтажный корпус с громадным полукруглым окном, что удивил вас, представлял в подлинном виде кочегарку большого военного корабля с действующей моделью котла. Все было по-настоящему: пылали топки, гудели форсунки, летел уголь в огненную пасть.

Многие выдающиеся деятели Военно-морского флота начали свой путь отсюда. Здесь моряки получали основные навыки и приобретали необходимые знания.

После Великой Отечественной войны Машинная школа превратилась в Морской техникум. В том классе, где когда-то была модель парового котла корабля, сделали бассейн. В нем ученики Водолазной школы проходили водолазную практику. Часть помещений занимала Минная школа.

Ну а сейчас все для этого здания в прошлом. Нет ни учеников в морской форме, ни опытных учителей. Вокруг старинного прославленного комплекса тишина.

Борис выразительно и подчеркнуто глубоко вздохнул. Этот его вздох не был деланным, но выражал сущность моего друга, который страдал от каждой исторической несправедливости, переживал за прошлое, настоящее и будущее России.

Но голос его явно дрожал, когда мы проезжали мимо Екатерининского парка, где когда-то находился знаменитый Андреевский собор, заложенный Петром I и посвященный святому апостолу Андрею Первозванному, о чем мне рассказывал кронштадтец Борис Орлов. С искренним огорчением он поведал о трагичной истории этого некогда великолепного храма, оваянного великими русскими морскими победами, просветленного молитвами самого знаменитого его настоятеля святого праведного Иоанна Кронштадтского. Сейчас от красивейшего храмового сооружения, уничтоженного богоборческой властью в 1932-м для того, чтобы на его месте поставить памятник Ленину, не осталось ничего, кроме памятного камня.

Здесь мы вышли из машины и несколько секунд стояли молча. Склонив свои головы, мы поклонились истории и жизни, которая, как сказал в одном из своих стихотворений Борис Орлов, «не всегда права».

— Не огорчайся, Михаил Константинович. Не все так печально, сейчас мы увидим доказательство тому, что Бог необорим, что пути Господни неисповедимы, и русских людей никакая власть не отвернет от Господа. Наш великий Морской Никольский собор блистает в прежнем величии и неизбывной красоте. А чтобы убедиться в этом, приглашаю тебя в мое скромное жилище. Заодно и чайком согреемся.

Пятый этаж без лифта — тяжело. И вот мы уже сидим в небольшой квартирке Бориса Александровича. Из окон хорошо виден Морской Никольский собор. Один из самых красивых храмов Петербурга, если не сказать — России. Белоснежный, с огромным ослепительно-золотым куполом, он не подавляет человека, а наоборот, возвышает, заставляет проникнуться верой в Божественное величие. А осознание того, что этот блистательный купол виден даже в Петербурге, заставляет сердце восхититься Божественной целесообразностью и наполниться гордостью за родную нашу землю, которой нет конца и края, и которой под стать такие огромные, солнцеподобные соборы.

Будто в продолжение моих мыслей Борис Александрович сказал, указывая на собор:

— Этому храму, как и всей стране, пришлось пережить нелегкие времена. Его закрывали, переоборудовали, безжалостно скололи большую часть декора, смыли позолоту с куполов, вырвали богоборцы мраморный иконостас, безжалостная рука какого-то художника-варвара закрасила мозаики и росписи. Чудовищные потери, возмутительное надругательство над Россией—Русью, которое произошло с попустительства самих же русских людей.

— Но, слава Богу, — возразил я, — ведь собор воскрес в своем первоначальном величии и, как прежде, украшает город. Забудем геростратов.

— Нет, — сухо ответил Борис Александрович, выразительно покачав головой. — Такое забывать нельзя. — И прекратил эту болезненную тему. Но к предмету его любви — Кронштадту — разговор вернулся скоро.

— Знаешь, здесь у меня порой появляется такое чувство, что я продолжаю жить на корабле, — глядя в окно, по-детски радостно признался Борис Александрович. — Посмотри, как каналы рассекают твердь города, соединяя море и сушу, обильно питая влагой скверы и парки, расположившиеся вдоль водных артерий. А эти крепостные стены плотной каменной кладки! Толстыми массивными дугами они, как борта крейсера, обнимают город, защищая островные строения не только от неприятеля, но и от балтийских волн. Всюду проникает морская стихия, море бьется о дамбу, о рукотворные форты, плещется у крепостных стен города-корабля, клочки волн в ненастную погоду залетают даже вот в эти мои окна. Кронштадтское шоссе, улица Восстания, Якорная площадь, улица Советская, улица Аммермана и другие магистрали центральной части города-острова не жмутся к домам, их широкие тротуары кажутся мне палубой военно-морского корабля.

— Красиво, поэтично вы говорите, Борис Александрович. Хоть и чувствуются в ваших словах метафоры и преувеличения, но с ними не поспоришь: чистота в городе идеальная, действительно, как на палубе авианосца.

— Это одна из особенностей нашего города, даже при том, что дожди у нас частые гости, грязи нет, обувь после прогулки можно не мыть, она всегда чистая.

Еще здесь раздолье для велосипедистов и любителей роликов. Они летят по широким тротуарам, никому не мешая, наслаждаясь свободой и своим мастерством. Но эти удобные тротуары предназначались не для них и не для нас, построены они не в теперешние времена и не в советские. Они были спроектированы как плацы, необходимые для марширующих матросов. Рота под барабаны размеренно шагала по тротуару, никому не мешая.

Кронштадт — идеальное место для жизни. Люди здесь пешком ходят на работу, дети в школу. Недавно после ремонта открылась детская библиотека. Оригинальный проект в морском стиле, новейшие компьютеры, большой выбор литературы.

А если к этому добавить спортшколу, теннисный клуб, газпромовский бассейн. Мечта любого горожанина!

— Борис Александрович, в вас говорит любовь к городу. Вы «песню» ему поете, по вашим словам — здесь недостатков нет. У меня на предприятии работают жители Кронштадта. Встают рано, возвращаются поздно, им не до тренировок в теннисном клубе и рекордов в бассейне.

Не приведи, Господь, заболеть. Проблема здравоохранения общая для России, но с местными особенностями. В Петербурге мощные медицинские центры, прекрасное оборудование, хорошая диагностика, но чтобы любому кронштадтцу к этому добраться, нужно быть здоровым человеком. Если ребенка положили в клинику в Питере, а родители живут в Кронштадте — возникает множество проблем, особенно с посещением ребенка. Другие сложности перечислять не хочу.

— И не перечисляй, у любого места, города, села найдется и хорошее, и плохое. Но мой Кронштадт — самый лучший, героический, великий город. Я тебе это докажу, Михаил Константинович прямо сейчас. Вот послушай:

*Острым льдом зарастают дороги.
Превращается в айсберг Кронштадт.
Рядом с тральщиком парусник в доке.
Туча — словно дырявый штандарт.
В рундуках спят матросские ленты.
Тонут плацы в крылатом снегу.
Не на мостиках — на постаментах
Адмиралы встречают пургу.
Маршируют учебные роты,
И труба над заливом поет...
Колыбель океанского флота —
Этот город, врастающий в лед.*

— Да, Борис Александрович, вашему городу повезло, что у него есть такой певец. Вы, говоря словами Жуковского, «певец во стане русских воинов». И «горе! горе, супостат! То грозный наш, Суворов!» — процитировал я классические строки. Вы воспитаны на героической литературе в воинственную советскую эпоху.

— Да, первая моя публикация была в школьные годы. Меня, безо всяких «связей», печатали всесоюзные издания. Не то, что сейчас! Молодежи негде печататься. А я просто посылал подборки, и они публиковались в известных на всю страну толстых журналах и в популярных газетах.

— Вам и сегодня грех жаловаться на невнимание к себе читателей.

— Мне действительно грех жаловаться, я вошел в литературу с теми, кто был меня старше, мудрее, опытнее. Ездил на выступления вместе с писателями-фронтовиками. У меня с ними сложились прекрасные взаимоотношения. Мои учителя и друзья — Михаил Дудин, Сергей Давыдов, Вадим Шефнер, Всеволод Азаров, Егор Исаев. Можно еще многих назвать. Без них не было бы меня, поэта Бориса Орлова. Михаил Дудин рекомендовал меня в Союз писателей. Помню, что в Союз писателей СССР от Ленинграда в год принимали всего пять-шесть человек. Состоять в Союзе было престижно, но и уровень писательского мастерства члена был высочайшим.

Мы пили чай за столом, залитым лучами заходящего солнца, прямыми и отражающимися от золотого купола собора. То, что время позднее, я понял, не увидев на улице ни одного человека. Якорная площадь безмолвствовала. И только было слышно, как волны бьются о крепостные стены.

Поторопившись, поблагодарив хозяев уютного жилища, Бориса Орлова и его заботливую жену Татьяну, я через несколько минут уже сидел за рулем своего комфортного автомобиля. Выезжая из Кронштадта, я почувствовал справедливость его названия — город-корабль. Окруженный со всех сторон бурливыми волнами, он уверенно шел курсом истории, строго соблюдая свое предназначение — быть водным замком, морским редутом, защищающим великое детище царей и простых русских тружеников, великих архитекторов и умелых оружейников — Санкт-Петербург. И еще подумалось мне, что Борис Александрович Орлов тоже своего рода редут, мощное укрепление в бурном море литературы, которую он защищает от духовных разорителей и приспособленцев, от барышников, сутяжников и склочников, стремящихся подорвать, разорить литературный процесс, подстроить его под свою выгоду и амбиции. Дай Бог нашему Орлову здоровья и мудрых помощников в его героическом общественном служении, требующем воинской выдержки, силы духа, терпения и смирения. И, конечно, новых личных поэтических достижений. Дай Бог!

Окончание следует

Вышла КНИГА

У ИСТОКА ЭПОХИ

У известного русского прозаика Эдуарда Анашкина в московском издательстве «Российский писатель» в серии «Современная русская литература» вышла документальная повесть о дружбе с писателем, которая так и называется «В. Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе». Книга вышла в год 80-летия известного русского писателя Валентина Григорьевича Распутина.

Стоит умереть великому человеку, как сразу появляются сотни друзей, возлюбленных, а то и внебрачных детей, которые захлеб начинают вспоминать о нем... Причем делают это не в узком кругу, стараются по максимуму придать общественную гласность своим воспоминаниям. Неслучайно Анна Ахматова сказала, что есть такая посмертная казнь для писателя — воспоминания современников. И что важно заметить, при жизни великого человека эти люди почему-то предпочитали помалкивать, и лишь после его ухода, когда уже он не сможет оборвать их поток сомнительных откровений, их вдруг захлестнул мемуарный пыл. Очень часто такие «откровения» имеют явную тенденцию не столько вспомнить великого человека, сколько показать себя, хороших, примазаться к славе покойного и хоть так обозначить брэнное свое существование. Частенько такие «мемуары» содержат и элементы дискредитации великого человека, ушедшего от нас... Потому к воспоминаниям современников и друзей я всегда отношусь настороженно. Особенно, если нет информации о том, что сам великий писатель при жизни считал того или иного мемуариста близким себе человеком. Как говорится, у победы много отцов, а поражение — всегда сирота. Стоит человеку стать известным, как у него вдруг появляется полным-полно «благодетелей», имен которых он не знал, когда нуждался в помощи и поддержке...

Эта книга, посвященная великому русскому прозаику Валентину Распутину, стоит отчетливым особняком от вала воспоминаний о Распутине, что захлестнул Россию после смерти классика — воспоминаний часто весьма сомнительных, о чем, в частности, в одной из своих статей рассказывает единственный

сын Валентина Распутина — Сергей Валентинович. Эта книга другая. Она написана человеком, который знал Валентина Григорьевича задолго до того, как наш будущий классик издал свою первую книгу. Сибирский волжанин Эдуард Константинович Анашкин, автор этой книги, познакомился с будущим классиком на ныне легендарном семинаре-совещании молодых писателей в Чите, где совсем молодой тогда Валя Распутин пообещал еще более молодому на тот момент Эдику Анашкину подарить свою первую книгу... когда она у него появится. Обещание свое, став классиком, Распутин сдержал десятилетия спустя, помнил об Анашкине и об обещании. А все эти десятилетия, прошедшие с момента личного знакомства, Эдуард Константинович внимательно следил за талантливым писателем, собирал материалы о нем, книги Распутина и, можно сказать, не афишируя нигде свою внимательность к жизни и судьбе входящего в известность прозаика, фактически посвятил Распутину многие десятилетия жизни.

Сколько помню, Эдуард Константинович никогда не называл свои отношения с Распутиным дружбой. Он настолько боготворил Распутина, что, видимо, нелегко было Эдуарду Константиновичу применить это слово, подразумевающее некое равенство сторон, — к Валентину Григорьевичу.

Но между тем они были друзьями. Не только потому, что периодически перезванивались и встречались. И не только потому, что по личному приглашению Валентина Григорьевича Эдуард Анашкин побывал на замечательном Всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске, ставшем Распутину родиной. И не только потому, что почти каждую свою книгу Распутин присылал Анашкину, что становилось для последнего целым событием жизни. А потому, что когда Распутину было печально, он звонил Анашкину. Так, одним из первых Эдуард Константинович узнал от нашего классика страшную новость о скоропостижной смерти издателя распутинских книг — Геннадия Сапронова. Последующую череду смертей любимых распутинских женщин — дочери и жены — автор этой книги воспринял как трагедию личную... Но главное — главное в том, что все эти десятилетия Эдуард Константинович фактически создал на дому творческий распутинский музей! И видимо, настолько уже даже москвичи знали об этом, что даже не только писатели, но и скульпторы старались пополнить экспозицию. Так, у Эдуарда Константиновича появился бюст Валентина Распутина, подаренный известным московским скульптором. Этот бюст путешествовал с оказией через все Поволжье, будучи вручен скульптором в Москве профессору филологии из Тольятти. А уж она бережно довезла его и вручила Эдуарду Константиновичу столь весомый во всех отношениях дар. Однако дар этот, как ни жаль было с ним расстаться, но Анашкин решил подарить музею Распутина в Иркутске, уже после смерти классика. И снова распутинский бюст-путешественник поколесил по дорогам необъятной России, на сей раз уже в сопровождении Эдуарда Анашкина...

Это лишь одна из множества историй жизни автора этой книги, связанная с распутинской темой. Валентин Григорьевич чувствовал душевное отношение к нему Эдуарда Константиновича. Неслучайно в канун одного из распутинских юбилеев, когда я позвонила Эдуарду Анашкину узнать, как у него дела, он был почти счастлив, сказав: «Мне вчера звонил Валентин Григорьевич. Попросил написать о том семинаре молодых литераторов в Чите, где мы с ним, собственно, и познакомились...». Я спросила: «И как же ты,

Эдуард Константинович, будешь писать о том, что было почти полвека назад? Разве упомнишь?». Он как бы даже и обиделся: «Да что ты! Я помню этот семинар, словно вчера все было, а что не помню, у меня в дневнике записано, я же всю жизнь веду дневник... Для меня такая радость, что Валентин Григорьевич помнит об этом семинаре, собственно, открывшем его как писателя». Так же Анашкин был счастлив лишь тогда, когда Валентин Григорьевич сам вызвался написать предисловие к его книге «Запрягу судьбу я в санки» о детдомовском детстве Анашкина...

А для меня радость, что эта книга о Распутине выходит в свет. Зная Анашкина как человека дотошного, не склонного впадать в художественный вымысел там, где этот вымысел не нужен, могу сказать, что это очень точная книга. И в этом ее главное достоинство. Это книга именно о Распутине по принципу «Тут не прибавить, не убавить — так это было на земле». Это книга о человеке, ставшем эпохой русской литературы. И Эдуард Константинович счастливый, что ни говори, человек, потому что стоял у истоков этой эпохи.

Диана Кан

Валерий ГАНИЧЕВ

«...ВСЕ РАЗОМ ТЯНУТЬ»

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 г. на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 г. Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

С Василием Ивановичем Беловым мне довелось познакомиться на земле Тихого Дона, когда в 1967 году Михаил Александрович Шолохов встречался в Вёшенской с группой молодых писателей. Скажу честно, бросился он в глаза не сразу: ведь все мы старались не пропустить слова и жеста великого писателя да окружали плотным кольцом первого космонавта Земли, неведомо по каким законам «везенья» оказавшегося здесь. Все было интересно, вдохновляюще и как-то по-особому радостно. Помню, как украинец, Юрий Мушкетин, сорвав веточку чебреца, вдохнул и обронил светлую слезу, глядя на излучину Дона: «А ведь я все здесь знаю, — тихо сказал он, — не был ни разу, а все родное...» И все-таки в этом светлом состоянии Василий выделялся каким-то постоянным напряжением, он как бы все время порождал вопросы к собеседнику, переспрашивал, сомневался, кипятился в споре и, казалось, был все время чем-то недоволен. И только позднее, ближе познакомившись с ним, я понял, что он и не мог быть удовлетворен тем, что было естественным для всех там, на Дону, что мыслью своей он был на вологодских землях, где еще немало следовало приложить сил, ума и средств, чтобы в деревне жизнь была такой же нормальной, как здесь, на юге России. Наверное, и в этом тоже была его писательская натура, о которой он позднее писал:

«По моим понятиям писатель — это очень впечатлительный человек, не обладающий естественной для человека способностью забывать и вынужденный освобождаться от непосильного груза своим способом. Писателями становятся вовсе не от хорошей жизни. Признак настоящего писателя в наше беспокойное время: нестихающая совесть. Способность прощать всех, кроме себя».

Василий Белов — тот писатель, которого при всем желании невозможно отнести к лику сусальных иконописцев. Жизнь в его рассказах и повестях встает во всей сложности и противоречивости. Его герои не двигаются в жизни по накатанной мостовой. Да, нередко и сама цель — смысл их движения, — к которой двигаться приходится через все дантовские круги «трех волоков», вдруг внезапно рассыпается, исчезает в лихолетье времени. Может показаться сначала, что вообще далекая Каравайка, к которой рвался майор, — «фата-моргана». «...Каравайки больше не было на земле. Где-то за тремя волоками неслись поезда и свистели ракеты, а здесь была тишина, и майору казалось, что он слышит, как обрастают щетиной его напрягшиеся скулы. Опять покрывал дергач, а луну пополам разрезало плоское слоистое облачко. Никто не услышал, как на гулкий широкий лист лопуха, теряя свинцовую свою тяжесть, бухнулись две холодные слезы».

Но не только сожалеет об уходящем автор, не только понятная печаль и горечь овладевают им при виде заколоченной избы, потухшего очага, заброшенной деревеньки. Он находит силы в себе и у своего лирического героя, чтобы жить. Ведь не ответишь же сразу на все вопросы, которые задает тебе жизнь. Ведь не решишь же все задачи, которые она ставит перед тобой. А не ответив на все и не решив все, разобидеться на нее, безвольно опустить руки? Или, наоборот, громить все сущее во имя отрицания прошлого и утверждения еще не осмысленного будущего?

«Ко всему прочему мы порой ограничиваем борьбу за новое всего лишь разрушением старого. Потому что, чтобы разрушить, зачастую требовалось меньше ума, чем сделать новое, не разрушив того, что уже было. Ах, как любят многие из нас разрушать, как наивно уверены в том, что войдут в историю!» — так мыслит герой из рассказа «Бобришный угор». Этот едва ли не самый светлый и философский рассказ проникнут жизнеутверждающей верой. Куда как наивной, на первый взгляд, кажется мысль героя: «Нет, надо просто жить, раз родился, и нечего спрашивать, зачем родился, жить, жить, жить...» Но она не есть отрицание творческого отношения к миру — она утверждение жизнелюбия и человеческой веры, пропущенной сквозь огонь испытаний. Далеко не каждому дано было бы сохранить подобную выдержку, человечность, готовность делать что-либо для людей, пройди они школу жизни Ивана Африкановича из «Привычного дела» или Олеси Смолина из «Плотницких рассказов». Нервные окончания истории как бы заканчивались на них, «рядовых великой армии труда». Через них входили в организм страны животворные токи, они первые совершали действие, первые же ощущали боль и пламя эпохи.

Образ их жизни выглядит далеко не идеальным, их речь не точна и далеко не изящна, поступки вроде бы нередко нелепы, но ведь именно они, а не их суровые критики, живут в Нечерноземье, именно они пашут и сеют на небогатых тамошних землях, именно в их семьях внуки, сохраняя мастерство предков, рубят новые избы. Конечно, сейчас уже много изменилось и в этих областях. Но ведь мы помним, что первые публикации В. И. Белова кое-кем были встречены как анахронизм, попытка возродить патриархальщину, как неумение видеть перспективу. В. И. Белов, как и многие другие русские писатели, сумел своим творчеством преодолеть как недоумение некоторых критиков, так и трудности собственного творческого роста. Хотя, если быть откровенным, то изредка и сегодня звучат литературоведческие

голоса, снисходительно упрекающие писателя в местничестве, преувеличенном увлечении говорами, которые приковывают автора разнообразных повестей и рассказов к деревенской прозе.

Сейчас уже ясно, что В. И. Белов не деревенщик, его перу подвластны и городские темы («Воспитание по доктору Споку»), и заграничные коллизии («Око Дельфина», «Дама с горностаем» и др.), он человеколюб, и ничто человеческое ему не чуждо.

Нелегка жизнь у героев Белова, порой кажется, что на последний излом пробуют их обстоятельства. Не до смеха тут, даже улыбка вроде бы противопоказана. Но нет, бурлит острословие, крепка деревенская шутка, не раз попадает в конфузное положение поддавшийся на «розыгрыш» горожанин. Известны всем «Бухтины» В. Белова. «Бухтины завиральные в шести томах» — истинный кладёз народного юмора, но ведь рядом с ними и невероятные истории Ивана Африкановича и всеиспеляющая схватка Олеси Смолина с Авениром Козонковым из «Плотницких рассказов», заканчивающаяся перед оторопелым героем мирным чаем. Да, не боится автор и его герои выглядеть нелепо, даже смешно. Права критик И. Стрелкова, когда писала в статье «Со смехом многое понимается»: «Не побояться рассказать о себе с невыгодными подробностями, выставить себя в невыгодном свете — черта русского характера, причем далеко не простая (возьмите хотя бы сказочного Ивана-дурака), однако многие со стороны и посейчас ошибаются именно на ней».

Действительно, самобытные и яркие характеры героев В. И. Белова немыслимы без лукавого вприщур взгляда на жизнь, без ядерного завирального слова, без доброго юмора, которые помогают им бороться с равнодушием, безразличием и бездуховностью.

И еще об одной теме, которую по праву иногда соотносят с вологодскими писателями. Малая Родина. Когда-то на страницах литературных изданий провозглашалась несостоятельность этой идеи, а ее носители — близорукими безмасштабниками. Но литературная практика, да и сама жизнь отстояли это право: воспеть малую Родину, чтобы через нее еще глубже постичь великий размах нашего Отечества, бесценность великой нашей Родины.

Все чаще и чаще возвращаются герои В. Белова к истокам, прилетают на самолетах, едут на машинах, идут пешком к тем тихим лесам, малым речкам, небольшим деревушкам, скрытым за поворотом большой дороги. Раньше они за постоянной суетой забот и дел и не думали об этом, а просто ощущали «ровно и постоянно», что где-то есть их Каравайка. «И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой родины невозможно. Ведь человек счастлив, пока у него есть родина...»

Но эту родину надо обустраивать, работать на ней, семьи крепить, а далеко не везде на селе все в порядке. И отсюда та острота, непримиримость к недостаткам, к тем, кто хотел бы их разрешить походя, забывая об уроках истории. В одной из бесед Василий Иванович сказал: «Вне памяти, вне традиций истории и культуры, на мой взгляд, — нет личности. Память формирует духовную крепость человека. Только и память разная бывает. Иной всемирную историю вызубрил, а про славу своей деревни не слышал — не интересовался. Это, пожалуй, сегодня один из самых распространенных

видов невежества». Вспоминаю, как мы ходили по Вологодскому краеведческому музею и как заинтересованно, с полным знанием рассказывал Василий Иванович об одежде и быте жителей, о древних обычаях и культурных традициях края, о ремеслах и умельцах. И в этих знаниях своих представлял он ученым-историком, исследователем-этнографом, знатоком-лингвистом, зорким экономистом, заинтересованным хозяином.

И сегодня убедительно звучат слова автора «Лада»:

«Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу от красоты. Мастер назывался художником, художник мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии».

И сегодня не устарел творческий метод выдающегося русского писателя: «Потому и пишу, что надо разобраться, как испокон крестьянская “вселенная” была устроена. И, разобравшись, к делу приступить. Да не за одно что-то браться — одну ногу поднимаешь, другая увязнет, ведь в крестьянской жизни все взаимообусловлено, — а все разом тянуть».

ВВШАА КНИГА

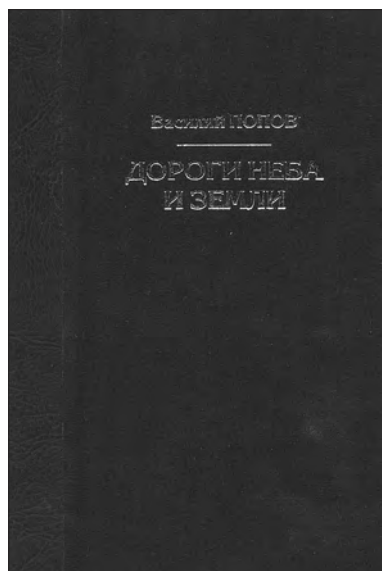
Попов В. Н.

Дороги неба и земли: стихотворения / Василий Попов. М.: Локус Стэнди, 2012. — 104 с.

Мне приятно представить современному читателю поэтическую книгу Василия Попова «Дороги неба и земли». Приятно потому, что книга, несомненно, написана человеком талантливым и человеком, который хорошо усвоил великий конструктивный завет Пушкина: быть эхом родного народа.

Филологические способности Василия позволяют ему тонко чувствовать фонетику и лексику русского языка — мы слышим родной звук, видим знакомый пейзаж и ощущаем традиционные смыслы народной жизни. Поэт не стремится выделиться из народа, а своим творчеством стремится раствориться в нем, стать частью его исторической жизни. Словом, внимательный читатель может почувствовать животворную красоту народной речи. Поэт в начале пути, но это начало обещает нам многое.

Владимир Костров

ПРОЗА

Сергей ШАРГУНОВ

ЗАМОЛК СКВОРЕЧНИК

Сергей Александрович Шаргунов — писатель. Окончил МГУ им. Ломоносова. С октября 2016 г. депутат Государственной Думы РФ VII созыва. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная проза», госпремии Москвы в области литературы и искусства, итальянских премий «Arcobaleno» и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, дважды финалист премии «Национальный бестселлер». Книги переведены на итальянский, английский и французский языки. Главный редактор сайта «Свободная пресса». Член Общества русской словесности и Патриаршего совета по культуре. **Живет в Москве.**

Автор фото: MollySTUDIO

Замоскворечье изначально звалось Заречье.

Вольность весны, пустынность мест и холодок опасности.

На противоположном берегу жилища обильно лепились к дубовым стенам Кремля. А в Заречье люди оседали неохотно, потому что, разливаясь по весне, набегала речная вода. Вдобавок норовили нахлынуть кочевники.

Большая Ордынка, утро, стужа, темень, за оградой храма — то удары, то скрежет. Сквозь прутья можно увидеть мальчишечью фигуру в тулупчике и шапке-ушанке.

Не могу сосредоточиться на чем-то одном: то лом, то лопата.

Боец Заречья.

То истово вмазываю по льду, зажимуясь от осколков, то отдираю отбитое вместе со снегом и воздымаю рыхлую тяжесть былинного пирога, который так трудно и радостно нести в сторонку, чтобы обрушить в уже нехилую кучу.

Мне — двенадцать, и я — алтарник этого белого храма, где мой отец второй год настоятель. Сегодня мы приехали раньше всех, папа в сладостном тепле готовится к службе, а мне сказал: почистить двор, но не опаздывать. При первом ударе в колокол, то есть когда пономарь, она же сторож, некогда профессор-математик, Лидия Михайловна, седая остролицая женщина, живущая на колокольне, начнет благовест — надо отложить лом и лопату, бежать в алтарь, облачаться в стихарь, разжигать и раздувать угли для кадила, а затем выйти в самый центр под куполом, положить на аналой толстую книгу, открыть ее на месте, заложенном лиловой лентой, и громко, почти по памяти, угадывая церковнославянские строки сквозь жирок воска, заляпавший страницы, читать «часы», слыша,

как за спиной беспрерывно открывается дверь, звякая железным кольцом, и прибывает народ.

Рождественская неделя. На белых арочных столбах посреди храма — по иконе, а над ними — по еловой ветке. Как мохнатые брови... Это я вижу сквозь окна, мигающие огоньками лампад, но пока я во дворе в битве со снегом и льдом.

Храм внутри белешенек, росписей не осталось, и папа решил обойтись без новых. Только во втором приделе обнажилась сочная фреска XIX века — Никола Угодник в облачении и пене седин, пронзая участливым взглядом, протянул руку к полуголым морякам с измученными, как бы в бредовом жару лицами, у их корабля уже и парус обвис простыней, а волны вокруг рушатся, как стеклянные небоскребы, с перламутровыми рыбами и изумрудной тиной...

Как быстро восстановили храм! Еще год назад внутри были ткацкие станки, фанерные и деревянные перегородки, делившие его на три этажа.

«Никола в Пыжах». Так храм назван из-за стрелецкого головы Богдана Пыжова. Слобода его полка — избы да огороды — располагалась вокруг. Полковник ходил в походы. Против него бунтовали. А когда недовольных наказали кнутом, стрельцы учинили обширный бунт под названием Хованщина. Командиров сбрасывали с колоколен, ворвались в Кремль, перерезали многих бояр, и на время сломили власть... Но Пыжов уцелел.

Светает. Кричат вороны. Церковь бела, как рубахи с картины «Утро стрелецкой казни»...

В стену, чуть пониже окна, вделана компактная плита, серая, с вырезанными по камню извивистыми письменами. Подхожу, провожу снежной варежкой, буквы вмиг белеют словно бы голливудской улыбкой, и читать — легче.

«1733 году ноября 8 числа преставися раба Божия прапорщика Игнатия Урываева жена ево Татиана Коньдратьева дочья жития ея было от рождения 58 годов а погребена против сей таблицы».

А вскоре была эпидемия чумы, выкосившая почти весь приход, включая отца-настоятеля, дьячка и пономаря...

В начале XIX века совсем рядом в усадьбе у дяди Алексея Федоровича жил молодой Грибоедов и любил слоняться с университетской компанией по Ордынке. Этот дядюшка был прихожанином храма, богатый барин, с которого, как полагают, срисован Фамусов, здесь крестили его дочь Софью, венчавшуюся с офицером из знатной семьи, одним из возможных прототипов Скалозуба.

Храм ограбили французы среди дыма Москвы...

Здесь стояла на отпевании героя русско-японской войны, Георгиевского кавалера Давида Коваленко сестра царицы, Великая княгиня Елизавета.

А потом храм закрыли, арестовали все духовенство, расстреляли священника и певчую, которые теперь причислены к лику святых.

Вернувшись к лому, бью лед со всей дури. Слышу: девочка что-то жалобно спрашивает у женщины, заметил краем глаза: они прильнули к решетке ограды и смотрят на меня с интересом, как на инопланетянина. А мне некогда отвлекаться, скоро колокол грянет... Бью и зажимаюсь.

Это мои бабушка и мама, у них за оградой — 1947-й...

Постояв и посмотрев минуту-другую в размытую синеву двора, они исчезают. Решили прогуляться по морозу перед школой? Или ладно — у них

теплые майские сумерки 45-го, а не зимний рассвет. Все равно правда такая, что они, гуляя по Ордынке, заглядывали во двор этой церкви, где тогда было рабочее общежитие.

Мама моя, Анна, родилась неподалеку, в Лаврушинском переулке, в сером писательском доме. Бабушка моя, Валерия Герасимова, писала свою прозу, лежа в алькове на отделенной занавесью кровати с крепким чаем и конфетами «Кавказские». А вечером отправлялась на улицы с дочкой — «прошвырнуться». Иногда зимой она выходила прямо в пижаме, заправив штаны в валенки, надев цигейковую шубу и шерстяной платок. Постояв возле ограды Николы, они пересекали пустую Ордынку и приближались к Марфо-Мариинской обители, тоже закрытой.

Там, у обители до конца нулевых работала аптека, пережившая все эпохи. Можно было бы снять сериал «Аптека», показав лихое нагромождение исторических событий вокруг немого свидетеля со склянками и бинтами.

В этой аптеке Валерия покупала Ане то, чем выманивала ее на прогулку, — пакетик сухой черники или малины, или леденцы из шиповника с сахаром. Шли дальше мимо домов, в подвалах которых на уровне земли сплошняком горел свет людских жилищ: оранжевые абажуры с кистями. Писательница, смущая дочку, останавливалась и с интересом заглядывала. Зимой за окнами на подоконниках лежала вата с елочными игрушками...

Став священником, мой папа в конце 70-х познакомился в алтаре со старенькой монахиней Надеждой, одной из последних сестер Марфо-Мариинской обители. Она передала ему хранимые тайно бумаги — дневники протоиерея Митрофана Серебрянского, духовника обители и лично Великой княгини, прошедшего тюрьмы и ссылку. Монахиня умерла в 1983-м в 93 года. В этих дневниках приводится несколько удивительных историй.

Вот свидетельство монахини Любви, в миру — Ефросинии. Юная сиротка Фрося, жившая в Харьковской губернии, впала в летаргический сон летом 1912 года. «Старец подводит меня к одной обители и говорит: “Это обитель святых жен Марфы и Марии”... Я увидела Великую княгиню Елисавету Феодоровну в белой форме, на голове — покрывало, на груди — белый крест. Отец Митрофан тоже был в белой одежде, на груди такой же белый крест. Я совершенно не знала до этого времени о существовании Марфо-Мариинской обители милосердия, Елисавету Феодоровну и отца Митрофана не знала и не видела...» После летаргического сна Фрося стала расспрашивать всех, есть ли такая обитель, и приехала в Москву в 1913 году, княгиня и духовник (при встрече с ними, их узнав, она «еле удержалась на ногах») приняли ее ласково...

А вот из жизни самого протоиерея Митрофана. Незадолго до февральской революции он пришел на литургию в большом волнении и, прежде чем начать служить, позвал к себе в алтарь Великую княгиню и рассказал ей свой предутренний «тонкий сон»: рушится объятая пожаром церковь; портрет Императрицы в траурной рамке, который затем покрывают лилии; архангел Михаил с огненным мечом; молящийся на камне преподобный Серафим... В ответ Елизавета спокойно сказала, что это картины ближайшего будущего: страдания Церкви, мученическая гибель ее сестры и большие бедствия.

Через два года ее сбросили в шахту на Урале.

Моя мама бегала по Замоскворечью с четырех лет. Писательский дом высился скалой среди захолустья: развалин, деревянных домиков за дощатыми заборами, заброшенных церквей...

Еще продолжалась война, и вечером окна закрывались черными шторами. Иногда с домработницей Марусей затемно отправлялись за хлебом, который давали по карточкам, — вставали в долгую очередь. Маруся одаривала Аню довесочком.

Как-то в квартиру пришел человек из органов и сообщил, что домработница отправляет любовные письма самому Молотову.

— Маруся, это правда? — спросила встревоженная хозяйка.

— Валерия Анатольевна, — ответила та с достоинством, — у вас своя личная жизнь, у меня — своя.

Маруся была уверена во взаимности, ей казалось, что во всех речах Молотов оставляет ей намеки...

Возле дома зимой на руинах барской усадьбы высилась ледяная гора, с которой катались окрестные ребята в плохоньких перелатанных одежках, почти все безотцовщина из-за войны. Чуть подальше — армия детей летала по большому катку на пустыре, где в конце 50-х вырастет здание атомного ведомства. Увидев из окна копошение, мелькание, кружение множества человечков среди развалин и снегов, поэт Кирсанов воскликнул: «Это же Брейгель!»

9 мая в День Победы улицы Замоскворечья заполнил народ, незнакомые обнимались и целовались, устремляясь в сторону Кремля. Смех, слезы, солнце. Аня в теплой пыли собирала яркие фантики с изображением разноцветного салюта. А вечером дали небывалый салют — из тысячи орудий. В гаснущем темно-синем небе прожекторные лучи гнались друг за другом ослепительной каруселью. Затем на небо, как на сцену, выплыли и заколыхались освещенные отовсюду небывалых размеров пурпурное знамя и портрет генералиссимуса — они словно парили сами по себе... Поднявшие их аэростаты скрывала тьма, и представление выглядело как нечто сверхъестественное.

Однажды вечером Аня с подругой Олей Голодной (одной шесть, другой четыре) из ее комнаты увидели: по балкону прошла группа мужчин в старинных темных одеждах и цилиндрах. Они растаяли в воздухе... Девочки побежали на балкон, но пешеходов будто и не было. Увиденное ничуть не удивило.

В той послевоенной Москве хватало бандитов, которые наверняка мечтали бы приручить таких призраков — можно влезть на любой этаж.

На рассвете в конце 40-х Валерия проснулась, и непонятная сила подняла ее из алькова и направила к входной двери, которая была уже приоткрыта: чья-то большая рука умело возилась с цепочкой. Писательница закричала и захлопнула дверь.

Брейгеля, а то и Босха, можно было вспомнить, проходя мимо нищих, чей строй тянулся от метро «Новокузнецкая» (видимо, по памяти — на этом месте раньше находился храм святой Параскевы) через Пятницкую и Климентовский переулок до паперти желтого толстого с круглым серым куполом Скорбященского храма на Большой Ордынке. Разутые, раздетые, с культами, обглоданные войной, они радовались и куску хлеба. Впечатлительная их горем, Аня разбила копилку и раздала все, что у нее было.

Одну из монет она, подскочив, жалостливо бросила старушке в карман ветхого жакета, но та неожиданно страстно принялась скандалить:

— Я не бедная! У меня зять милиционер! Я бублики ем!

Еще во дворах и переулках сидели бабушки в платочках, торговавшие яблоками и семечками.

А больше всех на свете Аня любила свою бабушку — Анну Сергеевну. С ней ходили по набережной, смотрели на громко трещащие льдины, и она мягко, голосом таким же неспешным, как и ее ход, рассказывала небылицу про одного мальчика, который залез на льдину и его по рекам унесло в открытое море, а затем был про своего любимого брата, мореплавателя Владимира Русанова, стигнувшего во льдах в 1913 году вместе с возлюбленной французенкой, его именем названы бухта, полуостров и гора, а в честь нее в зоне полярной ночи появилось озеро Жюльетты Жан.

В 1947-м домработница попросила пустить в квартиру переночевать сестру из деревни, простуженную. Оказалось, большую брюшным тифом, которым она заразила бабушку. Аню обрили и на всякий случай увезли в больницу. Когда она вернулась, мать сказала ей, что бабушка в санатории, и даже прочитала будто бы ее письмо оттуда, но девочка поняла, что бабушки больше нет.

Аня с удовольствием прогуливала школу в Третьяковской галерее, бесплатной для детей. У входа высился огромный красно-гранитный Сталин, заложивший руку за пазуху. Тогда картин было выставлено гораздо больше, чем теперь. Зал Левитана. Зал Поленова. Зал Врубеля. Зал Серова.

В Старомонетном переулке, где когда-то действовал Монетный двор, можно было, ковыряя в пыли палкой, наткнуться на медную денгу с двуглавым орлом.

На Ордынке у Ардовых Аня познакомилась с Ахматовой, величественной, как римский патриций.

Дворами, крича нараспев, ходили люди со станочками: «Ножи, ножницы точку!» и с тележками: «Старье! Старье берем!». Аня вынесла ворох тряпок, который ей дала мама, и крепыш-старьевщик, похожий на Челубея со знаменитой картины, одарил ее жестяной брошкой и надувным резиновым шариком на деревянной трубочке, пищавшим: «Уди-уди!».

По весне в округе развешивали скворечники. Все тонуло в зелени берез, каштанов, лип, оживал старый дуб возле подъезда, обшитого черным мрамором. Вокруг цвели огороды с черемухой, сиренью, жасмином, яблонями, вишней. Во дворы ставили столы и скамейки, вечерами играли в карты и домино, по праздникам пили и закусывали под гармошку. Небо чертили белые голуби — в Кадашах, Толмачах, на Полянке были голубятни.

По утрам на этажах писательского дома звенели бидоны и бодрые голоса. Это деревенские женщины разносили парное молоко Пастернаку, Луговскому, Катаеву...

— Девочка, почему вы меня не любите? — спросил Олеша у маленькой Ани, с которой ехал в лифте.

Да, его не любили многие, считали пьяницей и неудачником, но не она. Однажды он позвонил в дверь и почтительно спросил:

— Девочка, не у тебя ли наша кошка?

У Ани была только морская свинка, которую она вынесла и показала.

— Может, это наша кошка превратилась в морскую свинку? — сокрушенно произнес Юрий Карлович.

Он сказал, что у них с женой часто совсем нет денег, но кошке они всегда покупали котлеты.

— Кошка — самое дорогое, что у нас есть. Пожалей нас, девочка.

Было страшно читать недоверие в его глазах.

— Все-таки отдай, не будь жестокой... — останавливал он ее у подъезда. — Я же знаю, ты подбираешь животных.

Кошка не нашлась, а Олеша с женой, Ольгой Суок, теперь смотрели на соседку скорбно-подозрительно.

Бородатый Пришвин, одним из первых обзаведшийся авто, в шляпе, высоких сапогах и с ружьем за спиной уезжал на охоту. Он позвал к себе Аню и Олю Голодную, и они целый час заворуженно следили за тем, как его охотничья собака Жулька кормит новорожденных щенков.

Возле алькова у Валерии висел маленький портрет Сталина с трубкой, а в шкафчике хранились таблетки веронала, чтобы отравиться, если за ней придут. Аню тогда забрал бы дядя, режиссер Герасимов.

Иногда в ночи приезжал с бутылками мадеры в карманах пальто первый муж, Фадеев. Сидел по несколько суток и не уходил. Пил полными чашками. Много и быстро говорил о своей жизни, жаловался: в партии ему не дают жениться на возлюбленной Клавде Стрельченко, то заливался пронзительным смехом, то давил рыдания. Он верно любил вождя, но вспоминал обед с ним с глазу на глаз, когда тот стал упрекать, что мало бдительности, а кругом враги, назвал фамилии известных писателей. Фадеев сбежал в лес, бродил несколько дней — оборвался, обезумел, сбил ноги в кровь...

На судьбах жителей дома лежала печать беды...

Прямоспинный усач Константин Шильдкрет, автор исторических романов, — его единственная юная дочь вышла за сотрудника НКВД, который ночью перегрыз ей горло, как Локис Проспера Мериме, и был заперт в сумасшедший дом.

Поэт и переводчик Евгений Ланн годами не показывался на улицу и пугал детей своим видом, когда выходил за дверь брать почту, худой, восковой, с волосами до плеч. Врачи сообщили, что его жена, с которой они вместе переводили романы Диккенса, больна раком. Ланны отравились морфием. Его откачали и завели против него уголовное дело. Вскрытие показало, что рака у женщины не было. Он умер через несколько дней.

Агния Барто, которую узнавали окрестные жители, их ребятишки подбегали отбарабанить стихотворение наизусть. Поблизости от дома ее сына-юношу Гарика, ехавшего на велосипеде, сбила машина.

Детская писательница и критик Вера Смирнова. Ее 16-летний сын, по прозвищу Котик, утонул в ледяной Даугаве.

Джоя и Саша Афиногеновы с древней бабушкой. Их отец драматург Александр Афиногенов во время войны возглавил литотдел Совинформбюро. Вместе с женой американкой Дженни Мерлинг должен был ехать в США агитировать за второй фронт. Накануне в здании ЦК на Старой площади во время бомбежки его убил случайный осколок. Дженни отправилась с дочками в Америку. Во время возвращения в СССР на пароходе случился пожар, она погибла, а детей успели спасти...

Неподалеку от дома выстраивалась очередь в баню. Женщины с белыми котомками. Когда взрослые отсутствовали, Аня позвала девочек из своего 1-го класса в гости. Они впервые увидели ванну и немедленно залезли туда. Горячей воды не было, только холодная, и тогда для тепла пописали...

В школе Аня подружилась с голубоглазой Валею Сидоровой. Сальные русые волосы с пробором посередине. Старше всех в классе, она не раз оста-

валась на второй год, хотя была очень неглупа. У нее всегда был свой ответ на любой вопрос. Однажды после уроков она сказала: «Пойдем, я тебе что-то покажу». Поднялись по скрипучей лестнице двухэтажного деревянного дома. Валя достала сложенную репродукцию и протянула. Аня вздрогнула от впервые увиденного лица — это был лик Христа, картина Доре.

— Кто он был? — потрясенно спросила она.

— Чисто русский! — горячо ответила подруга.

Аня стала приходить в Скорбященский храм, сама не зная почему, с цветами. Здесь она купила крестик и несколько иконок. На Пасху, когда святили куличи и яйца, во дворе было столпотворение.

В храме имелся классический дьякон-громовержец, во время возглашения ектеньи его раскаты делались все мощнее и мощнее.

— Даже дух захватывает. Так можно и уверовать, — сказала Валерия Анатольевна, заглянувшая на службу.

Как-то вечером Аня стояла в полумгле с букетом белых подснежников, а черный, смоляной настоятель возглашал с амвона:

— На колени! Сталин болен!

Я познакомился с ним спустя тридцать один год, когда он, уже седой архиерей Киприан, в алтаре этого храма властно и доверчиво дал мне, четырехлетнему, держать окованное бронзой Евангелие. С той поры я стал алтарничать.

За два года до моего рождения вскоре после рукоположения папу назначили священником именно в этот храм. Первые иконы, которые он увидел, войдя в алтарь, — Александр Иерусалимский и Анна Кашинская — покровители его и мамы.

Тайна территории. Большая Ордынка — место сложения судеб моих родителей...

Невероятное пересечение в одной точке!

Владыка Киприан, из купеческого рода, в 20-е сочетал прислуживание в церкви и игру в театре. Вскоре после войны был переведен в столицу Германии, стал архиепископом Берлинским и Среднеевропейским. Но пожизненно сохранял за собой Скорбященский храм, куда в старости вернулся настоятелем.

«У меня очень левые политические убеждения, а в области церковной я — консерватор», — говаривал Владыка. Он искренне с юных лет верил в близость христианства и «красной идеи» и в этой связи вспоминал евангельскую притчу «о двух сынах».

Помню его пылкие проповеди.

— Что такое золотой телец? — Он поднимал руки. — Американцы изобрели нейтронную бомбу! Все живое погибает, а остается лишь материальное!

— Прости нас, Господи, — крестились бабушки.

Ежегодно легендарный Николай Васильевич Матвеев, с 1948-го регент сильнейшего правого хора, всегда в строгом костюме, при галстукe, устраивал литургию Чайковского и всенощную Рахманинова. Храм заполняла интеллигенция из Консерватории. Владыка выходил с проповедями, по поводу которых его друг, отец Михаил Ардов, шутил: «Рече архиерей ко пришедшим к нему иудеям».

5 апреля 87-го перед литургией Владыка умер у себя в покоях под колокольной. Помню слезные вздохи, волнами заполонившие храм...

В детстве, слушая рассказы родителей об их детстве, мы воображаем, что мы — это они. Вот и мой сын с разбойным восторгом записал в айпад от первого лица истории, рассказанные мной: «Как я устроил потоп», «Как я устроил пожар», «Как я тонул в море».

Все, что мама говорила о детстве в Лаврушинском, «в Лаврухе», казалось пережитым самим, превратилось в густой золотистый суп с терпким ароматом лаврового листа.

Однажды, уже молодым мужиком оказавшись на Вятке, я облапал темные шоколадные бревна родового дома, спокойно выдержавшего сто лет — возле него на фотографии сидел мой отец-малыш — и ощутил отраду, как будто какая-то важная и потаенная часть меня скучала по этим стенам. Я прижался к бревну скулой, вдыхая старо-иконный запах, и среди бела дня сквозь тонкую глубокую расщелину на миг узрел черную бесконечность космоса и мерцание бесчисленных звезд.

Чистое счастье накрывало в Лаврушинском — там я бывал по несколько раз в год: на праздниках и просто в гостях у голубоглазой, в льняных кудряшках Юли, дочери той самой Оли Голодной, в квартире с окнами на Кремль.

Помню, как мама первый раз вела в Лаврушинский, рука за руку, трение и тепло ее обручального кольца. Мы резко остановились — тротуар пересекала изумрудная шикарная дорожная гусеница. Она тоже замерла, словно чего-то ожидая. Тугая от счастья, от какой-то тайны лета — ворсистая, шерстяная — тайна была так близка, что я, весь напрягшись, не удивился, когда мама выдохнула: «Не дави!», и понял это как призыв к действию, а может, слабость, которую надо преодолеть, и торжественно топнул. Не жестокость, а восклицательный знак, утверждение спелости. Следующий взрыв накрыл мое лицо — удар плашмя ладонью, кольцо садануло — я рыдал, перемещаясь рывками и мутно-мокрым взглядом навек запечатлевая Замоскворечье: стены, сирень, большой красный дом, и еще ели, какие-то серебристые и синие ели. Откуда там ели? Недавно я их нашел — вдоль старинного приюта для вдов и сирот художников, превращенного ныне в офисный центр...

Когда Советский Союз рухнул, папу перевели в другой храм, в пяти минутах ходьбы от прежнего. «Никола в Пыжах». Сделали настоятелем. Помню бумагу о назначении с красивой подписью Патриарха и как мы в тот же день поехали смотреть на этот храм, ловко перелезли ограду и восхищенно по сугробам бродили вокруг него, обшарпанного, с торчащими кирпичами, и снег набивался нам в сапоги.

Помню, как шел впереди ночных пасхальных крестных ходов: с фонарем, огонек бессмертно трепыхался за разноцветными стеклами, а в другой раз — с длинной и сухой веткой Палестины, бросавшей тени. Или — вор сорвал икону в храме, а я погнался за ним по вечеряющей Ордынке, и возле Марфо-Мариинской обители он, затормозив и обернувшись, процедил: «Спокойной ночи, малыши»...

Помню, вечером после службы Рождественского Сочельника крепкий дед, багровый индюк, принялся щелкать зубами с удивительным железным звуком и азартно раздавать во все стороны пощечины. Закудахтали бабуси,

и вот гада, заломив руки, потащили вон молодцы-алтарники, в белых стихарях похожие на гневных ангелов, и окунули в пышный сугроб, откуда донесся довольный хохот, как из преисподней. «Бесноватый!» — выскочили мы с Даниилом, алтарники поменьше, и, слепив здоровенные снежки, держали их наготове...

Мимо этой увлекательной сцены безразлично проплыла бледная девочка Машенька, с которой я еще летом резво играл, под голубым платочком безволосая от облучения, похожая на сиротку, хотя все наоборот — это ее родители совсем скоро лишатся дочери.

Помню, Патриарх Алексей вступает в храм, с посохом, в белоснежном куколе, с невозмутимым лицом викинга. Вперед других ему навстречу выставлены дети — протягиваю букет белых роз, и он, нагнувшись, твердыми губами лобзает меня в макушку.

Величественная служба. Он, главный гость, посредине храма на возвышении. Разоблачился, оставшись в одном темно-зеленом хвойном подряснике. Но вот на блюдах иподьяконы с поклонами подносят новые одеяния, которыми он обрастает: белый тонкий подризник, епитрахиль и пояс, поручи, саккос, омофор... Подают гребень, и он неспешно зачесывает свои седины слева и справа. Корона-митра опускается на голову...

Он стоит, поджав губы, большой, зелено-золотой, как нарядная елка.

После службы возле трапезной он обратил внимание на орехи.

— Это как это такое тут произрастает?

— Чудо! — выпалил я недостающее слово, заскочив вперед и желая удивить Патриарха.

Это крепкое ветвистое чудо произрастало благодаря проложенной под землей теплотрассе. Я любил орехи молодыми, только народившимися, очищал от зеленых шкурок-пачкунов и совал в рот нежно-молочные горчащие дольки пальцами, мгновенно коричневевшими, как от йода, и пахнувшими йодом.

Помню, на занятии в воскресной школе с помощью сверла, напильника, рубанка и молотка сам смастерил скворечник, а потом, забравшись по приставленной лестнице, долго привязывал его проволокой. Сначала заселились воробьи. Но их выгнали прилетевшие скворцы. Орехи они не трогали, а так — пожирали все, что ни предложишь...

Помню осеннее отпевание Анастасии Ивановны Цветаевой, в гробу похожей на изящную веточку, с которой облетели листья. Я стоял в стихаре со свечой и жарко косился на хорошенькую правнучку покойной, румяно-смуглую, с наливными щечками, в милой шерстяной бежевой шляпке, и хотел выглядеть загадочным. Иногда я бросал романтически-печальный взор на покойницу и думал, что ее воркующий голос навсегда со мной — я даже могу в любой момент воспроизвести ее обаятельное, умильное, скрипучее «Сереженька», надо только правильно натянуть шейные жилы — этим голосом она рассказывала, как из-за нее застрелился гимназист или как она сочиняла стихи на английском, пока стирала зашивленное белье в лагерном бараке... После отпевания, переодевшись в алтаре, я поспешил во двор, но девочки в шляпке уже не было, уехала с гробом, я побрел по району, через десять минут обнаружив себя в Кадашах возле кирпичной стены на пустыре: мертвая листва, пожилая трава, высокомерные лопухи, доходившие до колен, но насквозь напитанные пропащей желтизной...

По лопуху продвигалась гусеница. Темно-коричневая, поздняя, голая. Приставив руку к листу и преодолев брезгливость, я позволил ей перебраться мне на кожу. Она помедлила и согласилась. Она замерла, зависла, закисла, она, казалось, тяжелела, росла, вращалась в меня всей сыростью. Тварь Заречья. Двинулась снова. Покрывая меня гадкими запятыми лапок, как заевшая клавиатура, она достигла конца строки — следующего лопухового листа, к которому я прислонился ребром ладони, переползла на него, и тотчас мне стало неудержимо легко, как после исповеди.

Вспоминаю ту же осень 93-го: по Большой Ордынке, вращая гусеницами, угрюмо прогромыхало несколько танков, оставив вонючий сизый дым и смутную тень сомнения: «Чи?»...

Вечером — близится комендантский час — стою с блюдом, полным хлеба, пропитанного вином, раздаю — весь приход пройдет — кто-то спрашивает несколько кусочков, кому-то по блату даю побольше или покраснее. А рядом отец, макая кисточку в сосуд с елеем, проводит крестообразно по лбам, которые начинают лосниться.

— Ой, а помажьте мне глаз...

— А у меня щека болит!

На Большой Ордынке было церковное детство.

А юность строптиво протекала параллельно — по Пятницкой.

Огромный Дом радио, где я 17-летний работал наглым ди-джеем с голосом-скорострелом.

Рядом в подвале-рюмочной, куда меня по липким щербатым ступенькам вело юношеское «народничество», толпились в непрестанной качке реликтовые забулдыги, рыгали, ругались, дрались, сказывали истории о страшных странствиях, загубленной любви и потерянной славе. Сюда, прежде чем утонуть в забытии, ныряли за последним глотком. Сюда я устремлялся, чтобы дешевым пойлом прополоскать горло, отравленное модным речитативом.

Однажды при мне мужичок со множеством прожилок, составлявших целое сиреневое деревце с ветвями и листьями по его носу и щекам, зачем-то коверкая слово «спи», напевал своей бабенке диковатую, больше похожую на заклинание колыбельную:

Ты иди по Пятницкой,

Спы, спы, спы,

Ты иди за пьяницей,

Тока не храни!

(Вот поставить бы такую песню в эфир!)

Всякий раз здесь — на Пятницкой — возникало навязчивое желание не покидать этих мест. Мне хотелось иметь комнату на этой улице, просто комнату, можно совсем тесную, в старом доме, невысоко от земли, с одиноким окном, выходящим в синьку. Почему-то самое уютное, милое, примагничивающее меня Замоскворечье — всегда в сумерках, рассветных ли, вечерних, но так, чтобы подходить к окну, прислушиваясь к заздравным перезвонам трамвая.

Для меня тот вечер стал прощанием с девяностыми.

Был теплый сентябрь (Москва праздновала свой очередной ДР), я, 19-летний, стоял на Пятницкой вместе с шелудивым молодняком — огонь-

ки, бутылки — возле дверей клуба «Третий путь» в ожидании группы из Минска «Красные звезды», поедаемый тоской, потому что певец крутил с поэтессой, в которую я тогда был влюблен. Это она ему пробила концерт. Я хотел увидеть ее — о, вот и увидел: лукаво усмехается, кожанка, красный рот, какой-то коктейль в жестянке, оглядывает мелкую блондинку, ту, что я прижал, и вкрадчиво спрашивает:

— Что это вы такой грустный?

Вообще-то мне нравились песни минчанина, они отвечали моему тогдашнему — прямо в рифму — веселому отчаянью:

*Мы стоим у пропасти,
Трогаем горизонт руками,
Люди с чистой совестью
И голубыми глазами.*

Вечер московских гуляний. Вспоминаю, что движение машин было перекрыто. Накатил треск и гул. По проезжей части шумная компания человек в пятьдесят сопровождала телегу с деревянной клеткой, в которой извивалась фигура в пестрых тряпках. Стилизация под старинного скомороха.

Молодняк на тротуаре с интересом смотрел, как эта потешная процессия удаляется в сторону Кремля... И вдруг какой-то пацанчик — пробудилась тайная родовая ярость, вскрылся замоскворецкий дух вражды — заорал во всю глотку:

— Они человека в клетку посадили!

Он бросился догонять бродячее представление. За ним — половина тех, кто только что, беззаботно гыкая, цедил пиво и дымок.

Мгновения спустя Пятницкая превратилась в поле побоища — отряд на отряд: мат, вскрики, взвизги, удары кулаками и ногами, мелькнула цепь, кто-то упал, схватившись за разбитую голову. А в центре раскачивалась клетка, возле которой звучал рев то ли освобождения, то ли расправы:

— А ну вылазь, сука!

— Осень, — сказал я блондиночке, прижимая крепче.

— Я в курсе, — отрезала она.

«Третий путь» был первым московским ночным клубом и располагался в бывшей коммуналке. Поэты и художники пили тут почти без закуски, спорили, читали книги, играли в шахматы, дремали...

Среди посетителей этого божьего притона особо выделялась некто Инфернальная в строгой юбке, синей блестящей кофте, с блестящими черными смородинами глаз и сухим румянцем, то и дело ронявшая пугливый икотный смешок. Она пила с охотой, в танце брыкалась, как кобыла, и жаловалась на безответную любовь к музыканту по фамилии Пророков, подарившему ей перстень, который она всем демонстрировала, черный и блестящий, как будто ее третий глаз. Часто ее собутыльниками становились Митя (глухой на одно ухо вечный юноша, тощий, с каре и волнистым волосом; напившись, он говорил по-французски или протяжно выпевал одно и то же бессмысленное «Омела!») и его товарищ Иван (нервно-ироничный блондин-хулиган, писавший стихи и сжигавший их на сковороде, а в конце концов найденный в петле в парке). Иногда они привозили на такси и поднимали в клуб верную участницу их декаданса, девушку по кличке

Русалка, с парализованными ногами, в квартире у которой часто отлеживались, приходя на рассвете. Она сидела возле бара, костыли под столом, цепко озиравлась и гортанно командовала. О костыли, как бы ее задабривая, терлись кошки, жившие прямо в клубе. Борис Раскольников, хозяин клуба, похожий на скелет рыбы, хлопал рюмаху за рюмахой и поутру после закрытия оставлял некоторых продолжать с ним пьянку. Он умер в 2011-м, и в тот же час в клубе обвалился потолок. А Инфернальная познакомилась в «Третьем» с богатым кавказцем, круто поменяла нрав под напором его горячей страсти, стала шелковой, как платочек, тесно обнявший ее голову, родила сына и, кажется, двух дочерей...

В Москве семь холмов, как в Риме. У Рима — Трастевере за Тибром с храмами и невысокими домами на узких улицах, а у Москвы — Замоскворечье.

Каждый раз тут чувствую себя безропотной запятой внутри чуть размытой акварельной картины, охристой, зеленовато-голубоватой.

Тут есть что-то от града Китежа, иду по улицам и переулкам, ощущая таинственный второй и третий пласт, как будто сейчас проступят, проявятся, возвратятся отсутствующие здания, сады, люди.

Да и моя жизнь здесь — это наложение маршрутов, времен года, разных лет...

Она, с рыжим отливом волос и крупными серебряными кольцами в ушах, в черном синтетическом плаще наступает со мной навстречу мартовскому ветру, и я, частя, как пономарь, от влюбленной застенчивости превратился в экскурсовода, чья речь бездумна и автоматична. Якиманка — Яким и Анна... Осторожно, лужа. Давай переплывем. Шутка. Держись за меня, обойдем. А ты заметила, как назывался переулок, где нас чуть сосулька не убила? Спасоналивковский... Милое название, а? На Доме правительства, пасмурно-казенном, как предчувствие неминуемого, висят доски с именами живших и сгинувших, и рядом — табличка с популярными буквами: «Обмен СКВ». А ты знаешь, что это шифровка? Обмен скворечников. Старые и гнилые на новые и крепкие. Не смейся, я никогда не шучу!

Она лукаво хихикает в пейджер (еще в ходу пейджеры), который что-то громко пиликает, а я, пытаясь подглядеть, щедро зачерпываю «гриндерсом» талый лед. Мы стоим перед красным светофором-леденцом, чтобы перейти по Каменному мосту к Болотному скверу, и фабрика «Красный октябрь» перебивает сладкие духи, ветер гонит прямо через нас невидимые облака с запахом шоколада и карамели, приторная вонь огромного животного, и вот перешли по долгой зебре, прошли годы, июнь в пуху, и я с ленцой хозяина выгуливаю ее, свою беременную жену, в джинсовом комбинезоне по зеленому скверу. А ты знаешь, здесь зимой 41-го накрыло батареею зенитчиц. Они сбивали самолеты немцев, а на них упала бомба. Но теперь на этом месте только пух тополиный. Ой, лучше тебе не слушать про такое. Тебе не жарко? Давай в тень, Ань. А помнишь, как мы с тобой шли и от ветра пахло? Забыла, что ли? У тебя еще пейджер был... А ты знаешь, когда «Красный октябрь» закрыли, забили и думали забыть, он какое-то время напоминал о себе. Он исчез, но вокруг все равно витал его дух. Запах в смысле. Сорок дней пахло конфетами.

Представляешь, сынок, мы с твоей мамой тут ходили, когда ты жил у нее в животе. Видишь, какие льдины. Скоро растают. Один мальчик не

слушал маму и папу, прыгнул на льдину, и его унесло в море. Не веришь? Почему? Тебе пять, надо верить. Я бы поверил в пять лет. В снежки? Давай! Снег-то теплый, ага. Эй! Ты куда кидаешь? Ваня, в лицо не надо! Послушай лучше. Здесь жил удалой купец Калашников... «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника...» Не кидайся! Хочешь, почи-таю? Я знаю наизусть. Мы в школе учили. Пойдешь в школу — может, тоже выучишь... Ну послушай! Ваня, знаешь, кто тут жил? Это можно услышать из снега. Если быстро идти по этому теплomu снегу, можно услы-шать. Стрельцы, казаки, купцы... Стрельцы, казаки, купцы... Стрельцы, казаки, купцы... Быстрее иди! Слышно, правда?

Он рядом, ему уже десять, июнь, выходной, снова пух в Москве, сме-шанный с горошинами жвачки и разметкой для велодорожек, ну да, я не живу с вами, ну, милый, не начинай, мы и так видимся часто, мы давно расстались с мамой, но у нас хорошие отношения, очень хорошие.

— Закачаешься, — парирует он (развязностью маскируя боль?).

Мы никогда не ругались при тебе, нам направо, вырастешь и все пой-мешь, лучше смотри сюда! Это дом, где у твоей прабабушки родилась твоя бабушка, в четвертом подъезде.

Когда мы останавливаемся, он сразу утыкается в планшет, чтобы вер-нуться в любимый ад. Его занимают бои без правил, интернет-каналы од-ноклассников и прочая муть. Айпад не запретишь, когда весь мир — айпад. Офисы, рестораны, банки с темными и зеркальными стеклами — окрест лакированные предметы, начиненные механикой. И вездесущий щекотный этот пух скользит, лишь подчеркивая тошную гладь. Мы слоняемся уже полчаса, за которые я стараюсь впихнуть в него какие-то познания, напри-мер, о том, что «балчуг» значит топи, и тут самое теплое место в Москве, зимой температура выше, чем по городу... А сейчас не 23, а 25. Не веришь? Хочешь, проверим? Было бы прикольно, разве нет? И про то говорю, что есть смысл любого имени этих пространств. Кадаши — делали кадки, боч-ки... Толмачи — жили переводчики, сначала татары, говорившие по-рус-ски, потом русские, переводившие с татарского. Понятно, нет?

— Угу, — не без иронии.

Там, где был пустырь с лопухами, и я держал на себе простившую гусе-ницу, — парковка с машинами, которые, блестя на солнце, перемигиваются этим блеском, а ровный и жаркий асфальт блестит, как фольга. Вместо тол-стух-лип — «элитка», дорогой, в кофейных тонах дом с жестоким шпилем.

Столько сломано, срыто, стерто! Это и так ясно. Но особой тонкой из-девкой стоят особняки, переделанные под офисы. Новенькие и чистенькие, деловито и наспех приукрашенные, почти всегда с какой-то удаленной или прибавленной деталью. Как ложные опять вместо настоящих.

Или во мне говорит банальный брюзга, как в грибнике, которому лес зрелости всегда не тот, что лес детства?

Из подъезда выходит женщина в красной панамке, крикливо узнает и радуется.

Это Ольга Голодная. (Та самая девочка, внучка которой уже студент-ка.) Она говорит юмористично простодушно, так что могла бы озвучивать мультки.

— Сирень совсем убрали! Дом другой! Из писательских никого не оста-лось! Только Оля! Никулина, дочка Льва! Иностранцы! Богачи! Какие-то

фирмы арендуют! Эти интернеты и мобильники всех таракашек извели! Раньше тараканы не уходили! Чем их только ни морили! А теперь ни одного!

— И гусениц, — говорю я.

— Пап, каких еще гусениц? — требует сын, почуяв историю.

Молчу и щурюсь. Секрет.

— Правда, что вы с моей мамой видели призраков? — спрашиваю не для себя, для него, и чувствую: он немедленно весь обращается в слух. — На балконе...

— Как вас, так их! Старинные господа! Важные! Котелки, трости!

Из Лаврушинского на Большую Ордынку, быстрее, быстрее. Погоди, это начало большой дороги. По ней везли дань в Золотую Орду... На ней селились люди хана, ордынцы... Заходим во двор дедушкиного храма. Пусто, до службы еще часы. Настоящий сад, тюльпаны, нарциссы, розы, но Ваня предпочитает айпад. Седая, остроликая женщина-сторож, ничуть не изменившаяся с давней поры, бежит к нам через двор в поношенном сером платье, окруженная пышными, как на кладбище, цветами.

Мимо белого храма и вделанной в него плиты «1733 году ноября 8...» спешим за ней в «дом причта», где мальчику дадут пить и, когда утолит жажду, сладости.

Ореховое дерево могуче и просторно, у корней с дерзостью самозванца разлегся пух тополей.

Запрокидываю голову, и получаю солнечную пулю.

— А где скворечник?

Лидия Михайловна смотрит на меня подозрительно. Я всматриваюсь с подозрением в нее.

— Какой скворечник? — Давно уже нет, лет семь, наверно. Надо чаще в наш храм...

— А я и не замечал! Я был тебя чуть старше, Ваня, сам сделал скворечник и сам привязал. И потом каждый год вешали новый. Эти места вообще славились скворечниками... Замоскворечье. Замолк скворечник. О, рифма какая! Куда же он делся?

— Скворцы улетели, — говорит женщина-сторож.

— А воробьи могли бы...

— Не до скворечников... — Ее голос кроток. — Жизнь такая, суетная. Нету времени на скворечник. Пока сделаешь, пока повесишь, и кормить их надо... Не ешь! — Она опоздала, ребенок вскрыл орех и насмешливо вгрызается в творожистую начинку.

— Фу! — Он возмущенно сплевывает.

— Их нельзя же, нельзя, еще не зрелые, батюшка не велел, они как украшение, мы их не едим, они все пробками пропитаны...

— Один орех еще не грех, — широко крещу его рожицу с губами и зубами йодистой улыбочки.

Окрасившись этим соком, он мгновенно стал похож на маленького юродивого.

— Размахнулся тогда Кирибеевич и ударил впервой купца Калашникова...

— Что, Ваня?

— Двоечник, а еще поэт! В школе не учился!

— А дальше?

— И ударил его посередь груди, затрещала грудь молодецкая... — Он стоит под ореховым деревом, дирижируя айпадом, и читает Лермонтова.

Любовь БЕРЗИНА

«И КОЛОКОЛЬНИ СТЕРЖЕНЬ НА СВЕТУ БЕЛЕЕТ, СЛОВНО ВОИН НА ПОСТУ»

Любовь Александровна Берзина — родилась в Москве. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. Печаталась в периодических изданиях и альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Истоки», «Теплый стан», «Московский вестник», «Сельская молодежь», «Черновик», «Час России» и др. Автор трех книг. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Вот хроника бежит,
В ней точки и разрывы,
Фигуры у людей
Расплывчаты, бледны.
Как страшно сознавать,
Что все они не живы,
Что нет таких людей
И нет такой страны.

Повозка через мост
Невозмутимо катит,
И девушка идет,
На рынок торопясь,
Кто может предсказать
На сколько лет ей хватит
Страну свою, смеясь,
Россией называть.

Да было ль это там,
На блеклой киноплёнке,
Горящий храма шлем,
Сверкающий с небес,
Где, как в последний раз,
Вдруг голосом ребенка
Священник прокричал,
Светясь: «Христос воскрес!»

И вот он, храм стоит,
Чьи своды нерушимы,
Как будто никогда
Не упадет он в грязь.
Вокруг него идут
По вере побратимы,
Но весь не обошли,
И пленка порвалась...

Что судеб порвалось —
Невиданное море,
Что жизнью отошло,
Теперь не сосчитать!
А тени их бредут
И смотрят поневоле
В державе неживой,
Которой не собрать.

* * *

Я не сплю в эту темную ночь —
Я летаю!
Облака, уходящие прочь,
Я считаю!

Все, что в памяти слабой моей
Еле жило,
На подводной лодке ночей
Накаатило!

Это тени, что мимо идут,
Как живые!
Город спит, как последний редут,
И Россия!

Тихо курит в ночи Гумилев
Под расстрелом,
Жизнь уходит в небытие
Дымом белым.

И двенадцать штыков блеснут
От востока!
Венчик белый из роз кладут
К гробу Блока.

И как лодка плывет Москва
Через осень.

Для нее нарубил дрова
Венценосец.

Невредимы стоят княжны
И наследник!
Им никто среди всей страны
Не соперник...

Я не сплю, и я вижу их —
На просторе,
Не в Тобольске, едва живых —
В Черном море!

Их качает один фрегат —
Над волною.
И не видит их супостат
Со звездою.

Крепко спит в кобуре пистолет,
Парус — белый,
И я верю, что смерти нет,
Нету тела!

ВЕЛИКИЙ ИВАН

Зацепляются тучи за Ивана Великого крест
И за башни Кремлевской звезду, что стоит наравне.
Ох, не падают звезды с высоких насиженных мест,
Только пара орлов примостилась от них в стороне.

Словно змеи, вдали проползают потоки машин,
И фонарь, как слеза, по Кремлевской стекает щеке,
И Великий Иван белой шеей сверкает один,
В золотом чугушке набекрень отражаясь в реке.

Раньше гулом гудел —
А теперь он стоит не у дел,
И его окружают высоток стеклянных штыри.
Он посмотрит на Запад — и станет белее, чем мел.
Поглядит на Восток — и зардеется ярче зари.

Спит у ног его колокол треснутый — Царь,
Нестреляющей пушки огромной зияет жерло,
По ступенькам Ивана не ходит звонарь,
Он молчит, словно рот немостою светло.

Не доходят слова на краснеющий остров Кремля,
Только светом небесным — стоит посреди — осиян,
Как маяк нам мигая, грядущим облакам шевеля,
Рассекающий тьму, молчаливый Великий Иван.

* * *

На церкви крест сверкает, словно меч,   И храм в снегу стоит, как арсенал,
Который должен Родину беречь.   Который страхом силы тьмы сковал.

На солнце купол блещет, как снаряд,   И колокольни стержень на свету
Что охраняет прочно стольный град.   Белеет, словно воин на посту.

ПАРАД

Колонны из людей,
    из техники колонны
По площади плывут,
    пронзая времена,
Из всех краев страны
    сошлись они, бессонно,
И поступь их шагов
    по всей стране слышна.

Вот Жуков на коне
    своим широким телом,
Как памятник, вдавил
    седло и стремяна,
Вот Сталин мавзолеей
    попрал ногою смелой,
Поскольку широка
    и вздыблена страна.

Пред ними душ полки
    проходят неведимо,
В шинельное сукно
    затянуты тела,
Все на одно лицо,
    и взгляд, скользящий мимо,
И словно львиный рык —
    победное «Ура!»

Их крик от стен Кремля,
    как мячик, оттолкнется,
Стрелой через поля
    и страны пролетит.
А что там под сукном,
    какое сердце бьется,
Зарыто в глубине
    и, словно клад, лежит...

На марше все равны.
    Сплоченным четким строем,
Качая ордена,
    чеканят шаг полки.
И здесь любой солдат
    глядит орлом, героем,
И вражеский штандарт
    копьем летит с руки.

Вот падают у ног
    добытые знамена,
Трофеев у солдат
    запасы велики,
И, кажется, вовек
    не кончится колонна —
По площади идут
    все новые полки.

Она красна, как кровь,
    что отдана победе,
Над нею блеск звезды
    и клетоты орлов.
Вот только господин,
    что нынче мимо едет,
Уже не разглядит
    шагающих рядов.

Они сквозь нас идут,
    натянуты, как струны,
И напряженье их
    засело в голове,
Мы с ними, как бойцы,
    весной шагаем юной
По залитой дождем
    торжественной Москве.

* * *

О чем, о чем поет
Сияющий оратор,

Куда, куда глядит
Ослепший режиссер?

Мерцает на столе
Экрана провокатор,
За ним не разглядишь
Какой вокруг простор.

Как дует за стеной
Неотвратимый ветер,
Как листья, он несет
И мысли, и слова,
Как месяц над страной
Загадочен и светел,
И неба океан
Колышется едва.

Вот тело сибарит
В глуши роскошных комнат
Устало окунул
В трепещущий диван.
Он нежит свой живот
И ни о чем не помнит,
Как пред змеей застыв,
Он смотрит на экран.

А вот другой лежит
На парковой скамейке,
Весь свой нехитрый скarb
Под голову сложив,
Он пахнет хуже пса,
Он желт, как канарейка,

Он холоден, как лед,
Скорее мертв, чем жив.

Меж этими двумя,
Как меж двумя мирами,
Спит воздуха стена,
Прочнее, чем металл,
Не встретятся они,
Меж них дома горами,
Сто запертых дверей
И города вокзал.

И я хожу меж них,
Я вижу тех и этих,
Того, кто спит в грязи,
И средь блестящих зал,
Их, в лаковых туфлях
Стоящих на паркете,
С сигарою в руке
И неприступней скал.

Им скучно и темно.
Они не просят хлеба,
Не ждут, как нищий тот,
Подачки иль куска —
Но и над их челом
Одно сияет небо,
Укрывшее, как плед,
Бродягу-старика.

БЛУДНЫЙ СЫН

Сын за морем растаял, как дым.
Не пускают границы тугие.
В путь последний под снегом густым
Мать его провожают другие.

Он успеть к ее гробу не мог —
Визы, дети, семья, расстоянья...
Снега мокрого белый платок
Ей декабрь постелил на прощанье.

Уж не знать ей, что сын не придет —
Только ветер о прошлом простонет,
Холодны ее руки, как лед,
Бледен лик, как на древней иконе.

Дней прошедших взлетающий прах —
Не осталось в душе и помина!
Ляжет снегом в далеких краях
Он на голову блудного сына.

* * *

Месяц старый стоит в изголовье,
Туча черная двигает бровью,
Свет звезды отразился в окне.

И луна, как обломок коралла,
Розовела и смерть предвещала,
Чью-то тень проявив на стене.

Занавесьте, бездомные тучи,
Свет луны неживой и ползучий,
Пусть он скатится за горизонт.

Здесь теперь непогода ярится,
Там, где тихо ступала ослица,
И над ней плыли ветви, как зонт.

Кто был смел и не праздновал труса,
Тот встречал, преклонясь, Иисуса,
Зелень листьев воздев в небеса.

Ветви пальмы качаются нервно,
А сквозь них пробивается верба,
На ветру распушив волоса.

И не чуя нетяжкого груза,
Вдаль ослица везет Иисуса,
Среди белой, застывшей воды.

По Голгофе России, по снегу,
В ту же, только замерзшую, реку,
Оставляя, как раны, следы.

* * *

Нужны ли мне края чужие,
Чужого солнца яркий свет,
Когда горит огнем Россия,
Наверно, нет,
Наверно, нет.

Корабль белый, яхта, чайка
И набережной парапет,
Вы были временны, случайны?
Конечно, нет,
Конечно, нет.

Домов обшарпанные стены,
Где виден наводнения след,
Они ль так для меня священны?
Конечно, нет,
Конечно, нет.

Иль сосен выжженная хвоя
И брошенный на много лет,
Поселок русский Моховое,

Сгоревший, тянет за живое?
Наверно, нет,
Наверно, нет.

За что же, спросишь ты, приятель,
Так любишь «землю зла и бед»,
Туги ль тебе ее объятья?
Конечно, нет,
Конечно, нет.

Ни свет звезды, не скипетр державы,
Ни придорожный бересклет,
Ни звон побед,
Минуты славы,
Они меня не тянут, нет.

А то, что неисповедимо
И не заключено в слова,
В земле родной, что мчится мимо,
Как дух, как крылья Серафима,
Души касается едва.

ПОЭЗИЯ

Роман КРУГЛОВ

«НО ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРАЖЕНИЕ...»

Роман Геннадьевич Круглов — родился в 1988 г., поэт, литературный критик, редактор, кандидат искусствоведения (специальность — теория и история искусства), преподаватель Российского государственного университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, Института культурных программ. Автор четырех книг стихотворений. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Крестоносцы были в детстве,
В юности — Толстой.
Целый мир тебе в наследство.
Властвуй, Бог с тобой.

Но транжиришь на пустое
Даровую жизнь
И веселье напускное
Голову кружит.

Правда — как на дальней полке
Дедова медаль:
Светит в темноте без толку
Дорогой металл.

Покрутил в руках, мальчишка,
Спрятал — пусть лежит.
А в свою не веришь — слишком
Страшно заслужить.

* * *

Простые эти чудеса —
Узорчатые небеса,
Листва сквозная,
Тень елей, теньканье синиц,
На хвойных щеточках ресниц
Слеза лесная —

Ни сохранить, ни повторить.
Любые вычуры творить
Умеем сами:
Петь розой, соловьем цвести...
Но все же хочется свести
Концы с концами —

Съесть, выпить и поцеловать.
Не утерять, кладя в слова
Суть, а не норму.
А суть, как птичий сон, легка:
Пока мы пишем, облака
Меняют форму.

* * *

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнувший скелет.
Белесый день и талый свет
К закату ближе — ровный, желтый.

Ты понимаешь все живей
Серьезность маленьких вещей,
Таких как ракушка и желудь.

Как память бывших встреч, легки
Святыя эти пустяки.

И вот однажды, вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из желудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

ТОЧКА

I

Разошедшееся солнце
раздувает пламя почек,
колокольня покачнется —
тень из купола прольется,
потечет к моим ногам.
Жизнь знакома, словно почерк,
но читаю по слогам.

Из сухой культи пробился
маленький фонтан цветочков;
плачу — либо пыль от липы,
либо просто ветер, либо
мне пора домой вернуться,
наконец поставить точку.
Просто я опять влюбился...
ну и бросили меня.

II

Жизнь летальна и локальна.
Свет мучителен и тонок,
в гробе шкафа моль летает,
в отражении зеркальном
по полу ползет ребенок,
кошка молоко лакает.

У меня исчезли веки —
слишком ясно, слишком точно:
все, что было, все, что будет —
бесконечно, словно точка.
И не выплакать веки,
и ни с кем не разделить.

* * *

Сокровенными корнями и опавшими листьями
Дерево уходит в землю.
Кровной памяти пластами и в гробу вперед ногами
Человек уходит в землю.

Кроною живой зеленой и седого дыма кроной
Дерево уходит в небо.
И, смотря на эти кроны, окрыленный и влюбленный,
Человек уходит в небо.

Причащусь вином и небом — все на свете понимаю.
Поперхнусь землей и хлебом — и, как раньше, тьма немая...
Чтоб земля заговорила, чтобы тьма была не вечна,
В небесах растут деревья — тянут руки нам навстречу.

* * *

Небо сверху, а здесь — стол, книжица,
Табуретка.
Мне как слышится, так и пишется —
Глухо, редко.

Небеса говорят о себе тому,
Кто лучше,
Потому я в своей глубине тону —
В грязной луже.

А во мне все черно и вычурно,
То есть ложно...
Только небо из лужи вычерпать
Невозможно.

* * *

Между ракетками раки
Застыло теннисное солнце,
В сгустившемся закатном соке
Оно летит — оно висит.

Незыблемое полотно
Закатная соткала сила, —
Как будто правда победила
(Как в вечности быть и должно)

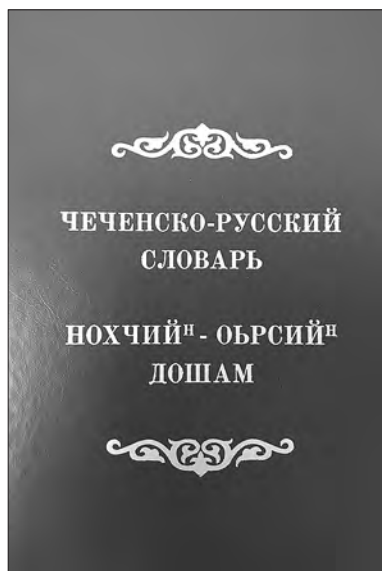
Спор спит, и выдохлась война,
И время двигаться не хочет,
И только лишь звезда стрекочет —
Зажата в кулаке она.

И разлила над головой
Багряный сок преображенья...
Но продолжается сражение,
И неизвестно, кто кого.

ВЫШЛА КНИГА

Чеченско-русский словарь. Составитель
доктор филологических наук, профессор
Зулай Хамидова, Москва, 2014.

Словарь, составленный известным языковедом доктором филологических наук, профессором З. Х. Хамидовой, содержит общепотребительную лексику чеченского языка. В словарь внесены изменения и дополнения в соответствии не только с современными орфографическими нормами, но и с новыми историческими реалиями. Отличительная черта книг, вышедших из-под пера доктора филологических наук, профессора З. Х. Хамидовой, — научная достоверность и точность лингвистической информации. Ее работам присущи ясность, стройность и систематизированность материала, филологическая обоснованность и выверенность.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ТИХИЕ ЗОРИ УНЕЖМЫ

Елена НАУМОВА

Конечно, мы не стремились добраться до 171-го разъезда и увидеть пожарный сарай да выстроенный в начале прошлого века пакгауз «из подогнанных валунов». Понимали, что и сам разъезд, и краткое описание его построек — результат творческого воображения автора любимой всеми повести «А зори здесь тихие». Но писатель-фронтовик Борис Васильев хорошо знал войну и, описывая вымышленные события, часто наполнял их реальными фактами, воспоминаниями об увиденном в перестрелках и на отдыхе между боями. Поэтому мы несколько не удивились, когда узнали, что в годы минувшей войны в оказавшемся в прифронтовой полосе поморском селе Унежме был создан пункт правительственной связи. Но только обслуживал его взвод не зенитно-пулеметного батальона, как в повести Васильева, а связи. И он целиком состоял из девушек-связисток.

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Поселок Малошуйка

Деревня Абрамовская

Вот мы и решили побывать в этом стоящем на берегу Белого моря селе, чтобы хоть отчасти приобщиться к обстановке талантливого произведения Бориса Васильева. Но оказалось, что добраться до Унежмы весьма непросто. Еще до того, как отправиться в путь, узнали, что в деревне никто не живет, что от нее осталось несколько полуразрушенных, заброшенных изб. Ближайшее обитаемое поселение расположено в нескольких десятках километров. Да и там не много людей осталось.

Путь в Унежму оказался долгим и непростым. Сначала добирались до крупной железнодорожной станции Малошуйка. Она расположена на

тянущейся вдоль морского побережья примерно четырехсоткилометровой магистрали, которая связывает Октябрьскую и Северную железные дороги. Построенная в 1941 году, она стала еще одной «дорогой жизни». В сентябре 1941 года финны перерезали Кировскую железную дорогу. Мурманская область с Северным флотом и Карельский фронт могли остаться без снабжения и, скорее всего, были бы захвачены врагами. Проходящая вдоль Белого моря среди непроходимых болот Сорокско-Обозерская линия стала настоящим спасением. По ней на фронт в Заполярье доставлялись боеприпасы, а в обратную сторону — поставки по ленд-лизу. Понятно, что к

Никольская церковь 1638 года

этой железнодорожной ветке вполне могли рваться немецкие парашютисты. Достаточно взглянуть на карту Октябрьской (тогдашней Кировской) железной дороги, чтобы убедиться, что описанный Васильевым 171-й разъезд мог находиться только на этом участке.

Ныне на станции Малошуйка останавливается всего один поезд дальнего следования: Вологда—Мурманск, да и то не каждый день. Но есть и пригородные «электрички», часто состоящие из одного-двух вагонов и грузовой платформы. На них из Малошуйки можно доехать до города Онеги. А вот автомобильных дорог до районного центра Малошуйки нет. В Интернете и сейчас можно встретить полное отчаяния восклицание предпринимателей: «Как доставить грузы в Малошуйку на автомобилях?» Никак — только на поезде. Мы спросили: «А если кто-то тяжело заболел, как же тогда?» «На Чмухе в Онегу возим», — прозвучало в ответ. Попробуй, догадайся, что речь идет о маневровом тепловозе ЧМЭЗ... Правда, зимой из Онеги прокладывают зимник, связывающий райцентр с Большой землей. И тогда все население поселка вздыхает с облегчением. Не радуются зимнику только горе-водители, поскольку одними из первых в город по зимнику приезжают сотрудники ГИБДД. Ведь в оставленной на весенне-осенний период без присмотра дорожных инспекторов Малошуйке резко возрастает число незарегистрированных автомобилей без номеров. А о нарушениях правил дорожного движения (в том числе о езде в нетрезвом виде) и говорить не приходится.

Не часто увидишь в Малошуйке и участкового милиционера, ведь проживает он в Онеге, до которой два часа езды на пригородном поезде. Но, что уди-

Сретенская церковь 1873 года

По пути в Унежму

вительно, правонарушений в Малошуйке, несмотря на отсутствие постоянного присутствия полиции, очень мало. Люди, как рассказали нам местные жители, более ответственно относятся к своему поведению. Те, кто не прочь устроить скандал или драку, понимают, что за свои грехи им придется отвечать перед всем миром — соседями по дому, по улице, которые в условиях Малошуйки, можно сказать, в известной мере заменяют органы правопорядка.

От станции Малошуйка мы отправились в село Абрамовское, расположенное примерно в пяти километрах. Здесь сохранился уникальный архитектурный деревянный ансамбль, состоящий из Никольской шатровой церкви 1638 года, срубленной в том же XVII столетии колокольне и ныне действующего Сретенского храма 1873 года. Обычно такие комплексы называют тройниками.

Когда мы шли в сторону Абрамовского по сельской дороге, нас то и дело обгоняли машины. И трудно было представить, что неделей ранее на этой же грунтовке застрелили медведицу, ставшую проявлять интерес к спешившим домой местным жителям, в особенности в вечернее время.

На русском Севере осталось совсем немного тройников, состоящих из летней, зимней церкви и колокольни. Их можно пересчитать по пальцам. Самый известный из них, вызывающий всеобщее восхищение, украшает остров Киж. Остальные менее знакомы любителям старины. Они расположены в основном в разбросанных вдоль побережья Белого моря селениях: Ненокса, Ворзогоры, Варзуга. Когда-то тройниками гордились в каждом крупном северном селе, но люди и время не уберегли их. Одни, забытые всеми, медленно разрушались, пока не исчезли. Другие гибли в одночасье из-за попавшей молнии либо разведенного поблизости костра. Только в последнее десятилетие полностью погибли тройники в Усть-Коже и Мудьюге. Совсем недавно лишился шатровой церкви и колокольни архитектурный комплекс в селе Лядины, расположенном совсем близко от Каргополя. Все, кто приезжал в северный город, непременно старались увидеть деревянное чудо в Лядинах.

Но вернемся в село Абрамовское, живописно разместившееся на берегу тихой и неширокой речки Малошуйки. Могли ли мы представить себе, как будем через несколько часов волноваться при виде этой реки?

В Абрамовском нас ждал Геннадий Анатольевич Иванов, с которым предстоял дальнейший путь до Унежмы. Первое, что нас удивило, это транспортное средство — превращенный в вездеход УАЗик с огромными, в человеческий рост колесами. «Машина надежная, — поспешил предупредить нас Геннадий, — не переворачивается и не тонет». Эти слова, как выяснилось, оказались далеко не лишними. Мы стартовали в 6 часов вечера, когда на Белом море начинался отлив. Сначала ехали через болото. Наш вездеход сравнительно легко преодолел, казалось, непроходимые топи, а затем и так называемый «зеленый берег» или «кечкара» — прибрежные вязкие луга, любимое место стоянок перелетных птиц, прежде всего гусей. Наконец, мы оказались на «куйвате» — песчаном морском дне, покрытом тонким слоем воды. Миновали каменную гряду, их здесь называют «лудами», — разбросанные по морскому дну валуны, затопляемые во время прилива. Двигались по этому на время раскрывшему свои тайны царству Нептуна примерно со скоростью 30 км/ч. Песок морского дна оказался прекрасным твердым покрытием. Но вскоре пришлось остановиться в ожидании окончательного обмеления во время отлива впадающей в море Кушереки. Прождали полчаса и вновь двинулись в путь. И сразу же воды хоть и обмелевшей реки почти полностью скрыли колеса. «Еще чуть-чуть, — заметил Геннадий, — и поплыли бы».

Миновав Кушереку, водитель, указывая в сторону видневшегося вдаль холмика сказал: «Сейчас держим курс в сторону Синей горы». При этих

Унежда

словах мы сразу же вспомнили упоминавшуюся в произведении Васильева Синюхину гряду, разделявшую Легонтово и Воль-озеро. Не правда ли, похожее название?

Затем увидели еще один мыс — Сосновый, где Геннадий устроил для себя летнюю дачу, заимку, на которой его, в силу труднодоступности, никто потревожить не может, разве все те же медведи. «Приезжаю сюда охотиться, рыбачить. Хожу за грибами и ягодами — черникой, брусникой, морошкой, которых здесь — неиссякаемые плантации». И вспомнились огромные пространства болота, покрытые цветущей морошкой. «А еще, — сказал Геннадий, — возле своей избушки я поставил крест в память о не вернувшихся с промысла поморах».

Но вот и Унежда, спрятавшаяся среди гранитных холмов, которые на севере называют вараками. Наш автомобиль вновь превратился в болотоход, минут за десять преодолевший топкий берег, разделявший деревню и море.

Увы, но мы сами убедились в том, что сегодня практически ничего не напоминает о былом благополучии Унежды. Когда-то через нее проходил Поморский почтовый тракт, а в самой деревне насчитывалось 80 дворов с пятьюстами жителями. Сегодня видны остатки лишь нескольких избушек, целиком сохранился только один дом, в котором до недавнего времени жила последняя обительница деревни О. Г. Куколева. С ее кончиной Унежда окончательно опустела. Но мы все же увидели людей. На завалинке возле бывшего дома Куколевой сидели трое мужчин, с любопытством смотревших на нас и большеколесный агрегат. Геннадий узнал их, поздоровался. Выяснилось, что нынешние обитатели Унежды во главе с егерем Николаем приехали сюда провести отпуск. Добирались по болотам на отдыхавшем возле избы вездеходе от расположенной в 30 км от железнодорожной станции того же названия — Унежда. Так что разные, но одинаково непроходимые дороги ведут в эту исчезающую поморскую деревню. Николай показал нам

Унежда

остатки избушки, на крыше которой когда-то установили башенку, служившую наблюдательным пунктом для девушек-связисток. Такая же башенка имелась и у развалившейся Никольской церкви, которая, судя по всему, скоро прекратит свое существование.

В десять вечера мы расстались с Унежмой. Спешили, поскольку приближалось время прилива. Только выехали из деревни, как начались неприятности. Спустило одно из колес. Правда, с помощью компрессора Геннадий быстро накачал его, но все равно через каждые 10 км приходилось останавливаться и подкачивать колесо, а заодно затыкать целлофаном образовавшиеся дырки. А время шло, и море неумолимо приближалось. Тихое, спокойное, действительно белого цвета, оно очень скоро могло причинить нам массу неприятностей, прижав к непроходимому даже для нашей машины берегу. К счастью, успев вовремя пересечь Кушереку, мы поняли, что море не догонит нас. Но впереди виднелось болото, а за ним несла свои воды та самая Малашуйка, которая в своем устье во время прилива превращалась в непреодолимую водную преграду. Но нам повезло. Мы успели оказаться на другом берегу, потому что прилив в районе устья Малашуйки начинался на час позднее, чем в Унежме.

Примерно в два часа ночи при свете так и не зашедшего солнца мы вновь оказались в Абрамовском, закончив наше незабываемое путешествие по морскому дну и застав тихую беломорскую вечернюю зарю.

История и современность

Анатолий ЗАЙЦЕВ ФОРТПОСТ РОССИИ НА ВОСТОКЕ

*Посольский
Спасо-Преображенский
монастырь на Байкале*

Анатолий Сафронович Зайцев — родился в 1939 г. в Борисове Минской обл. Окончил Институт восточных языков МГУ, аспирантуру Института востоковедения Академии наук и Курсы при Дипломатической академии МИД. Кандидат экономических наук. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Был послом СССР и РФ, возглавлял ряд департаментов МИД. Ведет инспекторскую работу в МИД. Помощник на общественных началах первого заместителя Председателя Комитета Госдумы ФС РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока, зам. Председателя Совета Ассоциации российских дипломатов. Отмечен государственными наградами. Автор книг и статей. Живет в Москве.

С Посольским Спасо-Преображенским монастырем (расположен на восточном берегу озера Байкал в с. Посольское Кабанского района Республики Бурятия), вплоть до конца XIX века служившим форпостом расширения пределов Российского государства и укрепления его политического влияния на Востоке, тесно связана история отечественной восточной дипломатии.

Как свидетельствуют архивные документы, в конце 1649 года из г. Тобольска согласно грамоте Посольского приказа было снаряжено и направлено к Цецен-хану — и его зятю Турукай-Табуну посольство под руководством царского посла Ерофея Заболоцкого¹.

Целью Посольской миссии было приведение к присяге на верность русскому царю Алексею Михайловичу монгольского хана в ответ на его просьбу «принять под свою высокую руку». Достигшее Забайкалья только к осени 1650 года, посольство 7 октября подверглось вероломному нападению со стороны наследников скоропостижно скончавшегося Цецен-хана, в результате которого посол Ерофей Заболоцкий, его сын Кирилл и шесть членов миссии были убиты.

Гибель русского посольства стала началом новой эпохи в истории Забайкалья уже как части Русского государства, активного освоения им обширных земель за Байкалом.

Трагическая гибель русского посольства на берегах Байкала подтолкнула Москву к направлению в Забайкалье казачьих отрядов Петра Бекетова, которыми был заложен

¹ Отписка тобольского воеводы В. Б. Шереметьева в Посольский приказ об отправке к монгольскому Цецен-хану Шолою боярского сына Е. Заболоцкого с грамотами и жалованьем. Июнь-август 1649 г. РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1648. № 2. Л. 180–186.

Монастырь. Вид с берега

ряд крупных городов Сибири, в том числе и будущие административные центры русского Забайкалья. По оценкам историков, если бы последовавшими за гибелью посольства энергичными действиями казачьих отрядов не были основаны новые остроги и не расставлены русские гарнизоны, не будь к тому времени на этих территориях хотя бы слабо развитой государственной инфраструктуры, спустя десяток лет сопротивляться маньчжурским завоевателям попросту было бы некому.

Вблизи места «вероломного убийства» царского посла Ерофея Заболоцкого и дружины в 1681 году прибывшими из Москвы членами Даурской духовной миссии — игуменом Феодосием, иеромонахом Макарием и Кяхтинским купцом Григорием Осколковым — был основан монастырь, получивший название Посольский¹.

История Спасо-Преображенского Посольского монастыря тесно связана с развитием дипломатических отношений России с Китаем и Монголией. Российские дипломатические миссии уделяли монастырю с некрополем погибших посла и членов Посольской миссии особое внимание: именно здесь принимали дипломатов других государств, его посещали первые российские послы, многие известные государственные и общественные деятели России на их пути из Прибайкалья в Забайкалье, далее в Монголию и Китай и об-

---

¹ Ансамбль Спасо-Преображенского монастыря, одного из ранних культовых христианских сооружений Забайкалья, состоит из двух зданий — Спасо-Преображенского собора и Никольской церкви, построенной позже собора (в 1706 г. енисейским купцом Веретковым вместо старой церкви сооружена двухэтажная каменная), — все другие сооружения и монастырское ограждение не сохранились. Особенностью ансамбля являются каменные рельефы на наружных стенах и другие элементы зданий, характерные для средневекового монументального зодчества. Интерьеры неоднократно перестраивались в связи с изменением назначения здания. (В 1960 г. здание Посольского монастыря передано по охранным договору детскому дому инвалидов.)

ратно. Еще в 1675 году место захоронения дипломатов посетил первый российский посол в Китае Николай Гаврилович Спафарий (Милеску). В 1687 году в монастыре находилась вторая Посольская миссия в Китае во главе с Федором Алексеевичем Головиным. Прибывавшие к нему китайские послы принимались в Посольской обители. В 1693 году в монастыре побывал направленный послом в Пекин составитель географической карты Сибири Избранд Эберхард Идес. Летописцами зафиксировано посещение монастыря посольствами Льва Васильевича Измайлова и Саввы Рагузинского.

Монастырь служил опорным пунктом русских академических экспедиций. История монастыря славится именами видных государственных деятелей России, немецких ученых на русской службе и декабристов: сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, академиков Д. Г. Мессершмидта, С. Г. Гмелина и П. С. Палласа, командора Витуса Беринга, семей Анненковых и Бестужевых.

19 апреля 2000 года Священный Синод Русской Православной Церкви, принимая во внимание историко-культурное значение монастыря, принял решение возродить Спасо-Преображенский Посольский мужской монастырь на Байкале.

В ходе археологических исследований, проведенных летом 2002 года, было определено (с третьей попытки) место захоронения убитого посла, расположение часовни, каменной ограды. Несмотря на то, что после гибели Посольской миссии прошло более трех с половиной веков, все гробы ока-

зались целыми. В одной могиле были похоронены отец и сын Заболоцкие. Хранившиеся в фондах исторического музея Бурятии чугунные доски с могил членов миссии, снятые при разрушении в 1930-х годах надмогильной часовни, были возвращены монастырю.

Возрождение Спасо-Преображенский Посольский монастыря, являющегося историко-культурным памятником федерального значения, единственной у нас в стране обители, заложенной в память о российских дипломатах, проходит при активном сотрудничестве с МИД РФ, его учебными заведениями и подведомственными организациями.

Проведению реставрационных и строительных

Мои́ла Заболоцких

У часовни и могил

работ на объектах Посольского монастыря способствовало учреждение в декабре 2002 года Благотворительного фонда «Возрождение Посольского Спасо-Преображенского монастыря на Байкале» и Попечительского совета фонда, в состав которого наряду с Правительством Республики Бурятия вошло Министерство иностранных дел Российской Федерации.

За прошедшее время на воссоздание и реконструкцию комплекса были выделены средства федерального и республиканского бюджета, благотворительного фонда, собственные средства монастыря, поддержку оказали местные производственные компании и организации. На средства благотворительного фонда были проведены реставрация главного собора, строительство монастырской стены, келейного корпуса, трапезной, дома настоятеля и другие работы. К 360-летию основания села Посольское и Спасо-Преображенского Посольского монастыря на месте убийства Посольской миссии была заново построена и освящена часовня.

С решением основных проектно-конструкторских и реставрационно-строительных работ, а также в связи с отъездом из России главного спонсора монастыря Попечительский совет прекратил свою деятельность. Вопрос о его воссоздании был вновь поднят в конце 2016 года. Предпринимаемые в последнее время практические шаги по воссозданию Попечительского совета во главе со статс-секретарем, заместителем министра иностранных дел Российской Федерации, свидетельствуют о бережном отношении к памяти трагически погибшего русского посольства, готовности развивать сложившиеся многолетние связи. Свою готовность войти в состав нового Совета

*После беседы с митрополитом Савватием
в его кабинете в епархии,
Улан-Удэ, 5 октября 2016 г.*

уже изъявил ряд известных бурятских и московских предпринимателей.

Ощутимую лепту в сохранение существующих традиций вносит Представительство МИД России в г. Улан-Удэ. У коллектива есть хороший обычай — в День дипломатического работника отдавать дань уважения памяти первых российских посланников в Забайкалье и возлагать цветы к их могилам. К мероприятию привлекаются студенты юридического факультета (будущие юристы-международники) Бурятского государственного университета, которые через непосредственное соприкосновение с историей приобретают столь необхо-

У макета ансамбля монастыря с и.о. настоятеля отцом Лукой

димые сегодня качества — патриотизм, осознание преемственности поколений, чувство долга и верности интересам Отечества.

Митрополит Улан-Удэнский и Бурятский Савватий в беседе с группой сотрудников МИД России 5 октября 2016 года в епархиальном управлении накануне посещения Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря поблагодарил за внимание МИД России к обители. Приветствовал ежегодные поездки в монастырь студенческих строительных отрядов МГИМО, отметив, что «для ребят очень большое значение имеет каждый приезд в Бурятию, так как они обретают не только опыт работы, но и духовно укрепляются».

У руководства монастыря и епархии есть далеко идущие планы — вернуть обители прежнее историческое и политическое значение, сделать его местом проведения международных дипломатических, политических и деловых встреч. Это привлечет большее количество паломников и туристов, послужит укреплению статуса Русской Православной Церкви в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сегодня трудами епархии и благотворителей Посольский монастырь находится на пути к возрождению. Возрождая наши храмы и восстанавливая историю, мы возрождаем человеческие души, а значит, и святость России.

Надпись на кованой калитке, ведущей к некрополю, красноречиво гласит: «*Да будет Вам по вере Вашей*».

* * *

В октябре минувшего года мне довелось побывать в с. Посольское и расположенном там Спасо-Преображенском мужском монастыре. Экскурсию по монастырю, сопровождавшуюся интересными рассказами об истории создания и современной жизни обители, провел и. о. наместника иеромонах Лука — священнослужитель из бурят. Беседы с отцом Лукой, митрополитом Улан-Удэнским и Бурятским Савватием на территории епархии перед поездкой в монастырь, с коллегами из Представительства МИД России в Улан-Удэ, ознакомление с материалами Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного архива древних актов легли в основу статьи.

Вышла КНИГА

ПОСОЛ ПИШЕТ СИМФОНИЮ...

Этим летом мемуарная литература по дипломатической тематике пополнилась новым произведением, вызвавшим оживленный интерес не только у специалистов-международников, дипломатических работников, но и интеллектуалов, казалось бы, далеких от политики. Речь идет о «Дипломатической симфонии», написанной Чрезвычайным и Полномочным Послом, доктором исторических наук, членом Союза писателей России Игорем Александровичем Мелиховым — известным отечественным дипломатом¹.

Книга эта — неординарная как по содержанию, так и по манере и форме подачи материала. Она охватывает значительный массив исторической, политологической и регионоведческой информации, касающейся политики нашей страны, в особенности деятельности ее дипломатической службы на Ближнем Востоке и африканском континенте на протяжении последнего полувека. Речь прежде всего идет о странах, где автору довелось работать, — Египте, Демократическом Йемене, Ливане, Сирии, государстве Катар, королевстве Саудовская Аравия, Федеративной Республике Нигерии. Причем в трех последних названных государствах И. А. Мелихов служил Чрезвычайным и Полномочным Послом, а посему знает всю подноготную ткань двусторонних отношений. Наряду с этим он занимал руководящие должности в Центральном аппарате МИД СССР/России, а последние годы работал заведующим кафедрой дипломатии, профессором МГИМО МИД России. Так что излагаемая им проблематика, вязь событий, внутренний нерв дипломати-

¹ Мелихов И. А. Дипломатическая симфония. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2017.

ческой деятельности доподлинно известны ему не из учебных пособий и разного рода измышлений околonaучных кругов и журналистских фантазий, а почерпнуты из личной дипломатической практики, многие страницы которой впервые предаются огласке.

Вообще, эксклюзивность — характерная особенность «Дипломатической симфонии». И. А. Мелихов приоткрывает завесу над характером складывавшихся двусторонних отношений с упомянутой группой государств, обозначает происходившие в них процессы, указывает на пагубный характер перестроечного и особенно ельцинского периодов, взламывавших сложившиеся традиционные дружественные связи с народами Ближнего Востока. Автор подробно излагает о своих действиях в качестве и. о. временного поверенного в Сирии в период ГКЧП, реакции на это событие сирийской стороны.

Значительная часть воспоминаний посвящена работе в Саудовской Аравии. Воспроизводится картина значительных усилий, предпринятых им во второй половине 90-х годов, чтобы не допустить признания Эр-Риядом Ичкерии, что могло бы спровоцировать вал признаний этого квазигосударственного образования со стороны мусульманских стран, и вместо Чеченской Республики в составе Российской Федерации мы бы имели сейчас на своих южных границах независимую Ичкеррию.

Любопытны соображения И. А. Мелихова по ваххабитской проблематике. При этом он ссылается не только на свой научный анализ, который излагал и ранее, но и на беседы с саудовским руководством, из чего следует, что ваххабизм, на который ориентируются исламские ригористы и разного рода террористическая мразь, отнюдь не является для значительной части правящего дома Аль Саудов национальной идеологией, а историческим движением, выполнившим свою миссию в саудовском королевстве. Это, конечно, не означает, что саудовские исламские экстремисты отказываются от экспорта ваххабитских постулатов, особенно в неблагополучные страны, для распространения своего влияния.

Очевидная новизна содержится в главе «Нигерийская экспрессия», в которой автор, ссылаясь на архивные материалы, являющиеся по сути запи-

МЕЛИХОВ Игорь Александрович — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, почетный работник МИД России, доктор исторических наук, член Союза писателей России, член Совета Ассоциации российских дипломатов.

Работал в посольствах СССР в Демократическом Йемене, Ливане, Египте, советником-посланником в Сирии, Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Государстве Катар, Королевстве Саудовская Аравия, Федеративной Республике Нигерия, являлся наблюдателем Российской Федерации при Экономической организации сотрудничества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Представлял Россию на заседаниях многосторонних групп в рамках ближневосточного мирного процесса, участвовал в межмидовских политических консультациях с иностранными государствами. Занимал руководящие должности в центральном аппарате МИД России, в частности, заместителя начальника Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки, заместителя директора Историко-документального департамента. В 2007–2014 годах — заведующий кафедрой дипломатии, профессор МГИМО МИД России.

Имеет более 150 печ. л. научных публикаций по проблемам Ближнего Востока, международных отношений и истории дипломатии, в том числе: монографии «Монархии Персидского залива: этап модернизации», «Личность в дипломатии. На исторических параллелях», учебное пособие «Фактор личности в дипломатической практике», а также «Ливан: пора суровых испытаний», «Оман между прошлым и настоящим», справочник «Народная Демократическая Республика Йемен».

сями его бесед в качестве посла с руководством Нигерии, подробно излагает усилия посольства по освобождению российских моряков, замешанных в контрабанде нефти, за что им грозила при худшем раскладе смертная казнь. Характерно, что в российской прессе того периода давалась искаженная информация, замалчивавшая усилия посольства и государственных структур по освобождению моряков.

В книге впервые раскрывается и неоценимый вклад посольства в освобождение группы заложников из числа специалистов компании «Русал», захваченных с целью выкупа, которого так и не получили нигерийские бандиты. Убедительно показан алгоритм действий посла в этой нештатной ситуации.

И. А. Мелихов делится воспоминаниями о партийных и государственных деятелях советского периода, которым довелось переводить или наблюдать их на межправительственных переговорах и в беседах с руководителями арабских стран. С большой теплотой он пишет о своих старших коллегах — ближневосточниках, с которыми довелось работать.

Оригинальность «Дипломатической симфонии» наглядно просматривается в придании новаторской формы этому мемуарному произведению. Во всех главах, которые автор называет частями, как это делается в музыкальной симфонии, упоминаются симфонические произведения, которые, по его мнению, созвучны характеру работы, выполнявшейся им на том или ином служебном участке.

Заинтересованная публика, несомненно, получит удовольствие от чтения этих мемуаров.

Андрей Ребров

ПРОЗА

Сергей КОТЬКАЛО

МАННА НЕБЕСНАЯ

Этюд

Сергей Иванович Котыкало — секретарь Правления Союза писателей России, автор многочисленных рассказов, опубликованных в журналах «Молодая гвардия», «Россияне», «Роман-журнал. XXI век», книг «Лепет обманутого восторга», «Дурман», «Монастыри России», «Крик журавля», главный редактор журнала «Новая книга России». **Живет в Москве.**

Машина привезла их в обитель святой великомученицы Екатерины поздней ночью. Юный монастырский послушник развел гостей по келиям для отдыха. Зной, который паломники проехали от пристани меж красных скалистых гор, мгновенно сменился черною прохладою. Крупные, с яблоко, червлёные зори частили, дымились над крышею го-стиного двора. И было тихо, совсем тихо.

Илюшу уложили в мягкую, на удивление для столь строгой уставом обители, пушистую постель. Он, едва коснулся подушки, сразу уснул крепким сном. Но скоро его подняли, запихнули в теплую шерстяную куртку и потащили за верблюдом по камням на гору.

Понятно, встать-то он встал, однако проснулся только к середине подъема и немало подивился многолюдью тянувшейся снизу вверх вереницы, пересыпанной верблюжатами и верблюдами, навьюченными всадниками старыми и малыми. И это было мальчишке любо.

Впрочем, Илюша также был люб сподвижникам. То связано не с его прямо-таки ангельскою красотою: льняные, длинные кудри, рассыпанные по спине, кругленькое белое личико, синие-синие, как днепровские сливы, очи..., — а врожденною кротостию, с какою он поднимался в гору, ни разу не молвив ни слова и ни разу не аукнув на чей-то голос. Постоянная ровность и целеустремленность этого природного чуда по-нуждала даже взрослых, выдавших виды, знавших не одну вершину мира, собраться и вести себя достойно детскому смирению.

Только один старый геолог, будучи человеком недюжинного телосложения, вдруг, после какой-то весьма неуклюжей фразы на счет верблюжьей породы, распластал-

ся всею массою, этакая гора-человек на гладкой гранитной площадке. Но Илюша и тогда не шевельнулся никак, шаг за шагом возносясь над куполом собора монастыря.

В нужный час поводирь, подросток-бедуин, весело и игриво вывел партию паломников на вершину горы, на то самое место, где великому пророку Моисею Господь сообщил тайну спасения. Илюша подошел к краю отвесной скалы, вскинул широко растопыренные, будто крылья, руки горе и как бы телом потянулся за ними. Многие соглядатаи вскрикнули от страха. Мальчик даже ухом не повел, потому как на него и на всех стало наплывать единственное в таком виде солнце, достигаемое и осязаемое, что ни пером описать, ни в сказке сказать. Народ плакал, пел псалмы на разных языках, китайцы долбили головами камни, арабы били в бубны... — радости, казалось, несть конца.

Так вот, и тогда Илюша восторгался ровно и тихо. Лишь глазенки его часто мигали и сияли в ответ ширине солнца, что вырастала до размера вселенной.

Рассвет на Синае длился не долго. В течение часа природу сменило одинаковое утро, и паломники пошли долу, оставив позади на вершине горы Хорив крохотную церквушку. Илюша бессознательно плелся за поводирем. Конечно, мальчику, верно, было жаль так быстро расстаться с тем, к чему многие люди за всю жизнь не доходят, чтобы, хоть краем души, дотронуться святых стоп пророка Моисея. И все же он шел, повторяя и ровное дыхание, и молчание, и радость. Он спускался по старой дороге, которую вымостили собственноручно монахи древних времен. Ступени для него частенько превышали возможность шага, и тогда мальчик сползал по ним, нередко ударяя или царапая ноги и руки. Меж тем усложненность спуска, масштабность валунов нисколько не уменьшили кротости и смирения в выражении лица и глаз Илюши. В них читалась напряженная затаенность ожидания некоего чуда. Вот-вот, казалось, и с ним произойдет большее, чем весь Синай.

Так длилось от ворот до ворот, — их по спуску достаточно, — пока не достиг мальчик середины пути. Юноша-бедуин положил на стоянке, вблизи каливы святого пророка Илии, перед пещерою пророка Елисея рябого верблюда, тыча оливковым хлыстом вниз, к Поклонному Кресту, где должен соединиться с паломниками Илюша, как на них, по какому-то странному обстоятельству отставшим от группы, просыпала белая меленькая крупа, прямо-таки роса, и возглас:

— Здравствуй, Илюша.

— Здравствуй, Илья, — вскрикнул мальчик, — испугался, — рухнул лицом на камень и зарыдал, повторяя: «здравствуй, Илья..., здравствуй...», — а после и вовсе запел: «Хвалите Господа с небес...» — и уже, когда мальчика несли попутчики на руках вниз, в среде их кто-то вспомнил, что до сего часа от рождения он не молвил ни звука, и далее, до самой Неопалимой Купины они хором воспевали за арфой Давида Господу Алилую.

*Святой Андрей Боголюбский своей
кровью осыятил единоподержавие Руси...*

Святитель Иоанн Шанхайский
и Сан-Францисский

Лариса КУДРЯШОВА

«ГОЛГОФЫ РУССКОЙ ТАИНСТВО И ТАЙНА...»

*К 100-летию начала
гонений на Русскую
Православную Церковь*

Лариса Пахомьевна Кудряшова — русский поэт и литератор. Автор поэтических книг, многочисленных публикаций в православной периодике и известных песен. В своих книгах «Свет Святого Валаама», «Предстою пред Господом», «Между ранним и поздним дождем», «Время исповедания», «От Рождества до Воскресения», «Навстречу Пасхе» она исповедует вечные ценности Святого Православия. Лауреат Всероссийской литературной премии имени святого благоверного Великого князя Александра Невского. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Красная рябина
Зреет у окна...
Стража перебита,
Ночь темным-темна.

Где-то вскрикнет птица,
Где-то скрипнет ось,
Яркой багрянницей
Небо занялось.

Замершие дали,
Звезды в высоте.
Русский князь-страдалец
Страждет на Кресте.

Не на поле брани —
В мирный час и год
За Христа и братий
Положив живот.

За Святую веру,
За Благоую Весть —
Заговор неверных,
Сил безсильных месть.

Ночь пройдет, растает,
Разгласив беду.
Жертвенность святая —
Вечно на роду.

Вырос на любви
Избранный народ.
Сколько русской крови
Враг еще прольет?

Русские глубины
Не достать до дна.
Красная рябина
Словно Купина.

*Судьба Царя — судьба России...
Заплачет Царь — заплачет Россия.
Не будет Царя — не будет и России.*

Преподобный Анатолий Оптинский младший

Густой июльский утренний туман,
И черни злость, и слепость «белой кости».
«Кругом измена, трусость и обман» —
Нежданные, негаданные гости.

Священство, офицеры и народ,
Забыв о клятве, верности, присяге,
Крушат Самодержавия оплот,
И скорбно никнут боевые стяги.

Низвергнуты и вера, и любовь,
Что в русском духе были от начала,
И пролилась Помазанника кровь,
И тьма на Русь смертельная упала.

Как кроткий агнец, веруя, любя,
За вверенную Господом Державу
Царь отдал на заклание себя,
На Вечность поменяв земную славу.

Осиротела Русская земля
И залилась слезами, кровью, болью,
И не родили урожай поля,
И впал народ в бессмысленную бойню...

Какой нам срок для осмысленья дан?
Тьма держит мир своей когтистой дланью.
Кругом — измена, трусость и обман,
Придем ли мы к спасенью — к покаянью?

«ЯКО ЗВЕЗДЫ ПРЕСВЕТЛЫ...»

Новомученикам и исповедникам Церкви Русской

*...Образ бо есте нам, лобызающим подвиг ваш, яко ни скорбь, ни
теснота, ни смерть от любви Божия разлучити вас не возмогоша.*

(Кондак, глас 2)

1

Эпоха кипела, эпоха пылала,
Тяжелою поступью шла.
Эпоха карала, казнила. Сжигала
И души, и судьбы дотла.

И веяло скорбью, и веяло грустью,
И болью разлук и потерь.

И то, что звалось так торжественно Русью,
Не вымолвить было теперь.

Звучала мелодий иных партитура,
И, время сжимая в горсти,
Железною поступью шла диктатура,
Былое сметая с пути.

Над Бутово с плачем кровавые зори
Вставали, сурово-горьки,
И ширилось, множилось русское горе —
Сиблаг, Озерлаг, Соловки.

Шаг влево — и сгинешь без звука и стога,
Шаг вправо — и кровь на снегу...
Густой вереницею шли эшелоны
В Дальстрой, Беломор и тайгу.

В сырой глухомани прокладывать рельсы,
Дробить средь снегов мерзлоту,
В смертельной сумятице бед и репрессий
Хранить сопричастность Христу.

Шагнуть в темноту и пропасть без ответа
В застенках, лагпунктах, лесах,
Живою частицей Фаворского света
Навеки застыв в Небесах.

2

Ночь. Рождество. Вертепом стал барак,
И лес седой — в тугих тисках конвоя —
Свершает Службу кроткий Божий раб
Под ангельское пение живое.

В глухой таежной жуткой стороне,
Где день, как год, где воплощенье ада —
В своей сердечной строгой глубине
Алтарь воздвигнув, засветив лампаду.

С таинственно раскрывшихся Небес
Струится свет на лес ночной и поле —
Христос родился! Умер и — воскрес!
На все, на все Его святая воля.

Становится спокойней и светлей,
И белой ризой снег покрыл поляны,
Молитва, как живительный елей,
Питает душу и врачует раны.

Хвалу Творцу возносит Божий раб,
В иссохшей плоти дух поет и дышит.

Ночь. Рождество. Вертепом стал барак,
И все горит звезда над мерзлой крышей.

3

Перемелет ли молох Гулага
Иль вернешься к родимым местам,
Но про эти леса, этот лагерь
И не вымолвить будет устам.

По этапу. За верстами версты.
Время бед. Сколько зим, сколько лет —
Холод, боль и полярные звезды,
И колючий, промозглый рассвет.

Черствый хлеб. И работа, работа.
А в тифозном горячем бреду:
Храм родной и икон позолота,
Цвет вишневый в весеннем саду.

Улететь бы туда! Не по силам...
Вьюгой бешеной мечется зло.
Сколько их по неизвестным могилам
В те года на Руси poleglo.

Лишь терпенья просили у Бога
Средь лишений, судилищ, оков...
Узкой лентой уходит дорога
В Небеса — высоко-высоко.

4

Горя пред Богом, будто бы свеча,
И отодвинув времена и сроки,
Они глядят так кротко. И молчат.
Но громко говорят архивов строки.

Какие лица смотрят со страниц! —
Сквозь боль и скорбь глядят святые лики,
Таких сегодня не увидишь лиц —
Небесной славы огненные блики.

Сияет свет и отблеск торжества
Сквозь зла нерасторжимую поруку,
Сквозь тюрем мрак, мученье естества,
Сквозь холод, боль и карцерную муку.

Ни тени страха. Тихая печаль
О Родине в годину испытанья,
И жертвенности строгая печать —
Голгофы Русской таинство и тайна.

Не помня о кровавых палачах,
Что правили жестокой круговертью,
Россию держат на своих плечах
Своею жизнью и своею смертью.

* * *

Преподобномученице Марии Гатчинской

Взор чистый. Строгие одежды,
Недугом скованная плоть.
На грани боли и надежды
Вершит спасение Господь.

В душе — всего одна забота,
Крепка, божественно чиста —
Ни на мгновенье, ни на йоту
Не отступиться от Христа.

Плоть немощна, дух полон силы —
Из Гатчины и издали
Те, кто устал и обезсилел,
К ней за утешением шли.

Откуда столько сил, терпенья? —
Тиха, спокойна и светла,

В годину лютого гоненья
Она свой тяжкий Крест несла.

Насквозь измученная болью —
Казалось, лишь душа жила,
Мучения от богоборцев
Страдалица перенесла.

Господь, сменив на радость горе,
Забрал избранницу Свою,
А ныне в Павловском Соборе
Святые мощи почивют.

Светло в Соборе. Литургия.
Как будто бы отверзлась высь.
И просим: «Матушка Мария,
О нас, убогих, помолись!»

* * *

*Исповеднику протоиерею Алексею Кибардину,
настоятелю Феодоровского Государева собора*

Снова лагерь, снова лагерь.
Боже правый, дай же сил!
Попустил Господь ГУЛАГи
За безверье на Руси.

Холод, боль, решетки, стражи —
Тяжко стало на Руси.
За Христа во узах страждет
Пастырь добрый Алексий.

А на сердце, словно пластырь —
Царь, Царица и Собор.
Поднимает добрый пастырь
К небу северному взор.

Шлет родным благословенье,
Утешенье шлет туда,
Где, представьте на мгновенье,
Есть свобода, хлеб, вода.

«Дети, я молюсь и верю, —
По щеке ползет слеза, —
Вы войдете тою Дверью,
Что Господь нам показал».

И на воле тоже битвы,
Свой Таймыр и свой Тайшет.
От дедулиной молитвы
Близким легче на душе.

А сегодня — возрождение —
Путь открыт к вратам Отца,
Но какое охлаждение
В человеческих сердцах!

Под угрозой все святыни,
Что остались на Руси.
Помолись о нас и ныне,
Пастырь добрый Алексий.

* * *

Таинники Божественного света
С Крестом в благословляющей руке,
Не вами ли с любовью воспето
Пустынничество от мира вдалеке!

Вы — рыбарей Божественных уловы,
Крин сельный христианской стороны,
Земные ангелы и дети Бога Слова,
Любители блаженной тишины.

Хранители преданий и канонов,
Вы Богом в теле взяты от земли,
Но если ересь раздавалась с тронов,
Вы громогласно Истину рекли.

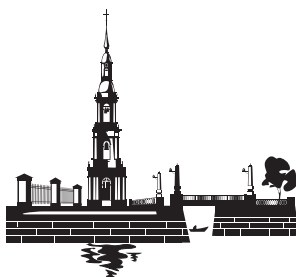
И если тучи над страной родимой,
И если звал сынов Господь на Крест,
Вы, тишину оставив, выходили,
В мир шумный из своих пустынных мест.

И если зло, трубя, грозило жалом,
Стремясь изгладить Божии слова,
Стояли вы, к себе утратив жалость,
Стояли насмерть — против большинства.

И падал мрак, нечестием водимый,
Пред Божиим Светом, силою Креста,
Когда на брань святые выходили,
Чтоб исповедать Господа Христа.

А если скажут: времена другие,
И подвиг смысла прежнего лишен,
Ты погляди на лики дорогие —
Сонм преподобных, праведников сонм!

И мучеников образ незабвенный,
И Государь с властительным жезлом...
Беги, душе, к стране благословенной
И не смирайся пред вселенским злом!

Ирэна СЕРГЕЕВА
«ПУСТЬ ОНИ
ПОСЛУЖАТ
ТВОЕЙ ЖИЗНИ...»

Рассказы

Ирэна Андреевна Сергеева — известная петербургская поэтесса, критик, литературовед, прозаик. Родилась в Ленинграде в 1936 г. В СП России — с 1976 г. Лауреат литературных премий «Традиция», премии им. Н. Заболоцкого, Святого благоверного князя Александра Невского, «Ладога», им. А. Прокофьева и др., действительный член Международной славянской Петровской академии. Автор более двадцати книг стихов, романа и книг рассказов. Переводила с болгарского, украинского, чешского, а также с грузинского языков. Редактор-составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы», антологий, тематических сборников. В настоящее время член Правления СПб отделения СП России, председатель секции поэзии. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Еще, казалось бы, недавно, на новый девятьсот семнадцатый год дети желали отцу здоровья, надеялись, что он поправится. Сердце его давно болело, особенно в последние годы. Все труднее давалась служба начальнику станции Ржев Николаеву. Нескончаемые воинские эшелоны, перебои с топливом. В феврале перестал поступать уголь из Польши. Многие паровозы встали. И составы с мукой застряли на пути в Петроград и в Москву. Николая Федотовича засыпали телеграммами, и он ежечасно телефонировал на соседние станции, недосыпал и целыми днями не бывал дома. Но мог ли он исправить положение на железной дороге в целом? Или положение в стране?

Когда из Петрограда пришли вести, что Государь Император отрекся от престола, сердечный приступ свалил пятидесятипятiletнего отца семейства. Николай Федотович скончался в окружении детей — четырех дочерей и младшего сына. На похоронах из трех старших сыновей сумел присутствовать только Николай, прапорщик, Георгиевский кавалер, прибыв из Москвы, где был в госпитале на излечении. Приехал и брат покойного, Александр Федотович, начальник станции Клин.

— Дорогие крестницы, — обратился дядя к сиротам, — у меня дом не станционный, как ваш, а собственный. Места хватит всем четверем, в мезонине две комнаты.

— А как же я? — спросил младший, Володя.

— Тебе год еще в реальном учиться. Поживешь здесь, у моего знакомого путейца на пансионе. Потом пристрою весовщиком к себе на станцию.

Тяжело было Клаве и Кате покидать Ржев, расставаться с гимна-

зией, с подругами. Старшая сестра Леля поступила в консерваторию в Москве, в класс вокала, она уже мыслями была там. Маня, со своими слабыми нервами, прошедшая только два приготовительных класса, могла рассчитывать разве что на место ученицы в швейной мастерской...

Спустя полгода сестры все еще носили траур, но как-то попривыкли к своему сиротству, новому месту и распорядку. Домашнее хозяйство у тети Марфы, жены дяди Александра, было поставлено удивительно толково. Правда, ни кухарки, ни горничной не держали, но чистота была идеальная. Тетя сама, ежедневно просыпаясь раньше всех, убирала и готовила. К праздникам для генеральной уборки нанимали Дуню, жительницу села Ямуга, что в семи верстах от города. Сестры во всем помогали тете. А она удивляла их, ее не видели неприбранной: всегда в идеально белой блузе, шуршащей юбке, с прической — волосок к волоску. Происходила она из семьи купеческой, но строгостью к себе напоминала их покойную маму.

«От сна востав, полунощную песнь приношу Ти, Спасе, и припадая вопию Ти: не даждь ми уснути во греховней смерти, но ущедри мя...» Каждое утро слышала Катюша эту молитву мамы, и всегда при словах «во греховней смерти» ей становилось страшно, она знала, что мама очень больна. Мамино бледное, красивое лицо помнилось младшей дочке ясно, хотя ее не стало, когда Катюше сравнялось пять. Вера Васильевна Ростовцева родилась в Москве в семье полковника медицинской службы. Воспитание она получила в благородном пансионе. Хорошо пела, играла на фортепиано, знала много стихов. Леле и Клаве она помогала с французским. Катюше дала первые уроки вышивания. Катюша потом обшивала всех своих кукол и даже, когда ей шел уже четырнадцатый год, все еще возилась с куклами.

Сразу после смены власти в стране жизнь изменилась. Если бы не переворот, Катюша еще два года бы училась в гимназии, а в новой школе она осенью сразу поступила в последний класс вместе с Клавой. Странно было видеть рядом, за соседней партой, мальчиков. Все ученики не носили форму, они одеты были не по росту — в костюмы старших братьев или свои, из которых выросли.

С продовольствием, как писали газеты, во всей стране было плохо. В доме дяди еще оставался запас продуктов — и в кладовой, и в погребе. Только надо было следить, чтобы воры не взломали погреб во дворе, он виден был из окна. Двое супругов могли бы пропитаться тем, что было у них. Но все быстро иссякло: ведь теперь от дядюшки зависели пять человек.

— Лелечка, мне так жаль крестного, — сказала Клава сестре однажды вечером, когда они пили чай. — Ведь его чахотка очень далеко зашла. — Она посмотрела на часы. — Вот он по целым дням на станции, и питание плохое, а ему нужно усиленное.

— А что я могу сделать, Клавочка? Я и в консерватории, и в педагогическом институте, времени совсем нет. Да и кем я сейчас могу работать? — Леля казалась растерянной.

— Помнишь, как нас мамочка вышиванию учила? Тебе как старшей она более тонкие вещи доверяла. Здесь у тети Марфы в запасе есть материал — рулон батиста, а у нас нитки цветные. Ведь вышитые изделия можно продать или выменять на продукты, если это будут кофточки, косынки... Ты только руководи нами...

— Правильно! Господь тебя вразумил, Клавочка! У Катеньки тоже ручки искусные. И Манюра поможет. Вместе справитесь, а я... — Елена вдруг загнулась. — А я замуж выхожу...

— Обманщица! — вспыхнула Клавдия. — Нам ничего не сказала. А папа-крестный что?

— «Елена, не выходи за Ивана, ты будешь с ним несчастна!» — сказал. А на другой день звонил во Ржев, а потом говорит мне: «Я узнал, что жених-то твой, оказывается, командир продотряда!». Но я не верю. Кто-то оболгал Ваню, не станет он. Они же бьют и даже убивают. А потом наш разговор прервался, крестного вызвали встречать военный поезд.

Клавдия закручивала концы своих длинных каштановых кос:

— Ну, ты-то голодать не будешь, понятно. Но скажи, у тебя сохранилось что-то из мамочкиного рукоделия? Нам бы как образец.

— Платье Катюшино детское вязаное, гипюровое, салфетки с монограммами и кукла, только у нее один башмачок потерял.

С того дня сестры, исключая Елену, все свободное от занятий и домашней работы время проводили за рукоделием.

— Как же вы красиво гладыю вышиваете, барышни! — залюбовалась пришедшая убирать дом Дуня. — За одну такую косынку наши бабы дадут полпуда картошки, а за кофту — крынку меда.

— Мед нам очень-очень нужен, крестному для здоровья. Спасибо, Дуняша, а то здесь, в городе, не достать, — обрадовалась Катюша.

В следующий раз Дуня принесла те продукты, что назвала, взяла все, что нарукодельничали сестры, и прибавила:

— А вот чего теперь никак не найдешь ни в городе, ни в деревне, так это игрушек для ребят — мишек, кукол... У нас на масленицу ожидается праздничная торговля, там, где раньше бывала ярмарка. До масленицы я к вам не приеду. Вы сами собирайтесь к нам и кукол берите не одну, и торбы повместительней — для продуктов.

Базар кипел. Народу было немало. Но это было не так, как в «царское время». Где возы, груженные мешками с мукой, головами сахара, тушами телят и свиней? Где те дородные купцы, справные крестьяне, девицы-красавицы?.. Где балаганы, яркие наряды, платки, пряники? Нищая послереволюционная Россия предстала перед сестрами во всем своем неприглядном виде. Все серо-бурое, рваное, обтрепанное, изможденное, голодное, во множестве инвалидное, безное или безрукое, вдовое, сиротское...

Возле одной большой избы, где у ворот стояла длинная лавка, расположились с товаром бабы. Одна кофта пошла за фунт гороха и бутылочку льняного масла, другая — за крынку меда. Косынки расхватили молодые. Дали — брусок топленого масла, мешочек муки. Катя несмело вытащила куклу в кокошнике и сарафане.

— Беру, беру! — крикнула рябая молодуха в тулупчике и протянула кульки с крахмалом, клюквой и пучок зверобоя.

Сестры не торговались, они просто еще не умели это делать. Рассовав продукты по торбам и перекинув их через плечо, Маня с Клавой дали Кате торбочку полегче. Вдруг среди стоящих и бродящих людей раздался крик: «Берегись!» В конце улицы показались двое конных с ружьями через плечо, один в буденовке, другой в папахе. Народ побежал кто куда. Клава схватила Катю за рукав жакета и потащила за собой в проулок, Маня уже

была там. Пробежав четверть версты и снова свернув, они отдышались. Нашли лавку у забора, сели перекусить взятым с собой хлебом. Перекладывая кульки, Катя вынула куклу, которую не успели поменять, а она и рада была, она гордилась своей работой. Столько стараний вложено! Тут скрипнула калитка, из нее показался седой старичок с палочкой в драном тулупчике и треухе. Катя сидела с краю. Старичок сразу увидел куклу, наклонился, хотел взять, но Катя отвела свою руку с куклой, посмотрела на него строго... А он все рассматривал куклу.

— Ах, красота какая! Мне бы такую! — воскликнул старик. — Я бы купил... Не знаю... Денег у меня нет... Ничего у меня нет... Но мог бы луку дать, чесноку, грибов белых сухих... Не знаю, что бы еще...

Вспомнив слова Дуни про игрушки, Катя пожалела этого нищего деда. Пожалуй, надо уступить его просьбе, тем более что предлагаемых им лука, чесноку у них не было, а именно это для лечения крестного от чахотки помогает... И Катя спросила:

— Вы для внучки хотите, дедушка?

— Нет, милая. Нет у меня внуков. Старуха померла. Сын на австрийском фронте погиб. Один я. Совсем один. А выставлю я вашу куколку в окошке — люди посмотрят, остановятся... Глядишь — и зайдут, поговорят...

«ГРОБОВЫЕ»

К старости Елена Адриановна денег накопила немного. Овдовев в шестьдесят, вскоре после юбилея она решила кое-что откладывать. Не «на черный день», как говорили прежде, а «на похороны». И завела себе сберкнижку. Выросшая в военные годы, она вообще-то была противницей накоплений, помня о займах, облигациях, девальвациях, денежных реформах. У ее родителей в свое время все пропало.

Жила Елена Адриановна одна. Первенца своего ей не удалось доносить, а больше никого Бог не дал. Племянницы, дочери покойного брата, не были близки ей, совсем не в ее родню выросли девицы, воспитанные невесткой. Слава Богу, они не баловали ее вниманием. Привыкнув надеяться только на себя, любые услуги Елена Адриановна оплачивала или каким-то образом отдаривала.

Когда-то Елена Павловская слыла единственным в городе знатоком древнегерманского языка. Теперь мало кому требовались ее знания: наука стала чахнуть. Но если изредка кто-то и обращался к ней, то все же старался немного отблагодарить за консультации. В первое время она отказывалась от денег. Но жизнь изменилась. И постепенно набралась на сберкнижке сумма, которой, как она думала вначале, должно хватить на приличные похороны. А жизнь не останавливалась, становясь все труднее. Болезни грызли тело. Лекарства дорожали. Прежде неунывающая женщина все чаще оглашала свое жилище оханьем и стоном.

Радость приносили письма от ее первой любви. Любовь сложилась в студенчестве. Это была любовь-мечта, романтическая. Муж с первого дня брака знал про эту любовь и почти не ревновал. Ведь плотских отношений там не получилось, потому, наверное, роман этот длился всю жизнь. Но предмет любви жил далеко, в другом государстве.

Именно любовь была главным в жизни для Елены Адриановны. Ей важно было подарить другим то, что есть в душе. Да, детей у нее не было, но она нашла замену. Крестила двоих — девочку и мальчика, правда не в их младенчестве, а в отрочестве. Не просто было внушить им православные правила жизни. Теперь-то это были вполне взрослые люди: молодая, побывавшая замужем, бездетная женщина и холостой мужчина — Нина и Николай.

Большой радостью среди страданий бывали для Елены Адриановны посещения храма и приходы крестников.

Целых четыре года не навещала крестную Нина и не звонила. И вот пришла на Прощеное воскресенье...

— Простите меня, крестная! Да, не приходила я. Но всегда молюсь за вас и записки подаю в храме.

— Бог простит, Ниночка! И ты меня!

— Да вас-то за что? Вы мне так помогали всегда...

— Осуждала тебя в душе, пока тебя не было. А как твои дела сейчас?

— Папа в этом году тяжело заболел, прооперировали, ухаживаю за ним. Кстати, не надо ли вам в магазин или в аптеку? Схожу.

— Спасибо, нет. А что с твоей работой по истории Западной Европы? Источников хватает? Перевод нужен?

— Очень, очень нужен... Но я не потому пришла. Не подумайте...

— Я не думаю. Принеси текст. К какому тебе числу?

В этот момент раздался звонок в квартиру. Нина пошла открыть дверь, а сама ушла. А пришел крестник. Он тоже попросил прощения. В семнадцать лет пережив развод родителей, Николай никак не мог теперь устроить свою жизнь. На мать подействовал уход мужа, она заболела и умерла, завещав сыну свою половину квартиры. А отец ничего не дал сыну, переписал долю на брата. И жил Николай — и хозяин, и нет в своем доме, не решаясь привести сюда жену. С годами совсем оставил эту мысль.

— Ну, давай чай пить, — услышав щелчок чайника, сказала Елена Адриановна. Ей как раз сегодня принесли столичный кекс. Чайник-то она давно включила. — Коля, достань из буфета свой стакан с подстаканником, вот заварка. Ну, что у тебя нового?

— Кекс такой свежий, Елена Адриановна! Где вы купили?

— Я купила? — удивилась крестная. — Ты же знаешь, мне все, что закажу, Света приносит из универсама. Так что у тебя нового?

— Да вот, пришло письмо от моего дяди. Официальное. Предлагает, чтобы я выкупил его часть квартиры. Недорого. Но не представляю, как...

Елена Адриановна смотрела на этого великовозрастного мальчишку и понимала, что если она сейчас определенным образом не поступит, крестник не получит перспектив в жизни, судьба его будет печальна.

— Так. Колечка, есть у меня на книжке «гробовые» деньги. Они составят десятую часть нужной дяде Юре суммы. Я их тебе дам. На полгода, — она вздохнула. — Проценты при этом...

— Вы что хотите? Чтобы я проценты заплатил?.. — прервал крестник. В его голосе что-то закипало. Это было в его духе.

— Проценты при этом могли бы быть такие, — повторила Елена Адриановна и назвала сумму.

— Да это мелочь! — воскликнул Николай.

— Мелочь для тебя, при том, что ты живешь случайными заработками?.. Для меня — нет. Но о процентах речи нет. Ладно, оставим это. Попроси у друзей. Скажи, а что отец?.. Завтра отвезешь меня в банк, и я сниму деньги.

Крестник успокоился, взгляд просветлел. Чай пили, говоря о новом священнике на приходе. Тут раздался звонок телефона. Елена Адриановна взяла трубку и ответила радостно:

— Здравствуй, дорогой! И ты меня прости! Когда операция? Помогую! А кто с тобой? Наемный? Нет? Друг давний, бескорыстный? Ну, я рада! И страховка? Я ничего, терплю. Да, жаль, что нет их у нас с тобой. Целую. Значит, жду звонок через месяц.

К нужному сроку крестник достал всю сумму. Через две недели бумаги на квартиру окончательно оформили.

— Зачем ты дала ему деньги? — тревожно спрашивала подруга. — Ведь у него нет постоянной работы! И он ненадежный.

— Я бы ему не доверял, — осторожно заметил коллега Елены Адриановны. — Парень он симпатичный, но несерьезный. Ведь за много лет даже хлеба вам по своей инициативе не купил. Не получите вы своих денег, чувствует мое сердце.

Прошло три месяца. Здоровье Елены Адриановны ухудшилось. Врачи сказали, что нужна операция. Операция предстояла точно такая, как у ее далекого друга. Больная заволновалась: нет ли в этом какого-то предопределения? Но на операцию нужны были деньги, правда, сумма, немного меньшая, чем должен ей крестник. Напоминать крестная не хотела. А откладывать было нельзя. Что делать? Волнения ухудшили общее состояние. Сердце болело, тоска навалилась, она все время думала о своем далеком друге, который не позвонил, как обещал. Что с ним? Жив ли? «Нет, не буду торопить Колю, — думала Елена Адриановна. — И операцию делать не буду. Ну, умру, так умру. Господь не оставит».

Еще через месяц позвонили и зачитали строку из зарубежного завещания: «Милая моя, после меня остаются деньги, я называл их “гробовые”. Но пусть они послужат твоей жизни. Живи сто лет и больше. До встречи на небесах».

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилийнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей Владимирович	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 09.10.2017 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1712349.

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.